В. Д. ПОЛИКАРПОВ

ПРОЛОГ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ
«ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

«С октября наша революция, отдавшая власть в руки революционного пролетариата, установившая его диктатуру, обеспечившая ему поддержку громадного большинства пролетариата и беднейшего крестьянства, с октября наша революция шла победным, триумфальным шествием. По всем концам России началась гражданская война в виде сопротивления эксплуататоров, помещиков и буржуазии, поддержанных частью империалистической буржуазии.

Началась гражданская война, и в этой гражданской войне силы противников Советской власти, силы врагов трудящихся и эксплуатируемых масс, оказались ничтожными; гражданская война была сплошным триумфом Советской власти, потому что у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось. Борьба с ними соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию...»

В.Д.ПОЛИКАРПОВ

ПРОЛОГ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в РОССИИ

ОКТЯБРЬ 1917—
ФЕВРАЛЬ 1918

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1976

Книга посвящена начальному периоду вооруженной борьбы Советского государства с контрреволюцией — с 25 октября 1917 г. по 11 февраля 1918 г. В это время главными центрами, организовывавшими гражданскую войну во всероссийском масштабе, были сначала Ставка верховного главнокомандующего, а затем калединское Войсковое правительство на Дону. Главное внимание в монографии уделено деятельности этих центров и организации их разгрома Советской властью.

Большое место занимает в книге изложение ленинской характеристики гражданской войны в этот период.

Ответственный редактор

доктор исторических наук
профессор Л. М. СПИРИН

П $\frac{10604-205}{042(02)-76}$ БЗ — 17—15—76 © Издательство «Наука», 1976 г.

ВВЕДЕНИЕ

«Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны» [1]. Этими словами В. И. Ленин охарактеризовал начальный период существования Советского государства, охватывающий время с 25 октября 1917 года до 11(24) февраля 1918 года. В течение первой же недели после вооруженного восстания в Петрограде Октябрьская революция победила и в Москве. Значение этой победы определялось тем, что «столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали, но они не всегда совпадают) в значительной степени решают политическую судьбу народа...» [2]

Свергнутые эксплуататорские классы не могли примириться с победой пролетариата. С оружием в руках они вступили в ожесточенную борьбу против Советской власти. Двинул войска на красный Петроград глава обанкротившегося Временного правительства. В самом Петрограде буржуазия организовала мятеж юнкеров. Выступила против Советской власти на Украине буржуазно-националистическая Центральная рада. Военные действия развернули собравшиеся на Дону генералы Каледин, Алексеев, Корнилов. Кровопролитные бои с белоказачьими войсками

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 79.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 6—7.

атамана Дутова пришлось вести революционным отрядам в Оренбуржье. В Белоруссии организовывала борьбу против Советов контрреволюционная Белорусская рада. Генерал Довбор-Мусницкий возглавил мятеж сформированного еще до революции польского корпуса.

Центральный Комитет партии большевиков, Совет Народных Комиссаров подняли народ на подавление контрреволюции. В течение января — февраля 1918 г. силами пролетарской Красной гвардии, революционных частей и отрядов солдат и матросов главные плацдармы контрреволюции были ликвидированы, сопротивление врагов Советской власти на внутреннем фронте сломлено.

Классовая борьба в этот период принимала не только форму военных действий. Она развертывалась и в других формах, с применением иных средств борьбы. Капитал сопротивлялся пролетарской революции не только по-военному, но и пассивными способами борьбы, среди которых особенное значение приобрел саботаж. Соответственно и пролетариат применял к нему не только военные меры подавления, но и экономические (конфискация средств производства, продовольственных и иных запасов) и судебные. Однако подавление сопротивления эксплуататоров, как бы оно ни было важно, вообще не составляло в этот период единственную задачу Советского государства. Одновременно с нею рабоче-крестьянское правительство налаживало управление народным хозяйством, создавало центральные и местные органы новой власти, проводило экономические преобразования, решало внешнеполитические задачи. Сам переход власти к Советам не везде сопровождался вооруженной борьбой, часто он совершался мирным путем.

Настоящая книга не имеет целью освещение всех многообразных видов и способов борьбы в данный период. В ней рассматривается только вооруженная борьба, т. е. проходившая одновременно с борьбой экономической, идеологической, теоретической и т. д. гражданская война. Другие же виды (или формы) классовой борьбы затрагиваются лишь в той степени, в какой это оказывается необходимым для объяснения причин, целей, последствий вооруженных столкновений, сложившегося соотношения сил сторон, того или иного хода и исхода событий на внутреннем фронте,— в основном для выяснения характера собственно гражданской войны.

Автор не берет на себя и детального описания всех сколько-нибудь заметных и важных фактов и событий вооруженной борьбы. Освещение их, каким бы оно ни было скрупулезным, явилось бы новым, лучшим или худшим, описанием боев в отдельных, разрозненных очагах, описанием, по которому трудно представить общую картину гражданской войны в стране, а только такая картина и позволяла бы уяснить важность военного подавления капитала в тех исторических условиях. В книге предпринята попытка обрисовать начальный этап гражданской войны путем освещения деятельности тех центров, которые организовывали ее и руководили борьбой в общероссийском масштабе.

Решающую роль в разгроме контрреволюции играла ленинская *политическая* стратегия. Она дала замечательные образцы выбора, прежде всего, главной задачи, на решении которой сосредоточивались усилия партии, государства, народа. Такой задачей было в тот период военное подавление сопротивления эксплуататоров. Сливаясь со стратегией военной, политическая стратегия указывала революционным массам направления главных ударов по организующим центрам российской контрреволюции: в ноябре 1917 г. такой удар направлялся на духонинскую Ставку, чем достигались высвобождение многомиллионной действующей армии из-под влияния реакционного генералитета и успех первых шагов Советского государства в борьбе за мир; в декабре — на калединско-корниловский Дон, что имело целью ликвидацию главных сил общероссийской контрреволюции.

Для руководства борьбой на внутреннем фронте Советское правительство создало при Ставке верховного главнокомандующего Революционный полевой штаб, который оставался центральным органом оперативного руководства боевыми силами революции во время ее триумфального шествия. Непосредственно на театре вооруженной борьбы с калединщиной был создан штаб Южного революционного фронта (штаб наркома по борьбе с контрреволюцией на Юге России — В. А. Антонова-Овсеенко).

В книге анализируется стратегический план советского командования, выполнение которого привело к разгрому калединщины и буржуазно-националистической контрреволюции на Украине.

С завоеванием власти пролетариатом в октябре 1917 г. буржуазия лишилась своей государственной организации, и это неизбежно должно было отразиться на управлении теми боевыми силами, которые она могла собрать для борьбы против Советской власти. При отсутствии у нее такого мощного рычага насилия, каким было империалистическое государство, роль центров контрреволюции стремились перенять остатки разгромленного революцией старого государственного аппарата. Одним из таких органов явилась в первые три послеоктябрьские недели Ставка верховного главнокомандующего в Могилеве.

В настоящем очерке внимание сосредоточено на малоизученных вопросах организации Ставкой борьбы против Советской власти — на военных и политических планах, которые разрабатывал штаб верховного главнокомандующего, остававшийся в руках врагов Советского государства, на судьбе этих планов. Речь идет, таким образом, о вырабатывавшейся Ставкой стратегии контрреволюции и безуспешных попытках приложения ее к действительности.

Был и другой общероссийский центр контрреволюции, существовавший первоначально наряду со Ставкой и пытавшийся координировать с нею свою деятельность: на Дону, под покровительством калединского Войскового правительства собралась группа военных и политических деятелей в составе генералов Алексеева, Корнилова, Каледина, лидера кадетов Милюкова и других представителей буржуазно-помещичьих верхов. Она тоже разрабатывала стратегические планы, ставившие целью сначала сплотить под своим верховенством весь Юго-Восток, включая и Украину, укрепиться на этой территории, а затем с помощью подготовленных Алексеевым и Корниловым формирований двинуться походом в центр страны и уничтожить ненавистную для них рабоче-крестьянскую власть. После взятия Ставки революционными войсками калединско-корниловский Дон стал главным и единственным военно-политическим центром контрреволюции, и его разгром знаменовал собой победоносное окончание борьбы с контрреволюцией на первом этапе существования Советского государства.

Анализ планов сторон и деятельности оперативных центров позволяет выявить общероссийский масштаб гражданской войны в рассматриваемый период. Следует иметь в виду: когда речь идет об общероссийском мас-

штабе (или всероссийском характере) борьбы той или другой стороны, то имеется в виду не степень охвата военными действиями территории страны, а значение задач, планов и действий борющихся сторон для решения политической судьбы страны,— иначе говоря, масштаб борьбы оценивается в настоящей работе в политическом, а не в географическом только смысле.

Ключом к верному освещению названных вопросов служит ленинская характеристика первых месяцев гражданской войны. Вполне понятно, что такое сложное историческое явление невозможно изучить, не выделяя его из взаимосвязанных явлений так, чтобы все заслоняющее объект изучения затрагивалось лишь в той мере, в какой это необходимо для сохранения представления о сути дела. Однако крайностью является тот случай, когда гражданская война как определенное явление истории советского общества рассматривается изолированно, в отрыве от Октябрьской революции, вне органической, преемственной связи с нею. Такая крайность получила своеобразное обоснование в виде отделения гражданской войны от Октябрьской революции некоей (воображаемой) гранью. На этой почве иногда возникает представление, будто те военные события, которые происходили на протяжении первых послеоктябрьских месяцев, означают завершение революции, упрочение Советской власти, но не имеют отношения к гражданской войне и потому, получая освещение в очерках истории Октябрьской революции, выпадают из работ по истории гражданской войны.

Ленинское теоретическое и историческое наследство убеждает в необоснованности такого представления, учит искать корни гражданской войны в событиях и политике, проводившейся борющимися классами в предоктябрьское время и в ходе революции. Краеугольным вопросом этой политики, как известно, являлся вопрос об отношении к империалистической войне. Борьба империалистов за продолжение войны и, с другой стороны, борьба пролетариата за превращение империалистической войны в гражданскую вытекала из классовых интересов и составляла важнейшую часть политической программы обоих противостоящих лагерей в революции и начавшейся после нее гражданской войне. Она определила программу корниловщины, явившейся (как контрреволюционный мятеж) репетицией гражданской войны со стороны буржуа-

зии. В более широком смысле корниловщина придала окраску целой длительной полосе в истории борьбы буржуазии за свое единовластие в форме военной диктатуры, причем эта борьба сначала имела целью предотвращение назревавшей пролетарской революции, а затем перешла в попытку свержения ленинского революционного правительства.

Гражданская война со стороны пролетариата означала продолжение политики революции, борьбу в защиту ее завоеваний; со стороны же буржуазии она была продолжением корниловщины — и по политической программе и по фактическому развитию контрреволюции. Вслед за августовской попыткой установления контрреволюционной военной диктатуры буржуазия начала готовить так называемую «вторую корниловщину». В соответствии с ее замыслом наиболее надежные, в представлении контрреволюционеров, войска перебрасывались с Юго-Западного и Румынского фронтов на север — к Петрограду и Москве. Октябрьская революция не позволила закончить эту переброску заблаговременно. Контрреволюционное командование не успело, таким образом, завершить стратегическое развертывание сил для гражданской войны и упустило из своих рук инициативу. Ставке пришлось продолжать подтягивать считавшиеся надежными войска уже в момент революционных событий и после падения старой власти, в совершенно иной, непредвиденной политической обстановке. Подобранные реакционным командованием войска неизбежно должны были явиться ядром тех сил, с которыми контрреволюция рассчитывала выступить на вооруженную борьбу против власти Советов. Однако утрата контрреволюцией стратегической инициативы и новая политическая обстановка определили особенности гражданской войны в самом ее начале и отразились на ее дальнейшем ходе. Борьба против революции, в какой бы форме она ни подготовлялась, перерастала в прямую, открытую гражданскую войну, поэтому и революция, продолжаясь, также приобретала форму гражданской войны.

Если попытаться определить историческое место рассматриваемых событий, то период триумфального шествия Советской власти окажется как бы связующим звеном между Октябрьским переворотом и «большой» гражданской войной, развернувшейся после весенней мирной

передышки 1918 г. Иначе говоря, вооруженная борьба в этот период истории Советского государства представляет собой этап гражданской войны, являясь в то же время и этапом развития революции.

Завоевание пролетариатом центральной государственной власти вносит коренное изменение в характер классовой борьбы. Она приходит, как указывал В. И. Ленин, к своей последней форме, при которой эксплуатируемые, держа в руках все средства власти, ведут борьбу за полное уничтожение эксплуататорского строя. Соответственно и гражданская война поднимается на новую ступень, приобретает новую форму, отличающую ее от всех гражданских войн, бывших в истории прежде.

В книге сделана попытка раскрыть это изменение на основе работ В. И. Ленина и путем анализа фактического хода классовой борьбы.

После того как центральная государственная власть была завоевана пролетариатом, стоявшим в авангарде всех эксплуатируемых, ожесточенность классовой борьбы продолжала в немалой степени зависеть от силы сопротивления свергнутых эксплуататорских классов. В задачи настоящей работы входит выяснение внутреннего состояния, сил и замыслов лагеря контрреволюции. В освещении деятельности и роли центров всероссийской контрреволюции уделено внимание формированию и характеристике ее руководящего ядра, возглавившего борьбу против власти Советов на первом этапе гражданской войны. Особенное значение в этом имело образование «быховской» группы сообщников Корнилова. Арестованные за участие в августовском мятеже генералы Деникин, Марков, Романовский, Лукомский были объединены не только корниловским заговором в августе (они, безусловно, разделяли его цели, поддерживали морально и не остановились бы, конечно, перед тем, чтобы поддержать его вооруженной силой), но и последовавшим за ликвидацией мятежа «быховским сидением». Благодаря Временному правительству и его главе Керенскому эти матерые контрреволюционеры получили возможность во время «заключения» в Быхове готовиться к борьбе против пролетарской революции. Там они обсуждали политическую программу контрреволюции, обдумывали способы вооруженной борьбы против восставшего народа, устанавливали связи с единомышленниками. «Быховское сиде-

ние» превратилось в своеобразный семинар для руководящей верхушки зарождавшегося «белого движения». Практическими шагами к сколачиванию этой верхушки явилось подготовленное духонинской Ставкой освобождение главарей корниловщины из-под стражи и их бегство на Дон.

Истолкование в литературе гражданской войны в целом и ее начального этапа в особенности пережило за время, прошедшее с тех пор, значительную эволюцию. Ее оценка и характеристика оказались в центре идеологической борьбы уже на политическом этапе революции, когда они вытекали из целей борющихся классовых сил; идейная борьба вокруг ее трактовки продолжалась в публицистике и исторической литературе и в последующие годы. Не без борьбы мнений протекала разработка истории гражданской войны и ее начального этапа в советской исторической литературе. В основе процесса ее осмысления в нашей литературе лежат ее ленинская характеристика, ленинский анализ событий и ленинские оценки основных фактов вооруженной борьбы. На разных этапах этого процесса литература накопила опыт истолкования истории вооруженной борьбы в целом и отдельных событий, немало конкретного исторического материала.

Первой попыткой освещения начального периода гражданской войны с марксистских позиций была изданная в 1924 г. книга С. И. Венцова и С. М. Белицкого «Красная гвардия». Главной своей задачей исследователи ставили воссоздание фактической канвы событий, что в условиях незакончившегося еще собирания документов в архивах представляло немалые трудности, которые определенным образом сказались на их работе. В следующем, 1925, году вышли «Очерки гражданской войны 1917—1920 гг.» А. И. Анишева и 1-й том труда Н. Е. Какурина «Как сражалась революция», в которых значительное внимание уделялось гражданской войне первых послеоктябрьских месяцев. Если в основе книги Венцова и Белицкого лежал оперативно-стратегический анализ событий, то Анишев центр тяжести исследования переносил на теоретическое осмысление революционного процесса и рассматривал вооруженную борьбу как специфическое отражение этого процесса. Какурин давал в своем труде сжатое изложение существа начального этапа граждан-

ской войны, сочетая специальный анализ военных событий с исследованием их социально-политической природы.

Итог первым исследованиям гражданской войны подводился трехтомным коллективным трудом «Гражданская война 1918—1921», изданным в 1928—1930 гг. под редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и Р. П. Эйдемана. Для обобщения проделанной историками работы по изучению начального периода гражданской войны наибольшее значение имели вступительная статья А. С. Бубнова в 1-м томе этого труда и специальная глава «Октябрьский период гражданской войны» в 3-м томе, в основу которой легло исследование Какурина. Самый общий результат изучения истории гражданской войны в 1924—1930 гг. состоит в том, что в основном была воссоздана ее фактическая канва и освоено ее марксистско-ленинское истолкование.

Новый шаг в изучении начального периода гражданской войны связан с выходом многотомной «Истории гражданской войны в СССР». Во 2-м томе этого издания, вышедшем в 1942 г., были три главы, посвященные крупнейшим событиям вооруженной борьбы с контрреволюцией после завоевания пролетариатом государственной власти, причем в описание их были введены свежие архивные документы и мемуарные источники. Две главы отведены для этого периода и в 3-м томе труда, изданном в 1957 г. В них освещался весь комплекс политических событий, происходивших в конце 1917 — начале 1918 г., однако теме вооруженной борьбы с контрреволюцией здесь было уделено ограниченное внимание.

50-летие Октября стимулировало дальнейшую разработку истории триумфального шествия Советской власти. В крупных коллективных трудах, вышедших в 1967 г. (3-й том «Истории Коммунистической партии Советского Союза», 7-й том «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», однотомная «История Великой Октябрьской социалистической революции», а также труды, посвященные борьбе за власть Советов в крупных географических районах страны), была расширена фактическая основа истории этого периода, углублено ее истолкование. Общим достоинством их является повышенное внимание к решающей роли народных масс, пролетариата в первую очередь, в описываемых исторических событиях, к деятельности Коммунистической партии как руководящей

силы революционных масс, более глубокое освоение ленинского наследства в этой области.

К настоящему времени итоговым исследованием триумфального шествия Советской власти и вооруженной борьбы в этот период является 3-й том труда академика И. И. Минца «История Великого Октября», вышедший в свет в 1973 г. Вводя в исследование новые документы, И. И. Минц отсеивает несостоятельные обобщения и оценки событий, отражающие пережитый этап развития исторических знаний, выявляет нерешенные проблемы, помогает разобраться, «какие стороны ленинской оценки Октября остались недостаточно освещенными и какие вопросы требуют дополнительного исследования» [3]. В этом труде каждый исследователь получил научное обобщение накопленного советской исторической наукой опыта, которое может рассматриваться как исходный рубеж для дальнейшей работы.

С точки зрения документальной базы исторического исследования за периодом триумфального шествия Советской власти в части, касающейся вооруженной борьбы, закрепилась репутация, коротко выраженная в 1925 г. в словах: «Самая «бездокументная» эпоха!» [4] В развернутом виде такая оценка этого периода была дана в 1923 г. Д. А. Фурмановым: «В октябрьские дни и в период до издания декрета о создании Красной Армии вооруженная сила Советского государства была распылена по отрядам Красной гвардии. Этот промежуток времени является наиболее трудным для освещения, так как документов и материалов почти не осталось и восстанавливать действительность тех суровых и трудных дней приходится по памяти, по воспоминаниям активных участников... Время уходит, и все больше опасность, что славная героическая эпоха борьбы красногвардейских отрядов будет бледно, недостаточно, а может быть и неверно отображена историей» [5]. Исследователи, бравшиеся за разработку истории этого периода, не раз оказывались перед трудностью, свя-

---

[3] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 3. Триумфальное шествие Советской власти. М., 1973, с. 977.

[4] Военная книга после мировой войны. Сб. 1. М., 1925, с. 13.

[5] *Фурманов Дм.* Краткий обзор литературы (непериодической) о гражданской войне (1918—1920).— «Пролетарская революция», 1923, № 5 (17), с. 322.

занной с отсутствием необходимых документов. Авторы исторического очерка «Красная гвардия», С. И. Венцов и С. М. Белицкий, признавали, что взятый ими период освещен в литературе «чрезвычайно слабо», и тут же отмечали, что «почти полное отсутствие архивов» не позволило и им «с достаточной полнотой дать исследование тех событий» [6].

С той же трудностью сталкиваются историки и в более позднее время. О чрезвычайно плохой сохранности документальных материалов штабов Красной гвардии Петрограда пишет В. И. Старцев. Он приводит весьма красноречивые факты: фонд штаба Красной гвардии Петрограда (ф. 34 216) в Центральном государственном архиве Советской Армии состоит всего из одного дела: единственным архивным делом, содержащим сведения о деятельности штаба Красной гвардии Петрограда в декабре 1917 г.— феврале 1918 г., является хранящееся в Государственном архиве Октябрьской революции Ленинградской области дело Сестрорецкого штаба Красной гвардии с входящими бумагами из Главного штаба [7].

Некоторое объяснение такому положению дал в 1928 г. заведующий Киевским истпартом В. Манилов. Отметив, что сохранившиеся местные архивы 1917 г. «донельзя малочисленны» и не располагают необходимыми сведениями, одной из причин этого он считал такую: «Моменты особенно острой и напряженной политической борьбы менее всего способствовали тому, чтобы происходившие события облекались в такие фиксированные формы, которые могли бы впоследствии явиться документальным их отражением». Развивая эту мысль, В. Манилов писал: «В лихорадочной обстановке политических кризисов, массовых выступлений, вооруженной борьбы участники ее меньше всего думали о том, чтобы в интересах будущего историка обставлять каждый свой шаг документированными записями». К этому прибавляется и другое обстоятельство: у пролетарской партии и рабочих организаций для документирования своей работы не было почти никаких возможностей, «здесь было меньше пышных

---

[6] *Венцов С., Белицкий С.* Красная гвардия. М., 1924, с. 3.

[7] См. *Старцев В. И.* Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 — апрель 1918 г.). М.— Л., 1965, с. 30—31.

фраз, позы и разговоров, а больше действенной, подлинно революционной борьбы, ни в каких документах не отражавшейся». Наконец, не последнее значение имеет происходившее в сложных перипетиях борьбы уничтожение архивов. «Бури гражданской войны, так жестоко потрепавшие Киев, бесчисленные смены властей и связанные с этим эвакуации,— свидетельствует тот же автор,— привели к тому, что бесследно погибли, в первую очередь, почти все архивные материалы 1917 года» [8]. Такой случай зафиксирован и в объяснительной записке к уцелевшим документам штаба народного комиссара по борьбе с контрреволюцией на Юге России В. А. Антонова-Овсеенко. В ней сказано: «Большая часть документов всех почти боевых операций [происходивших] до сдачи Харькова была сожжена около Змиева в то время, когда штаб был окружен гайдамацкими частями» [9].

Подобное положение было не только на Украине. Немалое количество пробелов в истории Московской Красной гвардии также объясняется утратой многих важных источников [10]. Исследователь гражданской войны в Сибири В. С. Позпанский отмечает: «Одними из причин слабой изученности начального периода гражданской войны в Сибири явилась гибель значительной части документальных материалов 1917—1918 гг. и трудности сбора сохранившихся. В условиях смертельной борьбы терпящая поражение сторона (Советы летом 1918 г., колчаковцы — с лета 1919 г.) сознательно истребляла свои архивы, в первую очередь документы политического и военного характера. Случалось, что какие-то группы документов уничтожали и красные, и белые» [11].

Усилиями советских историков и архивистов проделана большая работа по выявлению сохранившихся документов. Можно считать крупным сдвигом создание на протяжении 1957—1967 гг. научно-документальной базы исследовательской работы в виде капитальных публика-

---

[8] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928, с. XI—XII (предисловие В. Манилова).

[9] ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 174, л. 10, 22—23.

[10] См. *Дыпкин Г. А.* Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1967, с. 20—21.

[11] *Позпанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск, 1973, с. 7—10.

ций источников и справочных изданий. В числе их были и такие, которые имеют прямое отношение к периоду триумфального шествия Советской власти [12]. Правда, на некоторых из них сказалась не установившаяся еще тогда оценка важности задачи военного подавления контрреволюции. Характерен в этом отношении сборник документов и материалов «Триумфальное шествие Советской власти», которым завершается серия документальных сборников «Великая Октябрьская социалистическая революция». Как явствует из предисловий к обеим частям сборника, опубликованию документов, относящихся к вооруженной борьбе, здесь не придавалось того значения, которое соответствовало бы важности этой стороны исторического содержания данного периода. Такой подход составителей сказался на отборе документов: освещение вооруженной борьбы получилось в сборнике самым бледным по сравнению со всеми другими формами классовой борьбы. Здесь можно найти материалы, показывающие отношение масс к выступлениям контрреволюции, мобилизацию их на борьбу с антисоветскими силами, но почти нет документов, раскрывающих ход вооруженной борьбы и ее результаты. Так обстоит дело в отношении крупных событий гражданской войны в первые послеоктябрьские месяцы — калединщины, дутовщины, военных действий Украинской рады и т. д.[13] Из материалов сборника тем бо-

[12] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.). Сборник документов. М., 1957; Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г.— 16 марта 1918 г. М., 1957; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957; Триумфальное шествие Советской власти. Документы и материалы. Чч. 1 и 2. М., 1963; Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. М., 1966—1967; Московский военно-революционный комитет. Октябрь — ноябрь 1917 года. М., 1968; Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. 26 октября 1917 г.— 10 января 1918 г. М., 1962; Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 — декабрь 1918 г.). Л., 1968. Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917—1920 гг.). Киев, 1963; Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Том 2. Минск, 1957; Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1957; и др.

[13] Документы о мятеже Керенского — Краснова и его ликвидации обильно представлены в сборнике документов и материалов «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде».

лее нельзя получить представления об организации антисоветской борьбы в общероссийском масштабе. В частности, не выявляется роль духонинской Ставки как организующего центра буржуазно-помещичьей контрреволюции. Соответственно не документируются организация и ход подавления контрреволюции. Отражение той же тенденции можно заметить и в содержании других сборников документов, а также в содержании хроники событий «Борьба за установление и упрочение Советской власти».

Пробелы такого порядка в этих публикациях в некоторой мере компенсируются изданными в последние годы сборниками документов [14] и крупными справочными трудами [15].

Среди документальных источников, необходимых исследователю истории вооруженной борьбы в период триумфального шествия Советской власти, нельзя, конечно, упустить очень ценные публикации первых десятилетий после Октября, хотя они отчасти повторяются в новых сборниках. Наиболее ценными из них являются публикации «Красного архива» [16] и тематические сборники документов [17].

---

[14] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). Сборник документов. М., 1969; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Том I. Ноябрь 1917 г.— март 1919 г. М., 1971; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г.— март 1918 г. Сборник документов. М., 1973.

[15] *Аникеев В. В.* Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917—1918 годах (хроника событий). М., 1974; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Том 5. Октябрь 1917 — июль 1918. М., 1974.

[16] Временное правительство после Октября.— «Красный архив», 1924, т. 6; Октябрьский переворот и Ставка.— «Красный архив», 1925, т. 1; Вокруг Гатчины.— «Красный архив», 1925, т. 2; Протоколы заседаний ЦИК и Бюро ЦИК С.р. и с.д. 1-го созыва после Октября.— «Красный архив», 1925, т. 3; Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г.— «Красный архив», 1933, т. 6; и др.

[17] Разложение армии в 1917 году. М.— Л., 1925; Революция 1917 г. в исторических документах. Тифлис, 1930; Большевизация Петроградского гарнизона. Сборник материалов и документов. Л., 1932; Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.— Л., 1932; Документы Великой пролетарской революции. Тт. 1 и 2. М., 1938; Документы по истории граждан-

Можно согласиться с тем, что история вооруженной борьбы в первые послеоктябрьские месяцы имеет бедную документальную базу по сравнению с последующими этапами гражданской войны, как это отмечалось историками в 20-х годах. Но положение вовсе не столь безнадежно, чтобы служить непреодолимым препятствием для дальнейшего исследования ее начального этапа. Кроме выявленных и уже опубликованных документов, немало их хранится еще в архивах, и вместе с мемуарными источниками и материалами прессы того времени они позволяют восстановить более цельную картину вооруженной борьбы в период триумфального шествия революции.

Первостепенное значение среди них имеют хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС протоколы Совета Народных Комиссаров с приложенными к ним докладными записками, проектами постановлений, справками и другими документами. В них отражены главнейшие меры правительства по подавлению контрреволюции, сведения о положении в действующей армии и взаимоотношениях с различными ведомствами государственного управления. Значительный интерес представляют также документы, сосредоточенные в фонде Общества старых большевиков (ф. 124), среди которых — большое количество анкет и автобиографий видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, активных участников революционных событий.

Наиболее важным из архивных фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР СССР) является фонд 8415 — наркома по борьбе с контрреволюцией В. А. Антонова-Овсеенко. В нем собраны разнообразные документы, относящиеся к организации борьбы против калединщины и Украинской рады: подлинные распоряжения наркома, его донесения Совнаркому, телеграфная переписка с подчиненными командирами и т. д. Особую ценность представляют в этом фонде доклады Антонова-Овсеенко В. И. Ленину от 19 и 25 декабря 1917 г. и 11 января 1918 г. о ходе борьбы;

ской войны в СССР. Том 1. М., 1940; Из истории борьбы за установление Советской власти. Ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г. Сборник исторических документов и материалов. М., 1943; и др.

в них содержатся не подлежавшие тогда обнародованию сведения о численности революционных войск и соображения по стратегическому плану борьбы с южнорусской контрреволюцией, а также решения по оперативным вопросам. По этим докладам можно судить о характере информации, которую получало Советское правительство с главного тогда фронта вооруженной борьбы, и находить объяснение как действий правительства, так и оценок военного положения Республики, которые давались в выступлениях В. И. Ленина и правительственных документах.

Фонд 375 того же архива (Военно-революционный комитет при Ставке верховного главнокомандующего), сравнительно небольшой (22 единицы хранения), содержит документы о деятельности революционных органов при Ставке: ВРК, Революционного полевого штаба (РПШ), Центрального комитета действующих армий и флота (Цекодарфа). Здесь имеются различные постановления, предписания, телеграммы этих органов, записи переговоров по прямому проводу, удостоверения членов ВРК и Цекодарфа, донесения их комиссаров и начальников революционных отрядов. Ценность этих документов определяется уже тем, что они помогают раскрыть участие революционных органов при Ставке в руководстве вооруженной борьбой, характер их взаимоотношений со Ставкой, наконец, историю самих этих органов. Документы в этих фондах не систематизированы, «единицы хранения» представляют собой в большей части подшивки разрозненных документов.

Важнейшим собранием документов является также фонд 2003 (Ставка верховного главнокомандующего) в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА СССР). В нем сосредоточены документы как контрреволюционной (до 20 ноября 1917 г.), так и революционной Ставки (за все время ее существования). Помимо приказов, директив, распоряжений высшего органа управления действующей армией, огромную ценность представляют сохраненные в этом фонде телеграфные ленты переговоров высших чинов Ставки и Общеармейского комитета со штабами фронтов, прифронтовых военных округов и различными контрреволюционными деятелями по вопросам организации вооруженной борьбы против революции и Советского правительства. Докумен-

ты Ставки позволяют раскрыть ее замыслы по организации «второй корниловщины», меры борьбы против революционного движения в войсках. Документы такого порядка дополняются докладами и донесениями штабов фронтов о состоянии войск, политических настроениях солдатской массы. В этом же фонде — документы революционных органов при Ставке, в частности — журнал исходящих бумаг Революционного полевого штаба, дающий возможность судить об объеме его деятельности и о содержании несохранившихся документов. Здесь же — приказы и распоряжения верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко по вопросам борьбы с контрреволюцией на фронте. В совокупности с фондами штабов фронтов, хранящимися в ЦГВИА (Северного фронта — ф. 2031, Западного — ф. 2048, Юго-Западного — ф. 2067, Румынского — ф. 2085), фонд Ставки составляет наиболее полно сохранившуюся коллекцию документов, в которых освещается участие войск действующей армии в вооруженной борьбе первых послеоктябрьских месяцев. Опубликована пока лишь сравнительно небольшая часть документов этой коллекции.

Важные документы и разного рода материалы, запечатлевшие события начального этапа гражданской войны, имеются в Центральном государственном архиве Советской Армии (ЦГАСА). Наиболее содержательны здесь фонды Наркомвоена (ф. 1), истории боевых действий на Украине (ф. 14). Последний представляет собой часть бумаг штаба наркома по борьбе с контрреволюцией на Юге России, в подавляющем большинстве составивших упомянутый уже фонд 8415 в ЦГАОР СССР. Перечисленные фонды для разработки проблем вооруженной борьбы в период триумфального шествия революции можно считать основными, но документы, подчас очень важные, имеются и во многих других фондах, хотя, может быть, в меньшем количестве.

Большую помощь в изучении начального этапа гражданской войны оказывают мемуарные источники. Первым среди них по значению нужно назвать книгу «Октябрь в походе» В. А. Антонова-Овсеенко, представляющую собой том его «Записок о гражданской войне», посвященный борьбе Советского государства против калединщины и Украинской рады. В предисловии к книге Антонов-Овсеенко указал, что он «хотел описать лишь те моменты,

к которым лично имел определенное отношение»[18]. Для характеристики всего труда в целом и его составной части — книги «Октябрь в походе» важна самооценка, данная Антоновым в предисловии к 3-му тому: «Это именно рассказ, воспоминания, подкрепленные официальными документами, но отнюдь не историческое исследование»[19].

В книге Антонова-Овсеенко содержатся богатейшие свидетельства руководителя советских вооруженных сил в борьбе с контрреволюцией. Надежность этих свидетельств усиливается тем, что в текст введены многочисленные документы, подтверждающие и конкретизирующие показания памяти. Участники событий в своих воспоминаниях обычно затрагивают отдельные моменты и участки борьбы, которыми были ограничены их личные впечатления; Антонову же была доступна история организации и хода борьбы во всем ее масштабе, причем на всех ее стадиях он был не просто одним из многих участников, но и стоял в центре ее, получал указания непосредственно у В. И. Ленина, организовывал и направлял действия революционных масс на главном в то время фронте вооруженной борьбы — против калединщины и ее пособников в лице Украинской рады. Преимущество Антонова как автора-мемуариста перед другими оказалось еще и в том, что для него описываемый период не был «бездокументной эпохой» — он располагал документами штаба Южного революционного фронта, которые тогда еще оставались в его распоряжении и не были доступны ни историкам, ни каким-либо другим авторам. Записки Антонова-Овсеенко были оценены научной печатью как исключительно ценный источник. Журнал «Пролетарская революция» особо останавливался на характеристике исторического периода, освещаемого в записках Антонова: «Конец 17 и начало 18 года, период непосредственного закрепления Октябрьской победы — это совершенно исключительная историческая полоса, когда напряжение революционной энергии достигло высших пределов, когда ставилось все на карту, и тот или иной оборот событий

---

[18] *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. Том I. М., 1924, с. 7.

[19] *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. Том 3. М., 1932, с. 5.

мог на долгие годы отбросить вспять восставшую и победившую Советскую страну... Были годы 19 и 20, тяжелые, суровые годы испытаний, но уже здесь была Красная регулярная армия, здесь на всех высотах дежурили зорко пролетарские батальоны, искушенные борьбой, закаленные опытом предшествующей двухлетней битвы. Период конца 17 — начала 18 годов, описываемый Антоновым, как раз и не имеет этих элементов опыта, практики,— он весь в начинаниях, попытках, нащупывании верных путей» [20].

Значение источника первостепенной важности записки Антонова сохраняют и поныне. Не только более содержательных, но и хотя бы близких к ним мемуаров, которые охватывали бы тот же круг событий, после них не появилось. И даже с учетом вышедших за последние десятилетия документальных публикаций эта книга не утратила своей ценности. Без нее не обходится ни один историк, изучающий триумфальное шествие Советской власти.

По достоинствам близко к запискам В. А. Антонова-Овсеенко стоит работа Н. В. Крыленко «Смерть старой армии», рукопись которой хранится в ЦГАСА [21]. Работа написана в конце 1918 — начале 1919 г., но до сих пор опубликована лишь часть ее, по копии, не свободной от искажений авторского текста [22]. Крыленко раскрывает происходивший в старой армии в послеоктябрьский период революционный процесс. В отличие от Антонова-Овсеенко он описывает этот процесс без помощи документов, исключительно по своим личным впечатлениям как наркома по военным делам и верховного главнокомандующего. В центре его внимания — борьба за мир, которая расколола армию на два враждебных, непримиримых лагеря. Работа Крыленко позволяет внести поправки в освещение некоторых событий начального этапа гражданской войны, в частности в описание взятия Ставки революционными войсками, в характеристику деятельности революционных органов при Ставке и т. д. Главное же достоинство этой работы состоит не в ее фактическом ма-

---

[20] «Пролетарская революция», 1924, № 12 (35), с. 316—317.
[21] ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 267, л. 29—30; д. 105, л. 7—48; оп. 2, д. 106, л. 1—3.
[22] «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, 12.

териале (по этой части в ней немало неточностей), а в принципиальной оценке происходивших событий. Эта оценка знакомит нас со взглядами на многие события того времени ленинского руководящего ядра партии, к которому принадлежал Крыленко, позволяет лучше понять мотивы, какими руководствовалось это ядро в своей деятельности.

К числу наиболее важных мемуарных источников следует отнести и неопубликованные записки Р. И. Берзина, хранящиеся в ЦГАСА [23]. Берзин участвовал в работе военно-революционных комитетов на фронте, командовал сводным отрядом при взятии Ставки, являлся членом ВРК при Ставке и в последующем командовал революционными отрядами, наконец, 2-й революционной армией при взятии Киева. Его записки так же, как работа Крыленко, написаны по свежей памяти (датированы 31 мая 1919 г.) и содержат массу документов, из которых не все дошли до нас в подлинниках. Судя по заголовку записок, автор предполагал охватить в них период с октября 1917 г. по апрель 1918 г., однако записки доведены до 16 декабря 1917 г. Часть этих записок (по 28 ноября 1917 г.) опубликована журналом «История СССР» [24] в изложении О. А. Блюмфельд; допущенные неточности подрывают практическое значение публикации и вынуждают предпочесть ей подлинник, подписанный Берзиным. Его рукопись в некоторой мере дополняется другими его записками, опубликованными под названием «Этапы в строительстве Красной Армии» [25]. Записки Берзина отличаются от работ Антонова-Овсеенко и Крыленко иным масштабом описываемых событий, отсутствием свойственных этим двум авторам обобщений, зато лучше передают конкретные детали деятельности революционных органов.

Ограниченную ценность в части, относящейся к данной проблеме, имеют воспоминания начальника штаба верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича (20 ноября 1917—20 февраля 1918 г.) и начальника Революционного полевого штаба при Ставке М. К. Тер-Ару-

---

[23] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155.

[24] «История СССР», 1966, № 2, с. 132—141.

[25] «Революционный фронт» (Харьков), 1920, № 2, 5, 6. С некоторыми сокращениями перепечатано в сборнике «Этапы большого пути» (М., 1963, с. 101—135).

тюпянца, написанные по прошествии нескольких десятилетий и опубликованные в 50-х годах [26]. По запискам Бонч-Бруевича можно в некоторой мере судить о взаимоотношениях штаба главковерха и РПШ; Тер-Арутюнянц сообщает об инициативе В. И. Ленина в создании Революционного полевого штаба и о выработке плана занятия Ставки революционными войсками. Однако в этих произведениях налицо смещение событий во времени, неточности в передаче фактов. Сопоставление их с сохранившимися документами позволяет исправить ошибки памяти авторов.

Разнообразные источники опубликованы на страницах периодических органов печати, современных событиям. Среди них особенно важное место занимают газеты, издававшиеся центральными и местными Советами, военно-революционными комитетами, большевистскими организациями. Информируя своих читателей о происходивших событиях, о деятельности Советского правительства, газеты «Правда», «Социал-демократ», «Известия ЦИК и Петроградского Совета» помещали не только важные официальные документы, резолюции, декреты, но и множество телеграмм с мест, полученных в центральных органах власти. Специальные отделы газет были посвящены событиям гражданской войны. В них публиковались важные документальные материалы, разоблачавшие монархистский характер помещичье-буржуазной контрреволюции (письмо Пуришкевича Каледину), помощь корниловцам со стороны банковских тузов, деятельность кадетского политического штаба контрреволюции (письмо Алексеева Милюкову), поддержку российской реакции иностранным империализмом («эпопея» Колпашникова — Френсиса). Имеют значение важного источника, позволяющего судить об оценке военного и политического положения, редакционные материалы, печатавшиеся в газетах — органах ЦК РСДРП(б), Совнаркома, ВЦИК, Народного комиссариата по военным и морским делам.

---

[26] *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1957 и 1964; *Тер-Арутюнянц М. К.* В. И. Ленин — военный руководитель в период становления Советской власти.— О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. Сборник. М., 1963, с. 316—324; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 3. Сборник. М., 1969, с. 26—35.

Корреспонденции с мест, а также материалы местных газет содержат ценные, порой уникальные, сведения по истории отдельных важных событий, происходивших вдали от столиц, но имевших всероссийское значение. Интересные документы публиковались в газете «Революционная Ставка», издававшейся ВРК, а затем Цекодарфом с 26 ноября 1917 г. по март 1918 г. Подлинники многих из них либо вообще утрачены, либо не разысканы. Но и сама газета является библиографической редкостью. Разрозненные номера «Революционной Ставки» имеются в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в библиотеках Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Музея Революции СССР, в Партийном архиве Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде, в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве, в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР.

При наличии выработанных советским источниковедением методов критического анализа источников оказывается возможным извлекать ценные сведения и из мелкобуржуазной и даже крайне правой, реакционной печати. Разоблачению антинародной политики свергнутых эксплуататорских классов, выявлению их целей в борьбе против Советской власти неплохо могут служить материалы «Речи», «Русских ведомостей», «Русского слова», «Утра России», «Вольного Дона» и прочих контрреволюционных газет. В октябре — ноябре 1917 г. Ставка вместе с Общеармейским комитетом издавала «Бюллетень», в котором публиковались различные военные известия, распоряжения духонинской Ставки и других контрреволюционных органов. Двенадцать номеров этого бюллетеня опубликовал Г. Лелевич в приложении к своей книге «Октябрь в Ставке». Это приложение стало уникальным источником, позволяющим вскрыть деятельность контрреволюционной Ставки. Историки пользуются им благодаря предусмотрительности Лелевича. Нельзя не пожалеть, что в свое время советским хранилищам не удалось собрать многих изданий той стороны.

О том, какое значение придавал ознакомлению с этими изданиями В. И. Ленин, говорит его записка заместителю наркома просвещения М. Н. Покровскому от 15 ян-

варя 1920 г. Ленин просил сделать распоряжение, чтобы государственные библиотеки «немедленно начали собирать и хранить *все белогвардейские* газеты (русские и заграничные)» и чтобы «все *военные* и гражданские власти собирали и сдавали эти газеты в государственные библиотеки» [27]. Покровский на следующий день доложил Ленину, что библиотеки принимали меры в этом направлении, но встретились с трудностями, так как большая часть такой литературы находится в учреждениях, не подведомственных Наркомпросу. Он представил Ленину проект постановления, которым правительство обязывало Наркоминдел, ВЧК и Наркомвоен и все подведомственные им органы «направлять имеющуюся у них белогвардейскую литературу русскую и заграничную, по использовании ее для их специальных целей... *для хранения и общественного пользования в государственных библиотеках*». 17 января 1920 г. такое постановление было принято Совнаркомом [28].

Еще пятьдесят лет назад, вскоре по окончании гражданской войны перед советскими историками вставала задача, о которой С. А. Пионтковский писал: «Необходимо издать документы и изучить историю белогвардейского движения, вскрыть и изобличить всю ту ложь, которую пишут про себя сами участники этого движения» [29]. Изучение враждебного лагеря, считал Д. А. Фурманов, должно показать действительное лицо врага, показать, что «Красная Армия имела перед собою не случайный сброд и не военный кисель, а организованного, стойкого, сильного, часто отважного и решительного, прекрасно обеспеченного врага, имеющего богатейший заморский тыл. Потому она и геройская, Красная Армия, что даже такого врага, а повалила, придушила, сбросила» [30].

За время, прошедшее с тех пор, как это говорилось, уже немало сделано для решения такой задачи. Многие документы, исходившие из антисоветского стана, опубликованы «Красным архивом», «Историческим архивом» и

---

[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 118.
[28] Декреты Советской власти. Т. VII. М., 1974, с. 110—112.
[29] *Пионтковский С.* К вопросу об изучении материалов по истории Октябрьской революции.— «Пролетарская революция», 1926, № 2, с. 239.
[30] Предисловие Д. Фурманова в книге: *Слащев Я.* Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. М.— Л., 1923, с. 14.

другими изданиями. Появилось много мемуарных источников. Значительная доля их имеет прямое отношение к истории начального этапа гражданской войны. Использование их увеличивает возможности для оценки противника Красной гвардии, для изучения степени его сопротивления пролетарской революции. Д. Фурманов в свое время показал, с каким эффектом могут быть использованы историком заведомо тенденциозные писания белогвардейцев. «Книжка Романа Гуля («Ледяной поход», издана в Берлине и переиздана Госиздатом.— *В. П.*), одного из активных корниловцев,— писал Фурманов,— ценна постольку, поскольку обнажает перед нами зверства белых, расстреливающих направо и налево, издевающихся над своими пленниками, пьянствующих и в диком исступлении творящих зверские насилия» [31]. Воспоминания Л. В. Половцева, изданные в Праге, и генерала Денисова, вышедшие в Константинополе, дают конкретные сведения о социальном составе белых армий [32]. Такое же значение имеют мемуары А. И. Деникина «Очерки русской смуты», П. Н. Краснова «На внутреннем фронте» и многие другие белоэмигрантские издания. Вряд ли кого может удивить, что все эти издания пышут злобой по отношению к советскому строю, в них много клеветы, сознательного искажения истины в целях самооправдания за понесенные поражения и дискредитации победившей стороны. Однако они содержат и большой элемент саморазоблачения. Сопоставление их с другими источниками позволяет отсеять тенденциозную ложь этих мемуаристов и извлечь из них бесспорные данные.

Бесспорные данные о состоянии лагеря контрреволюции нужны, однако, не только в тех целях, на которые обращали внимание Пионтковский и Фурманов. Они в еще большей степени необходимы для того, чтобы с наибольшей точностью судить о соотношении борющихся сил. Соотношение сил, учет соотношения сил — в этом Ленин видел «гвоздь марксизма и марксистской тактики» [33]. Решительно на всех этапах революции и гражданской войны Ленин мастерски пользовался этим ключом, постоянно заботился о том, чтобы соотношение сил было учтено

---

[31] «Пролетарская революция», 1923, № 5, с. 330.
[32] Там же, с. 331.
[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 288.

не только в узковоенном смысле, хотя эта сторона дела сама по себе привлекала его пристальное внимание, но и в более широком плане, именно, чтобы учитывалось соотношение сил классов и партий, и не только внутри страны, но и в международном масштабе. Изменение объективного положения, неизбежно отражающееся на соотношении классовых сил, влечет за собой и смену форм, способов борьбы, определяет победы и поражения. Эта цепь зависимых одно от другого изменений создает качественное отличие одного этапа борьбы от другого. Так обстоит дело в практике борьбы, в реальном ходе гражданской войны, и выяснение этой цепи обстоятельств приобретает решающее значение при изучении истории гражданской войны, ее закономерностей. Вполне понятно, что без привлечения данных, исходящих из стана противника, представление о состоянии его сил бывает слишком абстрактным или не совсем точным.

Ленин дал в своих сочинениях и образцы использования источников враждебного лагеря. Основную задачу книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» он формулировал в 1920 г. так: «показать по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных ученых всех стран, какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства... накануне первой всемирной империалистской войны» [34]. Особенность этих сводных данных из буржуазных источников Ленин видел в том, что они «не могут быть опровергнуты» [35]. В марте 1914 г. в материалах левонароднических газет Ленин нашел признания нескольких народников в том, что их взгляд на один из важных вопросов рабочего движения совпадает со взглядами ликвидаторов. «Мы всегда это утверждали,— отозвался Ленин на эти признания.— Но особенно приятно выслушать признание из уст противников» [36].

Источники противной стороны важны не только для выявления внутреннего состояния вражеского лагеря. В статье трудовика С. Елпатьевского (а вернее радикального буржуа или буржуазного демократа, по оценке Ленина), напечатанной в «Русском богатстве», Ленин усмот-

---

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 303.
[35] Там же, с. 304.
[36] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 355.

рел обывательское представление о политическом положении в России, но он извлек из этой статьи и признание организованности рабочих и их влияния на крестьянство. Цитируя Елпатьевского, Ленин подчеркивал: «Это пишет человек, который никогда не принадлежал к марксистам и всегда стоял в стороне от «организованных рабочих». И эта оценка дела *со стороны* тем ценнее для сознательных рабочих» [37]. Этот факт послужил Ленину материалом для принципиального вывода: «Полезно бывает иногда взглянуть, как *со стороны* люди судят о нас... Поучительны взгляды и прямых врагов, и прикрытых врагов, и неопределенных, и неопределенно-«сочувствующих» людей, если это сколько-нибудь толковые, знающие и чуточку смыслящие в политике люди» [38]. В развитие этого вывода можно напомнить важнейшее наблюдение Ленина, запечатленное в его работе «Удержат ли большевики государственную власть?» Приведя суждения трудовика-полукадета А. В. Пешехонова из его речи в Демократическом совещании, в которой тот вынужден был признать справедливость большевизма и соответствие требований большевиков интересам и требованиям большинства населения, Ленин заявил: «Вот в чем наша сила. Вот почему наше правительство будет непобедимо: потому, что даже противники вынуждены признать, что большевистская программа есть программа «трудовых масс» и «угнетенных национальностей»» [39].

Этими примерами нисколько не исчерпывается разнообразие оценок, данных Лениным буржуазным и всяким иным контрреволюционным источникам. Но уже эти примеры приводят к заключению, что при всей тенденциозности такие источники могут содержать неопровержимые фактические данные, признанные самими представителями противной стороны; они могут, кроме того, характеризовать моральное состояние, духовный облик эксплуататорских классов; они дают, наконец, возможность оценить то впечатление, какое производят революционные силы на представителей враждебных и промежуточных слоев, а значит их воздействие на эти слои и поведение последних в решающие моменты политической борьбы.

---

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 11.
[38] Там же, с. 9.
[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 331—332.

Высказанные здесь соображения о необходимости критического анализа источников такого рода не покажутся излишними, если иметь в виду, что одна из важных задач историка — выявление сил, состояния, замыслов и возможностей лагеря контрреволюции как необходимое условие установления действительного соотношения сил в классовой борьбе.

Общий обзор источников, использованных в данной работе, позволяет разделить их на две основные группы. Первую составляют работы В. И. Ленина, документы Коммунистической партии и Советского правительства, определяющие методологическую основу освещения темы. Ко второй группе относятся все остальные источники, дающие конкретно-исторический материал для изучения реального хода борьбы в начальный период гражданской войны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ВЫНУЖДАЕТ К ВОЕННЫМ МЕРАМ БОРЬБЫ

«...Приобрела преимущество гражданская война»

В сентябре 1917 г. в статье «Русская революция и гражданская война» В. И. Ленин дал определение гражданской войны как наиболее острой формы классовой борьбы, когда ряд экономических и политических столкновений и битв, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса. Это определение В. И. Ленин сформулировал на основании, как он сам указывал, пережитого к тому времени полугодового опыта русской революции и «в полнейшем соответствии с опытом всех европейских революций, начиная с конца XVIII века...»[1] Конкретизируя это определение применительно к истории новейшего общества, Ленин отмечал, что в сколько-нибудь свободных и передовых странах гражданская война чаще всего, даже почти исключительно, наблюдается между буржуазией и пролетариатом, противоположность между которыми создается и углубляется всем экономическим развитием капитализма.

В политической обстановке, сложившейся в сентябре 1917 г., Ленин считал исторически неизбежной в России гражданскую войну «в ее более высокой и более решительной форме», чем революционные взрывы 20—21 апреля и 3—4 июля, которые подходили вплотную к началу гражданской войны со стороны пролетариата; результатом

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 215.

ее должно было стать завоевание пролетариатом власти [2]. Октябрьская революция и явилась такой гражданской войной «в ее более высокой и более решительной форме».

Ленинское определение, сформулированное в сентябре 1917 г., применяется в нашей литературе и по отношению к гражданской войне в России, развернувшейся уже после победы Октябрьской революции. Оно, конечно, применимо к ней как общее для всех гражданских войн, но нуждается в дополнении, учитывающем коренное изменение в форме классовой борьбы, происшедшее вследствие перехода власти в руки пролетариата. В январе 1918 г. В. И. Ленин так характеризовал это изменение: «Классовая борьба... пришла к своей последней форме, когда класс эксплуатируемых берет в свои руки все средства власти, чтобы окончательно уничтожить своего классового врага...» [3] Ленин и позднее напоминал об этом видоизменении классовой борьбы и выводил отсюда уроки для международного революционного движения, важные с точки зрения борьбы против оппортунизма. В июне 1921 г. в «Тезисах доклада о тактике РКП» на III конгрессе Коммунистического Интернационала он писал: «Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в новой форме и новыми орудиями» [4]. Суть же новой формы он разъяснял еще в январе 1918 г. (на III Всероссийском съезде Советов) и в работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (декабрь 1919 г.). Он писал, что не все социалисты умеют применять теорию марксизма к эпохе диктатуры пролетариата. «Не хотят понять,— писал Ленин,— что завоевавший государственную власть пролетариат не прекращает этим свою классовую борьбу, а продолжает ее в иной форме, иными средствами. Диктатура пролетариата есть классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть...» [5]

В сентябре — октябре 1919 г. В. И. Ленин сделал черновые наброски и план брошюры о диктатуре пролетариата. Написать брошюру ему в то время не удалось, но

---

[2] См. там же, с. 225.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 266—267.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 10.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 18.

среди подготовительных материалов к ней сохранились сформулированные Лениным теоретические положения о классовой борьбе и, в частности, о гражданской войне при диктатуре пролетариата. Определяя диктатуру пролетариата как продолжение классовой борьбы в новой форме [6], он указывал на «две основные задачи (и, соответственно, две новые формы) классовой борьбы при диктатуре пролетариата». Это, во-первых, «подавление сопротивления эксплуататоров (и всякого рецидива, возврата к капитализму и к капиталистическим традициям)». Во-вторых, это — «систематическое руководящее *воздействие*... на *всех* трудящихся кроме пролетариев»; поясняя вторую задачу классовой борьбы, он отмечал, что она — тоже «борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление» [7]. Возвращаясь к характеристике этих двух основных линий (или, как иначе называл их Ленин, форм или типов) классовой борьбы при диктатуре пролетариата, он указывал, что подавление эксплуататоров — это «война более беспощадная, чем иные [войны]». Говоря о второй форме (нейтрализация средних элементов, мелкой буржуазии, крестьянства), он писал: «Нейтрализация складывается из убеждения, примера, обучения опытом, пресечения уклонений насилием и т. п.» Но кроме этих двух основных Ленин называл еще две линии (или формы) классовой борьбы: «подчинение себе враждебного для позитивной работы («спецы»)»; «воспитание новой дисциплины» [8].

В другом наброске той же брошюры Ленин детализировал первую из основных форм классовой борьбы пролетариата при его диктатуре — подавление сопротивления эксплуататоров, сделав предварительно замечание: «Об этом, как задаче (и содержании) *эпохи*, вовсе забывают оппортунисты и «социалисты»». А между тем, подчеркивает Ленин, сопротивление эксплуататоров «начинается *до* их свержения и *обостряется* после с *2-х* сторон», отсюда вытекает «особая (высшая) ожесточенность классовой борьбы». Она обостряется настолько, что с обеих сторон не может уже быть иной, чем «борьба

---

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 455.
[7] Там же, с. 454—455.
[8] Там же, с. 456.

до конца». Ленин отмечает новые формы сопротивления эксплуататоров, соответствующие капитализму и его высшей стадии: заговоры, саботаж, воздействие на мелкую буржуазию и т. д., но особо выделяет такую форму сопротивления, какой является гражданская война. Выводя ее из общего ряда форм сопротивления эксплуататоров, он соответственно и военное подавление такого сопротивления выделяет в самостоятельную, одну из пяти новых и, по его оценке, главнейших задач пролетариата в классовой борьбе при его диктатуре [9].

Вопрос о новых задачах и формах борьбы пролетариата был затронут Лениным и в его работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», написанной 30 октября 1919 г. Перечисляя те задачи, которые встали перед пролетариатом, когда он стал господствующим классом, называя в их числе и подавление эксплуататоров, Ленин указывал: «Все это — *особые* задачи классовой борьбы, задачи, которых раньше пролетариат не ставил и не мог ставить» [10].

Говоря о гражданской войне после завоевания власти пролетариатом, Ленин учитывал ее особенности, вытекавшие из свойственных капитализму на его высшей стадии международных связей [11]. Это было напоминание того положения, которое вошло, по предложению Ленина, в Программу партии: «Растущий натиск со стороны пролетариата и особенно его победы в отдельных странах усиливают сопротивление эксплуататоров и вызывают с их стороны создание новых форм международного объединения капиталистов (Лига наций и т. п.)». Организуя в мировом масштабе систематическую эксплуатацию всех народов земли, капиталисты «ближайшие свои усилия направляют на непосредственное подавление революционных движений пролетариата всех стран». «Все это с неизбежностью приводит,— говорилось в Программе партии,— к сочетанию гражданской войны внутри отдельных государств с революционными войнами как обороняющихся пролетарских стран, так и угнетаемых народов против ига империалистских держав» [12]. Ленин определял но-

[9] См. там же, с. 262.
[10] Там же, с. 280.
[11] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 262.
[12] Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959, с. 393.

вое явление как процесс развития международной гражданской войны [13]. Характеризуя новую форму классовой борьбы, он говорил в 1921 г., что в истории, начиная с первых времен рабовладения, не раз бывали войны крестьян с помещиками, «но войны государственной власти против буржуазии своей страны и против соединенной буржуазии всех стран — такой войны не бывало никогда» [14].

Ленин указывал, что наша гражданская война была продолжением политики Октябрьской революции. Революция решила вопрос о практическом превращении империалистической войны в гражданскую. Советская Россия явилась первой страной, которая вышла таким путем из мировой империалистической войны, разорвав прежние связи с Антантой, и подала народам обоих империалистических лагерей пример революционного выхода из войны. Уже это определяло международное значение русской революции и придавало последовавшей за нею гражданской войне также международный характер. «Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран» [15],— писал В. И. Ленин в марте 1918 г. Наша революция и гражданская война неизбежно должны были приобрести международный характер в силу также интернациональных связей буржуазии всех стран, в силу того, что российская буржуазия представляла собой одно из звеньев международного союза империалистов, так что удар по ней передавался по всей цепи мирового империализма. Империалисты всего мира потому и ополчились на республику Советов, и гражданская война в России также неизбежно вылилась, по определению Ленина, в войну против всемирного капитала [16].

Однако в первое время существования Советской России события приняли иной ход. Пролетариату пришлось вести революционную войну не сразу против всех буржуазных государств, а прежде против отечественной, внутренней контрреволюции. Это объясняется своеобразием международной обстановки, сложившейся к моменту Октябрьской революции. Ленин указывал, что счастливо

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 113—114.
[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 184.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 79.
[16] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 243.

сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла Советскую республику от внешнего врага: вся величайшая социально-политическая и военная сила мирового империализма оказалась разделенной междоусобной войной на две группы, которые не могли ни объединиться против русской революции, ни выделить сколько-нибудь серьезную силу против нее[17]. Кроме того, на первых порах империалисты не считались с большевизмом как с мировой силой. Им казалось, что это только взрыв недовольства утомленных войной русских солдат, и достаточно закончиться войне, как пройдет недовольство, и всякие шаги пролетариата к государственному творчеству и к социалистическим преобразованиям будут подавлены[18]. Империалисты Антанты не нашли тогда возможности отвлечь хотя бы часть имевшихся у них сил от своих насущных дел для наведения «порядка» в России, ничем серьезным, как представлялось им поначалу, не угрожавшей им.

Но если на какое-то время Советская республика оказалась в известной мере застрахованной от нападения империалистических хищников извне, то не так обстояло дело внутри страны: здесь свергнутые эксплуататорские классы болезненно ощутили, что революция задела самую глубокую, экономическую, основу их существования, и для них ничего не было важнее, чем удержать в своих руках собственность и господство. Уже опыт первых недель после Октябрьского переворота показал, что они ни в коем случае не примирятся с новым строем, и только вооруженная борьба решит коренной вопрос: кому будет принадлежать власть в стране.

Пролетариат, овладев властью, начал с попытки перейти к новым общественным отношениям по возможности постепенно, без крутой ломки существовавших тогда отношений. Буржуазия же ответила на это стратегией, суть которой Ленин формулировал следующим образом: «Сначала мы поборемся из-за коренного вопроса, есть ли вы вообще государственная власть или вам это только кажется, а этот вопрос решится, конечно, уже не декретами, а войной, насилием, и это, вероятно, будет война не только нас, капиталистов, изгнанных из России, а всех

[17] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 8—9.
[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 114—115.

тех, которые в капиталистическом строе заинтересованы. И если окажется, что остальной мир заинтересован достаточно, то нас, русских капиталистов, поддержит международная буржуазия». Ленин считал, что с точки зрения отстаивания своих интересов буржуазия поступала правильно: «Она не могла, имея хоть каплю надежды на решение коренного вопроса самым сильно действующим средством — войной,— она и не могла, да и не должна была согласиться на те частичные уступки, которые ей давала Советская власть в интересах более постепенного перехода к новому порядку» [19]. Не без оснований уповая на общность интересов российского и международного капитала, буржуазия и помещики выступили с оружием в руках против Советской власти. Западные империалисты, правда, не смогли поддержать их сразу военными силами, но позже они получили и такую поддержку.

Борьба с внутренней контрреволюцией в первые месяцы существования Советской власти вылилась в триумф пролетариата. «Ведя широкую борьбу с отечественной контрреволюцией по всем фронтам,— говорил В. И. Ленин на заседании Московского Совета 23 апреля 1918 г.,— мы воспользовались заминкой международной буржуазии и нанесли вовремя мощный удар по телу раздавленной ныне контрреволюции. Можно с уверенностью сказать, что гражданская война в основном закончена... на внутреннем фронте реакция бесповоротно убита усилиями восставшего народа» [20].

Лаконично обобщенное определение периода триумфального шествия Советской власти Ленин дал в работе «Главная задача наших дней» (11 марта 1918 г.). Характеризуя успехи Советской власти внутри страны и на международной арене, Ленин прежде всего указывал на ту победу, без которой они были бы невозможны: «Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне» [21].

В само название этого периода Ленин вложил оценку динамики именно вооруженной борьбы. «Войска, уходящие с фронта,— говорил он на VII Экстренном съезде партии,— приносили оттуда всюду, куда только они явля-

---

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 203.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 233—234.
[21] Там же, с. 79.

лись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков оказались лишенными всякой опоры в населении. Война с ними постепенно... превратилась в победное триумфальное шествие революции. Это мы видели в Питере, на Гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались, это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей России вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью...» Это против калединцев мы шли «триумфальным шествием с развернутыми знаменами». Именно в гражданской войне (в Питере, Гатчине, Москве, Оренбурге, на Украине) мы шли «от триумфа к триумфу»; Ленин называет время этих побед неделями и месяцами «величайшего триумфа после Октября», блестящим триумфальным шествием в Европейской России, говорит, что «гражданская война была сплошным триумфом Советской власти».

Совсем иначе обстояло дело с другими задачами. Их решение «никоим образом не могло быть тем триумфальным шествием, каким шла в первые месяцы наша революция». Это прежде всего «задачи внутренней организации». Раскрывая их содержание (учет, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единый хозяйственный организм), Ленин говорил, что они никоим образом не допускали решения «на ура», подобно тому как нам удавалось решить задачи гражданской войны [22].

Огромные трудности встали перед Советской республикой и в международном вопросе. «От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, против врагов Советской власти,— говорил В. И. Ленин на VII Экстренном съезде партии,— нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам» [23]. Социалистическая республика, находясь в окружении империалистических хищников, могла быть поддержана революционным движением в других странах. Но оно к

[22] См. там же, с. 5—9, 95.
[23] Там же, с. 10.

тому времени еще не было готово для оказания активной помощи, а разлагающаяся старая армия представляла собой больной организм, не способный защитить страну от внешнего нападения. Поэтому в борьбе с иностранным империализмом республику ожидал на том этапе не триумф, а поражение, вследствие чего Советскому государству пришлось принять условия тяжелого, грабительского мира с Германией.

Таким образом, решение не организационной задачи и не международного вопроса, а именно задачи военного подавления буржуазии определило собой характеристику первых месяцев после Октябрьской революции как периода триумфального шествия Советской власти. Это закономерно, ибо задача военного подавления буржуазии стояла в то время на первом плане по отношению ко всем другим задачам, которые решали Коммунистическая партия и Советское правительство. Одним из фундаментальных выводов, доказанных Лениным в труде «Очередные задачи Советской власти», является положение, что с конца октября 1917 г. перед партией «на первое место стала задача завоевывать Россию. С конца октября 1917 года и приблизительно до февраля 1918 года эта боевая или военная задача стояла на первом плане...» [24] Говоря о том, что партия подошла вплотную к задаче управления, как главной, Ленин разъяснял в названной работе, что «эта задача ставилась и решалась нами на другой же день после 25 октября 1917 года, но до сих пор, пока сопротивление эксплуататоров принимало еще форму открытой гражданской войны, до сих пор задача управления *не могла* стать *главной, центральной*» [25]. Задача подавления этого сопротивления, писал он, решена в главном в период с 25 октября 1917 г. до ликвидации контрреволюции на Дону — «до сдачи Богаевского» [26]. «...Все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том,— писал Ленин в апреле 1918 г.— чтобы понять *особенности перехода* от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче *управления*» [27].

---

[24] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 127—128.
[25] Там же, с. 172.
[26] Там же.
[27] Там же, с. 172—173. В работе «Очередные задачи Советской власти» и первоначальном варианте ее Ленин устанавливал важ

Несмотря на всю важность боевой, или военной, задачи, успешное решение которой определило и название периода в целом, ею, разумеется, не исчерпывалось содержание периода триумфального шествия Советской власти. В ноябре 1921 г. Ленин писал, что мы с головокружительной быстротой, «*в несколько недель*, с 25 октября 1917 г. до Брестского мира, построили советское государство, вышли революционным путем из империалистической войны, доделали буржуазно-демократическую революцию...» [28] Нечего и говорить, сколь грандиозна была каждая из этих задач и как неизмеримо велики были последствия их решения.

С точки зрения политического воспитания масс и участия их в строительстве нового общества Ленин в апреле 1918 г. расценивал минувший период как второй великий этап революции. Если на первом, дооктябрьском этапе трудящиеся массы сумели объединить усилия для свержения эксплуататоров,— то на втором этапе, после 25 октября 1917 г., общественные «низы», пробужденные и поднятые большевиками к историческому творчеству, получили полную свободу свергать эксплуататоров и устраиваться по-своему. Как характерные в этом отношении черты данного этапа Ленин выделял митингование «наиболее угнетенной и забитой, наименее подготовленной массы трудящихся, переход ее на сторону большевиков, проведение ею везде и повсюду своей советской организации». Этот этап был необходим для последующего перехода к установлению социалистических порядков. Подчеркивая важность и необходимость его, Ленин писал: «Нужна была именно октябрьская победа трудящихся над эксплуататорами, нужна была целая историческая полоса первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач, чтобы стал возможным прочный переход к высшим формам трудовой дисципли-

---

ную закономерность в деятельности партии: задача *убеждения народа* стояла перед партией в качестве главной до завоевания власти, после чего на первый план выдвинулась *задача военного подавления эксплуататоров*; когда и эта задача была в основном решена, вместо нее встала в качестве главной задачи *организация управления Россией*. Однако и на двух последних этапах задача убеждения не отпала совершенно, хотя в новых условиях главное место заняли другие задачи.

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 228.

ны, к сознательному усвоению идеи необходимости диктатуры пролетариата...» [29]

Но и стоявшая тогда на первом плане задача подавления сопротивления эксплуататоров не сводилась к одному лишь военному подавлению. Даже такое, казалось бы, заимствованное из военного лексикона понятие, как «красногвардейская атака на капитал», включает подавление сопротивления капитала не только военными средствами и не только военного сопротивления. Оно охватывает наступление на все позиции капитала, в том числе экономические. В арсенале контрреволюции были и пассивные формы сопротивления, из которых особенное значение приобрел в тех условиях саботаж буржуазной интеллигенции, направленный на срыв мероприятий Советской власти в народном хозяйстве и в различных учреждениях, обслуживающих народные нужды. Успех красногвардейской атаки на капитал Ленин и видел в том, что «мы победили и военное сопротивление капитала и саботажническое сопротивление капитала» [30]. И все же подобно тому, как в названии периода отразилось первенствующее значение побед в гражданской войне, так и в формулировке понятия общего наступления против капитала в первые месяцы Советской власти закрепилось образное определение военной формы подавления контрреволюции. Поставив в характеристике условий, определивших неизбежность красногвардейской атаки на капитал, именно эту, военную, форму борьбы на первое место, Ленин писал: «Военное сопротивление нельзя сломать иначе, как военными средствами, и красногвардейцы делали благороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров» [31].

Иную оценку подавление Советским государством сопротивления эксплуататоров встречало со стороны противников Октябрьской революции. Буржуазия и ее подголоски расценивали Октябрьский переворот не как социалистическую революцию, передавшую власть эксплуатируемым, а как опасную аномалию в развитии «общенациональной» революции. Меньшевики, например, счи-

---

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 202.
[30] Там же, с. 178.
[31] Там же, с. 177.

тали пределом развития революции удовлетворение общедемократических чаяний — «дать мир, землю и укрепить республику», и отвергали попытку пролетариата вырвать власть у буржуазии, «перескочить дальше и дать социализм», ибо «реальные объективные условия, основные условия для осуществления социализма в России отсутствуют» [32]. Их доводы о преждевременности социализма для России опирались на ложное представление, будто «чисто социалистическим делом» революции является только «реорганизация хозяйства на социалистических основах», «ликвидация капиталистического способа хозяйства», а деятельность Советского государства, направленная против политического господства буржуазии, по их взглядам, не была социалистической по содержанию. Отсюда они считали, что Советская власть, не сделав в области социалистических преобразований ничего «осязательного», ознаменовала начало своего существования лишь расширением «размаха гражданской войны за удержание власти». На этом основании меньшевики приходили к категорическому заключению о том, что «нынешняя революция по своему объективному смыслу является не социалистической, а буржуазной, и что возможные в ней социальные достижения рабочих масс не в состоянии изменить основ капиталистического строя» [33].

Отказываясь видеть в экономических преобразованиях Советской власти что-либо «осязательное», меньшевики показали свою запуганность «доведением классовой борьбы до крайнего обострения, ее превращением в гражданскую войну...» [34] В действительности созидательная и преобразующая деятельность пролетариата в области экономики, усилия, направленные на изживание продовольственного и транспортного кризиса, по переводу экономики с военных на мирные рельсы — по результатам не шли ни в какое сравнение с беспомощными попытками соглашательских и «коалиционных» органов Временного правительства ликвидировать хозяйственную разру-

---

[32] Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7—14 января 1918 г. Полный стенографический отчет. М., 1918, с. 82 (Речь Л. Мартова 9 января 1918 г.).

[33] Там же, с. 122 (Резолюция фракции меньшевиков по докладу о текущем моменте).

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 192.

ху, не устраняя главной ее причины — империалистической войны. Классовое положение мелкой буржуазии не позволяло ее идеологам оценить во всем их значении такие крупные социально-экономические преобразования Советской власти, как национализация земли и банков, введение рабочего контроля, налаживание финансирования промышленных предприятий вопреки саботажу буржуазии и чиновников, привлечение крупнейших классовых организаций трудящихся к участию в государственном регулировании производства, налаживание обмена продукции городской промышленности на хлеб. Эти меры Советской власти еще не означали полного социалистического переустройства в экономических отношениях, но представляли собой крупные шаги к социализму.

Воплями о «бедствиях затяжной войны, более жестокой и тягостной, чем борьба с неприятелем-чужеземцем», соглашатели стремились отпугнуть рабочий класс от большевиков и привлечь его на защиту буржуазной демократии. Живя давно опрокинутыми ходом классовой борьбы представлениями, не признавая завоеваний Октября, они по-прежнему считали, что страна находится в стадии буржуазной революции и прилагали отчаянные усилия к предотвращению окончательного торжества диктатуры пролетариата. «Не решением всех спорных социальных и национальных вопросов методом гражданской войны,— давала рецепт меньшевистская фракция Учредительного собрания в своей декларации,— но последовательным проведением в жизнь начал народовластия... могут быть закреплены завоевания революции, которую рабочие совершили в феврале». Способ «исцеления тех ран, которые нанесены революционной России войной и гражданскими междоусобиями», та же декларация предлагала искать в объединении усилий пролетариата и «других частей демократии» [35].

Горячие дебаты о характере Октябрьской революции и об отношении к гражданской войне преследовали в то время вовсе не академические цели. Идеологи мелкой буржуазии объективно, независимо от личных побуждений, даже когда они открыто не выступали в качестве оруженосцев буржуазной революции, а ратовали за «общенародные» цели революции, за компромисс

[35] Всероссийское Учредительное собрание. М.— Л., 1930, с. 51.

во имя ликвидации гражданской войны, делали услугу буржуазии, пытаясь отклонить революцию от ее социалистического пути и «канализировать» ее, введя в колею обычной буржуазно-демократической революции. Гражданская война, которую вел пролетариат, вызванный на бой буржуазией, потому и вызывала яростное осуждение всех эксплуататоров, что она была в первое время после победы Октябрьской революции наиболее ярким, наиболее грозным для них проявлением и функцией диктатуры пролетариата. Ленин как раз и видел «чрезвычайную политическую зрелость пролетариата» в том, что он выявил в Октябрьской революции «способность стойко противостоять буржуазии» [36]. Буржуазия и ее приспешники клеймили большевиков: «диктаторы», «насильники», обвиняли в терроре, диктатуре, гражданской войне. На эти обвинения Ленин отвечал: «...Да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло. Первое правительство в мире, которое может о гражданской войне говорить открыто,— есть правительство рабочих, крестьянских и солдатских масс. Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров. Чем прямее мы это скажем, тем скорее эта война кончится, тем скорее все трудящиеся и эксплуатируемые массы нас поймут, поймут, что Советская власть совершает настоящее, кровное дело всех трудящихся» [37]. Таким заявлением Ленин безоговорочно отделял большевиков от мелкобуржуазных демократов, иногда бессознательно стонавших от «ужасов» гражданской войны, и пресекал все попытки с помощью «демократических» увертюр совлечь революцию с пролетарского, социалистического пути, втиснуть ее в буржуазные рамки.

В подавлении сопротивления эксплуататоров Октябрьская революция раньше всего и проявила свой подлинно пролетарский, социалистический характер. Дав власть Советам и через них — трудящимся и эксплуатируемым классам, она вызвала отчаянное сопротивление эксплуататоров и «в подавлении этого сопротивления вполне обнаружила себя как начало социалистической революции» [38]. Ленин указывал, что старый буржуазный парла-

---

[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 146.
[37] Там же, с. 268.
[38] Там же, с. 236.

ментаризм совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что «не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества». Всякий же отказ от полноты власти Советов в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного собрания «был бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции» [39].

Ленин говорил в январе 1918 г., что в течение нескольких недель после 25 октября Советская власть получила прочную поддержку союза рабочих и беднейших крестьян, охватывающего в России большинство населения. Она сумела сплотить рабочий класс, большинство крестьян, все трудящиеся и эксплуатируемые классы «в одну, неразрывно связанную между собою, силу, борющуюся против помещиков и буржуазии» [40]. Это явилось условием решения той главной и основной задачи, которая «первое время после пролетарской революции нас занимает более всего», именно: задачи преодоления сопротивления буржуазии, победы над эксплуататорами [41], диктатура пролетариата и предполагает «состояние военных мер борьбы против противников пролетарской власти», и недостаточно энергичное использование вооруженной силы в тех же целях было одной из причин гибели Парижской Коммуны [42]. Результат решительных действий в этом направлении выразился в разгоне того олицетворения диктатуры буржуазии, каким готовилось стать Учредительное собрание, а также в разгроме основных боевых сил контрреволюции на первых фронтах гражданской войны осенью—зимой 1917—1918 гг.

Существенной составной частью периода триумфального шествия Советской власти, определявшей направление и характер классовой борьбы в этот период, является так называемый политический этап революции, который охватывает первые десять недель после взятия власти пролетариатом. За это время, писал Ленин, «мы сделали гигантски многое *сверх* буржуазной революции,

---

[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 236.
[40] Там же, с. 262.
[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 13.
[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 192.

для социалистической, пролетарской революции: (1) Мы развернули, как никогда, силы рабочего класса по использованию *им* государственной власти. (2) Мы нанесли всемирно ощутимый удар фетишам мещанской демократии, учредилке и буржуазным «свободам», вроде свободы печати для богатых. (3) Мы создали советский *тип* государства, гигантский шаг вперед после 1793 и 1871 годов» [43]. Главную задачу пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства в социалистической революции составляет положительное коммунистическое строительство, творчество новых экономических отношений, нового общества, налаживание «чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей» [44]. Предварительным же условием решения этой задачи было взятие власти пролетариатом и создание советской системы государства вместо прежней буржуазно-парламентарной, что и было достигнуто на политическом этапе революции. На этот путь страну толкали объективные условия. Еще накануне Октября в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин раскрыл зависимость политической задачи, вставшей перед народом, от экономического положения страны. В начале декабря 1917 г., выступая перед петроградскими рабочими, он указывал, что пролетариат взял на себя задачу социалистического преобразования государственного строя; можно легко привести доводы за какие-нибудь средние решения, но они окажутся ничтожными, «так как экономическое и хозяйственное положение страны дошло до такого пункта, где нельзя допустить средних решений»; пролетариат ведет гигантскую борьбу с империализмом и капитализмом, и в этой борьбе «полумерам не остается места» [45]. В условиях российской действительности давала знать себя и обратная зависимость: к делу социалистического строительства нельзя было приступить «надлежащим образом» [46], пока на очереди стояла задача политическая и связанная с нею военная, «пока Алексе-

---

[43] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 102.
[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 171; т. 39, с. 13.
[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 146.
[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 327.

евы, Корниловы, Керенские не были подавлены»[47]. По завершении политического этапа революции, на протяжении января и февраля 1918 г., происходит решительное наступление революционных войск против основных сил контрреволюции, увенчивающееся поражением ее и ликвидацией буржуазно-помещичьих «правительств».

Разъясняя впоследствии смысл определения первого этапа Октябрьской революции как этапа политического, Ленин говорил: «Когда решался вопрос о власти Советов, о разгоне учредилки, опасность грозила со стороны политики... А когда наступила эпоха гражданской войны, поддержанной капиталистами всего мира, явилась опасность военная...»[48] В период триумфального шествия Советской власти эта опасность еще не приобрела такого грозного характера, как во время военной интервенции международного империализма. «Опираясь на всеобщий энтузиазм и на обеспеченное политическое господство,— говорил Ленин в 1921 г.,— мы могли легко совершить разгон учредилки», однако «логика борьбы и сопротивление буржуазии заставили нас перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской борьбы...»[49] Эту логику борьбы Ленин, вспоминая начало 1918 г., выразил так: «Вы, господа капиталисты, нас не испугаете. Мы и в этой области вас побьем, дополнительно, после того, как вы оказались побиты на поприще политическом, вместе с вашей учредилкой»[50].

Ленин не раз возвращался к оценке этого этапа, сравнивая его с последующими. В декабре 1921 г., на IX Всероссийском съезде Советов, он говорил о необходимости различать главнейшие задачи и, соответственно им, области (или поприща) деятельности партии и государства: политическую, военную, экономическую, в зависимости от удельного веса которых определяются разные исторические периоды (эпохи). Применительно к этому Ленин охарактеризовал и развитие союза рабочего класса и крестьянства. Он напоминал, что в самые тяжелые годы республики мы испытали политический и военный

---

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 266.
[48] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 211.
[49] Там же, с. 204.
[50] Там же.

союз крестьянства и рабочего класса, а теперь, в 1921 г., «переживаем мы этот союз как экономический» [51]. Как в области великих преобразований в политике, так и в области трехлетней защиты республики от империалистов «нам был обеспечен союз крестьян и рабочих простым порывом политическим и военным, потому что каждый крестьянин знал, чувствовал и осязал, что против него стоит вековой враг — помещик, которому так или иначе помогают представители других партий. И потому этот союз был так прочен и непобедим» [52]. В связи с этим Ленин называл «эпоху политическую и военную», когда энтузиазм, натиск, героизм помогли решить задачи политические и задачи военные [53]. Разграничивая решение задач политической, военной и экономической, в статье, посвященной четвертой годовщине Октябрьской революции, Ленин писал: «...Поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи». Но для решения экономической задачи потребовался ряд переходных ступеней и тот поворот, который вошел в историю под названием новой экономической политики [54].

Из того, что Ленин перечисляет названные этапы, вовсе не следует, что каждый из них характеризовался решением исключительно той или иной задачи (политической, военной или экономической) в «чистом» виде. Решение и политической и военной задачи обеспечивалось экономическими преобразованиями, насколько они возможны были на каждом данном этапе; задача политическая решалась в большой мере, если не в первую очередь, вооруженной борьбой. На военном этапе закреплялось также политическое завоевание. Деятельность партии, Советского государства в этих условно разграничиваемых областях в действительности тесно переплеталась. В связи, очевидно, с этим, называя первый этап революции, Ленин не давал категорической, ограниченной

---

[51] Там же, с. 306.
[52] Там же, с. 308.
[53] Там же, с. 309, 324.
[54] Там же, с. 151—152.

лишь одной задачей, формулировки, сказав: «Этап 1-й, чисто политический, так сказать, от 25 октября до 5 января, до разгона учредилки» [55], и тем самым придавал такому определению известную условность. Уже в характеристике периода триумфального шествия Советской власти, в который важнейшей составной частью вошел политический этап революции, Ленин объединил решение задач политической и военной.

Важнейший итог политического этапа революции выразился в том, что в России был изжит буржуазный парламентаризм и получил окончательное признание новый государственный строй — созданная Октябрьской революцией как форма диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства социалистическая Советская республика [56]. Хотя мы тогда «до социализма еще не дошли», «начали лишь период *переходный* к социализму» [57] и «надлежащим образом» к коммунистическому строительству приступить не могли, называть Советское государство социалистической республикой позволяло уже то, что «мы на этот путь вступили» [58]. Это означало «решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими» [59]. Но сопротивление эксплуататоров с утверждением социалистической республики не прекращалось. Буржуазия, потеряв свой последний оплот — государство, «этот главный и основной источник подавления ею трудящихся масс», не собиралась складывать оружие. Чтобы сломить Советскую власть, она ставила на карту все, не останавливаясь ни перед чем [60]. «Вот почему,— говорил Ленин 11 января 1918 г.,— в настоящее время в России приобрела преимущество гражданская война» [61].

Упрочение Советского государства открывало новые возможности подавления сопротивления эксплуататоров. «Мы создали свою, новую государственную власть, ибо в наших руках самоуправление государством,— мог с полной уверенностью заявить Ленин.— Всею тяжестью нашей

---

[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 102.
[56] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 232, 286.
[57] Там же, с. 271.
[58] Там же.
[59] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 295.
[60] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 265—266.
[61] Там же, с. 266.

силы обрушимся мы на всякую контрреволюционную попытку» [62]. Главной же основой прочности и дальнейшего укрепления нового строя становились те организационные меры, которые Советское государство осуществляло во имя социализма. Проведение их в жизнь вело к полному разрушению буржуазного общества и составляло «глубину нашей революции» [63].

В ноябре и декабре 1917 г. Советская власть стремительно распространялась по стране. С тех пор военное подавление эксплуататоров имело уже целью закрепление политического успеха. Итог же периода триумфального шествия революции в целом Ленин лаконично выразил в словах: «...Победа политически достигнута и военным образом закреплена...» Тогда в качестве очередной встала более трудная задача — достигнуть победы «в области организации народного хозяйства, в области организации производства, в области всенародного учета и контроля» [64]. Иначе говоря, на первый план выдвинулась коренная задача «создания высшего, чем капитализм, общественного уклада» [65]. Это и означало, что «мы впервые вошли в сердцевину хода революции» [66]. Но тут в ход русской революции вмешался международный империализм.

С началом февральского наступления германского империализма кончился «период сравнительной и в значительной мере кажущейся самостоятельности и временной независимости от международных отношений» [67], который переживала русская революция. Спрашивается, однако, почему этот период прервался именно в это время, а не раньше или не позже? Если объяснять это только тем, что в первые месяцы существования Советской республики основные силы международного империализма, разделенные на две группы, находились в схватке между собой и потому не могли всерьез заняться Россией, то такое объяснение может оказаться недостаточным: ведь борьба между этими империалистическими группировками закончилась позже, в ноябре 1918 г., немецкий же

---

[62] Там же, с. 288.
[63] Там же, с. 303.
[64] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 131.
[65] Там же, с. 187.
[66] Там же, с. 245.
[67] Там же, с. 93.

империализм напал на Советскую Россию в феврале, а Антанта, если даже не считать ее десантов, высаженных на Севере и Дальнем Востоке в марте—апреле, ввязалась в гражданскую войну в России, используя чехословацкий корпус, в мае 1918 г. Объяснение этому можно найти в ряде работ Ленина. «Ведь в начале Октябрьского переворота,— писал он,— капиталисты рассматривали нашу революцию как курьез: мало ли какие на окраинах бывают чудачества» [68].

Если обратиться к буржуазной прессе того времени, то можно убедиться, что именно так она и расценивала русский Октябрь. «Будет большой неожиданностью,— писала 9 ноября 1917 г. французская газета «Матэн»,— если переворот, который удался в Петрограде и который, безусловно, является делом рук дерзкого меньшинства, окончательно изменит судьбы России». Тут же эта газета пророчила, что «пройдет немного дней», и Советское правительство падет так же, как пало Временное [69]. Примерно таким же было мнение и английской газеты «Дейли телеграф»: «Советское правительство может пасть в любой момент, и ни один здравомыслящий человек не станет утверждать, что оно продержится более месяца» [70]. Но прорицания не сбывались, и капиталисты Антанты посылают в Россию войска. Такой поворот в политике империалистических держав имеет свое серьезное объяснение: «Для того, чтобы диктатура пролетариата имела мировое значение, нужно было, чтобы она практически в какой-либо стране укрепилась... Только тогда в международном масштабе сопротивление капиталистов достигло той силы, которую оно имело. Только тогда в России развернулась гражданская война, и все победившие страны целиком пошли на то, чтобы помочь в этой гражданской войне русским капиталистам и помещикам» [71].

Что же, собственно, заставило империалистов изменить мнение о большевиках и начать вооруженное вмешательство в «русские дела» раньше, чем закончилась мировая война? Обнаружилась удивительная устойчивость той са-

---

[68] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 302—303.
[69] Мир о стране Октября. Высказывания и отклики. М., 1967, с. 53.
[70] Там же, с. 54.
[71] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 303.

мой революционной власти, падение которой ожидалось со дня на день от малейшего толчка со стороны буржуазии. Внутренняя контрреволюция в России собрала все силы, которые она могла выставить против Советской власти, и несмотря на то, что эта власть не успела еще наладить управление Россией, этих сил не хватало для того, чтобы справиться с нею. Внутренняя контрреволюция оказалась неспособной закрыть своими собственными силами брешь, пробитую российским пролетариатом в системе мирового империализма. Пришлось признать, что без помощи иностранных штыков ее уже не закрыть. В первую годовщину революции Ленин составил такой график отношения империалистов к Советской республике: «По мере того, как росло международное значение революции, так же росло и усиливалось бешеное сплочение империалистов всего мира. В октябре 1917 года они считали нашу республику курьезом, на которую не стоило обращать внимания; в феврале они считали ее социалистическим экспериментом, с которым не стоило считаться. Но армия республики росла, укреплялась... В силу роста и успеха нашего дела, росли бешеное сопротивление и бешеная ненависть империалистов всех стран». Англо-французские капиталисты, которые раньше кричали, что они враги Вильгельма, не прочь были соединиться с ним для удушения Советской республики, когда увидели, что она «перестала быть курьезом и социалистическим экспериментом, а стала очагом, настоящим, фактическим очагом всемирной социалистической революции» [72].

Западноевропейской буржуазии стало ясно, что в России создалась прочная пролетарская власть, которая стала заражать Европу, где четырехлетняя война вызвала такое же разложение армии и подготовила почву для международной пролетарской революции. Чем больше убеждалась всемирная буржуазия в возраставшей опасности существованию империализма, тем сильнее она сплачивалась. В революционном пролетариате она увидела более грозного врага, чем в противостоящей империалистической группировке [73]. Это и заставляло ее поспешить на помощь российской буржуазии.

---

[72] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 147, 148.
[73] См. там же, с. 116—118.

Пока Антанта была связана войной против Центральных держав, она не могла все же послать в Россию сколько-нибудь значительных сил. Ее десантные войска были ничтожны, и наиболее крупным контингентом оказался по сравнению с ними чехословацкий корпус. Но и он не представлял еще серьезной силы для решения исхода борьбы в России. Однако его выступление, поддержанное летом 1918 года многочисленными силами мелкобуржуазной контрреволюции, послужило толчком к развертыванию гражданской войны в более широком масштабе по сравнению с предыдущим периодом.

Вооруженная борьба между силами революции и контрреволюции в период триумфального шествия Советской власти составляет в истории гражданской войны ее первый этап. Победоносно закончив, в основном, гражданскую войну на этом этапе, «мы,— говорил Ленин,— пережили первую эпоху развития революции, начало которой идет с Октябрьских дней...» [74] Во всех работах Ленина, касающихся событий этого времени, выпукло очерчивается самостоятельный, своеобразный по политической стратегии, по характеру и методам борьбы, законченный этап (или полоса, эпоха) развития социалистической революции, гражданской войны. Ленин дал развернутую характеристику всех этапов и классовый анализ всех сколько-нибудь значительных ее событий.

Плацдарм контрреволюции на юге

Исторический опыт говорит, что при всякой глубокой революции является правилом «*долгое, упорное, отчаянное* сопротивление эксплуататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплуатируемыми» [75]. Россия не могла представить исключения из этого правила. В Октябрьской революции буржуазия и помещики понесли первое серьезное поражение, но не были ни окончательно разгромлены, ни лишены возможности сопротивляться победившей рабоче-крестьянской власти. «...После перво-

[74] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 234.
[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 263.

го серьезного поражения,— писал В. И. Ленин,— свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая»...» [76] Пока на их стороне и после переворота остаются громадные фактические преимущества перед вырвавшими у них власть эксплуатируемыми, до тех пор они не могут оставить попыток реставрации. У эксплуататоров остаются деньги, движимое имущество, связи, навыки организации и управления, знание приемов, средств и возможностей управления, более высокое образование, близость к высшему техническому персоналу, привыкшему жить и мыслить по-буржуазному, остается больший навык в военном деле, а это, подчеркивает Ленин, «очень важно» [77].

Октябрьская революция, кроме того, победила в одной стране, а раз это так, то эксплуататоры «остаются *все же сильнее* эксплуатируемых, ибо международные связи эксплуататоров громадны» [78]. Наконец, свергнутые классы в известной мере могли рассчитывать на такой резерв, какой представляла собой мелкая буржуазия, которая «шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь...» [79]. Расчеты эксплуататоров были тем более не беспочвенны, что они уже испытали в период керенщины «плодотворное» для них сотрудничество с меньшевиками и эсерами, которые по своей экономической сущности и основной политической характеристике представляли собой разновидность мелкобуржуазной демократии [80].

После победы Октября борьба по всем жизненно важным вопросам — о земле, мире, хлебе — сосредоточилась во всей стране на решении главной политической проблемы: быть ли в России диктатуре буржуазии, для восстановления которой использовался теперь лозунг Учреди-

---

[76] Там же, с. 264.
[77] Там же, с. 263.
[78] Там же.
[79] Там же, с. 264.
[80] Там же, с. 189—190.

тельного собрания, или она останется республикой рабоче-крестьянской, как решил Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Между сторонниками того и другого решения компромиссов быть не могло. В начале декабря Ленин писал: «Близится грозный час. Надвигается последний бой. Вся страна, все нации нашей республики разделились на два великих стана». В одном стане собрались помещики и капиталисты, богачи и их прислужники, знатные чиновники и их друзья — сторонники войны. В другом стане — рабочие, солдаты, трудящиеся и эксплуатируемые крестьяне, бедный народ и его друзья — сторонники «беззаветно-решительной, смелой, беспощадной к угнетателям народа, революционной борьбы за мир». В некоторых частях страны борьба между этими станами уже обострилась «до прямой, открытой гражданской войны»,— Ленин считал, что число «надеющихся на силу богатства и желающих свергнуть Советскую власть» ничтожно, а их попытки вести гражданскую войну «безумны, ибо кроме пролития рек крови понапрасну ничего не изменится, ничто в мире не сломит единодушного решения рабочих, солдат и крестьян...» [81]

Ведущими силами в двух противоположных лагерях, силами, вокруг которых сплачивались все социальные слои, являлись — пролетариат в одном стане, буржуазия в другом. Борьбой этих двух классов решался исход социалистической революции в России. Поскольку же «самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий» [82], то на крайних полюсах ее в качестве руководителей противоборствующих сил выступили партия пролетариата — большевики и партия буржуазии — кадеты.

«...Пролетариат,— писал Ленин,— есть передовой класс *всех* угнетенных, фокус и центр всех стремлений всех и всяких угнетенных к своему освобождению» [83]. Выражая интересы и волю передового, самого революционного класса общества, партия большевиков выражала вместе с тем интересы всех трудящихся, а следовательно, и большинства населения страны. О политике Советского прави-

---

[81] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 151—152.
[82] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 137.
[83] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 281.

тельства, только что избранного Вторым Всероссийским съездом Советов, Ленин говорил: «Это не политика большевиков, вообще не политика «партийная», а политика рабочих, солдат и крестьян, т. е. большинства народа... Весь народ именно той политики желал, которую ведет новое правительство. Оно взяло ее не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городах» [84].

Стоявшая на другом полюсе классовой борьбы партия кадетов являлась главной политической силой буржуазной контрреволюции в России. Ленин указывал, что кадеты возглавляют буржуазную контрреволюцию [85], «кадетский центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии» [86]. К такой роли кадетская партия, или, как она демагогически именовала себя, партия «народной свободы», была подготовлена всем своим историческим прошлым. Неожиданная победа большевиков вызвала у нее приступ бешенства, и она немедленно выбрасывает флаг борьбы против рабоче-крестьянского правительства. Уже 27 октября ЦК кадетов публикует воззвание с призывом не признавать Советской власти, не подчиняться ее распоряжениям. «Законная и преемственная власть, созданная [Февральской] революцией,— заявлял кадетский ЦК,— должна быть восстановлена. Мы приветствуем все учреждения и организации, объединяющиеся в борьбе против большевистского захвата, и призываем членов партии всеми силами содействовать этой борьбе» [87]. Заклинания кадетов о «законности» и «преемственности» власти, созданной Февральской революцией, назойливо повторялись во всех их публичных выступлениях против Советской власти, но они никогда не разъясняли подлинного смысла этих выражений.

Захватив в февральские дни, в силу недостаточной организованности пролетариата, власть в свои руки, кадеты сформировали вместе с октябристами свое, буржуазно-помещичье, правительство, но рассматривали его именно как временное, призванное обеспечить условия для созыва Учредительного собрания, которое восстановит в стра-

---

[84] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 36—37.
[85] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 218.
[86] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 135.
[87] «Вестник партии народной свободы», 1917, № 24—25, стб. 24.

ие монархию. Такая перспектива была совершенно недвусмысленно возвещена в акте отречения от престола великого князя Михаила Романова, которому передал императорскую власть Николай II. Только позже, уже после гражданской войны, в эмиграции, кадеты раскрыли тайну, окружавшую этот документ. Они рассказали, что акт Михаила составляли члены кадетского ЦК В. Д. Набоков и Б. Э. Нольде, помогал же им в этой «работе» откровенный монархист В. В. Шульгин. Один из составителей, Набоков, вспоминал, что их задачей было — «воспользоваться этим актом для того, чтобы — в глазах той части населения, для которой он мог иметь серьезное нравственное значение,— торжественно подкрепить полноту власти Временного правительства и преемственную связь его с Государственной думой» [88]. Вписав в акт от имени Михаила повеление «всем гражданам державы Российской подчиниться Временному правительству», трое составителей дальше по предложению Шульгина написали: «по почину Государственной думы возникшему». Затем, как свидетельствует Нольде, «по общему соглашению» они дополнили эти слова оборотом, предложенным Набоковым: «...и облеченному всей полнотой власти» [89].

Набоков заявлял потом, что этот документ и «был единственным актом, определившим объем власти Временного правительства», только на основании его «считалось установленным, что Временному правительству принадлежит в полном объеме [помимо исполнительной] и законодательная власть» [90]. Этим актом, подписанным Михаилом Романовым, утверждал Нольде, «законодательные полномочия Временного правительства были признаны. В хаосе, царившем вокруг, появлялась какая-то точка опоры для построения новой законности» [91]. Нольде был признанным в кадетских кругах специалистом по государственному праву, и ему нельзя отказать в компетентности, когда он писал: «Акт 3 марта, в сущности говоря, был единственной конституцией периода сущест-

---

[88] *Набоков В.* Временное правительство.— «Архив русской революции», т. I. Берлин, 1922, с. 21.
[89] *Нольде Б. Э.* В. Д. Набоков в 1917 г.— «Архив русской революции», т. VII. Берлин, 1922, с. 7—8.
[90] «Архив русской революции», т. I, с. 21.
[91] «Архив русской революции», т. VII, с. 7.

вования Временного правительства». Он добавлял, что с этой «конституцией» «можно было прожить до Учредительного собрания — конечно, реально осуществляя набоковскую формулу «полноты власти»»[92]. Как видно отсюда, кадеты утаивали от широкой массы, к которой они обращались с воззваниями, что «преемственность» власти они вели от великого князя Михаила Романова и от его имени наделяли Временное правительство «полнотой» власти. Но неприглядность этой махинации не будет вполне ясна, если не иметь в виду, что сам акт Михаила Романова был юридически несостоятельным документом даже по мнению кадетских правоведов: законы Российской империи не допускали передачи власти императором другому лицу. «Передача престола Михаилу была актом незаконным,— разъяснял в воспоминаниях Набоков.— Никакого юридического титула для Михаила она не создавала»[93]. О какой «преемственности власти» (или «точке опоры») можно было говорить, если источником этой власти являлась «конституция», подписанная лицом, не имеющим «никакого юридического титула»?

И Набоков и остальные соучастники этого подлога, как видно, не имели другого способа «узаконить» формировавшуюся кадетами власть. Эти образованные господа, искушенные в бюрократических хитросплетениях, сочли, видимо, что им ловко удалось провести едва окунувшийся в политику народ. Тем понятнее их озлобление, когда пролетариат в Октябре смёл, как им казалось, надежно оформленную власть, даже не справившись об основаниях ее «преемственности» и «законности». Но повторявшуюся в их декларациях лазейку они держали в тайне, не раскрывая публично смысла выражений, в надежде, что им представится случай предъявить «конституционный» документик при восстановлении монархии, к чему они прилагали усилия не один еще год.

---

[92] Там же, с. 8. Между прочим, в своих записках под названием «Гатчина» Керенский всерьез считал «бесспорной формальную преемственность верховной власти, полученной Временным правительством непосредственно из рук последнего законного представителя павшей династии» (Октябрьская революция. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.— Л., 1926, с. 197).

[93] «Архив русской революции», т. I, с. 18.

* * *

Еще в августе 1917 г., готовя заговор против надвигавшейся социалистической революции, буржуазия выставила на авансцену политической борьбы две фигуры кандидатов в военные диктаторы — генералов Корнилова и Каледина. Резерв кавеньяков, имевшийся в распоряжении контрреволюции, ими не исчерпывался: были еще Алексеев, Деникин, Колчак, Врангель, которые впоследствии и пришли на смену первым двум. Пока же, в период собирания сил реакции, из всех возможных генералов «на белом коне» выделились эти двое. Но первенством завладел Корнилов. Он казался буржуазно-помещичьей реакции вполне подходящим для этой роли по своим политическим воззрениям. Ей импонировала и его безрассудная решительность в применении крайних мер для удушения революции (в апреле он не задумался, чтобы вызвать против петроградских рабочих артиллерию, в июле ультимативно потребовал от Временного правительства восстановления смертной казни на фронте, в августе добивался распространения ее на тыл). Кроме того, в его руках находилась решающая, казалось, сила в борьбе против революции — многомиллионная действующая армия. Но так только казалось.

Мощнее оказалась другая сила — рабоче-крестьянская Россия, поднятая на защиту революции большевиками. После августовского корниловского мятежа, разгромленного этой силой, реакция не успела ни высвободить своего кумира из-под стражи, ни начать без него новый контрреволюционный поход. Октябрь разметал все карты, и новый более основательно подготовлявшийся заговор провалился, как и прежний. Поход Керенского — Краснова выглядел фарсом даже по сравнению с августовской авантюрой Корнилова. Не говоря о действующей армии, в руках его преемников не оказалось даже одного конного корпуса. А сам Корнилов и его ближайшие сообщники оставались в Быхове, под охраной единственного преданного им Текинского полка, окруженные враждебной им фронтовой солдатской массой и озабоченные прежде всего устройством побега в безопасное для себя место. Тогда взоры всей контрреволюции обратились на Дон, откуда сподвижник Корнилова войсковой атаман Каледин уже несколько месяцев грозил большевикам и имел там как будто немалую казацкую рать.

Каледин первым вызвался на бой. 25 октября он получил телеграмму министра юстиции Временного правительства П. Н. Малянтовича о том, что в Петрограде большевики пытаются захватить власть [94], и уже в середине дня открыл заседание Войскового правительства, на котором объявил приказ о введении со следующего утра военного положения в Донецком углепромышленном районе. Издавая этот приказ, Каледин имел целью не только сохранение прежнего порядка на Дону — он брал на себя защиту интересов буржуазии во всероссийском масштабе. В приказе он так и заявлял, что ввиду забастовок и волнений в углепромышленном районе, сопровождающихся попытками захвата предприятий, Войсковое правительство принимает чрезвычайные меры «для охраны угольного и заводского района, составляющего в данный момент источник жизни всей промышленной России, а также железнодорожного транспорта» [95]. Эта мера получила горячее одобрение представителей «общественных организаций», приглашенных на заседание Войскового правительства. Представитель кадетской фракции городской думы Л. А. Сопоцько заявил, что «фракция не может не приветствовать от всего сердца решение Войскового правительства». Столь же одобрительно высказались о действиях Каледина заместитель председателя Донского отдела кадетской партии К. П. Каклюгин, представитель новочеркасского комитета Всероссийского земского союза Л. К. Прокофьев, прокурор судебной палаты Н. С. Ермоленко. Отвечая на эти приветствия, Каледин «высказал от имени Войскового правительства глубокую радость по поводу того, что оно не разошлось ни с одной организацией, ни с одним представителем», и в заключение своей речи выразил надежду, что «общая цель — борьба с большевизмом — будет объединяющим началом» [96].

Поздно вечером 25 октября Каледин получил вторую телеграмму из Петрограда: министр внутренних дел А. М. Никитин извещал, что Петроградский Совет объявил Временное правительство низложенным [97]. Донской атаман немедленно послал телеграмму Временному пра-

---

[94] «Вольный Дон», 1917, 26 октября.
[95] Там же, 1917, 27 октября.
[96] Там же, 1917, 26 октября.
[97] Там же, 1917, 27 октября.

вительству, в Ставку главковерха, Совету Союза казачьих войск, общефронтовому казачьему съезду в Киеве, атаманам всех казачьих войск и командирам донских казачьих частей. В ней Каледин заявлял, что возглавляемое им Войсковое правительство, считая «захват власти большевиками» совершенно недопустимым, окажет в тесном союзе с правительствами других казачьих войск «полную поддержку существующему коалиционному Временному правительству», а «впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России» оно, Войсковое правительство, «приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области» [98].

Рассылая подобные телеграммы во множество адресов, предоставляя их для опубликования в газетах, Каледин и его приспешники, надо полагать, преследовали цели как агитационные (возбудить сопротивление созданному революцией Советскому правительству), так и организационные (выявить, сплотить единомышленников, вооружить их надеждой, что не все еще потеряно, и вовлечь в борьбу против Советской власти). Находившийся в те дни в Ростове товарищ (помощник) войскового атамана М. П. Богаевский, как только стало известно о падении Временного правительства, тоже послал 26 октября телеграмму в Ставку и Керенскому. Сообщив, что Войсковое правительство во главе с Калединым объявило себя властью на Дону и намерено ввести в некоторых районах области военное положение, Богаевский от имени Войскового правительства приглашал членов свергнутого Временного правительства и Совета республики в Новочеркасск, где они «могли бы найти на некоторое время более спокойное место». Он уведомлял Ставку и Керенского, что донское правительство устанавливает контакт с другими казачьими войсками, на безусловную поддержку которых «в деле спасения России» оно рассчитывает. Заявляя, что Временному правительству «необходимо без всяких колебаний искать поддержки в казачьих войсках», он в то же время ставил вопрос о необходимости поддержки Временным правительством «действий атамана,

---

[98] *Рябинский К.* Революция 1917 года (хроника событий). Т. V. Октябрь. М.—Л., 1926, с. 199; Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1957, с. 144—145.

всецело стоящего на страже государственного спасения»[99]. Речь шла, таким образом, о координации действий донского Войскового правительства, свергнутого Временного правительства и Ставки в интересах восстановления буржуазной власти.

Но дезорганизация привычного для буржуазного государства порядка уже мешала такой координации. Показательны в этом смысле обстоятельства передачи телеграммы Богаевского в Ставку. О них ярко говорит почтово-телеграфная записка: «[В] настоящее время в Ростове [на] телеграфе находятся члены Войскового правительства. Войсковое правительство приглашает Временное правительство и членов Совета Российской республики, если возможно, прибыть в Новочеркасск, где возможна организация борьбы с большевиками. Личная безопасность членов правительства и членов [Совета] республики гарантируется, об этом посылается телеграмма Войсковым правительством в Ставку Керенскому. Примите все меры [для] передачи [и] доставления записки настоящей как Временному правительству, так и членам Совета, ибо официальной телеграммы послать лишены [возможности]. Петрограда (то есть связи с Петроградом.— *В. П.*) не имеем. Здесь находится сам помощник войскового атамана Богаевский. Призываем товарищей как можно шире распространить эту телеграмму по учреждениям Потельсоюза (Почтово-телеграфного союза.— *В. П.*) и принять все меры к доставке по назначению. Соединенный совет всех почтово-телеграфных организаций Киевского округа»[100]. Если судить по тексту, эта записка была передана из Ростова в Киев, откуда с припиской последней фразы-призыва и с подписью «Соединенного совета» рассылалась в разные адреса.

Соглашательская верхушка Почтово-телеграфного союза, как видно, приняла меры, чтобы распространить эту записку в войсках. Там она попала в руки таким же соглашательским верхушкам войсковых комитетов. Одним из ответов на ростовскую записку явилась радиотелеграм-

---

[99] Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 2. М., 1963, с. 139—140.

[100] ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 3825, л. 105; ф. 2031, оп. 1, д. 1631, л. 23. Телеграфные бланки. См. также «Бюллетень армейского исполнительного комитета 1-й армии», 1917, 31 октября.

ма из 4-го кавалерийского корпуса (Юго-Западный фронт), посланная тоже, кроме Ставки, «всем армиям, корпусам и дивизиям» за подписью комиссара корпуса Башмакова и председателя корпусного комитета Тарасова. Сначала в ней пересказывалась записка в той части, где говорилось о приглашении членов Временного правительства и Совета республики в Новочеркасск для борьбы с большевиками, затем Башмаков и Тарасов декларировали единение с донскими верхами: «Четвертый кавалерийский корпус, состоящий из терских и кубанских казаков, приветствует почин Донского войска, предлагает свою мощь для борьбы с большевиками и царящей в стране анархией и готовы до одного положить свои головы за спасение родины» [101].

Получив телеграмму Богаевского, Духонин ответ адресовал Каледину [102], а копии разослал «всем главнокомандующим фронтами, всем комиссарам, всем армейским комитетам, во все штабы округов, всем атаманам казачьих войск, во все газеты, в Петроградское телеграфное агентство». Духонин сообщал, что телеграмму Богаевского он направил Керенскому, «находящемуся при войсках, но по обстоятельствам времени возможно, что телеграмма его скоро не достигнет». Ценя «готовность казачества стать на стражу государственного спасения», Духонин заверял Каледина (и тем самым давал знать всем, кому рассылались копии этого ответа): «Мы все в тесном сотрудничестве с комиссарами и войсковыми комитетами» намерены «до последнего предела» бороться за восстановление Временного правительства и «порядка в стране» [103].

---

[101] Разложение армии в 1917 году. М.— Л., 1925, с. 157—158.

[102] В своем ответе Духонин назвал Каледина «войсковым наказным атаманом» и так же называл его в других посланиях на Дон (см. «Красный архив», 1933, № 6, с. 38, 39; «Архив русской революции», т. VII, Берлин, 1922, с. 317). Но это неверно: наказным атаманом назывался атаман, назначенный царем, Каледин же был выбран войсковым кругом и назывался войсковым атаманом.

[103] Революция 1917 года в исторических документах. Тифлис, 1930, с. 160—161. В «Истории гражданской войны в СССР» (т. 2, М., 1942, с. 263) этот ответ Духонина ошибочно датируется 31 октября, хотя в указанном там же источнике он датирован 27 октября; неправильно указывается адресат: Духонин посылал ответ не М. Богаевскому, а Каледину; не совсем точно излагается содержание ответа.

Телеграмма Каледина, посланная в ночь на 26 октября Временному правительству, в Ставку и в другие адреса, приобретала значение манифеста казачьей контрреволюции. Она послужила сигналом и примером для действий других казачьих атаманов. Получив ее, Дутов не стал даже задумываться над формулированием собственной позиции: он просто повторил текст Каледина, внеся в него несущественные изменения чисто редакционного порядка, и поставил под ним свою подпись. В части Оренбургского казачьего войска 26 октября была отправлена телеграмма, в которой в тех же выражениях, что и в телеграмме Каледина, сообщалось о событиях в Петрограде и других городах, а затем говорилось: «В тесном и братском союзе с правительствами других казачьих войск оренбургское Войсковое правительство окажет полную поддержку существующему коалиционному Временному правительству. В силу этого и принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства, Войсковое правительство ради блага родины и поддержания порядка временно, впредь до восстановления власти Временного правительства и телеграфной связи с ним, с 20 часов 26 сего октября принимает на себя всю полноту исполнительной государственной власти в войске. Войсковой атаман полковник Дутов» [104]. Такое же решение вынесло 26 октября и кубанское Войсковое правительство: «1) Впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России с 26 сего октября принять на себя осуществление государственной власти Временного правительства в Кубанской области. 2) Впредь до восстановления в государстве порядка и подавления мятежа объявить с 26 октября Кубанскую область на военном положении» [105].

Эти действия белоказачьих верхов были санкционированы Ставкой. 31 октября в «Ростовской речи» под заголовком «Утверждение полноты власти войскового правительства» появилось сообщение: «Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Духонин по прямому проводу уведомил войсковое правительство, что Ставка и Керенский выразили согласие на временное присвоение войсковому правительству всей полноты исполнительной власти для Донской области». Мятежная Ставка, таким

[104] «Вольный Дон», 1917, 1 ноября.
[105] *Рябинский К.* Указ. соч., с. 213.

образом, самочинно брала на себя функцию ликвидированной старой власти.

Взяв на себя главенствующую роль в организации борьбы против власти Советов, калединская верхушка не удовлетворилась изъявлением солидарности со стороны других казачьих «правительств». 1 ноября официальный вестник Войскового правительства опубликовал информацию о рассылке из Новочеркасска приглашений такого рода: «Оренбург. Войсковому атаману. Немедленно командируйте в Новочеркасск своих депутатов на совещание представителей войсковых правительств по важным вопросам текущего момента. Товарищ войскового атамана войска Донского Богаевский» [106]. Такая же телеграмма была послана в Уральск, а из Астрахани и с Терека, сообщала газета, депутаты уже едут.

Какие же «важные вопросы текущего момента» волновали донских правителей? Еще в сентябре по инициативе кубанского Войскового правительства в Екатеринодаре была созвана «конференция казачьих войск и горских народов Кавказа по вопросам текущего политического момента и, главным образом, по вопросам о государственном строе России». На ней были представлены Донское, Кубанское, Терское, Оренбургское, Уральское и Астраханское войска, совет Союза казачьих войск и горские народы Кавказа. На конференции было решено «для объединения и защиты общих краевых интересов» образовать «Союз юго-восточных автономных и федеративных областей». Главные цели союза определялись в резолюции конференции таким образом: «а) содействие в образовании и укреплении законной коалиционной национальной государственной власти в стране... б) содействие центральной государственной власти в борьбе с внешним врагом и внутренней разрухой; в) обеспечение порядка и спокойствия на территории Союза...» Было решено образовать Объединенное правительство Союза юго-восточных федеративных областей (по два члена-представителя от каждой области) с местопребыванием в Екатеринодаре [107].

---

[106] «Вольный Дон», 1917, 1 ноября.

[107] «Вольный Дон», 1917, 30 сентября. В записках председателя этого правительства кадета В. А. Харламова указывается следующий его состав к середине ноября: «...от Донского войска — А. П. Епифанов и В. А. Харламов; от Кубанского войска —

На следующей конференции, закончившейся 20 октября во Владикавказе, был выработан союзный договор, который представлялся на утверждение областным войсковым правительствам. Донское правительство, утверждая его, поставило 2 ноября условием местопребывание объединенного правительства в Новочеркасске [108]: калединское правительство и впредь оставляло за собой первенствующую роль в начавшемся антисоветском движении.

К 5 ноября в Новочеркасск по приглашению донских властей переехал из Киева и общефронтовой казачий съезд. На следующий день возобновились его заседания, одним из первых ораторов был Каледин. Он заявил, что «на Руси нет никакой власти». Уведомив, что в Новочеркасск съезжаются и Объединенное правительство Юго-Восточного союза, и Совет Союза казачьих войск, донской атаман подчеркнул: «Здесь соберется все наше казачье представительство, так что мы сможем принять важные для нас решения» [109]. На том же заседании М. П. Богаевский сделал доклад о задачах Юго-Восточного союза. То, что в решениях екатеринодарской и владикавказской конференций, принятых еще при Временном правительстве, обволакивалось покровами «общенациональных» задач и лояльности по отношению к «законной» власти, хотя главное состояло в борьбе с пролетарской революцией, в докладе Богаевского теперь было обнажено. «Мы соединились в Юго-Восточный союз... Надо спасать Россию, и для этого надо создать твердую почву у себя... Союз —

В. К. Бардиж и И. Л. Макаренко; от Терского войска — Г. А. Вертепов и П. А. Караулов; от Астраханского войска — А. М. Скворцов и князь Тундутов (от калмыцкой части войска); от горцев — Гайдар Бамматов, Пшемаха Кацев, Айтек Намитоков и Тапа Чермоев (Бамматов и Чермоев от Дагестана, а Кацев и Намитоков от горцев Северного Кавказа). Несколько позже вошли в состав правительства представители Уральского войска И. И. Иванов и А. А. Михеев. Оренбургское войско своих представителей не успело прислать» («Донская летопись», Белград, 1923, № 2, с. 286). В воспоминаниях полковника Е. Березовского говорится: «Я по поручению Войскового правительства Сибирского казачьего войска приезжал (в декабре 1917 г.— *В. П.*) в Новочеркасск, Екатеринодар и Владикавказ для установления связи с Юго-Востоком и для выяснения вопроса о возможности участия Сибирского войска в Юго-Восточном казачьем союзе» («Русское слово», Харбин, 1928, 25 апреля).

[108] «Вольный Дон», 1917, 3 и 8 ноября.

[109] Там же, 1917, 7 ноября.

реальная сила... Громадный Юго-Восточный союз в виде подковы окружает большую часть Европейской России. И вы, общеказачий съезд, должны быть тоже кузнецами этого союза...» Укрепление Юго-Восточного союза Богаевский расценивал как путь решения главной задачи: «начать строительство власти в помощь новому Временному правительству» [110]. Выступая через день в политехникуме перед студентами, он снова говорил о провиденциальной миссии Юго-Востока в судьбах России: «Юго-восточной окраине суждено сыграть решающую роль в деле воссоздания русской государственности» [111]. Что же касается характера этой государственности, то официальный вестник Войскового правительства внушал, что правительственная власть должна быть сконструирована «в том направлении, в котором намечали это генерал Корнилов и бывший военный министр Савинков» [112].

В том же духе рисовал перспективу и приехавший в Новочеркасск генерал М. В. Алексеев. Он предрекал, как вокруг «здорового» ядра Юго-Востока соберутся «обломки старого русского государства» и постепенно совершится процесс его «воссоздания». В беседе с корреспондентом «Вольного Дона» Алексеев заявил: «Русская государственность будет создаваться здесь, Союз казачьих войск уже заложил здоровое ядро для этого. Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут прибиваться к здоровому государственному ядру Юго-Востока. Этот процесс воссоздания русского государства совершится не сразу, потребуется время и, быть может, много времени. Юго-Восток должен будет учесть свое исключительное значение для государства Российского» [113]. Здесь явно проступает мечта о реставрации монархии с помощью казачества.

Фантастические прогнозы, сознание исключительности своей миссии, а еще больше ненависть к рабоче-крестьянской власти настолько вскружили голову калединским

---

[110] «Вольный Дон», 1917, 8 ноября.
[111] Там же, 1917, 10 ноября.
[112] Там же, 1917, 29 октября.
[113] Там же, 1917, 14 ноября. По фамилии Алексеев в газете не назван. Он фигурирует там как генерал, приехавший в Новочеркасск. Но «Ростовская речь» уже успела сообщить, что в Новочеркасск приехал бывший верховный главнокомандующий генерал Алексеев.

стратегам и их слугам, что они прямо-таки теряли почву под ногами. Их не удовлетворяли не подкрепленные действиями речи на общефронтовом казачьем съезде. Делясь впечатлениями о заседаниях 7 ноября, публицист «Вольного Дона» Л. Есаулов подбадривал казаков: «Понимает ли фронтовой казачий съезд, что он теперь в России — единственная организованная сила, имеющая за собой опять-таки единственную в России реальную силу — вооруженное казачество? Понимает ли фронтовой казачий съезд, что на него смотрят теперь не только Дон, Кубань, Терек, Урал, Волга, Семиречье, но на него смотрит вся Россия и, мы скажем, вся Европа» [114]. Он успокоился только тогда, когда съезд принял постановление о поддержке Юго-Восточного союза. «Отныне объединенное правительство Юго-Восточного союза,— восторгался Есаулов,— может опираться... на реальную вооруженную силу, которая обеспечивает его существование и дает ему прочную устойчивость» [115]. Вожделения корниловско-калединских единомышленников не позволяли им отличить иллюзии от реальных возможностей.

Надеждами на Юго-Восток питалась контрреволюция всей России. «Значительная реальная сила, притом сила дисциплинированная и сознательная,— писал В. В. Шульгин,— имеется на Юго-Востоке России в лице казачества... Вне казачества трудно образовать прочную власть... Объективные условия властно зовут правительство Российской державы обосноваться на Юге. Хлеб, уголь, безопасное положение, в смысле внешнего врага, море, которое ничуть не хуже, во всяком случае, чем «Балтийская лужа», и что важнее всего, более государственная, более национальная, более стойкая и гордая психология населения...» [116] Подсчитывая силы и средства Юго-Восточного союза, кадетские пропагандисты уже строили планы расширения его территории. Перечислив вошедшие в Союз области, кадет Н. Бородин к декабрю 1917 г. определял общую численность их населения в 9 млн. человек. «Территория Союза,— писал он далее,— является сплошной и простирается от берегов Черного и Азовского морей, примыкает к Северному Каспию и захватыва-

[114] «Вольный Дон», 1917, 10 ноября.
[115] Там же, 1917, 15 ноября.
[116] «Киевлянин», 1917, 28 октября. (Передовая В. В. Шульгина).

ет низовья Волги и почти все течение р. Урал... и по своей площади равняется приблизительно 240 тыс. англ. кв. миль, что составляет площадь несколько большую, чем Франция (207 тыс. кв. миль) и Германия (208 тыс. кв. миль)...» [117] Если бы даже вообразить, что все население этих территорий социально однородно и не знает никаких классовых противоречий, то и тогда рассчитывать на подчинение союзу населения огромной страны возможно было только разве при сильном головокружении. Но донские политики надеялись на то, что антисоветский союз будет расширяться за счет все новых и новых районов и областей.

На первых порах эти надежды стали казаться сбывающимися. Каледин очень скоро нашел деятельного пособника в лице Генерального секретариата Украинской рады, захватившей власть на Украине и поставившей своей целью сохранение буржуазного строя.

9 ноября Войсковое правительство получило телеграмму Генерального секретариата, который предлагал союз в борьбе против власти Советов. Секретариат заявлял, что он не признает Совета Народных Комиссаров и считает, что «правомочным и признанным большинством населения России может быть правительство, организованное правительствами Украины, Кубани, Дона, Кавказа и других областей совместно с центральными органами российской революционной демократии». Секретариат предлагал немедленно приступить к переговорам с ними «для создания такого правительства совместными силами». Органы «революционной демократии», очевидно, не очень смущали Каледина, который знал, как «по призыву министров-социалистов» казачьи полки «спасали» революционное правительство 3 июля, о чем он сам напомнил с трибуны Государственного совещания всего каких-нибудь три

---

[117] «Вестник партии народной свободы», 1918, № 1, стб. 13—15. В своих подсчетах Бородин исходил из следующего состава Юго-Восточного союза: «казачьи войска Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, примкнувший к войску Астраханскому калмыцкий народ и объединенные в особый союз горцы Кавказа — Дагестанской, Терской и Кубанской областей, абхазцы Сухумского округа и степные народы Терской области и Ставропольской губернии». «После 20 октября,— добавлял Бородин,— к Союзу присоединились Оренбургское и Уральское (Яицкое) казачьи войска».

месяца назад. Теперь же, говоря об органах революционной демократии, Генеральный секретариат имел в виду Общеармейский комитет при Ставке, к которому, сообщалось в телеграмме, он обратился «с предложением взять на себя ведение переговоров по выполнению упомянутого выше постановления Генерального секретариата». Утром 14 ноября Войсковое правительство обсудило предложения Секретариата и признало необходимым «скорейшее соглашение с Украинской радой на основаниях, указанных в телеграмме Секретариата от 9 ноября», но добавило свои условия: «1) мир не может быть сепаратным, 2) министерство (т. е. правительство.— *В. П.*) должно быть коалиционным, но без участия большевиков».

«Войсковой атаман полагает,— записано в протоколе этого заседания Войскового правительства,— что надо образовать союз Юго-Восточных областей и Украины для борьбы с существующим (ленинским) правительством». Было решено, что Юго-Восточный союз и Украина должны образовать «временное Российское правительство», местопребывание которого «желательно иметь на первое время на юге России, например, в Харькове» [118].

Все эти факты были, безусловно, известны Н. М. Мельникову, являвшемуся одним из деятельнейших членов Войскового правительства. Тем не менее в своих воспоминаниях он обрушивается на «большевистских историков», которые якобы искажают действительную историю. «Неверно и то,— пишет он,— что Каледин «начал гражданскую войну»: начали ее большевики, охватившие Дон с трех сторон отрядами Красной гвардии и приславшие в Таганрог и Ростов военные суда и матросов Черноморского флота, захвативших Ростов» [119]. Но прежде чем Красной гвардии удалось охватить Дон «с трех сторон» и прежде чем пришла туда флотилия из Севастополя, Войсковое правительство уже открыто выступило против Советской власти и развернуло подготовку к ее свержению. Мельников указывает, что «по вопросу о попытке

---

[118] Триумфальное шествие Советской власти, ч. 2, с. 156—157. Текст телеграммы Генерального секретариата уточнен по телеграфному бланку, имеющемуся в делах штаба Юго-Западного фронта (ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 3826, л. 68—76).

[119] *Мельников И. М.* А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и донской атаман. Мадрид, 1968, с. 361.

установления связи» донского Войскового правительства со свергнутым Временным правительством ему «удалось найти лишь один документ», и приводит радиотелеграмму Башмакова и Тарасова из 4-го кавалерийского корпуса со ссылкой на сборник документов «Разложение армии в 1917 году» [120]. Между тем все цитированные выше документы свидетельствуют не только о «попытке установления связи», но и об установлении контактов между Донским правительством, Ставкой и другими органами контрреволюции для борьбы против власти Советов. Эти документы тогда же публиковались в газетах и, в частности, в подведомственном Мельникову как члену правительства «Вольном Доне». Чтобы представить позицию калединского Дона в этой борьбе как «оборонительную», Мельников умалчивает об этих документах и фактах, направляя внимание своих читателей на более поздние действия революционных сил, вызванные бешеным сопротивлением донской контрреволюции установившейся в стране государственной власти.

Поначалу, когда еще только совершался Октябрьский переворот, не одному Каледину казалось, что если большевики и одержат успех, то это будет лишь кратковременная удача, и ликвидация их выступления не потребует, может быть, особенных усилий. Но шло время — «ликвидация» затягивалась. Вечером того дня, когда в Новочеркасске обсуждались предложения Генерального секретариата (14 ноября), состоялось второе заседание Войскового правительства — с участием представителей партии народной свободы, донского «Союза общественных деятелей», областного военного комитета и других организаций. Речь Каледина не отличалась особенным оптимизмом. «После начала большевистского движения,— признавал он,— мы не думали, что это движение... разрастется до тех размеров... Первой нашей мыслью в тот момент... было, что этот период продлится недолго. Но прошло уже три недели. То положение, которое сейчас существует, грозит продлиться на неопределенное время, и мы не можем указать того времени, когда будет создано правительство, которое бы пользовалось доверием всей страны...» [121] Вернее было бы говорить об установлении (а еще

[120] *Мельников Н. М.* Указ. соч., с. 159, 359.
[121] «Вольный Дон», 1917, 16 ноября.

точнее — о восстановлении) власти, не пользующейся «доверием всей страны», а угодной для буржуазно-помещичьих слоев. Несколько позже выступления Каледина и с еще бо́льшим сомнением в реальности калединской затеи кадетский вестник подсказывал и такую перспективу: «Если бы Учредительное собрание не осуществилось, а большевики продолжали бы гражданскую войну против казаков и украинцев, тем и другим не оставалось бы другого выхода, как организовать отдельное государство, пригласив к участию в нем Сибирь, Туркестан и Закавказье» [122].

Авантюра экс-премьера

Когда Каледин получил уведомление Духонина о том, что приглашение, посланное Богаевским Временному правительству, направлено «главковерху, находящемуся при войсках», в Новочеркасске вряд ли знали, что поддержки «действий атамана» со стороны Временного правительства, о чем заодно просил Богаевский, ждать уже поздно. Правда, по проводам еще шли за подписью главковерха телеграммы «всем, всем, всем» о том, что «верными правительству войсками» занята Гатчина, что министр-председатель и верховный главнокомандующий прибыл «во главе войск фронта» чуть ли не в усмиренный Петроград, и т. д. Но не было уже ни самого правительства, министром-председателем которого еще называл себя Керенский, ни войск, которые могли бы вернуть то правительство к жизни. В столице была новая власть.

В то время как Каледин, извещенный Малянтовичем о начавшейся революции, проводил в атаманском дворце заседание Войскового правительства, Керенский метался между Петроградом и Гатчиной, между Гатчиной и Псковом, разыскивая войска, которые он вызвал с фронта, чтобы с их помощью удержать в руках, а потом и восстановить рухнувшую власть. Войск не было. Случилось то, о чем Ленин предупреждал еще до Октябрьской революции. Когда соглашатели пугали рабочих тем, что в случае

[122] «Вестник партии народной свободы», 1918, № 1, стб. 15.

попытки пролетариата взять власть Временное правительство повторит корниловщину, Ленин, отвечая на такие угрозы, говорил, что это будет «безнадежнейший бунт кучки корниловцев» [123].

Уже тот факт, что в столичном гарнизоне, насчитывавшем до 200 тысяч солдат и офицеров, Временное правительство не нашло минимальных сил для своей защиты, было предвестником его полной катастрофы. Невиданное дело: правительство вызывает с фронта войска против войск, расквартированных в столице специально для его охраны. Керенский вспоминал об этом: «...Только действительное появление через самое короткое время подкреплений с фронта могло еще спасти положение. Но как их получить? Оставалось одно: ехать не теряя ни минуты навстречу эшелонам, застрявшим где-то у Гатчины, и протолкнуть их в С.-Петербург... Я решил прорваться через все большевистские заставы и лично встретить подходившие, как мы думали, к самому Спб. войска» [124]. Так начиналась та безнадежная авантюра, которая вошла в историю под наименованием мятежа Керенского — Краснова.

В канун вооруженного восстания в Петрограде Керенскому было известно, что не только петроградский гарнизон, но и действующая армия не бросится сломя голову спасать возглавляемую им коалиционную власть. 24 октября начальник его военного кабинета генерал Б. А. Левицкий вызвал к аппарату комиссара Северного фронта меньшевика В. С. Войтинского, чтобы узнать, «может ли какую оказать реальную поддержку в случае надобности Северный фронт Петрограду». Войтинский ответил: «Я уже говорил Александру Федоровичу, что все зависит от мотивов вызова войск на поддержку Временного правительства. В голом виде, без дальнейших объяснений, не удастся вывести и одного полка, совершенно другое создастся положение, если вызов войск будет санкционирован Центральным Исполнительным Комитетом и армейскими комитетами... Мой совет: не пытаться производить вызовы полков иначе, как под флагом и с санкцип названных мною организаций. Если такая санкция будет, то лучшей формой я считаю следующее: поручение о приводе войск

---

[123] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 324.

[124] *Керенский А.* Издалека. Сборник статей (1920—1921). Париж, 1922, с. 203.

должно быть возложено на то же лицо, которое стояло во главе сводного отряда в июле (имеется в виду поручик Ю. П. Мазуренко, командовавший вызванным с фронта карательным отрядом в июльские дни.— *В. П.*). Этому лицу мы дадим те самые части, которые уже были под его командой... Необходимым условием остается согласие ЦК (т. е. ЦИК'а — *В. П.*) и армискома и, по крайней мере, одного искосола 12-й армии» [125].

Когда же вслед за этим разговором начальник штаба Петроградского военного округа генерал Я. Г. Багратуни передал через Войтинского просьбу главного начальника округа, чтобы штаб фронта подготовил для отправки в Петроград, «в случае если потребуют обстоятельства», воинский отряд, Войтинский подтвердил то же самое: «Я передам вашу просьбу главкосеву (главнокомандующему армиями Северного фронта. — *В. П.*), но имейте в виду, что готовить отряды заранее, не зная для какой цели, абсолютно невозможно... Полчаса тому назад я указал генералу Левицкому, при каких условиях считаю формирование отряда возможным. Ознакомьтесь с лентой». Войтинский добавил, что с указаниями, сделанными им в разговоре с Левицким, «вполне согласен» и главкосев [126]. Эти разговоры показывают, какую шаткую основу имели надежды Керенского на подход войск к Петрограду во исполнение отданных им распоряжений, и характеризуют, кроме того, поведение главкосева генерала В. А. Черемисова, которое немало значило для исхода как мятежа Керенского — Краснова, так и последовавших за ним замыслов Ставки и «Комитета спасения родины и революции».

3-й конный корпус, прежде всего вызванный в Петроград Керенским, был тот самый корпус, который двигал в том же направлении в августе Корнилов, а после не-

[125] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1602, л. 1—4. Армискомы — армейские исполнительные комитеты; в 12-й армии — исполнительный комитет солдатских депутатов (искосол). Находились в то время в руках эсеров и меньшевиков.

[126] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957, с. 277. В данной публикации этот разговор воспроизведен с ошибкой в дате, допущенной в деле штаба Северного фронта («22 октября»); на самом деле он произошел 24 октября, что следует из сопоставления его с предыдущим, не опубликованным в сборнике, разговором с Левицким, на который ссылается Войтинский (он действительно состоялся на полчаса раньше — в 17 часов 24 октября 1917 г.).

удачного похода был предусмотрительно расквартирован Керенским не на слишком большом удалении от столицы — в городе Острове (40 верст южнее Пскова). О предназначении 3-го конного корпуса говорит, например, приказ его командира генерал-майора П. Н. Краснова, отданный 23 октября: «В 1-м армейском корпусе 51-я пехотная дивизия отказалась идти на позицию на смену 148-й дивизии... По просьбе армейского комитета и комиссара главнокомандующий Северным фронтом приказал расформировать 51-ю пехотную дивизию, хотя бы для этого пришлось употребить вооруженную силу. Для означенной цели части командуемого мною корпуса под моею командою временно передаются в распоряжение командующего 1-й армией...» Приказав иметь «патронов на людях по 200 и полные зарядные ящики и передки», Краснов назначил погрузку частей, находившихся в Острове, на 12 часов 24 октября [127]. Подавляющее же большинство частей корпуса было разослано по разным городам и станциям (Новгород, Торопец, Старая Русса, Осташков и др.) все с той же, карательной, целью, а два Донских полка — 13-й и 15-й — незадолго до этого были отправлены для усиления гарнизона в Ревель, так что в Острове из 50 сотен и 24 орудий, имевшихся в корпусе, оставалось только 18 сотен разных полков и 12 орудий [128].

Не успели, однако, погрузиться эти сотни, как Керенский приказал из двух дивизий корпуса одну — 1-ю Донскую — направить по железной дороге в Петроград, а в случае невозможности перевозки вести ее туда походным порядком [129]. Штаб Северного фронта передал этот приказ корпусу. Войтинский же послал в корпус «разъяснение» о том, что в Петрограде происходят «бесчинства и анархия», чем создается опасность срыва Учредительного собрания, а петроградский гарнизон оказался неспособным восстановить порядок. Поэтому Временное правительство по согласованию с ЦИК'ом стягивает в Петроград «верные революции и долгу перед родиной вой-

---

[127] ЦГВИА СССР, ф. 15775, оп. 1, д. 7, л. 57—58. Копировальный оттиск с подлинника.

[128] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1602, л. 181, 182; *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте.— «Архив русской революции», т. 1. Изд. 2. Берлин, 1922, с. 144.

[129] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 593.

ска», и среди них «одно из первых мест занимают казачьи полки». Клевеща на солдат Петроградского гарнизона, обзывая их «окопавшимися в тылу дезертирами», меньшевистский комиссар натравливал на них казаков [130]. В 9 часов утра 25 октября Краснов отдал 1-й Донской дивизии приказ: «Сегодня спешно направиться по железной дороге в район Гатчина — Александровская», затем сосредоточиться в районе Пулково — Царское Село и оттуда походным порядком двигаться к Петрограду [131].

На 23 часа 25 октября была назначена отправка первого эшелона Донской дивизии со ст. Остров, но в это время комендант станции сообщил Краснову, что из Пскова получена телеграмма об отмене перевозки корпуса. Краснов немедленно связался по телеграфу со штабом фронта. У подошедшего к аппарату помощника генерал-квартирмейстера штаба фронта подполковника Артемьева он спросил: «Есть ли отмена движения 1-й Донской дивизии на Петроград и чем она вызвана?» Артемьев ответил, что такое распоряжение главкосевом сделано и телеграммы о приостановке движения «сейчас передаются на аппараты». «Доложите главкосеву,— сказал Краснов,— что я имею приказание главковерха направить Донскую дивизию на Петроград. Ввиду коллизии приказаний я не знаю, которое должен исполнить. Прошу дать немедленно приказание. Из-за этого выходит большая путаница, недоразумения, которые необходимо выяснить» [132]. Но независимо от просьбы Краснова в 23 часа 5 минут ему была передана телеграмма: «Главкосев приказал частям вверенного вам корпуса, направленным в Петроград, возвратиться в место прежнего их расположения на Северном фронте, т. е. в район г. Острова. Об исполнении главкосев приказал ему срочно донести» [133]. Под этой телеграммой стояла подпись начальника штаба фронта генерал-майора С. Г. Лукирского. Не ограничившись передачей телеграммы, он сразу же сговорился по телеграфу с Красновым, что тот «для выяснения этого вопроса приедет сегодня в час ночи в Псков и лично явится к главкосеву». Лукирский доложил и Духонину, что Черемисов

---

[130] Там же.
[131] Там же, с. 593—594.
[132] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1602, л. 48. Телеграфный бланк.
[133] Там же, л. 56. Подлинник. Автограф С. Г. Лукирского.

отменил распоряжения об отправке войск в Петроград, и передал Духонину текст приказаний об отмене перевозок, присовокупив, что он, Лукирский, причин отмены не знает. Духонин удивился не менее Лукирского и Краснова. «Я не понимаю, чем вызывается такая отмена,— ответил он.— Буду ждать объяснения главкосева» [134]. Краснов же сел в автомобиль и помчался в Псков.

Керенский, приехав вечером 25-го в Псков, отправился на квартиру своего шурина генерал-квартирмейстера штаба фронта генерал-майора В. Л. Барановского, бывшего у него начальником военного кабинета (до Левицкого). О том, что произошло дальше, Барановский рассказал на другой день Духонину, и мы воспользуемся его рассказом. Керенский пришел к нему с вопросом, «идут ли войска, на что получил ответ, что идут». Вызванный Керенским Черемисов «поставил совершенно определенно вопрос о невозможности посылки войск и бесполезности таковой». Он объяснял это тем, что армейские комитеты 1-й и 5-й армий «от таковой посылки уклонились», а это «совершенно определенно указывает на истинное настроение окопов». Желание посылать войска выразил комитет 12-й армии, но он «не отражает истинного настроения окопов». Черемисов заявлял, что ему известно мнение солдат, а не только комитетов, и предупреждал, что посылка войск с фронта вызовет уход солдат из окопов, развал фронта и окажется бесполезной, потому что Временное правительство уже арестовано, а посланные на его защиту войска подвергнутся агитации солдат Петроградского гарнизона и перейдут на их сторону. Нарисовав такую картину и сделав заключение, что «посылка войск будет авантюрой», Черемисов настоял на том, чтобы остановить движение войск к Петрограду, и получил от Керенского «неохотное согласие». По-видимому, именно в этот момент Керенский узнал (от Черемисова) об аресте покинутого им Временного правительства. После разговора с Черемисовым, уехавшим на заседание фронтового комитета, где он объявил об отмене движения войск на Петроград, Керенский, по наблюдению Барановского, «испытывал муки ада» от бессилия удержать власть. А Черемисов, вернувшись от Керенско-

---

[134] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1541, л. 69.

го, по всей видимости, тут же отдал распоряжения о приостановке движения войск.

Но потом Барановский отправился в дом Черемисова, где собирались на заседания представители комитетов и куда в позднее время фактически переносилось из штаба управление фронтом. Там из разговоров с разными лицами Барановский выяснил, «что картина, нарисованная Черемисовым, слишком ярка». Решив так, он нашел поддержку у Войтинского, который, как мы помним, ранее заявлял о своем единогласии с Черемисовым в оценке настроения войск. Явившись к Керенскому вместе, Барановский и Войтинский стали доказывать ему необходимость «ликвидировать Петроград силой» и предложили экспремьеру ехать в Остров к Краснову, в настроении которого нельзя было сомневаться, и вместе с ним двинуться в Петроград для реализации «решения силой» [135].

А между тем Краснов уже сам приехал в Псков. Узнав, что Черемисов находится на заседании представителей комитетов, Краснов настоял, чтобы о нем было срочно доложено главкосеву. Когда Черемисов вышел, рассказывает Краснов, «лицо у него было серое от утомления...

— Временное правительство в опасности,— говорил я,— а мы присягали Временному правительству и наш долг...

Черемисов посмотрел на меня.

— Временного правительства нет,— устало, но настойчиво, как будто убеждая меня, сказал он.

— Как нет? — воскликнул я.

Черемисов молчал. Наконец тихо и устало сказал:

— Я вам приказываю выгружать ваши эшелоны и оставаться в Острове. Этого вам достаточно. Все равно вы ничего не можете сделать.

— Дайте мне письменное приказание,— сказал я.

Черемисов с сожалением посмотрел на меня, пожал плечами и, подавая мне руку, сказал:

— Я вам искренне советую оставаться в Острове и ничего не делать. Поверьте, так будет лучше.

И он пошел опять туда — в «совет»» [136].

---

[135] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 604—605.

[136] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте.— «Архив русской революции», т. 1, с. 147—148.

После этой сцены Краснов, хотя и ошеломленный известием, что Временного правительства уже нет, тем не менее отправился к Войтинскому — за «советом», как он пишет, а на самом деле — в надежде найти опору для действий в усвоенном уже им направлении. Войтинский, как мы уже видели, теперь не был «вполне согласен» с оценкой положения Черемисовым, чрезвычайно обрадовался появлению Краснова и немедленно организовал ему свидание с Керенским.

Это было знаменательное свидание. Монархист, едва пересиливая брезгливость, заключал союз с тем, кто уже был никто, но мог пригодиться в качестве «главноуговаривающего» так же, как пригодился перед июньским наступлением. А Керенский хватался за единственного генерала, хотя бы и монархиста, готового обнажить шпагу, чтобы вернуть ему власть. Это был союз двух корниловцев.

Керенский обещал Краснову еще и 17-й корпус и 37-ю дивизию, и у того уже зрел план: его казаки, высаженные в Гатчине, составят разведывательный отряд, под прикрытием которого на фронте Тосно — Гатчина высадится пехота и станет «быстро двигаться, охватывая Петроград и отрезая его от Кронштадта и Морского канала»[137]. Ранним утром, еще до рассвета, передав Черемисову приказ возобновить перевозку к Петрограду теперь уже всего 3-го конного корпуса[138], Керенский вместе с Красновым отправился на автомобиле в Остров начинать силами корпуса поход.

В Острове они сразу увидели, что пехотные части гарнизона к замышленному походу относятся враждебно. Керенский потом, кое о чем умалчивая, вспоминал: «Не успели мы въехать в Остров, как стали уже кругом поговаривать о том, что местный гарнизон решил прибегнуть к силе, дабы не выпустить казаков из города». Краснов собрал в штабе корпуса представителей гарнизонных и казачьих частей, и Керенский, выступая перед ними, «сам смог убедиться, что каждый лишний час промедления в городе делал самое выступление корпуса из Острова все более гадательным. Постепенно вокруг самого здания

---

[137] *Краснов П. Н.* Указ. соч., с. 151.

[138] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 595.

штаба 3-го корпуса скапливалась, все разрастаясь, солдатская толпа, возбужденная и частью вооруженная». Наконец Краснову донесли с вокзала, что воинские поезда приготовлены, и он вместе с Керенским поспешил туда. «Наши автомобили,— продолжает Керенский,— пошли к станции, конвоируемые казаками, напутствуемые ревом и угрозами разнузданной солдатчины» [139]. Мемуары Краснова, опубликованные одновременно в Берлине, добавляют к этим фактам небезынтересные детали. Краснов характеризует речь Керенского перед собранными представителями частей как «истерические выкрики отдельных, часто не имеющих связи между собой фраз». Генералу запомнились из этой речи выражения: «Завоевания революции в опасности», «Революция совершилась без крови — безумцы большевики хотят полить ее кровью», «Предательство перед союзниками» и т. д. «Донцы слушали внимательно, многие, затаив дыхание, восторженно, с раскрытыми ртами»,— вспоминал Краснов. Но в то же время сзади раздалось: «Неправда! Большевики не этого хотят». Краснов говорит, что такие крики раздались «в двух, трех местах». Когда же Керенский кончил, раздались «довольно жидкие аплодисменты» и послышался голос: «Мало кровушки нашей солдатской попили! Товарищи, перед нами новая корниловщина... Товарищи! вас обманывают... Это дело замышляется против народа!..» Краснов стал уговаривать Керенского уйти, и он решил ехать на станцию, но оттуда сообщили, что «нет еще вагона».

А между тем у дома, где был Керенский, собралась толпа. Офицеры сказали Краснову, что «настроение ее далеко не дружелюбное, и не советовали отправлять Керенского без конвоя». Солдаты в толпе переговаривались: «Большевики за дело стоят! Солдату что нужно? — мир, а он опять о войне завел шарманку»; «Схватить его и представить Ленину,— вот и все». Краснов вызвал с вокзала конный взвод для конвоирования автомобиля и приказал выставить сотню в «почетный караул» на станции. У вокзала тоже оказалась толпа, которая «притихла» при виде марширующей сотни. Этим же Краснов объясняет, что и вагон теперь «явился как из-под земли». Заключительная сцена в Острове описана у Краснова так: «Мы

[139] *Керенский А.* Указ. соч., с. 208—209.

сели в вагон, я отдал приказание двигать эшелоны. Паровозы свистят, маневрируют. По путям ходят солдаты Островского гарнизона, число их увеличивается, а мы все стоим, нас никуда не прицепляют и никуда не двигают. Я вышел и пригрозил расправой. Полная угодливость в словах и никакого исполнения». Из Острова все не удавалось вырваться. В конце концов выяснилось, что эшелон не отправляется из-за того, что на станции не нашлось машиниста, который повел бы его. «Выручил» начальник личной охраны генерала Краснова — есаул, в прошлом — помощник машиниста. «Он взялся провезти нас,— вспоминал Краснов,— стал на паровоз с двумя казаками и дело пошло» [140].

Эсер Г. Семенов, назначенный Войтинским комиссаром 3-го конного корпуса, «ввиду особых задач, возложенных на этот корпус», приехал в Остров после того, как Керенский и Краснов с эшелоном благополучно выбрались со станции. Уже по дороге туда один местный левый эсер, возвращавшийся вместе с Семеновым из Пскова, рассказал, что настроение гарнизона в Острове «совсем большевистское, и не пассивно-сочувственное, а активное: гарнизонные части заявляют, что в случае решения казаков бороться против петроградских рабочих, они ни одной казачьей сотни не выпустят из Острова» [141]. Такую оценку настроений гарнизона подтвердил Семенову и начальник штаба корпуса, оставшийся в Острове. Рассказал он и о том, что с Красновым и Керенским отправились в Гатчину всего четыре сотни казаков. Перед отъездом командир корпуса «оставил боевой приказ — двинуть и остальные части корпуса», но они «не хотят идти, отказываясь выступать против петроградских рабочих» [142]. Семенов считал своей обязанностью двинуть их вслед за Красновым и Керенским. Он объехал три-четыре сотни, стоявшие в деревнях под Островом, созывал комитеты, собрания казаков и от имени ЦИК убеждал их в необходимости выступления. Семенов рассказал о собрании в одной из сотен. Его агитационную речь казаки

---

[140] *Краснов П. Н.* Указ. соч., с. 152—153.

[141] *Семенов Г.* Воспоминания бывшего эсера.— «Прожектор», 1923, № 6, с. 30.

[142] *Семенов (Васильев) Г.* Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. М., 1922, с. 5.

«хмуро слушали». А когда он кончил, вперед протолкался старый казак и начал возражать Семенову: «Мы уже шли на Петроград один раз, да добра от этого мало было. Это — когда генерал Корнилов нас посылал... И почему это казаки должны одни идти? Ежели крестьян многие миллионы, так пусть они тоже идут». Его поддержали присутствовавшие казаки: «Правильно»; «А пехота где? Почему пехота нейдет?» Семенов продолжал убеждать: заявил, что с фронта двинулись пехотные части, которые «не сегодня-завтра прибудут и поддержат казаков». Это произвело впечатление, и казаки согласились грузиться в вагоны для отправки на Петроград, хотя, замечает Семенов, «без всякого подъема, далеко не единогласно». Такие же картины, по его свидетельству, наблюдались и в других сотнях. После собраний «медленно расходились казаки седлать лошадей; и в этой неторопливости, в их как будто ленивых движениях чувствовалась большая неохота идти походом на большевиков» [143].

Требование казаков, чтобы вместе с ними воевала и пехота, оказывалось прямо-таки камнем преткновения для всех попыток Временного правительства удержаться у власти. В ночь на 25 октября Керенский приказал направить на подавление «беспорядков» стоявшие в Петрограде 1, 4 и 14-й Донские полки. Представители казаков потребовали, чтобы с ними выступила и пехота [144]. Керенский обещал дать пехоту, но она «упорно не появлялась». А казаки так же «упорно отсиживались в своих казармах» и на частые телефонные звонки все время сообщали, что вот они через 15—20 минут «все выяснят» и «начнут седлать лошадей» [145]. Керенскому пришлось ехать за войсками в Гатчину, Псков, Остров, а они все еще «седлали лошадей». Казаки не просто требовали подкрепления в виде пехоты. Они добивались гарантии, что их не втравят, как в 1905 г., в антинародное дело. Вот если пойдет и пехота, то уже будет гарантия, что народ вместе с ними и они не выступают одни против народа. Неизвестно, понимал ли это отчетливо Керенский, но когда к нему в Гатчину приехала делегация от соглашателей из 5-й армии, то услышала от казаков, что «без

---

[143] «Прожектор», 1923, № 6, с. 30.
[144] «Донская летопись», 1923, № 2, с. 273.
[145] *Керенский А.* Указ. соч., с. 201.

пехоты они в бой двигаться не хотят», а Керенский, прощаясь с делегацией, высказал просьбу: «У меня по не зависящим от меня условиям в отряде только казаки, но я надеюсь, что вы не скажете этого моим врагам» [146]. Обстоятельства, действительно, были «не зависящими» от бывшего премьера.

По признанию Краснова, к вечеру 27 октября он имел при себе шесть конных сотен, 8 пулеметов и 16 конных орудий, то есть всего 480 казаков [147]. И все-таки Краснов и Керенский решили наступать. Им, оказывается, некогда было ожидать подкреплений. В мемуарах Керенского есть объяснение этой спешки: «Главным козырем большевистской игры был мир, мир немедленный». В руках большевиков были главный телеграф в Петрограде и самая мощная в России Царскосельская радиостанция, дававшие возможность обращаться к солдатам на фронте с призывами кончать войну и добиваться мира. «Необходимо было,— писал Керенский,— попытаться разорвать все связи между петербургскими большевиками и фронтом... Через 8—10 дней было бы уже поздно: фронт был бы сорван, и страну затопила бы стихия сорвавшейся с фронта солдатчины. Выхода не было. Надо было безумно рисковать, но действовать» [148]. Комментируя это признание, Г. Лелевич писал: «Эти строки представляют собой один из позорнейших документов. Видный член партии, которая называет себя социалистической, открыто признает, что его задача — низвергнуть при помощи корниловского корпуса выдвинутое массовой революцией правительство прежде, чем солдаты узнают, что это правительство несет мир» [149].

28 октября к Краснову подошли три сотни из другой дивизии корпуса — Уссурийской, но сразу же заявили, что «в братоубийственной войне принимать участия не будут, что они держат нейтралитет», и отказались выставить на смену донцам заставы для охраны Царского Села. В полночь, после обстрела города из орудий, отряд Крас-

---

[146] «Двинское слово», 1917, 12 ноября («Отчет делегации Совета и армискома-5, ездивших в Ставку и Петроград»).
[147] *Краснов П. Н.* Указ. соч., с. 158.
[148] *Керенский А.* Указ. соч., с. 211.
[149] *Лелевич Г.* Октябрь в белогвардейском описании.— «Пролетарская революция», 1923, № 9, с. 54.

нова вступил в Царское Село. «Комитеты мне заявили,— читаем в его мемуарах,— что казаки до подхода пехоты дальше не пойдут» [150]. Из-за этого генералу пришлось назначить на 29 октября дневку. Среди казаков появилась масса агитаторов, сравнивавших этот поход с корниловским, говоривших, что Краснов с Керенским ведут их, как при царе и как при Корнилове, избивать рабочих и крестьян, чтобы вернуть всю власть помещикам и буржуазии. «Строевые казаки, — по наблюдениям Керенского, —долго не оставались равнодушными» к этой агитации и «смотрели в сторону начальства все сумрачнее» [151].

Краснов делал отчаянные попытки пополнить отряд пехотой за счет царскосельского гарнизона. «Неужели из 16 000 солдат стрелков не найдется хотя бы одной тысячи, которая согласилась бы пойти с нами?» Этого он никак не мог допустить, но солдаты отказывались вмешиваться в братоубийственную войну и, несмотря на все усилия втянуть их в нее, которые прилагали деятели партии эсеров Савинков, Фейт, Гоц, Семенов, заявляли о нейтралитете. «Я и тому должен был быть рад,— признавался Краснов,— по крайней мере не ударят в спину» [152]. Краснов попытался привлечь на свою сторону находившуюся в Царском Селе пулеметную команду 14-го Донского казачьего полка, расквартированного в Петрограде. Как ни агитировали пулеметчиков он и члены дивизионного комитета, «представители 14-го полка уперлись, как бараны», открыто заявляя, что «они заодно с Лениным, что Ленин за мир, и категорически отказались помочь». Вечером же на Краснова обрушился форменный удар. К нему явились представители комитетов обеих дивизий и заявили, что «казаки отказываются идти на Петроград одни, без пехоты. Если пехота не приходит — значит она вся против [Временного] правительства и идет с большевиками. Нам одним все равно ее не победить». Несмотря на все уверения Краснова, что к нему примкнут «сотни тысяч людей» и придет еще помощь, казаки твердили: «Не придет эта помощь! Все против нас!» [153]

---

[150] *Краснов П. Н.* Указ. соч., с. 162.

[151] *Керенский А.* Указ. соч., с. 217—218.

[152] *Краснов П. Н.* Указ. соч., с. 163.

[153] Там же, с. 164—165.

В это время у Краснова было девять сотен (630 конных казаков), 18 орудий, один бронеавтомобиль и бронепоезд, вызванный Керенским с Юго-Западного фронта [154]. Лидеры эсеров усиленно помогали Краснову агитировать казаков, готовя их к предстоящему бою. Этот бой произошел 30 октября на Пулковских высотах.

Как бы ни были малочисленны силы Краснова и Керенского, Советское правительство не могло недооценивать угрозы, которую нес революционной столице поднятый ими мятеж. Советская власть еще только организовывалась, у нее не было еще никакого военного аппарата, для начинавшейся гражданской войны она не успела создать сколько-нибудь организованную военную силу. А между тем в столице вовсю орудовали тайные и явные контрреволюционные организации, стремясь прийти на помощь Керенскому и Краснову. 29 октября они подняли в Петрограде мятеж юнкеров военных училищ. Военно-революционному комитету удалось быстро, в тот же день, подавить его, но происки мятежников не прекращались. Одновременно развернули антисоветскую деятельность Викжель, монархическое подполье. Тяжелые бои с белой гвардией шли в Москве, куда Советское правительство не могло в такой обстановке подать помощь, а успех контрреволюции во второй столице позволил бы перебросить оттуда какие-нибудь силы под Петроград, к Краснову. И Керенский уже посылал тамошним контрреволюционерам просьбу о такой помощи. Не переставала заботиться о подкреплениях Ставка. А кроме всего этого, при отсутствии налаженного военного аппарата, у командования революционных сил не было и сколько-нибудь сносной разведки. Слухи же преувеличивали силы Краснова. Один житель Царского Села принес весть, что они достигают пяти тысяч казаков [155]. Численность 3-го конного корпуса, действительно, была примерно такая, но корпус надо было еще суметь собрать, а он никак не собирался. Расчеты контрреволюции в немалой степени строились на использовании неорганизованности революционных сил, на их беспечности вследствие упоения победой, которая казалась противникам Советской власти непрочной

---

[154] *Краснов П. Н.* Указ. соч., с. 164.

[155] См. Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. Том. 1. М., 1966, с. 344.

и временной. И Краснов и Керенский не без оснований полагали, что в случае первого же эффектного успеха мятежа к ним примкнут колеблющиеся пока слои населения.

Партия большевиков со всей серьезностью отнеслась к выступлению контрреволюции. Руководство борьбой против мятежников взял в свои руки Ленин. На собрании полковых представителей Петроградского гарнизона 29 октября Ленин раскрыл всю глубину опасности и призвал к отпору корниловцам. «Политический вопрос,— сказал он,— теперь вплотную подходит к военному». В то же время Ленин оценил соотношение сил, сказав, что кроме корниловцев Керенскому опереться не на кого, на фронте за ним нет никого, а громадное большинство крестьян, солдат и рабочих стоит за политику мира, которую проводит Советское правительство. Поэтому попытка Керенского свергнуть Советскую власть — это «такая же жалкая авантюра, как попытка Корнилова». Но Ленин указывал, что «момент теперь трудный», и призывал исходить из того, что положение политическое свелось к военному. «Задача политики и военная задача,— сделал вывод вождь революции,— организация штаба, сосредоточение материальных сил, обеспечение солдат всем необходимым; это надо делать не теряя ни одного часа, ни одной минуты, чтобы дальше шло все так же победоносно, как до сих пор» [156]. Реализация этих мер имела большое практическое значение. Самое главное, что требовалось, была организация сил. И уже на том же совещании Ленин смог заявить: «Времени большой дезорганизации положен конец» [157].

Известно, что в бою под Пулковом 30 октября казаки Краснова потерпели поражение, и мятежному отряду пришлось уйти с поля боя — снова в Гатчину, где, конечно, Краснов и Керенский так и не дождались подкреплений, а разложение в казачьих сотнях достигло высшего предела. Придя в полное отчаяние, Керенский стал умолять своих адъютантов, чтобы они его застрелили, но они отказались это сделать [158] и все еще не теряли на-

---

[156] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 36—38.

[157] Там же, с. 39.

[158] Поручик В. О. Даниелевич рассказывал 6 ноября генерал-квартирмейстеру Ставки М. К. Дитерихсу о последних часах пре-

дежды, что он вернется к политической жизни. Сам же Керенский, видимо, счел свою политическую карьеру законченной: переодевшись в матросское платье, он потайным ходом вышел из дворца и бежал из Гатчины, а потом уехал за границу. Краснов, арестованный матросами, был доставлен в Смольный, в Военно-революционный комитет. Он дал честное слово, что не будет больше воевать против Советской власти, и Крыленко отпустил его к своему корпусу, которому было приказано сосредоточиться в Великих Луках.

В Гатчине, в Царском Селе, под Пулковом возник первый фронт начатой контрреволюцией гражданской войны против Советского государства. Что касается соотношения сил в боях на этом фронте, то в нашей литературе разноречивые сведения. Если на стороне революционных сил численность бойцов признается от 8 до 10—12 тысяч, то определение численности отряда Краснова вызывает бóльшие расхождения: одни авторы считают, что у него было 1000—1200 человек [159], другие — до 5 000 [160], в мемуарах же главарей мятежа признается 700 казаков. Должно заметить, что для боевых действий крупного значения разница между 1000 и 5000 штыков или сабель вряд ли может считаться принципиальной: когда на стороне революции вся рабоче-крестьянская Россия, а в данном случае и неиссякаемые резервы Красной гвардии, то и 1000 и 5000 казаков — такая же ничтожная кучка, как и 700.

Малочисленность мятежников — факт весьма показательный. Она, во-первых, показала, насколько прав был Ленин, заранее считая, что даже казаки не пойдут против правительства мира; во-вторых, победа решалась не только соотношением сил под Пулковом, но и энергич-

---

бывания Керенского в Гатчине: «...Он считал, что выдача (казаками Керенского.— *В. П.*) повлечет самосуд и, боясь этого, предложил мне, а потом Виперу его застрелить, так как сам проделать этой операции он не мог. Конечно, ни один из нас этакой услуги сделать ему не мог, и он окончательно впал в черную меланхолию» (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, л. 242—243. Телеграфная лента разговора по прямому проводу).

[159] См. *Лутовинов И. С.* Ликвидация мятежа Керенского — Краснова. М., 1965, с. 17, 63; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 2. Л., 1967, с. 396.

[160] «Военно-исторический журнал», 1968, № 4, с. 12—13.

ными мерами, предпринятыми военно-революционными комитетами на фронтах и железнодорожных узлах. Победа состояла не только в том, что враг был разгромлен, в силу хотя бы своей малочисленности, под Пулковом, но и в том, что не было допущено подвоза подкреплений к полю боя и пресечена всякая возможность создать благоприятное для контрреволюции соотношение сил в районе военных действий.

Если же выяснять точную силу противника, то придется признать, что наиболее вероятная его численность на поле боя к моменту решающих действий под Пулковом, учитывая подкрепления, подоспевшие 29 октября, не могла превысить 1000 — 1200 человек, как в соответствии с фактическим положением дел считает И. С. Лутовинов [161]. Имевшие хождение в литературе другие данные — 5000 — не основываются ни на чем, кроме показаний жителя Царского Села по фамилии Хордикайнен, о котором ничего не известно, кроме фамилии: не известно, почему он «вышел из Царского Села в 12 часов дня 29 октября», кому и при каких обстоятельствах сообщил, что «город занят войсками Керенского, которые находятся у вокзала большинством; войск в городе 300 человек (всего с окрестностями 5000)» [162]. При такой безапелляционности суждения о силах противной стороны (не только в городе, но и в окрестностях), этот житель почему-то оказался не представляющим хотя бы приблизительно величину оставшейся в Царском Селе части местного гарнизона. Хотя все это ставит под сомнение достоверность сведений, неизвестно кем полученных от названного жителя, попыток выяснить источники его осведомленности почему-то не делалось, а его сомнительные сведения нередко сами принимались за источник. Предположения же о том, что к моменту боя на Пулковских высотах к Краснову «присоединились еще некоторые силы» [163], страдают тем недостатком, что не подкрепляются даже намеком, какие это все-таки могли быть части, без чего даже о приблизительном подсчете говорить не приходится.

Бесспорным же остается одно: провал мятежа Керенского — Краснова показал, что контрреволюция действи-

---

[161] *Лутовинов И. С.* Указ. соч., с. 63.
[162] Петроградский военно-революционный комитет, т. 1, с. 344.
[163] «Военно-исторический журнал», 1968, № 4, с. 12.

тельно не смогла собрать против власти Советов, против правительства мира даже тех самых ничтожных сил, какие сумел сдвинуть с места в самом начале августовского мятежа Корнилов.

Затевают «кровопускание»

Калединская верхушка не проявляла такой поспешности в открытии боевых действий против власти Советов. Она готовилась более основательно, и опыт боев под Петроградом послужил ей уроком.

Как правило, все основные факты, относящиеся к организации белоказачьей верхушкой Дона борьбы против власти Советов, в той или иной мере тогда же освещались на страницах контрреволюционных газет. Это необходимо было для моральной подготовки казачества к разжигаемой борьбе. Но одновременно там вершились другие дела, которые до поры до времени сохранялись в тайне от широкого круга населения.

Пройдет еще почти три десятилетия, из голов белогвардейцев-эмигрантов, особенно после разгрома фашизма в 1945 г., выветрятся надежды на успешный крестовый поход против страны Советов, и, чтобы запечатлеть грехи своей молодости, только для успокоения совести и оправдания перед потомством выдаваемые за подвиги, они расскажут о том, что делалось тогда, в 1917 г., в глубокой тайне от народа. Немало в этом отношении даст книга, изданная в 1962 г. в Париже под витиеватым заглавием «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов». Составлена она бывшим подполковником Марковского пехотного полка В. Е. Павловым. В предисловии сказано, что книга написана «главным образом на базе личных воспоминаний участников борьбы, их сохранившихся дневников, записных книжек», предоставленных составителю более чем 100 марковцами.

Являясь почетным членом Союза офицеров армии и флота, генерал Алексеев был делегирован от этого Союза в Предпарламент и, приехав 7 октября в Петроград, уже не возвращался к своему местожительству в Смоленск. В нашей литературе известно, что он и в дооктябрьское время и позже «был вдохновителем контрревo-

люционных офицерских организаций» и что, пробыв в Ставке 12 дней после корниловского мятежа, «временно отошел от активной деятельности, выжидая удобного момента, чтобы перейти к контрреволюционным действиям» [164]. Воспоминания марковцев исправляют представление о каком-либо перерыве в деятельности Алексеева. Он был, оказывается, не только «вдохновителем». Параллельно — Корнилов в Ставке, Алексеев в Петрограде — вели деятельную подготовку к борьбе против революции. Это была подготовка «осторожная и в возможной тайне, без упоминания имен вождей» (т. е. Корнилова и Алексеева). Конкретно же она выглядит так: «В Петрограде ген. Алексеев идейную и моральную подготовку вел через политическую организацию «Русской государственной карты», возглавляемую В. Пуришкевичем. Эта организация становилась центром всех объединяющихся сил. Подготовку военную секретно ген. Алексеев вел с помощью верных и надежных офицеров, стремясь объединить и связать сохранившие порядок и дисциплину воинские части, главным образом военные училища и школы прапорщиков». Он добивался при этом объединения в одну организацию офицеров, служивших в запасных частях, военных школах, а также оказавшихся в Петрограде по разным причинам «с тем, чтобы в нужный момент сформировать из них воинские части». Наибольшую заботу доставляли офицеры, не жившие в Петрограде постоянно и оказавшиеся там случайно: чтобы удержать их в Петрограде, нужно было обеспечить их жильем и питанием. В поисках выхода из положения Алексеев поручил полковнику Веденяпину проникнуть в общество борьбы с туберкулезом под названием «Капля молока», которое удалось использовать и как питательный пункт и как нелегальное «управление этапного коменданта». Кроме того, при посредстве торгово-промышленных кругов Алексеев приступил к пуску бездействующих заводов, чтобы под видом рабочих разместить там офицеров. Так зародилась, по свидетельству марковцев, сначала в Петрограде, потом в Москве тайная «Алексеевская организация». «Цель ее такова: при неизбежном новом восстании большевиков (первым, очевидно, продолжали считать июльские собы-

[164] См. Советская военная энциклопедия. Т. 1. М., 1932, стб. 400; Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961, стб. 380.

тия.— *В. П.*), когда Временное правительство безусловно окажется неспособным его подавить, выступить силами организации, добиться успеха и предъявить Временному правительству категорические требования к изменению своей политики. Но генерал Алексеев учитывал и возможность победы большевиков, тем более потому, что его организация едва начала свое дело и была еще очень слаба. На этот случай он договорился с атаманом Дона ген. Калединым о переброске своей организации на Дон, чтобы оттуда продолжать борьбу» [165].

Заблаговременная договоренность с Калединым оказалась нелишней, потому что большевики действительно победили и, по-видимому, быстрее, чем мог предполагать Алексеев. А реальный результат всей подготовки к борьбе с ними оказался тот, что уже днем 25 октября кто-то из членов Временного правительства посоветовал Алексееву скрыться. Опасаясь, что его станут разыскивать, он стал ежедневно менять места своего пребывания, но все еще отдавал по своей тайной организации распоряжения, теперь уже вовсе не боевого свойства: «о продолжении регистрации желающих продолжать борьбу, о подготовке их отправки на Дон, о снабжении их подложными документами, деньгами на проезд и пр.» К тому времени в «Алексеевской организации» было зарегистрировано уже несколько тысяч офицеров, но из них для участия в борьбе, для которой они были предназначены, «только около ста собралось в здании одного из женских институтов согласно ранее объявленному распоряжению». Оказавшийся среди них старшим штабс-капитан Парфенов принял на себя командование этой сводной ротой, организовал несколько нападений на красногвардейцев, потом решил присоединиться к 14-му Донскому казачьему полку, но тот объявил о своем нейтралитете. Отсутствие распоряжений свыше и явные признаки полного успеха большевиков, в частности провал юнкерского мятежа 29 октября, побудили офицеров и приставших к ним юнкеров, по выражению марковцев, «к распылению». 30 октября Алексеев отдал последнее распоряжение: начать отправку добровольцев на Дон, как только от него будет получена условная телеграмма, а сам, переодевшись в штатское,

[165] Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Кн. 1. 1917—1918 гг. Париж, 1962, с. 21—22.

с адъютантом ротмистром Шапроном и чемоданом, отправился в Новочеркасск [166].

Эти свидетельства марковцев наполняют конкретным содержанием и делают более важным заявление Алексеева, сделанное Войсковому правительству в Новочеркасске в январе 1918 г., которое зафиксировано полковником Я. М. Лисовым, бывшим тогда начальником полевого штаба при войсковом атамане. На вопрос, «какова история возникновения Добровольческой армии», заданный одним из присутствовавших, Алексеев ответил: «В октябре месяце в Москве был организован «Союз спасения родины»; организаторами этого союза являлись главным образом представители кадетской партии. Этот союз поручил мне дальнейшую организацию дела спасения родины, всеми мерами и средствами, для каковой цели я приехал на Дон, как единственное безопасное место, куда стали стекаться беженцы офицеры и юнкера, из которых мною и была образована Добровольческая армия» [167]. Отсюда можно видеть, что Алексеев в сколачивании контрреволюционных формирований не был «кустарем-одиночкой», как может показаться из воспоминаний марковцев: его деятельность направляла определенная политическая организация. Он называет ее «Союзом спасения родины», но это явно неточно (может быть даже, такое название придумано в целях конспирации, нужда в которой в январе 1918 г. не только не отпала, но стала еще острее). Под этим именем скрывается, конечно, «Совет общественных деятелей», задача которого именно в октябре формулировалась так: «отделить все элементы страны, стоящие выше классовых интересов, и объединить их под знаменем спасения родины» [168], откуда, видимо, и вытекал псевдоним «Совета», употребленный Алексеевым. Деятели «Совета» приехали потом и в Новочеркасск и продолжали здесь уже руководить и Алексеевым, и Калединым, и несколько позже объявившимся на Дону Корниловым. Кстати, следует иметь в виду, что Деникин назвал Совет

---

[166] Там же, с. 24—28.

[167] *Лисовой Я. М.* «Допрос» генерала Алексеева.— «Донская летопись», Белград, 1923, № 2, с. 301. (Перепечатка из «Донской волны», № 13, 1919, 24 марта).

[168] «Русское слово», 1917, 13 октября. Из речи проф. П. И. Новгородцева на 2-м совещании общественных деятелей.

общественных деятелей тоже неточно — «Московским центром» [169], и в нашей литературе так и фигурируют «представители контрреволюционной организации «Московский центр» князь Трубецкой, Струве, Милюков и другие» [170]. Но это название, по-видимому, возникло по ассоциации с преемниками Совета общественных деятелей — «Правым центром», а затем «Национальным центром», находившимися также в Москве [171], организации же под названием «Московский центр» или «Союз спасения родины» вообще не существовало.

2 ноября Алексеев оказался в столице калединского «государства». Роковым предзнаменованием для всего последующего «белого движения» явилось практическое выполнение прощального распоряжения Алексеева об отправке на Дон кадров его «организации» из Петрограда, и Москвы. Об этом много лет спустя не без горечи, но красноречиво рассказали те же марковцы: «...В ноябре еще не был организован большевиками строгий контроль [на железных дорогах]. Из Петрограда смог пробраться в Новочеркасск маленькими группами весь старший курс Константиновского артиллерийского училища, несколько десятков [юнкеров] Михайловского и других военных училищ. Офицеров из Петрограда оказалось очень мало: зачисливпиеся в «Алексеевскую организацию» немалые их сотни, получившие от нее нужные документы и деньги, однако, не оказались добровольцами. С сотней с лишним юнкеров Константиновского артиллерийского училища не оказалось ни одного их курсового офицера... Очень мало дала добровольцев и Москва, хотя зачисливпихся в «Алексеевскую организацию» было много. За ноябрь и декабрь перебрались на Дон немногие десятки. «Организация» хорошо развивала свою работу: где-то регистрировали, где-то выдавали старое солдатское обмундирование, деньги...» Однако мало кого из них дождался Алек-

---

[169] См. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 2. Париж, (1922), с. 188.

[170] *Берз Л. И., Хмелевский К. А.* Героические годы. Октябрьская революция и гражданская война на Дону. Исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1964, с. 99. См. также: *Васюков В. С.* Предыстория интервенции. Февраль 1917 — март 1918. М., 1968, с. 249; *Соловьев О. Ф.* Великий Октябрь и его противники. М., 1968, с. 127.

[171] Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1922, с. 16—21, 47—57.

сеев в Новочеркасске: «Многие уехавшие из Москвы, оказалось, уехали не на Дон, а в места более спокойные и менее голодные» [172].

Но в более или менее полном виде все это выявилось позже. А пока Алексеев прибыл на Дон, преисполненный надежд и деловых намерений. Полковнику Я. М. Лисовому, пользовавшемуся полным доверием Каледина, довелось присутствовать при разговоре двух генералов вскоре после приезда Алексеева. Дело было на станции Новочеркасск, в вагоне, предоставленном Алексееву. Вот часть этого, так сказать, профессионального разговора, как передает его Лисовой:

«Ген. Каледин.— Так... трудновато становится — главное меня очень беспокоят Ростов и Макеевка. Положим, в Ростове и Таганроге у меня надежные люди, а вот в Макеевке сил не хватает...

Ген. Алексеев: — Церемониться нечего... Вы меня извините за откровенность — по-моему, много времени у вас на разговоры уходит, а тут ведь, если сделать хорошее кровопускание, то и делу конец» [173].

«Хорошее кровопускание» — это была та платформа, на которой сходились и Каледин и Алексеев, да и остальные их единомышленники. Каледин не похвалился тут же, что «кровопускание» он уже практикует на рудниках, но оно пока не дает желательных результатов. А для устройства «кровопускания» в большем масштабе встречались известные трудности. Опасно было, в частности, бросить открытый призыв стекавшимся на Дон офицерам вступать в «Алексеевскую организацию», без чего трудно было развернуть во всю ширь формирование добровольческих частей. Лисовой рассказывает, что этот вопрос нельзя было поставить даже на обсуждение Войскового правительства, потому что в то время это означало бы «создать вокруг начинающегося дела нежелательную шумиху, породить разные толки и излишние разговоры». Боязнь такой шумихи проистекала от того, что «как-никак, в глазах демократического населения, с которым и войсковому атаману и правительству нельзя было в то время не считаться, все приезжающие на Дон и офицеры,

---

[172] Марковцы в боях и походах.., с. 28—29.

[173] *Лисовой Я. М.* А. М. Каледин и М. В. Алексеев.— «Донская волна», 1919, № 5, с. 4.

и юнкера, и кадеты, да и сам, конечно, генерал Алексеев, являлись контрреволюционерами, и открытое признание и легализация их могли создавать новый прецедент для разного рода нежелательных явлений, запросов и т. п.» [174] Пугали, конечно, не столько запросы, сколько «разного рода нежелательные явления», которые прежде всего могли дать себя знать в той же Макеевке, вообще в углепромышленном районе, где не случайно в первую очередь было введено военное положение. Было и другое соображение, не побуждавшее спешить с легализацией и открытым покровительством Каледина «Алексеевской организации»: репутация самого Каледина, особенно после корниловщины, со времени которой прошло каких-нибудь два месяца, не могла служить надежным щитом для «организации». Лисовой это объясняет так: «Нужно иметь в виду, что в то время еще не успели улечься слухи о мятеже ген. Каледина, о его попытках поднять на Дону восстание... и что этим, т. е. открытым признанием, мог быть нанесен прежде всего непоправимый вред делу самой организации» [175].

Во многих белогвардейских и белоэмигрантских воспоминаниях и «исторических очерках» можно встретить упоминание лазарета в доме № 39 на Барочной улице в Новочеркасске, иногда снабжаемого титулом «колыбели» Добровольческой армии [176]. Подоплека версии о «колыбели» состоит в том, что в силу невозможности огласки, по крайней мере на первых порах, пребывания «Алексеевской организации» в Новочеркасске под лазарет приходилось маскировать общежитие прибывавших на Дон и вновь завербованных офицеров [177].

Алексеев был человек дела. Это свойство усиливалось в нем необыкновенной, поистине зоологической ненавистью к разрушителям удобного для него, привычного старого

---

[174] *Лисовой Я. М.* А. М. Каледин и Добровольческая армия.— «Донская волна», 1919, № 6, с. 10—11.

[175] Там же.

[176] См. Марковцы в боях и походах... Кн. 1, с. 46.

[177] Член Государственной думы Л. В. Половцев, бывший тогда у Алексеева начальником хозяйственной части, писал об этом: «На помощь пришел Союз городов. Создали фикцию, что все собравшиеся офицеры и юнкера — слабосильная команда, выздоравливающие, требующие ухода, а потому для них и отвели общественные лазареты» (*Половцев Л. В.* Рыцари тернового венца. Прага. Б/г, с. 15).

мира, с которым было связано его благополучие и преуспевание. Трудности не могли парализовать его энергию, они казались временными и вполне преодолимыми. Ознакомившись с положением дел в Новочеркасске, он вырабатывает подробный, конкретный план реставрации рухнувшего строя. От старой власти остался один орган, обладающий силами и средствами, необходимыми для реализации этого плана,— Ставка верховного главнокомандующего. Она оставалась, к тому же, в руках единомышленников — «государственно-мыслящих» людей. 8 ноября он излагает свой план в письме генерал-квартирмейстеру Ставки генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу.

Несмотря на все опасения Каледина за спокойствие в углепромышленном районе, Дон и вообще Юго-Восток представлялся Алексееву наиболее подходящим плацдармом для войны за восстановление «порядка» в России. Письмо Дитерихсу он предварял указанием, что его взгляд развит и дополнен «некоторыми прибывшими из центра деятелями», так что предлагавшийся план — продукт не только его собственных размышлений. «Юго-восточный угол России,— писал он,— район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже резко выраженной классовой борьбы, кроме — в известной мере — угольного и рудного участков. Здесь естественные большие богатства, необходимые всей России; на Кубани и Тереке хороший урожай...» В смысле последовательности решения политических задач его мнение не расходилось с теми соображениями, которые высказывались Калединым и Богаевским в связи с организацией Юго-Восточного союза. В его формулировке это выглядело так: «Под покровом силы промышленно-экономической и порядка здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосударственного. Это — цель политическая, которая в своем осуществлении не должна быть откладываема далеко».

Определяя таким образом политическую цель (Дитерихсу не требовалось разъяснять, какой имеется в виду классовый характер будущей власти), Алексеев сосредоточивал внимание на сугубо практических способах достижения ее. «Нужно образовать, однако, силу, на которую эта власть могла бы опереться,— писал он и излагал, по его собственному выражению, схему начинающейся рабо-

ты: — Пользуясь пока некоторым моральным престижем и всеобщим убеждением, что казачьи области имеют достаточную силу не только для обороны, но и для активных предприятий, т. е. пользуясь видимой недосягаемостью и безопасностью, приступить здесь к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы вооруженной для будущей активной политики. Элементы имеются: много офицеров, часть юнкеров и гардемаринов из разгромленных училищ, не потерявшие честную душу солдаты, наконец, добровольцы. Первоначальное формирование — на частные пожертвования, но по мере готовности — принятое на общий бюджет, ибо благотворительность не может дать всего необходимого» [178].

С первых же дней пребывания в Новочеркасске Алексеева постигло разочарование в качествах казачьих частей. Он пишет Дитерихсу, что наличные военные силы казачьего Союза «ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям», и он перечисляет эти «потребности»: «угольно-рудный район, Ростов, железные дороги». С такими силами «на внешние предприятия», т. е. на действия за пределами Дона, «идти, конечно, нельзя. Возвращаемые с фронта части, особенно донские, заражены немногим меньше, чем «товарищеские». Нужно время, прежде чем на месте старый прочный казачий элемент успеет выколотить навеянную дурь из голов более молодых казаков». Так что ничего не остается, как надеяться на вербовку волонтеров по всей России. «Если штат основных работников должен быть создан на территории Союза казачьих войск, то тайные филиальные отделения его (т. е., надо полагать, штата.— *В. П.*) должны существовать в Петрограде, Москве, Киеве, Харькове и других центрах. Если главные силы должны создаваться здесь, то местные организации, возможно по обстановке сильные, нужно образовать в тех же центрах. Офицеры, студенты, интеллигенция должны составить контингент» [179]. Впоследствии Деникин будет сетовать, что Добровольческая армия не стала народной и, составившись из элементов привилегированных классов, устраненных от власти революцией, превратилась в этом смысле в армию классовую, что обусловило ее малочисленность. Но из ци-

[178] Белое дело. Т. 1. Берлин, 1926, с. 77—78.
[179] Там же, с. 78—79.

тированного предположения Алексеева видно, что и с самого начала эта армия замышлялась именно как такого рода армия классовая, т. е. по существу не армия, а белая гвардия.

Но пока будут развернуты «тайные филиальные отделения» для вербовки волонтеров в разных центрах России, Алексеев хлопотал о сборе сил «для будущего удара» здесь, на Дону. И в этом он рассчитывал на помощь Ставки. «Прежде всего,— писал он Дитерихсу,— нужно направить все, что можно, под благовидными предлогами с фронта». Он просил, в частности, перевести на Дон «под тем или другим предлогом» чехословацкие полки [180], «которые охотно свяжут свою судьбу с деятелями спасения России» («Некоторые связи установлены,— пояснял тут же Алексеев,— в скором времени они получат дальнейшее развитие»). Если перевод их возможен, то Алексеев рекомендовал Дитерихсу предварительно выслать от них офицеров «для изучения условий расположения». Он предлагал также «изучить вопрос о польских войсках». Далее он сообщал, что формировавшийся в Киеве Георгиевский запасный полк рассыпался, а офицеры, с «ничтожным числом солдат» прибыли в Новочеркасск и могут быть использованы как кадр для формирования полка. Командира этого полка он, Алексеев, уже послал «сговориться со Ставрополем, желающим получить прочную часть для защиты населения». И он просит Дитерихса: «Узаконьте формирование такового, якобы запасного, полка в Ставрополе — и формирование крупной части обеспечено». На расквартированные в Донской области запасные полки никакой надежды не было. Более того — они пугали и мешали. В том же письме Алексеев взывал к Ставке: «Нужно освободить область от совершенно большевистских запасных полков, или расформировав их или безоружными потребовав на фронт. Здесь они ничего не делают, являются источником постоянной тревоги, опасе-

---

[180] Чехословацкие части были сформированы из чехов и словаков, служивших в австрийской армии и находившихся в плену в России. Они были включены в состав русской армии. Политически ими руководил чехословацкий Национальный совет, преследовавший цель освобождения с помощью Антанты чехов и словаков от австрийского ига. Сведенные в корпус чехословацкие части были в 1918 г. использованы державами Антанты для борьбы против Советской власти.

пия, и в полном смысле не только не полезны, но вредны и опасны. Вывод их освободит помещения и даст хотя небольшое количество винтовок».

Много забот доставляло материальное снабжение будущих формирований. Если в отношении снаряжения, обуви, отчасти обмундирования известные надежды подавали местный военно-промышленный комитет и образованное при Войсковом правительстве «Экономическое совещание» под председательством крупнейшего донского заводчика Н. Е. Парамонова, то сложнее обстояло с вооружением и боеприпасами. «В деле вооружения на месте сделать ничего нельзя,— внушал Алексеев Дитерихсу,— и все может быть сделано только вами и УпАртом (Управлением генерал-инспектора артиллерии.— *В. П.*), отчасти ГАУ (Главным артиллерийским управлением.— *В. П.*) и ГВТУ (Главным военно-техническим управлением.— *В. П.*)». Требовались винтовки, пулеметы, орудия, патроны, снаряды, ручные гранаты, телеграфное имущество, шанцевый инструмент и многое другое из того, чем область снабдить не могла. С досадой Алексеев сообщал, что в Новочеркасском артиллерийском складе не оказалось запасов. Меры к созданию их принимались еще до Октябрьского переворота, но безуспешно. «ГАУ в начале октября своим попечением направило в этот склад 10 тыс. винтовок из Петрограда и 12.800 винтовок из Москвы,— писал Алексеев.— 1-я партия наверно разграблена; о 2-й никаких вестей нет; надо думать, подверглась той же участи» [181]. О судьбе первой партии можно было и не гадать, потому что, еще будучи в Петрограде, Алексеев мог прочитать в газетах отчет о заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором В. А. Антонов-Овсеенко сделал доклад о деятельности Военно-революционного комитета. В докладе, между прочим, сообщалось, что ВРК установил контроль над выдачей оружия из арсенала Петропавловской крепости, благодаря чему удалось задержать 10 тыс. винтовок, предназначенных для Новочеркасска [182]. Вряд ли была случайностью «пропажа» и второй партии. Теперь же Алексеев просил: «Надо повторить наряд; вытребовать

---

[181] Белое дело, т. 1, с. 79—80.
[182] «Рабочий путь», 1917, 7 ноября (25 октября).

приемщиков и конвой. Довести наряд до 30 тыс. винтовок на первое время» [183].

Странно было, в особенности после подавления мятежей в Петрограде и Москве, рассчитывать на то, чтобы революционная власть оставила без присмотра арсеналы. Но Алексеев и его единомышленники надеялись либо на содействие чиновников старого военного аппарата, либо на то, что новая власть вот-вот падет, и тогда не будет помех для выполнения повторного наряда. Он заботился и о нелегальных организациях, создаваемых в центре России: «нужно думать о сосредоточении для них оружия и патронов, а то,— напоминал он,— и наличные офицеры, могшие принять участие в обороне Зимнего дворца, остались без всякого оружия, а в Москве не имелось достаточного количества патронов».

В это время Алексеев сам, видимо, был еще во власти радужных надежд и в реальности их уверял Дитерихса: «Наплыв офицеров и юнкеров только сдерживается пока чисто искусственными мерами: невозможностью без подготовки и средств наводнить Новочеркасск. Но затем число желающих будет значительно». И он призывал генерал-квартирмейстера Ставки изучить, сколько нужно формировать добровольческих частей, и предлагал соответственно «сговориться, условиться» да начать извлечение из частей действующей армии «честных, желающих солдат и прибегнуть к добровольцам» [184].

В письме Алексеев недаром снова и снова повторяет: «в вопросах организационных нужно соглашение с вами и совместная разработка плана»; «нужно много разработать совместно». Он напоминает об этом не только потому, что без помощи Ставки не в состоянии развернуть формирования, но и имея еще в виду не менее серьезную перспективу. Положить начало формированию белой гвардии он рассчитывал на средства, «которые будут даны лицами, организациями», но затем предусматривал включение этих формирований в состав действующей армии, переход их в ведение Ставки. «Иначе,— писал он,— может настать момент, когда нечем будет кормить и содержать собранных, и все дело рухнет». Он ставит вопрос о том, чтобы заранее определить время и порядок

---

[183] Белое дело, т. 1, с. 80.
[184] Там же, с. 80—81.

перехода белогвардейских формирований в состав вооруженных сил, подведомственных штабу верховного главнокомандующего. Во всем этом чувствуется опытная рука искушенного в организационной работе генштабиста.

В некоторых работах мемуарного типа Алексеев характеризуется как именно штабник, готовый исполнять распоряжения и указания начальника, но не имеющий собственной инициативы, не способный на самостоятельные решения и лишенный необходимой для военачальника воли [105]. Вероятно, применительно к временам, когда Алексеев выполнял роль «техника» при титулованных особах, в этом доля истины есть. Но совсем иначе он показал себя, когда его действиями стали двигать интересы контрреволюции. Еще в сентябре он развернул кампанию за реабилитацию и освобождение из-под стражи Корнилова. Его участие в московском совещании общественных деятелей и в Государственном совещании показало, что ему не чужды были и инициатива и решительность. В письме же Дитерихсу он проявляет известный риск и, пожалуй, даже опрометчивость и подталкивает к решительным действиям Дитерихса. Его письмо заключают мысли, объясняющие источник обычно, может быть, и не свойственной ему энергии. «Дело спасения государства должно где-либо зародиться и развиться,— втолковывает он Дитерихсу.— Само собой ничего не произойдет... Только энергичная, честная работа всех сохранивших совесть и способность работать может дать результаты... Слабых мест у нас много, а средств мало. Давайте группировать средства главным образом на Юго-Восток, проявим всю энергию, стойкость... Откуда-то должно будет идти спасение от окончательной гибели политической и экономической. Юго-Восток имеет данные дать источники такого спасения. Но его нужно поддержать, спасти самого от потрясений. Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжиданием. Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью» [106]. Оказывается, и предприимчивость, и решимость, и даже риск берутся у Алексеева из непреодолимого желания спасти от окоп-

---

[105] См., напр.: *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1963, с. 77, 180, 268; *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959, с. 117.
[106] Белое дело, т. 1, с. 81—82.

чательной гибели тот строй, которому верно и преданно служил, от которого стала неотделимой его собственная жизнь. У кормила «белого движения» становился далеко не средней руки организатор и руководитель. Но все эти качества приносились на алтарь исторически обреченному делу, и тот же Алексеев, оказываясь беспомощным политиком, вступал по существу на путь авантюры. Пройдет немного времени — и в письме, посланном по другому адресу, он распишется в крушении иллюзий, которые питали его уверенность в успехе, его решимость и энергию.

Письмо Дитерихсу от 8 ноября 1917 г.— чем оно было по своему значению? Алексеев сам оценил его как «схему начинающейся работы»; в конце, перечислив свои соображения и наметки, назвал его наброском «предположений, мечтаний, пожеланий». В некоторых исследованиях оно расценено как наметка программы кадетско-калединской контрреволюции [187]. На самом же деле автор письма исходил из программы, уже хорошо известной ему, поскольку он сам был причастен к выработке ее на совещаниях «общественных деятелей» в Москве, на которых тон задавали кадеты. Дитерихсу и верхушке Ставки вообще не требовалось напоминать политические идеалы тех социальных сил, от имени которых действовал Алексеев. И он посылал туда конкретную разработку одного, но наиболее сильно действующего способа реализации уже выработанной и известной в Ставке политической программы. Иначе говоря, он излагал военный план достижения политических целей контрреволюции — реставрации старого строя. Алексеев разработал его как военный специалист-организатор, но вложил в него не только свои соображения,— он указал, что его мысль развита и дополнена «некоторыми прибывшими из центра деятелями». Нельзя вместе с тем не видеть идейной общности плана и с замыслами калединской верхушки Юго-Восточного союза. Эта общность вытекала из одной и той же политической программы, в которой требование сохранения эксплуататорского строя Октябрьская революция заставила заменить требованием реставрации его. И для Алексеева с его наставниками из «центра» и для Каледина—Богаевского характерно стремление к реставрации в общероссийском масштабе, но с расчленением этой задачи на два взаимно

[187] См. *Соловьев О. Ф.* Указ. соч., с. 128—129.

связанных этапа: сначала укрепление буржуазно-помещичьей диктатуры в рамках Юго-Восточного союза, собирание здесь сил и средств для военного похода в центр России, а затем уже этот самый военный поход, т. е. выход накопленных сил на общероссийскую арену.

В свете приведенных данных вряд ли можно признать обоснованным принципиальное разграничение А. И. Анишевым двух контрреволюционных, но социально-различных течений на Дону и Кубани: буржуазно-помещичьего, с одной стороны, и кулацкого — с другой. Первое, по мнению Анишева, ставило себе цели общероссийские, второе же течение — «кулацки-ограниченное, местническое, пытавшееся отгородиться в своей области от революционной России» [188]. Возможно, это представление сложилось у Анишева под влиянием таких источников, как, например, показания активиста Совета общественных деятелей проф. С. А. Котляревского, который утверждал, что казачья верхушка, прежде всего Каледин, не сочувствовала замыслу похода в центральную Россию, желала «сохранить создавшийся порядок у себя только, а не вмешиваться в дело Москвы и Петербурга» и считала, «что и политически сейчас было бы достаточно образование т. н. Юго-Восточного союза...» [189]. Но Каледин только впоследствии признал невозможным достигнуть желаемого решения вопроса в масштабе России и уже на «худой конец» соглашался с ограничением задачи до пределов Юго-Восточного союза и даже Донской области; известно также, что Алексеев одновременно не признал у казачества возможности решить и эту ограниченную задачу. Столкновение социальных сил в казачьих областях шло не по линии водораздела между двумя течениями контрреволюции, а по линии борьбы сил революции и контрреволюции. Подогревание же Калединым и Богаевским настроений самостийности у казачества было не чем иным, как тактическим приемом для вовлечения его мел-

---

[188] *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны 1917—1920. Л. 1925, с. 87. Развивая эту мысль, Анишев писал далее: «Кулацкая ограниченность донской и кубанской контрреволюции выявилась уже в образовании мелких самостоятельных государств Дона и Кубани, враждующих между собой и с Добровольческой армией» (там же).

[189] Красная книга ВЧК, т. 2, с. 96.

кобуржуазных слоев в русло общероссийской контрреволюции.

Борьба против власти Советов в первые послеоктябрьские месяцы носила характер буржуазно-помещичьей контрреволюции. Политическое руководство в этой борьбе принадлежало партии кадетов, защищавшей интересы свергнутых в октябре 1917 года эксплуататорских классов. В кадетски-калединском движении, по определению В. И. Ленина, нашла выражение именно буржуазно-помещичья контрреволюция [190]. Кадетски-калединское восстание против победившей революции, или «белое движение», как оно именовалось на языке самих калединцев и их пособников, с одной стороны, и вооруженная борьба против этого движения, с другой, составили основное содержание гражданской войны в первые месяцы существования Советской власти. Кличка «калединец» стала в то время таким же нарицательным именем, каким была до Октябрьской революции кличка «корниловец», сохранившая впрочем свое значение и после Октября как синоним первой. Характерно, что таким же синонимом стало в народе и слово «кадет». Наименование «калединцы» применялось и по отношению к иностранным контрреволюционерам [191].

Позже, в сентябре 1919 г., Ленин объяснит различие между самими контрреволюционными движениями, породившими эти нарицательные имена: корниловщина, как и керенщина,— это полоса нашей революции, предшествовавшая Советской власти, тогда как калединщина (вместе с колчаковщиной и деникинщиной), разрушавшая Советскую власть, относилась ко второй полосе революции [192]. Географически понятие кадетски-калединского движения не ограничивалось пределами Дона и Юго-Восточного союза, оно обнимало в то время контрреволюционные буржуазно-помещичьи выступления в разных концах страны. Говоря, например, что гражданскую войну начали буржуазно-калединские элементы, Ленин относил к этим элементам не только действовавших на Дону контрреволюционеров, но и тех, которые подняли восстание против власти Советов в Москве, организовали поход Керенско-

[190] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 164.
[191] См. там же, с. 324.
[192] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 174.

го — Краснова на Петроград и мятеж верхов командного состава армии (имелась в виду, очевидно, верхушка духонинской Ставки) [193].

Версаль в Могилеве

Ставка верховного главнокомандующего наряду с калединским Войсковым правительством была важным организующим центром всероссийского кадетски-калединского восстания против Советской власти. После того как пролетарская революция разбила аппарат насилия буржуазного государства, штаб верховного главнокомандующего оставался единственным уцелевшим органом этого аппарата, располагавшим реальной силой. Он саботировал мирную политику Советской власти и главные усилия с управления войсками на театре военных действий (что, собственно, определяло его предназначение) переключил на организацию вооруженной борьбы против Советов на внутреннем фронте. В Ставке велась подготовка к формированию контрреволюционного правительства в противовес Совету Народных Комиссаров. Там явно бредили надеждами, что Могилев станет вторым Версалем. Эти надежды питались тем, что в Ставке сходились нити управления многомиллионной действующей армией, и генералы, державшие их в руках, не могли допустить, чтобы из миллионов солдат не нашлось достаточных сил для удушения власти Советов. М. С. Ольминский считал, что Могилев был в то время третьим (после Петрограда и Москвы) центром, решавшим исход революции [194].

Г. Лелевич первым из историков революции на фронте раскрыл политическую роль Ставки накануне и после Октября. Он справедливо охарактеризовал ее как «монархистское гнездо, глубоко враждебное не только решительному вихрю Октября, но и половинчатому напору Февраля» [195]. Это монархистское гнездо, укомплектован-

---

[193] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 135.

[194] *Ольминский М. С.* Рецензия на «Известия Гомельского губернского комитета РКП» 1920 и 1921 гг.— «Пролетарская революция», 1921, № 3, с. 306—307.

[195] *Лелевич Г.* Октябрь в Ставке. Гомель, 1922, с. 5.

нее еще при царизме самыми черносотенными генералами и офицерами, сохранило, будто законсервированное, атмосферу царских времен даже тогда, когда самые убежденные монархисты находили необходимым, хотя бы в силу инстинкта самосохранения, перекраситься в республиканцев. Генералы не сидели, однако, сложа руки. Они плели там заговоры против революции, готовя реставрацию былых порядков.

«Восстание Корнилова,— писал Ленин,— вполне вскрыло тот факт, что армия, вся армия *ненавидит ставку*» [196]. Эта ненависть усилилась, когда солдаты увидели в Ставке ярого противника провозглашенной Советским правительством политики мира и последнее препятствие к прекращению войны. Один из работников Могилевского Совета крестьянских депутатов революционного времени позже подметил: «Генеральская контрреволюция, три года сряду осаждавшая Советскую Россию с юга и востока, имеет несомненные корни в Ставке верховного главнокомандующего периода керенщины» [197]. В самом деле, Ставка дала контрреволюции таких главарей, как Алексеев, Корнилов, Деникин, Лукомский, Дитерихс, Романовский, Сидорин (командующий Донской армией), Лебедев (начальник штаба у Колчака). Но дело не только в «выращивании» таких кадров: в Ставке разрабатывались замыслы борьбы с революционным движением как в действующей армии, так и за ее пределами; оттуда шли указания и ободряющая информация в штабы фронтов, где контрреволюционное командование также прилагало усилия к использованию войск для борьбы против Советов; одним своим существованием и заверениями о безусловной готовности действующей армии выступить на борьбу за восстановление буржуазной власти Ставка, обещая свою помощь, будила надежды у контрреволюционеров по всей стране, толкала их на активные действия.

К выполнению роли контрреволюционного центра Ставка была подготовлена всем своим предшествующим, монархическим и корниловским, воспитанием и опытом, в чем немалое значение имело ее участие в организации корниловского мятежа в августе и подготовке второй кор-

---

[196] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 147.
[197] *Зелевич Г.* Указ. соч., с. 1.

ниловщины. Уже тогда деятельность Ставки приобретала то направление, которое особенно рельефно проявилось в условиях, когда было разрушено в целом бружуазное государство и Ставка оказалась его единственным и последним оплотом. Это придавало ей сознание значительности выпавшей на ее долю миссии. «Соотношение сил в Петрограде таково,— телеграфировало через Ставку штабам и комиссарам фронтов и округов политическое управление Военного министерства в ночь на 26 октября,— что если быстро не вмешаются войска с фронта, власть будет захвачена большевиками ввиду настроения подавляющего большинства Петроградского гарнизона, отказывающегося подчиняться Временному правительству и признавать ЦИК СОРСОД (Советов рабочих и солдатских депутатов.— *В. П.*)» [198]. От позиции действующей армии зависел, таким образом, исход начавшейся в Петрограде борьбы. Уверенная в безотказности механизма управления войсками, Ставка поспешила «от имени армий фронта» потребовать «немедленного прекращения насильственных большевистских действий, отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного собрания — хозяина земли русской». Телеграмма, адресованная всем фронтам, округам, казачьим атаманам и Совдепам, заканчивалась угрозой: «Действующая армия силой поддержит это требование» [199].

Обращает на себя внимание, что истый монархист Духонин ставит свою подпись под заявлением о готовности защищать Временное правительство, действующее «в полном согласии с полномочными органами демократии», и о признании «хозяином земли русской» Учредительного собрания. Это значит, что солдатская масса за последнее время, а в особенности после первой корниловщины, кое-чему научила генералов, и они, чтобы сохранить в руках армию, вынуждены были рядиться в защитников «демократии». Больше того, вместе с Духониным, его помощником Вырубовым и исполнявшим обязанности верховного комиссара Временного правительства при Ставке подпол-

[198] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 155.
[199] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), с. 29.

ковником Ковалевским телеграмму подписал штабс-капитан Перекрестов. Безвестного дотоле штабс-капитана с Румынского фронта вынесло на поверхность одно обстоятельство: 25 октября он стал председательствовать в том самом Общеармейском комитете при Ставке, вместе с которым Генеральный секретариат Украинской рады приглашал сотрудничать Каледина в деле воссоздания буржуазного правительства в России. Подписывая телеграмму Духонина, Перекрестов и ставил на ней штемпель полномочного якобы органа демократии всеармейского масштаба. Ему, этому органу, привелось наложить свою печать и на все последующие события в штабе верховного главнокомандующего и разделить судьбу корниловской верхушки Ставки.

Деятельность Общеармейского комитета при Ставке в исторической литературе в общем освещена [200]. Сохранившиеся документы позволяют дополнить его характеристику некоторыми конкретными сведениями из его истории.

Образование его рисуется в следующем виде. 20 сентября 1917 г. начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Духонин послал главковерху Керенскому в Петроград телеграмму, в которой сообщал, что в Ставке собрались 13 членов фронтовых и армейских комитетов для выработки положения об Общеармейском комитете при Ставке и просят предоставить им постоянное помещение. «Несомненно, этим самочинным путем составится постоянный орган при Ставке,— телеграфировал Духонин.— Донося о вышеизложенном, прошу указать, признается ли вами назревшим образование законным путем комитета при Ставке или нет. В первом случае прошу разрешения представить вам проект положения о порядке созыва и круге ведения такого комитета, а во втором случае мною будет предложено съехавшимся... отправиться по местам своего служения. Полагаю, что если вами признается необходимым образование комитета при Ставке, то почин в этом деле необходимо взять в свои руки» [201].

---

[200] См.: *Лелевич Г.* Указ. соч.; *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. Т. 1. М., 1924; *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. М.— Л., 1927; История гражданской войны в СССР, т. 2; и др.

[201] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 33, л. 28—29.

Собравшиеся делегаты в свою очередь послали в Петроград к военному министру представителя для переговоров об образовании комитета. Верховский, дав согласие, заявил, что положение о комитете при Ставке уже выработано и будет им немедленно утверждено. 23 сентября делегаты фронтовых и армейских комитетов собрались на совещание, на котором было принято постановление: «Комитет конструировать и избрать временный президиум в составе председателя, его товарища и двух секретарей, на одного из которых возложить обязанности казначея. Избранными оказались: председателем — капитан Полянский, товарищ председателя — штабс-капитан Перекрестов, секретари: солдаты Гиткес и Вейншток»[202]. На следующий день Полянский по телеграфу известил фронтовые и армейские комитеты об этом решении[203]. 26 сентября начальник Военно-политического управления Военного министерства подпоручик Шер выслал в Ставку «Основные положения о комитете при Ставке»[204].

10 октября секретарь Вейншток представил Духонину список членов Общеармейского комитета, который и был объявлен приказом по штабу верховного главнокомандующего № 153 от 12 октября[205].

Общеармейский комитет пытался играть какую-то самостоятельную роль в жизни армии, но с самого начала Керенский и Духонин указали ему его место. 14 октября комитет послал телеграмму Керенскому, в которой признавал нежелательным дальнейшее существование Союза офицеров армии и флота[206] и заявил, что «считает своим

---

[202] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 33, л. 36.
[203] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 3, д. 31, л. 82—83.
[204] Там же, ф. 2003, оп. 4, д. 33 л., 37—38.
[205] ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 6, л. 104, 106. Штабс-капитан С. В. Перекрестов стал председательствовать в Общеармейском комитете с 25 октября, после того как Н. А. Полянский был отозван комитетом Западного фронта.
[206] Этот махрово контрреволюционный союз образовался в мае 1917 г., когда съехавшиеся в Могилев офицеры избрали Главный комитет союза под председательством члена Государственной думы кадета подполковника Л. Н. Новосильцева. Почетным членом Союза был избран тогдашний главковерх генерал М. В. Алексеев. В создании Союза непосредственное участие принимал генерал А. И. Деникин, бывший тогда начальником штаба верховного главнокомандующего. Главный комитет Союза усердно помогал Корнилову в организации августовского мятежа и в борьбе против революционного движения в армии.

долгом указать главковерху на необходимость возвратить приказом членов союза в свои части». Керенский не стал обсуждать с комитетом его предложение и вернул телеграмму Духонину с резолюцией: «Общеармейский комитет не имеет права давать указания верховному главнокомандующему». Духонин тоже не нашел нужным входить в личные объяснения с этими унтерами, прапорщиками и вольноопределяющимися и поручил своему помощнику по политической части Вырубову передать им: «Ничего указывать главковерху комитет не имеет права» [207]. Насколько единодушными были в дальнейшем действия Общеармейского комитета и духонинской Ставки, показывает приведенная выше их совместная телеграмма от имени действующей армии. Так что Духонин, всего месяц с лишним назад более чем скептически смотревший на затею с образованием Общеармейского комитета, теперь получил в лице его полезную и даже необходимую для себя подпорку в борьбе с новой властью.

Преемник Корнилова и Керенского на посту главковерха, Духонин втайне поддерживал тесную связь с содержавшимся под стражей в Быхове Корниловым. Ее тем более легко было поддерживать, что охрана арестованных в Быхове была возложена на Ставку. При Корнилове продолжал оставаться как бы офицером для особых поручений поручик Резак-бек Хаджиев, до ареста своего патрона состоявший у него начальником личной охраны. В своих мемуарах он раскрыл потом механику связи быховского «узника» со Ставкой и вообще с «внешним миром». «Во время быховского сидения,— писал он в 1919 г.,— я получал от верховного (Корнилова.— *В. П.*) довольно трудные поручения... (отточие принадлежит Хаджиеву.— *В. П.*) Нам необходимо было завязать сношения с внешним миром; с этой целью я в своем номере в Могилеве организовал что-то вроде передаточной станции; сюда свозилась вся переписка, иностранные бумаги, сводки

Общеармейский комитет, возникший на волне борьбы против корниловщины, делал попытку ликвидировать этот союз.

[207] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 33, л. 43, 45—47. В книге Г. Лелевича (с. 10—11) и во 2-м томе «Истории гражданской войны в СССР» (с. 262) этот факт передается по воспоминаниям А. Дикгофа-Деренталя (при Вырубове чиновник для особых поручений) неточно и без указания повода. С большей точностью об этом сообщалось 19 октября 1917 г. в газете «Рабочий путь».

Западного фронта, карты, газеты и пр.— все это я передавал верховному...» [208] Через десять лет Р. Хаджиев в эмиграции издал свои мемуары отдельной книгой. В ней рассказано, как после переезда в Быхов Корнилов дал Хаджиеву самое важное поручение и как он это поручение исполнял: «Спустя неделю после нашей ночной беседы с верховным я должен был взять на себя обязанность служить живой связью между узниками и внешним миром. Получая от узников письма и устные поручения, я выезжал из Быхова в Могилев на своем сером жеребце, который делал аккуратно 40 верст в четыре часа. К 11 часам я приезжал в Могилев и сейчас же отправлялся в Ставку, заходил к семьям заключенных, вручая им письма и получая от них ответы, делал покупки, бывал в полку у сердара (командира Текинского полка.— *В. П.*), а вечером опять ехал в Быхов». Вскоре эта связь была обставлена бо́льшими удобствами, о чем Хаджиев далее рассказывает: «Верховный.., поговорив с полковником Новосильцевым (председателем Союза офицеров), снабдил меня письмом на имя полковника Каит-Бекова (помощпика Новосильцева), который должен был помочь мне поддерживать связь узников с внешним миром. Полковник Каит-Беков с радостью пошел мне навстречу. Он отвел мне одну комнату в номерах гостиницы «Франция», где жил сам он и семьи многих узников. В этой комнате я должен был принимать посетителей, приезжавших из разных мест России с поручением к верховному и желавших попасть в Быхов, а также принимать письма и вещи от родственников и знакомых заключенных. Таким образом, комната эта являлась местом свидания для едущих в Быхов офицеров, складом для вещей, предназначенных узникам, адресом для Ставки и иностранной миссии и, главным образом, местом собрания как самих офицеров туркмен, так и джигитов» [209].

Эти свидетельства наполняют содержанием упоминания о связях «быховцев» с «внешним миром» в мемуарах

---

[208] «Донская волна», № 15 (43), 1919, 7 апреля, с. 10.

[209] *Хаджиев Х.* Великий Бояр. Белград, 1929, с. 146—147. («Бояр» — так называли Корнилова солдаты Текинского полка. Хаджиеву Корнилов дал прозвище «Хан». Благоговея перед памятью патрона, он принял имя «Хан Хаджиев» и так подписывал мемуары).

Деникина и Лукомского и показывают, что связи были не эпизодическими, от случая к случаю, а хорошо налаженными, систематическими. Вряд ли после этого можно сомневаться в том, что быховские «заключенные» получали интересующую их информацию оперативно, в должном объеме и с необходимой точностью.

Как только известия о падении Временного правительства дошли до сведения «быховцев», первой заботой Корнилова стало сохранение Ставки. Весьма показательно, что его волновала судьба штаба главковерха не в качестве центрального органа управления армией на театре военных действий,— он даже как бы забыл о прямом предназначении Ставки; она заботила его как центр борьбы с революцией. 1 ноября он так и писал Духонину: «Вас судьба поставила в такое положение, что от вас зависит изменить ход событий, принявших гибельное для страны и армии направление... Для вас наступает минута, когда люди должны или дерзать или уходить, иначе на них ляжет ответственность за гибель страны и позор за окончательный развал армии... Положение тяжелое, но не безвыходное. Но оно станет таковым, если вы допустите, что Ставка будет захвачена большевиками, или же добровольно признаете их власть... Предвидя дальнейший ход событий, я думаю, что вам необходимо безотлагательно принять такие меры, которые, прочно обеспечивая Ставку, дали бы благоприятную обстановку для организации дальнейшей борьбы с надвигающейся анархией» [210].

Корнилов рекомендует Духонину, прежде всего, прикрыть Ставку надежными войсками, сосредоточив их в районе Могилева и на дальних подступах к нему: в самый Могилев немедленно перебросить по одному полку из чехословацкого и польского корпусов; Оршу, Смоленск, Жлобин и Гомель занять частями польского корпуса, усиленными казачьими артиллерийскими батареями; на линии Орша — Могилев — Жлобин сосредоточить чехословацкий корпус, корниловский полк, до двух казачьих дивизий «из числа наиболее крепких» и все английские и бельгийские бронемашины («с заменой прислуги их исключительно офицерами»).

---

[210] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты, том 2, с. 137—138.

Кроме того, Корнилов считал неотложной мерой «сосредоточение в Могилеве и в одном из ближайших к нему пунктов под надежной охраной запаса винтовок, патронов, пулеметов, автоматических ружей и ручных гранат для раздачи офицерам и волонтерам, которые обязательно будут собираться в указанном районе». В этих мерах Корнилова, имевших целью превратить Могилев и его окрестности в оборонительный район для защиты Ставки, нетрудно различить также замысел создания здесь плацдарма для развертывания борьбы с «надвигающейся анархией». Наконец, в ряду срочных мер Корнилов предписывал установление «прочной связи и точного соглашения» Ставки с донским, терским и кубанским войсковыми атаманами, а также с польским и чехословацким национальными комитетами. Этому замыслу нельзя отказать в реалистичности хотя бы уже потому, что он свободен от иллюзий относительно возможности использования в целях контрреволюции войск действующей армии в широком масштабе. Расчет строился только на войсках, которые казались наиболее надежными, а также на добровольческих формированиях белой гвардии. По-видимому, опыт августовского похода на Петроград не вдохновлял Корнилова на немедленное повторение его и подсказывал как ближайшую задачу сохранение Ставки создание плацдарма и координацию действий с белоказачьим Юго-Восточным союзом.

Но об усилении гарнизона Могилева надежными частями Духонин заботился и сам еще до получения письма от Корнилова. К 1 ноября, когда оно было получено, уже выяснилось, что изыскание надежных войск для защиты Временного правительства — дело трудное, если не безнадежное. Приходилось полагаться лишь на те, которые сами заявляли о готовности выступить по первому требованию на борьбу против большевиков. Телеграмму подобного рода прислал 1-й ударный полк, демагогически именовавшийся «революционным». На этой телеграмме Духонин сделал 28 октября надпись: «ГКВ (генерал-квартирмейстеру.— *В. П.*). Можно иметь в виду для посылки для подав[ления] большевиков»[211], а на следующий день он уже телеграфировал главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта: «Прошу для охраны Ставки ко-

[211] Разложение армии в 1917 году. М.— Л., 1925, с. 157.

мандировать и направить по железной дороге в Могилев 1-й революционный полк» [212]. Что касается польских и чехословацких частей, то Духонин к соответствующему пункту письма Корнилова сделал такой комментарий: «Ставка не считает их вполне надежными. Эти части одни из первых пошли на перемирие с большевиками», а к другому пункту (где Корнилов советует занять частями польского корпуса Оршу, Смоленск, Жлобин и Гомель) — «Корпус определенно держится того, чтобы не вмешиваться во внутренние дела России» [213].

Ко времени получения письма из Быхова у Духонина состоялась переписка с Калединым, которая определила отношение Ставки к рекомендациям Корнилова об установлении «прочной связи и точного соглашения» с казачьими атаманами. «Не найдете ли возможным направить на Москву,— запрашивал Духонин Каледина по телеграфу 28 октября,— для содействия правительственным войскам и подавления большевистского восстания отряд казаков с Дона, который, по усмирении восстания в Москве, мог бы пройти на Петроград для поддержки войск генерала Краснова?» [214] Эта телеграмма может вызвать впечатление крохоборства Ставки: какую, в самом деле, мелочь просит распорядитель миллионных войсковых масс прислать с далекого Дона в центр страны, тогда как у него, можно сказать, под рукой и Северный, и Западный фронты, и не столь уж далеко Юго-Западный. С другой же стороны, она обнажает всю девственность политического мышления этого распорядителя, рассчитывавшего одним отрядом казачков устроить кровопускание «мятежникам» в Москве, а потом на галопе перебросить их к Питеру и произвести то же самое в столице, чем и будут решены все вопросы государственной важности. Наверно, и Каледин, получив эту шифровку, не проникся сознанием той крайности, которая побудила Ставку обратиться к нему с таким запросом. «Посылка противоречит постановлению круга,— ответил он Духонину,— и требуется наличие чрезвычайной необходимости для оправдания в глазах казаков». Каледин присовокупил, что «если и воз-

---

[212] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 109. Телеграфный бланк.
[213] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты, т. 2, с. 138.
[214] Пролетарская революция на Дону. Сб. 2. Ростов-на-Дону, 1922, с. 112.

можна посылка, то не иначе как на смену наших частей, например, полков 1-й Донской дивизии, давно просящих об отводе на Дон». В ссылке на постановление Войскового круга он, конечно, нашел предлог, чтобы уклониться от посылки отряда, но в последней фразе ответа («Необходимо иметь в виду возможный отказ в перевозке со стороны железных дорог») проявил, кажется, большее понимание сложности обстановки, чем это явствовало из запроса Духонина [215].

Если вспомнить, что и Каледин и Богаевский, развивая идею Юго-Восточного союза, ставили ближайшей задачей укрепление положения в казачьих областях Юго-Востока и прежде всего на Дону, который должен бы стать цитаделью союза, то станет понятно, почему они не могли тогда выпускать войска из своей области: они нужны были и здесь, для наведения «порядка», и их постоянно не хватало, в особенности для углепромышленного района. Духонин же воспринял ответ Каледина совсем иначе. Ему уже костью поперек горла стали революционные комитеты, препятствующие продвижению войск на помощь Керенскому и Краснову. Ссылка Каледина на постановление Войскового круга вызвала у него раздражение, он расценил, видимо, позицию круга как явление того же порядка. На ответе Каледина он написал: «1 отд. Невидимая дирижерская палочка распространилась и на Дон. Общее решение — ясно» [216]. Этим подозрением, надо полагать, навеяно и его замечание к совету Корнилова о переброске ближе к Ставке двух казачьих дивизий: «Казаки заняли непримиримую позицию не воевать с большевиками» [217].

30 октября Духонин послал все же Каледину разъяснение: «Моя просьба была вызвана очень тяжелым положением небольшого отряда верных правительству войск. Отряду этому удалось кровопролитными боями очистить от большевиков Кремль и центр города, но... в уличной напряженной борьбе силы верных правительству частей тают. С фронтов направлены части и подготовляются подкрепления, но невероятные тормозы движения по железным дорогам и местные вспышки большевистских выступ-

[215] Пролетарская революция на Дону. Сб. 2, с. 112.
[216] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 170.
[217] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты, т. 2, с. 138.

лений парализуют своевременность прибытия на помощь Москве наших сил». И Духонин взывал к Каледину: «Помощь ваша необходима до крайности, иначе Москва перейдет во власть большевиков и пьяной черни. — И тут же обещал: — Взамен посылаемых вами при первой возможности будут возвращены на днях части с фронта» [218]. Этот крик о помощи Каледин уже воспринял со всей серьезностью. На следующий день, 31 октября, он отдал начальнику 7-й Донской дивизии приказ о выступлении в поход. «Начальник штаба верховного главнокомандующего просит содействия Донского войска к подавлению большевистского мятежа»,— так начинался этот приказ. Перечислив затем города, занятые большевиками (Саратов, Воронеж, Царицын), и те, где «идет вооруженная борьба с восстанием» (Москва, Петроград, Киев), Каледин ставил задачу: «В таких чрезвычайных обстоятельствах Войсковое правительство решило для спасения гибнущей родины перейти к активной борьбе с большевиками вне пределов Донской области и первой задачей ставит овладение Воронежем и восстановление в нем порядка для открытия прямого движения с Москвой и по Волге. Задачу овладения Воронежем поручаю вам». Дивизии надлежало отправиться по железной дороге через Поворино, Лиски на Воронеж, оставляя на важнейших узловых станциях гарнизоны. Начальнику дивизии разрешалось «в целях поддержания спокойствия» объявлять в Воронеже и в пунктах на пути к нему военное положение. Дальнейшую задачу Каледин имел в виду поставить дивизии после того, как она овладеет Воронежем. В приказе были такие формулировки: «Приказываю вам принять все меры для скорейшего отправления частей, отнюдь не задерживаясь, так как помощь нужна самая быстрая и энергичная. При столкновении с вооруженным сопротивлением действовать самым решительным образом. Всю ответственность за быстроту и энергию действий, совершенно необходимую в данных обстоятельствах, возлагаю на вас» [219].

Вняв мольбе Духонина, атаман, может быть, пошел чуть ли не на самопожертвование, но чего не сделаешь во имя интересов «общегосударственных», тем более если

---

[218] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), с. 39.
[219] Пролетарская революция на Дону. Сб. 2, с. 110—111.

даже в Ставке и вообще среди людей «государственномыслящих» имела хождение мысль, что «спасение» России придет на этот раз с Юго-Востока, и вероятный спаситель даже назывался по фамилии [220]. Не ссылаясь больше на необходимость получить на экспедицию согласие Войскового круга, Каледин поспешил успокоить Духонина. Приступая к формированию отряда, он послал в Ставку телеграмму: «Одновременно с сим делаю распоряжение об отправке в Воронеж, занятый большевиками, отряда генерала Кунакова в составе 21-го и 41-го Донских полков, 4-го пешего батальона, 15-й Донской батареи. Отряд отправляется из района Урюпино через Поворино, Лиски, Воронеж; цель — занятие Воронежа и водворение в нем порядка, а дальнейшее определится обстановкой. Отряд оставляю в моем распоряжении. Командующему Московского [военного округа] сообщаю для соответствующих распоряжений» [221]. История, однако, по-своему распоряжалась судьбами страны и ее спасителей: не успела 7-я Донская дивизия выйти в поход, как Новочеркасска достигла весть о том, что в Гатчине станичники капитулировали, Керенский неизвестно куда бежал, а Краснов увезен как раз туда, куда он вел казаков, и оказался в Смольном, в Военно-революционном комитете, под арестом. Отчаянием дышала телеграмма казачьего комиссара при Ставке Шапкина, переданная 2 ноября: «Во избежание бесполезного пролития крови и создания невозможных для казаков условий существования предлагаю всем казачьим частям немедленно прекратить активное вмешательство в борьбу с большевистским движением» [222].

---

[220] Генерал-майор Барановский, генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта, в разговоре с Духониным утром 30 октября предрекал: «Совершенно несомненно, что победа достанется либо нам (т. е. войскам, которые Керенский и Краснов двигали на Петроград.— *В. П.*), либо Каледину. Возможность третьего выхода уже исключена». Он считал излишним спорить, будет ли победа за Комитетом спасения родины и революции или за Калединым: «нам важно, чтобы ее не было за большевиками» («Красный архив», 1925, т. 2, с. 161).

[221] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 128, л. 165. На телеграмме — помета Духонина «1/XI», но уже в донесении Керенскому, датированном 31 октября, он уведомлял: «Каледин донес о посылке им отряда казаков в Воронеж для подавления большевистского движения и дальнейших действий по обстановке» (Разложение армии в 1917 году, с. 164).

[222] ЦГВИА СССР, ф. 1932, оп. 3, д. 301, л. 641. Телеграфный бланк.

А вслед — новая весть: и в Москве взял верх ВРК. Посылать после этого 7-ю дивизию через Воронеж на Москву совсем потеряло смысл, и Каледин экспедицию отменил.

Когда Каледин снаряжал эту экспедицию, он, как по всему видно, еще не сомневался, что дивизия будет действовать в полном согласии с волей посылавших ее в поход. Дальнейшее показало, что рассчитывать так прямолинейно, без тени сомнения, было рискованно. У Духонина, например, уже и тогда были какие-то основания, чтобы усомниться в безотказном действии казаков: ведь написал же он на письме Корнилова, что казаки не хотят воевать с большевиками. Возможно, таким основанием ему послужили сведения о том, что находившиеся в Петрограде три донских казачьих полка во время Октябрьского вооруженного восстания отказались выступить в защиту Временного правительства, а 5-ю Кавказскую казачью дивизию не удалось отправить с той же целью из Выборга в Петроград «по сложившимся обстоятельствам», как доносил командир 42-го корпуса [223]. Эта формула, в разных вариациях употреблявшаяся в те дни в официальной переписке, была слишком прозрачна, чтоб не вызвать у Духонина догадки об истинной причине невыполнения приказа главковерха. Можно было не гадать: 28 октября в газете «Финляндские ведомости» появилось сообщение о решении членов казачьих комитетов дивизии, что «казаки не будут выполнять приказы Временного правительства, а пойдут вместе с Советами» [224].

Но вера в казачью нагайку, видно, сильно засела в генеральских головах. При отсутствии других послушных войск, может быть, ничего не оставалось иного, как надеяться только на казаков, тем более что комиссар казачьих войск при Ставке уверял Духонина в лояльности даже донских казачьих полков, стоявших в Петрограде [225]. По крайней мере, другое замечание Духонина, сделанное на письме Корнилова, не свидетельствует о его сколько-нибудь последовательном недоверчивом взгляде на казаков: на совет Корнилова занять Оршу, Смоленск,

---

[223] Ставка 25—26 октября 1917 г.— «Архив русской революции». Т.VII. Берлин, 1922, с. 286, 291, 304.

[224] *Луговинов И. С.* Установление Советской власти на Северо-Западе России. Воронеж, 1970, с. 194.

[225] «Архив русской революции», т. VII, с. 292.

Жлобин и Гомель частями польского корпуса Духонин возразил: «Для занятия Орши и Смоленска сосредоточена 2-я Кубанская дивизия и бригада астраханских казаков. Полков 1-й польской дивизии из Быхова нежелательно брать для безопасности арестованных. Части 1-й дивизии имеют слабые кадры и потому не представляют реальной силы» [226]. Однако 2-я Кубанская дивизия, на которую Духонин возложил удержание Оршанского узла [227], тоже не оправдала его доверия. Образовавшийся в Орше 25 октября большевистский Военно-революционный комитет под председательством И. Г. Дмитриева взял власть в свои руки в городе и уезде и первым делом установил свой контроль на железнодорожном узле. В результате работы большевиков среди казаков дивизия заявила сначала о нейтралитете, а затем стала поддерживать революционную власть, и генералу Николаеву пришлось сложить с себя командование дивизией и покинуть город [228].

Приведенные данные определенным образом характеризуют обстановку, складывавшуюся вокруг Ставки в первую неделю после свержения Временного правительства. Сопоставление плана защиты Ставки, предложенного Корниловым, как с замечаниями по этому плану и распоряжениями Духонина, так и с действиями Каледина, показывает единство взглядов быховских «узников», верхушки Ставки и деятелей южной контрреволюции на задачи, вставшие перед ними в связи с Октябрьским поли-

---

[226] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты, т. 2, с. 138.

[227] Информируя начдива 2-й Кубанской о событиях в Петрограде, Духонин 26 октября предписывал ему: «Возьмите в свои руки охрану железнодорожного узла и телеграфов. На телеграфе установите цензуру, дабы никакие телеграммы большевиков не проходили. Чаще ориентируйте, не менее двух раз в сутки» (Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957, с. 599). А 30 октября начдив генерал-лейтенант А. М. Николаев телеграфировал Духонину: «Большевистский комитет под руководством Дмитриева, опираясь на 623-й пехотный полк (двигавшийся через Оршу на Петроград и распропагандированный Военно-революционным комитетом.— *В. П.*), послал приказание коменданту, комиссару и начальнику милиции об их отрешении, у меня реальных сил нет противодействовать захватам большевиков» (Триумфальное шествие Советской власти, ч. 2, с. 6).

[228] См. *Дмитриев И.* Октябрь в Орше.— «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 417.

тическим переворотом. Эти задачи преследовали одну цель — свержение Советской власти и восстановление буржуазно-помещичьей диктатуры. Нельзя не заметить здесь также в общем одинаковый уровень политического развития и военно-организаторских способностей оказавшихся в разных конкретных условиях генералов одной и той же формации: без господства эксплуататорских классов они не мыслили себе государственного существования России и надеялись на изыскание достаточных сил для искоренения той «анархии», которая разрушала такое государство. Все, как один, эти генералы были поборниками представления, что сравнительно небольшой кадр преторианцев (белая гвардия) может беспощадным насилием решить коренные вопросы общественной жизни в том духе, как это считают нужным «государственно-мыслящие люди», к каковым бравые генералы относили едва ли не в первую очередь себя; в широкой же массе населения они не подозревали даже возможности политической активности и считали, что ей можно заткнуть рот риторикой об Учредительном собрании. Они привыкли повелевать солдатской массой с помощью плетки [229] и закона о смертной казни; презрение же к этой массе в конечном счете придавало авантюристический характер их военным планам.

Из сопоставления соображений по обороне Ставки напрашивается мысль, что, с одной стороны, Духонин не разделял того пиетета перед личностью Корнилова, который испытывала вся буржуазно-монархическая контрреволюция начиная с июля 1917 г. Духонин позволял себе даже не соглашаться с ним,— иначе говоря, люди одного с Корниловым круга и одной подготовки, признавая политический авторитет идола контрреволюции, нисколько не видели в нем не только выдающегося военного деятеля, но и сколько-нибудь более способного, чем они, военачальника. С другой же стороны, отсюда можно видеть, что и Духонин не был среди организаторов контрреволюции ни по роли, ни по способностям второразрядной фигурой, каким он выглядит, например, в мемуарах М. Д. Бонч-Бруевича, рисующих его слепым исполните-

---

[229] «...В 1915 г. в армии было восстановлено наказание розгами властью начальника, отмененное полвека назад» (*Деникин А. И.* Старая армия [т. 2]. Париж, 1931, с. 146—147).

лем чужих предначертаний, не наделенным ни инициативой, ни решительностью, «на редкость безвольным и, пожалуй, даже трусливым человеком» [230]. Это был многоопытный и энергичный враг революции, нисколько не уступавший по деловым качествам ни Корнилову, ни Каледину.

Чтобы представить конкретно, какими возможностями располагала контрреволюция в смысле координации борьбы против рабоче-крестьянской власти, и оценить значение такого ее центра, как Ставка, нужно вникнуть в обстановку начала ноября 1917 г. Капитуляцией 3-го конного корпуса в Гатчине 31 октября и юнкеров в Москве 2 ноября закончилась первая неделя борьбы буржуазии против диктатуры пролетариата. Центральная государственная власть была рабочим классом удержана, покушение на нее пресечено, эксплуататоры не смогли восстановить своей государственной организации. Единственный орган, претендовавший на роль преемника Временного правительства и передатчика власти новому буржуазному правительству, если бы удалось свалить Советскую власть, «Комитет спасения родины и революции» — имел в своем активе неудачное восстание юнкеров и никаких сил, необходимых для продолжения борьбы.

* * *

Не признавая власти Совета Народных Комиссаров, контрреволюция пыталась воссоздать разгромленное Временное правительство. Наиболее ранней и своеобразной попыткой такого рода явилась, по-видимому, та, о которой много позже рассказал белоэмигрант полковник П. А. Соколов. Из его воспоминаний явствует, что «в день захвата власти большевиками в Петрограде» он находился в Ново-

---

[230] *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1964, с. 172—174. Подобным образом автор характеризовал и других деятелей контрреволюции, например, генералов Алексеева, Деникина, Дитерихса. На эту особенность мемуаров М. Д. Бонч-Бруевича указал в 1962 г. А. И. Тодорский, имея в виду их первое издание. «Не следует,— писал он,— наших врагов изображать людьми безвольными, невежественными, глупыми. Если бы они были таковыми, то стоило ли так затягивать борьбу с ними, да и велика ли честь Красной Армии разгромить таких противников?» (*Тодорский А.* Размышляя над мемуарами.— «Литературная газета», 1962, 30 августа).

черкасске, а наступившей вслед за тем ночью Богаевский послал его в Москву «с поручением собрать там товарищей министров, по сведениям с Дона укрывшихся в Москве, предложить им, чтобы они объявили себя Временным правительством и немедля телеграфировали бы атаману, и тогда полки будут присланы в Москву и займут главные железнодорожные магистрали». 28 октября Соколов уже был в Москве. При содействии секретаря Совета общественных деятелей И. Н. Сахарова он собрал находившихся в городе нескольких товарищей министров и представителей Совета общественных деятелей в частной квартире на Тверском бульваре; присутствовал и бывший министр продовольствия С. Н. Прокопович. «Финал собрания, — пишет Соколов, — был неожиданный. Министры колебались, не решались брать ответственности... Прокопович решительно отверг всякую возможность контакта с «калединцами»... Не заходя домой, прямо с этого заседания, его участники отправились со Щепкиным во главе в Александровское военное училище (где был штаб мятежников. — *В. П.*)» [231].

Но в первые же дни после взятия Зимнего дворца и ареста министров более деловая попытка возобновления деятельности Временного правительства была предпринята в Петрограде бывшим товарищем министра юстиции А. А. Демьяновым, состоявшим перед Октябрем председателем Малого Совета министров. На его квартире, а потом в доме графини С. В. Паниной стали тайно собираться сначала товарищи министров, а затем и освобожденные из-под ареста министры. «Первые заседания Совета министров, — рассказывал потом Демьянов, — происходили в то время, когда Москва была в состоянии войны с большевиками... С. Н. Прокопович, единственный тогда министр на свободе, находился в Москве. Решено было снестись с ним и устроить в Москве при нем нечто вроде филиального отделения правительства, а при удаче борьбы с большевиками перевести в Москву и все правительство. На первое время было решено, чтобы от каждого министерства в Москве находился один из товарищей министров». Но желанной «удачи борьбы с большевиками»

---

[231] *Соколов П.* Последние защитники (Александровские юнкера в Москве 1917 г.).— «Часовой» (Париж), № 94—95, 1933, 1 января, с. 31.

ни министры, ни их помощники не дождались, и вопрос о переводе «всего правительства» в Москву отпал. Наоборот, в Петроград вернулся и Прокопович, который принял на себя обязанности министра-председателя (Керенский 1 ноября известил о сложении их с себя) и стал председательствовать на заседаниях. О статусе этого «правительства» Демьянов спустя несколько лет писал так: «Всем было ясно, что сама по себе подпольная власть не есть уже власть, что это какая-то логическая бессмыслица»[232]. Но тогда, в ноябре 1917 г., видимо, и ему это предприятие не казалось безнадежным. Вообще же основным занятием подпольного правительства явилась организация саботажа чиновников в министерствах. Эта деятельность оказывалась возможной до тех пор, пока ему удавалось изымать из Государственного банка суммы, необходимые для финансирования саботажников. Но как только ключи Государственного банка распоряжением Совнаркома были переданы главному комиссару банка[233], подпольное правительство лишилось источника, питавшего его деятельность.

По существу же это была подпольная группа заговорщиков, выдававшая себя за Временное правительство. Она не имела на то никаких юридических оснований хотя бы уже потому, что из шестнадцати членов последнего Временного правительства в ней набиралось только шесть, а после того как 12 ноября из нее выбыл бывший министр внутренних дел А. М. Никитин[234], их осталось даже пять, что не составляло и трети последнего состава правительства. А товарищи министров не могли заменять министров (согласно установлениям правительства, представителями которого участники группы себя называли)

---

[232] *Демьянов А.* Записки о подпольном Временном правительстве.— «Архив русской революции». Том VII. Берлин, 1922, с. 43.

[233] См. *Гусаков А. Д.* Очерки по денежному обращению России накануне и в период Октябрьской социалистической революции. М., 1946, с. 71.

[234] Свой отказ от участия в заседаниях Никитин мотивировал тем, что правительство не сумело «поставить себя в положение, достойное носителей государственной власти» и что оно «с каждым днем будет отрываться от подчиненных ему органов власти и в каждом своем заседании подрывать самую идею верховной власти, возникшей в дни Февральской революции» («Красный архив», 1924, т. 6, с. 220).

при утверждении актов законодательного характера. Это не говоря уже о том, что полномочия исполнявших на протяжении двух недель обязанности министра-председателя А. М. Никитина и С. Н. Прокоповича никем не были узаконены, кроме все той же неправомочной группы членов и нечленов бывшего Временного правительства. В составе «правительства» не оказалось, таким образом, лица, которое имело бы право подписывать его постановления и указы [235].

Подпольное Временное «правительство» не имело сколько-нибудь заметной поддержки в общественных слоях и никакой базы для своей деятельности. Недаром Демьянов предложил ему переехать «в Ставку к Духонину под защиту его и его войска». Его предложение было отклонено потому, что «при армии в то время уже были организованы различные военно-революционные организации, комитеты и проч., которые могут якобы своим влиянием давить на волю и совесть членов Совета [министров]». Тогда Демьянов сделал другое предложение: «Ставка Духонина отвергнута. Что же остается делать? К кому ехать? Имеется еще одно лицо, имя которого у всех на устах, но которого назвать никто не хочет, боясь обвинения в контрреволюционности, однако это — единственное лицо, у которого правительство может искать защиты и опоры. Я говорю о генерале Каледине». На этот раз Прокопович, ранее отвергавший, как мы знаем из воспоминаний П. Соколова, возможность контакта с калединцами, и желая, очевидно, продемонстрировать верность убеждениям, предложил вместо Каледина — не столь популярного корниловца и калединца Дутова. Демьянов все же уехал потом к Каледину, чтобы «выяснить вопрос о согласии Дона и всего казачества признать и поддержать Временное правительство как всероссийскую власть» [236]. Но признавать и поддерживать в действительности было некого. Каледин ответил Демьянову, что он «не желает ничего лучшего, как переезда Временного правительства в Новочеркасск», но только, во-первых, он сам не может «стать в подчиненное к нему положение» и вообще вопрос о подчинении казачества Временному пра-

---

[235] См. *Флеер М.* Временное правительство после Октября.— «Красный архив», 1924, т. 6, с. 199—201.

[236] «Архив русской революции», т. VII, с. 44—45.

вительству может быть рассмотрен лишь совместно «с казаками Кубани и Терека»; во-вторых, нужно «установить еще, что Временное правительство не пало, а существует реально» [237].

Миссия Демьянова кончилась ничем, а подпольная группа, не имевшая опоры, да еще оставшаяся и без денег, неожиданно закончила свое существование. Ее похоронным звоном было опубликованное 17 ноября в контрреволюционных газетах за подписями Прокоповича, Малянтовича, Никитина и др. воззвание «К гражданам армии и тыла». С одной стороны, бывшие министры и товарищи министров сетовали: «Отсутствие объединяющей верховной власти повело к расчленению России на ряд вооружающихся самостоятельных областей»; затем искали объяснения отсутствию такой власти, заявляя: «...образовавшиеся с начала мятежа комитеты спасения родины и революции и комитеты безопасности не оказали поддержки законной верховной власти, а поставили своей задачей создание однородного социалистического министерства». С другой же стороны, без тени юмора провозглашали: «Но и не в полном составе в настоящее время Временное правительство является единственной в стране законной верховной властью» [238]. Этим воззванием «Временное правительство» делало первый опыт вылезть из подполья и оповестить всех заинтересованных в нем о своем существовании. Опыт закончился так, как ему и полагалось закончиться: не признаваемая самозванной группой, но тем не менее действительно существующая верховная власть распорядилась закрыть газеты, заявившие себя рупорами невесть откуда взявшейся группы [239], а всех 12 подписавших воззвание бывших министров и товарищей министров «отправить под надежным караулом в Кронштадт под надзор исполнительного комитета Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов» [240].

---

[237] «Архив русской революции», т. VII, с. 51—52.

[238] «Киевская мысль», 1917, 17 ноября, вечерний выпуск; «Наша речь», 1917, 17 ноября.

[239] 17—18 ноября в Петрограде был закрыты в связи с этим газеты: «Наша речь», «Современное дело», «Рабочая газета», «Воля народа», «Трудовое слово», «Утренние ведомости», «Единство», «Рабочее дело».

[240] Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т. 3. М., 1967, с. 175.

Казалось бы, всем тем, кто еще до Октября жаждал «твердой власти», один такой случай должен был показать, что в виде диктатуры пролетариата Россия обрела довольно твердую власть. Однако не о том, разумеется, мечтали помещики и буржуазия. Рабоче-крестьянскую власть им нужно было как можно скорее свалить. Но требовались какие-нибудь массы, способные воевать против власти Советов. Их не оказалось. И это вовсе не позднейшее объяснение исхода политической борьбы, а тогда же признанное и в противоположном лагере явление. Ярчайшее и, пожалуй, наиболее раннее признание тогдашнего положения можно найти в дневнике генерала А. Будберга, командовавшего на Северном фронте корпусом (впоследствии — управляющий Военным министерством у Колчака, а затем белоэмигрант). 28 октября 1917 г. он сделал в дневнике следующую запись: «Новое правительство товарища Ленина разразилось декретом о немедленном мире; в другой обстановке над этим можно было бы только смеяться, но сейчас это гениальный ход для привлечения солдатских масс на свою сторону; я видел это по настроению в нескольких полках, которые сегодня объехал; телеграмма Ленина о немедленном перемирии на три месяца, а затем мире (имеется в виду декрет о мире, принятый II съездом Советов.— *В. П.*) произвела всюду колоссальное впечатление и вызвала бурную радость. Теперь у нас выбиты последние шансы на спасение фронта. Если бы Керенский лучше знал русский народ, то он обязан был пойти на что угодно, но только вовремя вырвать из рук большевиков этот решительный козырь в смертельной борьбе за Россию; тут было позволительно, сговорившись предварительно с союзниками, начать тянуть какую-нибудь туманную и вихлястую канитель мирного свойства, а за это время провести самые решительные реформы и прежде всего с доверием опереться на командный состав армии». Теперь, писал Будберг, когда большевики бросили в солдатские массы этот лозунг, «у нас нет уже никаких средств для борьбы» с теми, кто дал его массам. «Что мы можем противопоставить громовому эффекту этого объявления? Напоминания о долге перед родиной, о необходимости продолжать войну и выполнить свои обязательства перед союзниками?.. Да разве эти понятия действенны хоть сколько-нибудь для современного состава нашей армии? Нужно быть безна-

дежно глухим и слепым, чтобы в это верить. Сейчас это не только пустые, но и ненавистные для масс слова»[241].

Наблюдения и мысли такого порядка тем больше должны были стимулировать тех, чьим амплуа была политическая деятельность. Меньшевики и эсеры пытались после II съезда Советов оживить ЦИК 1-го созыва — точно так же, как бывшие министры и товарищи министров прилагали усилия, чтобы вернуть к жизни свергнутое Временное правительство. Не признавая II съезда Советов и созданных им органов власти, небольшая группа членов ЦИК 1-го созыва поставила своей целью объединить вокруг себя местные Советы и армейские комитеты, стоящие на эсеро-меньшевистской точке зрения, и подготовить новый съезд Советов, на котором и сформировать правительство без большевиков. Характерным для тактики группы, сорганизовавшейся в Бюро ЦИК 1-го созыва, является доклад И. Г. Церетели о политическом моменте, сделанный на заседании Бюро 12 ноября. «Сейчас,— говорил Церетели,— главная задача демократии — объединение своих сил, но не для борьбы с большевизмом, что может оттолкнуть многие, весьма полезные элементы, а для ее собственного укрепления и для спасения революции». Чтобы соединить под одним знаменем всю демократию России, он предлагал использовать лозунги мира и Учредительного собрания. Целью же сплочения демократии он выставлял создание новой власти, «однородной, демократической, со включением социалистических партий», при условии признания такой программы: «1) Уничтожение террора (под каковым понимались решительные действия диктатуры пролетариата в борьбе с контрреволюцией.— *В. П.*). 2) Учредительное собрание — единственный хозяин земли (подразумевалась, видимо, «земля русская».— *В. П.*). 3) Передача земли земельным комитетам. 4) Немедленное признание мира, т. е. предложить союзникам выработать программу мира на демократических началах»[242]. Последним пунктом Церетели облек в деликатную форму то же самое обещание мас-

---

[241] Дневник барона Алексея Будберга.— «Архив русской революции». Том XII. Берлин, 1923, с. 235. (В тексте отточие автора дневника).

[242] Протоколы заседаний ЦИК и Бюро ЦИК с.р. и с.д. 1-го созыва после Октября.— «Красный архив», 1925, т. 3 (10), с. 101.

сам, которое генерал-монархист, выражаясь на гусарском жаргоне, представлял как «туманную и вихлястую канитель мирного свойства».

Что касается вопроса об Учредительном собрании, то он позже получил разъяснение в материалах Бюро ЦИК 1-го созыва. Из воззвания, выработанного им 25 декабря, совершенно ясно видно, что лозунг Учредительного собрания служил для вовлечения широких масс в борьбу против Советской власти. «Все живое в стране и, прежде всего, весь рабочий класс и армия,— говорилось в воззвании,— должны стать с оружием в руках на защиту власти народной в лице Учредительного собрания, долженствующего дать народу мир и закрепить законодательным путем революционные завоевания рабочего класса»[243]. Словами о закреплении революционных завоеваний законодательным путем при помощи Учредительного собрания здесь, в воззвании, прикрывалась совсем иная цель, о которой дают представление другие материалы Бюро, не предназначавшиеся для обнародования. Вот что говорил, например, по тому же вопросу на заседании 3 декабря трудовик Л. М. Брамсон: «Роль Советов — защита революции, довести [страну] до Учредительного собрания и превратиться в профессиональные союзы рабочих и солдат. Задачи не доведены до конца, не доведет до этого конца и ЦК в Смольном (т. е. ЦИК 2-го созыва.— *В. П.*). Надо искать способа взорвать этот ЦК. Здесь это трудно. Здесь надо иметь маяк, но объединять надо Советы на местах»[244]. Защиту революционных завоеваний этот «ЦИК Советов» рассматривал, таким образом, как ликвидацию не только власти Советов, но и самих Советов вообще, не вдаваясь даже в вопрос об их партийном составе. Можно было бы счесть эти мысли за частное мнение Брамсона, если бы не тесный контакт Бюро ЦИК 1-го созыва с «Комитетом спасения родины и революции», который оно даже финансировало; когда же он был разогнан Советской властью, Бюро своим постановлением сконструировало на смену ему «Союз защиты Учредительного собрания»[245] того же состава и тоже с участием своих представителей.

---

[243] Там же, с. 125.
[244] «Красный архив», 1925, т. 3 (10), с. 123. Протокольная запись.
[245] См. там же, с. 112.

И Бюро ЦИК 1-го созыва и «Комитет спасения» объединялись одной платформой — непримиримой борьбой против власти, установленной II съездом Советов, борьбой за восстановление в России буржуазного строя посредством Учредительного собрания. Такое направление деятельности не было выражением личного мнения кого-нибудь из членов Бюро. На заседании 17 ноября управляющий делами ЦИК 1-го созыва Бройдо отсутствием принципиальной разницы между ЦИК и «Комитетом спасения» мотивировал свое предложение о слиянии их в одну организацию. Но их сотрудничество, самое тесное и без слияния, скреплялось и общей бедой — отсутствием каких бы то ни было реальных сил для достижения единой цели. Они не сразу признали это сами, но такой итог всей деятельности Бюро ЦИК 1-го созыва подвел Ф. Дан, председательствовавший на заседании 10 января 1918 г.: «Надежды на крушение большевистского режима не оправдались, и теперь трудно быть оптимистом, чтобы сказать, что это скоро случится. ЦК 1-го созыва не стал политическим центром и ничего не сделал за это время». На том же заседании «после недолгого обмена мнениями», как записано в протоколе, было решено «деятельность ЦИК 1-го созыва окончательно ликвидировать» [246].

На фоне бессилия всех этих организаций, претендовавших на роль общероссийских центров борьбы против власти Советов, Ставка верховного главнокомандующего выглядела организмом, способным достигнуть того, что оказывалось не по плечу и «Комитету спасения», и эфемерному «Временному правительству», и оставшемуся в изоляции от масс Бюро ЦИК 1-го созыва.

---

[246] «Красный архив», 1925, т. 3 (10), с. 118.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОЙНА ПРОТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ГЕНЕРАЛИТЕТА

«Лужский кулак»

Что Ставка после свержения Временного правительства стала центром контрреволюции в общероссийском масштабе — в этом не было ничего неожиданного и вообще ничего нового: такую роль она осваивала еще до Октябрьской революции и особенно в то время, когда пост верховного главнокомандующего занимал Корнилов. После краха августовского мятежа Ставка явилась военным аппаратом подготовки второй корниловщины. После Октябрьского переворота положение изменилось только в том отношении, что она оказалась осколком прежнего государственного аппарата, органом несуществующего правительства. Когда, например, о подобном «сиротском» положении горевал главнокомандующий армиями Западного фронта генерал П. С. Балуев, говоря Духонину, что ему необходимо хоть какое-нибудь правительство, от имени которого он мог бы действовать, хоть какая-нибудь почва под ногами [1], то его судьба была все же не столь горька: над ним была Ставка. В этом смысле никакой почвы с падением Временного правительства Ставка не имела и обрекалась на самостоятельность, о какой раньше не могла и думать. Но к самостоятельной деятельности на поприще контрреволюции она была подготовлена, сохранив политически однородный состав. Для Ставки, для Духонина в частности, не стояло вопроса, следует ли подчиниться новому правительству,— по-

[1] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), с. 166, 167.

зиция штаба главковерха была предопределена. 29 октября, когда уже действовало новое правительство, Духонин наставлял главного начальника Одесского военного округа, что совершенно недостаточно сохранять в округе порядок и спокойствие, когда «одной из главных задач тыла фронтов и внутренней России» стала борьба с большевистским движением, и требовал определенно высказать свое отношение к этому движению, «так как оно неясно» [2].

В тот же день генерал Балуев, жалуясь Духонину на усиливающееся на Западном фронте влияние большевиков, говорил: «Сам я занял выжидательную позицию и изображаю человека, сидящего на бочке пороха с подожженным шнуром». Балуев был генералом далеко не слабовольным, но складывавшаяся обстановка выбивала его из колеи. Духонин, дольше сохранявший иммунитет по отношению к влиянию обстановки, должен был поучать Балуева. Указав ему, что большевики ведут на фронте агитацию с необычайной энергией, вследствие чего «темная масса» принимает большевистские лозунги, Духонин требовал: «Необходимо не выжидательное положение в такой обстановке, а руководящее». Он преподал Балуеву и тактическую линию для «руководящего положения»: «Необходимо больше осведомлять войска, разъяснять им, работать теперь же в контакте с комиссарами [Временного] правительства и комитетами, в которых всегда найдутся влиятельные элементы». Разговор по прямому проводу стал все более превращаться в поучение. «В данную минуту,— читал на телеграфной ленте Балуев,— вся сознательная Россия, познающая себя как государство, объединяется, и лишь несознательные или сознательные, но анархического направления [элементы] или трусы стоят отдельно и играют на темной массе. Я понимаю вполне, в какое тяжелое положение вы поставлены, но это положение не безвыходное, и можно достичь определенных результатов». Общим выводом из его поучений было: «Мы все сейчас находимся в тяжелой обстановке, но необходимо победить, и для этого стремления — все наши чувства и вся наша жизнь» [3].

---

[2] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), с. 160.
[3] Там же, с. 166—167.

31 октября Духонин передал для Керенского телеграмму с уверением: «Все, что возможно при наличии сложившейся обстановки для подавления большевистского движения и для оказания поддержки вам, я принимаю и настойчиво стремлюсь преодолеть все неожиданные возникающие препятствия на пути проведения мероприятий» [4]. Его деятельность не оставляет сомнений, что это не было голословием: Духонин даже преступал возможности. Его энергичные усилия не отражает та восторженная, но без достаточного знания дела написанная характеристика фактического главы верховного управления действующей армией в первые послеоктябрьские недели, какую оставили в литературе его приверженцы и апологеты. Бывший в Ставке чиновником для особых поручений журналист А. А. Дикгоф-Деренталь, впоследствии сподвижник Б. Савинкова по организации политического бандитизма в Советской России, рисуя положительные качества своего бывшего шефа, вроде того, что он — «красивый, блестящий, элегантный», «баловень фортуны и чинов», да еще не обделенный «личной храбростью» и «самоотвержением», утверждал, что «в незнакомых ему вопросах общественных и политических отношений» Духонин будто бы «совершенно терялся и робел, не имея никогда мужества принять какое-нибудь определенное решение» [5]. В том же духе отзывался о Духонине находившийся в Ставке военный корреспондент «Русских ведомостей» Н. Каржанский, так оценивавший поведение Духонина во время исполнения им обязанностей главковерха: «Не разбиравшийся в политических вопросах, он не повторил ошибок Корнилова или Алексеева и не ринулся в тонкости политических комбинаций и «ситуаций». Войсковой властью в это время был «общеармейский комитет»... Духонин без спору признал этот комитет как бы своим кабинетом, а себя — его министр-премьером» [6].

Подобные отзывы о Духонине оказали известное влияние на его характеристику в советской исторической литературе. Нельзя сказать, что они воспринимались некри-

---

[4] «Красный архив», 1927, т. 5 (24), с. 85.

[5] *Дикгоф-Деренталь А.* Силуэты октябрьского переворота.— Сб. Пережитое. Кн. 1. М., 1918, с. 53.

[6] *Каржанский Н.* Верховные главнокомандующие — Сб. Пережитое, кн. 1, с. 152—153.

тически, но из них как из источника, как из свидетельств лиц, знавших Духонина, извлекались штрихи к политической характеристике в условиях, когда не были еще доступны документы, дающие возможность разобраться в достоверности этих штрихов. Г. Лелевич, например, писал: «...В суждениях Каржанского и Дикгофа-Деренталя имеется значительная доля идеализации. Во всяком случае основные черты, характеризующие генерала Духонина, ясны. Это был корректный и готовый рисковать собой человек, лишенный широкого кругозора, безграмотный политически и, несмотря на личную храбрость, не способный на смелые политические шаги, на самостоятельную политическую роль. Возглавляя монархическую Ставку и политически слушаясь Общеармейского комитета, он естественно превратился в игрушку контрреволюции...» В другом месте своей работы Лелевич соответственно употреблял определение: «Монархическая Ставка, руководимая бесцветным Духониным...»[1]

На деле же было так, что именно Духонин (не один, конечно) придавал монархический цвет Ставке. И не в том, оказывается, дело, что его, «робкого» по натуре, подмял Общеармейский комитет, а в том, что Духонин оказался на голову выше своих сверстников-генералов, командовавших фронтами, армиями, стоявших на верхних ступенях военной иерархии. Его политическое развитие вполне позволяло ему сознательно выбирать направление деятельности, отвечающее интересам своего класса, и в этом он не знал ни малейших уклонений в сторону. Умея лучше, чем другие, приспосабливаться к обстановке, он не стал наотмашь, как Корнилов, Каледин, Деникин, отбиваться от армейских комитетов, но и не мог допустить какой бы то ни было зависимости от них, в чем его единомышленники, не без преувеличения, обвиняли Черемисова. В грозовой атмосфере 1917 г. Духонин вовремя уловил пользу контактов с комитетами, имея в виду, конечно, их «влиятельные», т. е. соглашательские, элементы, и при условии, чтобы держать их в своих руках, как это он предусмотрел в телеграмме Керенскому в связи с образованием Общеармейского комитета при Ставке. Он разъяснял эту пользу Балуеву и сам извлекал ее из контакта с Общеармейским комитетом, в котором наблюда-

[1] *Лелевич Г.* Октябрь в Ставке. Гомель, 1922, с. 11, 16.

тельные корреспонденты не без оснований видели нечто вроде «кабинета» Духонина. Он не был игрушкой в руках контрреволюции — сам олицетворял контрреволюцию и сохранял в ней «руководящее положение». Столь же мало оснований считать Духонина не способным на смелые политические шаги, вернее было бы говорить о его стремлении замаскировать эти шаги «нейтральным» обличием.

После капитуляции войск Керенского — Краснова Духонин 1 ноября отдал приказ, в котором объявил, что войска генерала Краснова, собранные под Гатчиной, «дабы остановить кровопролитие гражданской войны», заключили с гарнизоном Петрограда «перемирие», верховный же главнокомандующий Керенский «оставил отряд, и место его пребывания в настоящее время не установлено». Духонин уведомлял армию, что на основании Положения о полевом управлении войск он вступил во временное исполнение должности верховного главнокомандующего «и приказал остановить дальнейшую отправку войск на Петроград» [1]. Это не значило, что в силу обстоятельств Ставка примирилась с одержавшей победу рабоче-крестьянской властью. В приказе была внешне спокойная фраза, содержавшая, однако, непризнание Советского правительства и таившая в себе новые перипетии гражданской войны. «В настоящее время,— только констатировал Духонин, как бы стоящий в стороне от всякой борьбы,— между различными политическими партиями происходят переговоры для сформирования Временного правительства». Больше того, дальше следовало совсем миротворческое обращение к действующей армии: «В ожидании разрешения кризиса, призываю войска фронта спокойно исполнять на позициях свой долг перед родиной, дабы не дать противнику возможности воспользоваться смутой, разразившейся внутри страны, и еще более углубиться в пределы родной земли».

На второй день пребывания в должности главковерха Духонин приказал главнокомандующему армиями Северного фронта двинутые в Гатчину на подкрепление Керенскому части 3-й Финляндской дивизии и 17-го корпуса сосредоточить в районе Луга — Плюсса — Передольская и передавал их одновременно в распоряжение главкосе-

[1] Там же, приложение, с. 20.

ва [9]. Но сосредоточить в этом районе войска, находившиеся большей частью еще южнее Пскова, значило продолжать их движение в прежнем направлении, т. е. на Петроград. Получив приказ, главнокомандующий армиями Северного фронта генерал В. А. Черемисов задал начальнику Псковского гарнизона генералу Триковскому вопрос, насколько, по его мнению, возможно движение эшелонов через Псков на север, и получил ответ: «Гарнизон стоит на непримиримой позиции по вопросу передвижения эшелонов севернее линии ст. Псков, усматривая в этом развитие контрреволюции... Дальнейшие передвижения, хотя бы только в ближайшие дни, поведут к тяжелым последствиям... В настоящее время даже чисто стратегические передвижения в районе Петрограда и его окрестностей невозможны». По прямому проводу Черемисов стал просить Духонина, чтобы тот не настаивал на продолжении перевозок и разрешил отправить все части из района Луги обратно. Он предупреждал, что если даже эшелоны пройдут через Псков, то будут задержаны на следующих станциях, к чему революционными комитетами уже приняты меры. Духонин ответил, что после окончания военных действий под Гатчиной он «ни минуты не предполагал» двигать войска на Петроград, «но воспользовался при этом слагающейся обстановкой и уже происходившим движением частей для задач стратегического значения». Такое объяснение не снимало остроты вопроса, и Черемисов снова стал убеждать Духонина в невозможности продолжать перевозку войск в том же направлении. «Финляндская дивизия и весь 17-й корпус,— говорил он,— как стратегический резерв, были бы очень желательны в районе Луги, но, как я вам только что докладывал, перевозка его туда через Псков невозможна, так как массы никаких стратегических соображений не понимают и не захотят понять, в движении войск они видят или хотят видеть контрреволюционные попытки...» Черемисов считал, что если собрать эти войска юго-восточнее Пскова, то такое сосредоточение удовлетворяло бы и оперативным и политическим условиям.

Но Духонин продолжал настаивать. Он посоветовал Черемисову для успокоения революционных комитетов объяснить им, что войска сосредоточиваются у Луги яко-

[9] «Красный архив», 1927, т. 5 (24), с. 98.

бы для того, чтобы создать оборонительную линию для прикрытия северо-западного района от... «латышского движения». То есть Черемисову предлагалось выставить в качестве аргумента опасность, которой грозит якобы России революционное движение латышских стрелков. Черемисов, не оспаривая этого «аргумента», уведомил, что движение эшелонов через станцию Псков он до ответа Ставки на его просьбу приказал приостановить [10].

Ясно выраженное в приведенном разговоре упорное желание Духонина продвинуть, несмотря на резонные возражения Черемисова, эшелоны к Луге, остается тем не менее не мотивированным убедительно. Возникает подозрение, что была какая-то тайная цель, которую главковерх не мог доверить Черемисову, а тем более контролируемому революционными комитетами телеграфу. Но как могло случиться, что Духонин, опытный военный организатор, да еще окруженный целым аппаратом весьма опытных штабников и военачальников, мог упустить охрану железнодорожных узлов и оказаться перед фактом срыва перевозок? Ведь напоминание об этом можно было уловить в советах Корнилова о занятии надежными войсками окружающих Могилев городов, вместе с тем являвшихся и важными железнодорожными узлами.

Духонин ничего не упустил. Еще до совета Корнилова, 28 октября, он дал телеграмму главнокомандующему армиями Западного фронта генералу Балуеву и в копии начальнику военных сообщений Ставки: «По условиям настоящего момента является крайне необходимым обеспечить в руках законной власти против бунтовщиков железнодорожные узлы. Прошу обратить ваше особенное внимание на Витебск, Вязьму, Смоленск и Жлобин, где существующая охрана считается недостаточной, и о принятых мерах мне телеграфировать» [11]. Точно такая же телеграмма была послана главнокомандующему и комиссару армий Юго-Западного фронта, причем в ней обращалось внимание на железнодорожный узел Коростень, «где находится лишь одна сотня» [12]. Так что Ставка заблаговременно навела справки и об имеющейся на узлах

---

[10] Там же, с. 99—105.
[11] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 233. Подлинник.
[12] ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 3824, л. 33 об. Телеграфный бланк.

охране. Узлы настолько беспокоили Духонина, что на другой же день он запросил Балуева: «Достаточно ли вами обеспечены железнодорожные узлы Орша — Гомель — Жлобин? Они имеют для нас большое значение, должны быть прочные части, если можно — ударные пулеметные сотни». Ответ Балуева проливает свет на обстоятельства, помешавшие выполнить отданные распоряжения: «...Весь фронт, главным образом, большевистский, и благомыслящий элемент, к сожалению, везде очень мал. Положение мое такое, что я даже не мог в Минск придвинуть ударный батальон и отправить батарею в Москву, из-за этого чуть не весь фронт всколыхнулся... и занять прочнее железнодорожные узлы мне трудно, для этого надо [послать] какие-либо другие войска, а не те, которые стоят на фронте... Скверно, хотя я борюсь со всем этим, но у меня нет ни силы, ни власти, а увещеваниями и разъяснениями здесь ничего не поможешь» [13].

Не упустил Духонин и Пскова, значение которого для перевозок становилось едва ли не первостепенным: через Псков шел из Острова на Гатчину корпус Краснова, через Псков двигались на подкрепление Керенскому войска, вызванные с Румынского и Юго-Западного фронтов. Духонин еще 27 октября указал и Черемисову и начальнику штаба фронта, каждому в отдельности, что псковский узел надо прочно обеспечить надежными войсками, дабы предупредить возможный захват его большевиками [14]. Он напомнил об этом Лукирскому 28-го [15]. Духонин ничего не упустил. Но ничего не упустили и те, против кого его распоряжения направлялись. Председатель Оршанского ревкома И. Г. Дмитриев так комментировал действия ревкома: «Захват Орши диктовался тем обстоятельством, что мы уже вернули чуть ли не до десятка одних гвардейских, помимо других, контрреволюционных эшелонов, настойчиво продвигавшихся на Москву, и Орша явилась порогом, не устранив которого нельзя было попасть ни в Москву, ни в Питер, ни в Могилев (Ставка)» [16].

---

[13] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), с. 167.
[14] См. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957, с. 611, 615.
[15] См. там же, с. 623, 625.
[16] *Дмитриев И.* Октябрь в Орше.— «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 419.

К тому времени, как Духонину пришлось услышать далеко не оптимистические рассуждения Черемисова, ему уже и самому было знакомо сознание бессилия изменить положение вещей. 30 октября на его стол легла телеграфная записка из штаба армий Западного фронта. В ней сообщалось, что в Орше «начались выступления при содействии четырех эшелонов пехоты, отказывающихся следовать в Витебск. Начальник гарнизона просит прислать в Оршу конные части». Начальник штаба фронта обращался к Ставке: «Окажете ли вы помощь Орше, так как вам ближе?» Однако Ставка сама не имела сил для наведения порядка на том самом узле, на который пришлось обращать внимание главкозапа, и приказать было некому — все молили ее же о помощи. Духонин, очевидно, не так просто расписался в собственном бессилии, но ему ничего не оставалось иного, как положить на записке ту немногословную резолюцию, которая лучше всего об этом свидетельствует: «Ставка выслать не может» [17] — и никаких мер. Орша предоставлялась ее судьбе.

А история с продвижением 3-й Финляндской дивизии и 17-го армейского корпуса (собственно, его 35-й пехотной дивизии), таившая в себе никому не объясненные Ставкой цели, после разговора Духонина с Черемисовым 3 ноября имела продолжение. Начальник военных сообщений Северного фронта в тот же день настаивал перед штабом на срочных мерах по разгрузке псковского узла. Он докладывал, что из-за приостановки отправления в сторону Луги эшелонов обеих дивизий станция «испытывает крайние затруднения»: там скопилось уже восемь эшелонов, которые не идут ни вперед, ни назад, а с юга напирают еще четырнадцать эшелонов тех же частей, находящиеся на линии, начиная от станций Полоцк и Идрица, но «ввиду забитости Пскова таковые не могут быть приняты в Псков». Ни в Пскове, ни на линии эшелоны не могли больше оставаться на месте. «Полоцко-Псковская линия,— доносил начальник военных сообщений,— не имеет никаких продовольственных и фуражных пунктов, люди и лошади задержанных эшелонов на этой линии голодают... требуют от станционных агентов немедленного отправления в сторону Пскова, угрожая агентам,

---

[17] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 177.

и не обращают внимания, что перегоны заняты, настаивают на продвижении поездов, что угрожает крушениями и полной остановкой движения. Имея в виду, с одной стороны, полученное приказание главкосева не отправлять эшелоны в сторону Луги и задержать таковые на полоцком участке, а с другой — требование Ставки везти таковые в Лугу, а также отказ эшелонов возвращаться обратно, испрашиваю категорического приказания о продвижении эшелонов в ту или иную сторону, при этом докладываю, что промедление решить этот вопрос повлечет за собой неисчислимые последствия, полную закупорку псковского узла, а вместе с тем приостановку подвоза продовольствия и возможные насилия со стороны перевозимых войск». И уже из Луги командир успевшего проскочить туда 9-го Финляндского полка бьет тревогу, что «в Луге полное отсутствие провианта и фуража, а хлеба остается только на сутки». Но и это не все: «Все остановленные эшелоны стоят под паровозами и простой их по станциям вызывает переутомление голодных поездных бригад...» [18]

Положение не терпело бездействия, и Черемисов понимал, что вся ответственность за последствия падет на него. Двинуть эшелоны вперед, на Лугу, было не в его силах, выбора не оставалось — и он приказал: «Немедленно вернуть все эшелоны на места посадок. 3-ю Финляндскую дивизию сосредоточить в районе, избранном генералом Барановским» [19]. Передавая это приказание командиру 17-го корпуса и начальникам 3-й Финляндской и 35-й пехотной дивизий, части которых находились в пути, генерал-квартирмейстер штаба фронта Барановский уточнял: «Дабы не разбивать полков 3-й Финляндской дивизии, отдельные эшелоны ее, уже прошедшие через Псков, вернуть назад и дивизию сосредоточить между станциями Сошихина и Тригорское [20] по обе стороны железной до-

---

[18] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1602, л. 179—180. Подлинник.

[19] Там же, л. 179. Резолюция Черемисова.

[20] Барановский, по-видимому, принял за железную дорогу почтовый тракт Псков — Опочка (на карте масштаба 1 : 420 000 издания 1915 г., которой пользовались в штабе фронта, условные знаки их мало отличимы), а расположенные на тракте населенные пункты — за железнодорожные станции. Почтовый тракт проходил восточнее Острова и железной дороги Псков — Остров — Опочка, а Сошихина и Тригорское расположены на этом

роги в резерв фронта. Части 35-й дивизии вернуть назад на станцию посадки (Бычиха [21]) в распоряжение комкора 17-го» [22].

При всем несогласии главкосева со Ставкой воинская дисциплина обязывала его принять все возможные меры к выполнению полученного распоряжения. Переговорив с ревкомами, Черемисов 3 ноября телеграфировал Духонину, что он добился их согласия пропустить эшелоны в район Луги при непременном условии: «если Ставкой будет категорически подтверждено 3-й Финляндской дивизии, что она идет не для гражданской войны, а для отдыха в районе Луги в качестве резерва. То же относится и к 35-й дивизии». Черемисов просил срочно прислать такое подтверждение, если сосредоточение обеих дивизий в районе Луги считается Ставкой по-прежнему необходимым [23].

Духонин ответил не сразу — только 5 ноября, но, стремясь, видимо, компенсировать потерю времени, надписал на телеграмме: «Срочная, военная». Два дня назад он сам уговаривал Черемисова, чтобы тот повлиял на комитеты и добился «благоразумного отношения к вопросу». Теперь, когда Черемисов достиг, казалось, невозможного, главковерх как бы не уловил самого главного, о чем сообщал ему главкосев,— требования ревкомов, удовлетворение которого становилось условием пропуска эшелонов на север. Его ответ был коротким: он не видит «никаких оснований к изменению расположения частей в намеченном районе», т. е. в районе Луги, и они должны занять этот район [24]. Затем, однако, Черемисов убедил его в невозможности произвести такую перевозку, и Духонин ответил, что он допускает как выход из положения сосредоточение войск в районе «к северу и к югу от Пскова».

тракте юго-восточнее Острова. В другой телеграмме Барановский передавал приказание «расположить 3-ю Финляндскую дивизию в районе между рекой Великая, Череха, железной дорогой Псков — Сошихина *к северу от Острова*» (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 87. Курсив мой.— В. П.). На оперативной карте расположение частей дивизии так и было нанесено — в границах двух рек, севернее Острова (там же, ф. 2031, оп. 1, д. 576).

[21] Станция южнее Невеля, на участке Витебск — Невель.

[22] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1602, л. 191. Телеграфный бланк.

[23] Там же, л. 194. Подлинник.

[24] Там же, л. 243.

Но ни в том, ни в другом случае главковерх не подтвердил ни дивизиям, ни даже теперь и Черемисову, что войска перевозятся не для гражданской войны, на подтверждении чего настаивали комитеты, и что «никаких контрреволюционных замыслов здесь нет», в чем в разговоре 3 ноября он сам предлагал Черемисову заверить комитеты.

А между тем в тяжбу между Ставкой и главкосевом вклинился начальник 3-й Финляндской дивизии генерал И. В. Ахвердов, прибывший 4 ноября со своим штабом в Псков. Пользуясь знакомством с Духониным, он после разговора с Черемисовым попросил главковерха к прямому проводу. Ахвердов доложил, что главкосев по предложению ревкомов отменил перевозку дивизии на Лугу и приказал расположиться в районе южнее Пскова, а полкам 35-й дивизии — возвратиться в район Невеля. Сказав, что он уже получил письменное приказание главкосева о сосредоточении дивизии между Псковом и Островом, Ахвердов спросил, исполнять ли ему это приказание до получения подтверждения Ставки. При иных обстоятельствах Духонин должен был, конечно, если не наказать не повинующегося главнокомандующему армиями фронта, да еще в боевой обстановке, начальника дивизии, то во всяком случае напомнить ему элементарное уставное требование. Вместо этого он ответил, что запросит главкосева «обо всех обстоятельствах», а дивизию предполагает взять в свой резерв [25]. Черемисов же был запрошен в такой форме: «Благоволите уведомить, какие основания послужили причиной изменения первоначального распоряжения о сосредоточении в районе Луга — Псков 3-й Финляндской дивизии и 137-го пехотного полка, вами вчера согласно телеграмме за № 6131/Б приводившегося в исполнение по соглашению с комитетами Пскова, и почему отмена распоряжения, отданного Ставкой, последовала помимо ее предварительного запроса» [26]. Духонин как бы не вспомнил, что именно в названной им телеграмме Черемисова было изложено требование ревкомов, на которое от Ставки ожидался ответ, и только тогда перевозка могла «приводиться в исполнение».

---

[25] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 96—102. Телеграфные бланки.

[26] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1602, л. 242. Телеграфный бланк.

Кроме местного и областного революционных комитетов, в Пскове еще находились представители ревкомов армий, бдительно следившие за действиями штаба фронта. Ревкомы и представители армий проявили упорство не меньшее, чем Ставка. Черемисов доложил Духонину, что «образовавшимся в Пскове областным военно-революционным комитетом были разобраны пути у ст. Торошино и в 10 верстах от Пскова севернее города, причем разобранные пути охранялись вооруженными частями, высланными областным военно-революционным комитетом. Целый день переговоров 4 ноября и убеждений пропустить эшелоны в Лугу не привели ни к каким результатам, причем армейские комитеты, особенно 1-й армии, заявили, что в случае посылки войск в Лугу, мирному характеру каковой армии и комитеты не верят, армии в тыл выплют свои отряды и силой принудят вернуться. 1-я армия постановила послать половину своих войск» [27].

И все же Духонина почему-то не устраивало расположение Финляндской дивизии только к югу от Пскова, и он продолжал стоять на том, чтобы Черемисов расположил ее «к северу и к югу» [28]. В разговоре по прямому проводу около 23 часов 5 ноября главкосев пытался объяснить ему, что, «считаясь с наличной морально-политической обстановкой и условиями расквартирования, необходимо Финляндскую дивизию расположить между Псковом и Островом в бывшем районе 3-го конного корпуса, а части 35-й дивизии вернуть в свой корпус в районе Невеля. Севернее Пскова нельзя ничего расположить, так как там болото и леса, а маленькие деревушки заняты мелкими тыловыми армейскими частями; продвижение эшелонов к Луге безусловно вызовет осложнение и, вероятно, даже крупные эксцессы не только в Пскове, но и на фронте». При этом Черемисов, зная, что Духонин ему не доверяет, сослался на состоявшийся перед тем разговор Барановского с начальником оперативного отдела Ставки полковником Кусонским, считая, что их разговор докладывался главковерху [29].

---

[27] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 81—82.

[28] См. ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1602, л. 244—245. Телеграмма Духонина главкосеву (копии — начдивам 3-й Финляндской и 35-й пехотной) № 8138 от 5 ноября 1917 г.

[29] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 148. Телеграфный бланк.

На ленте этого разговора Духонин уже должен был прочитать ответ Барановского на упрек Кусонского о том, что все беды проистекли от нежелания штаба фронта приложить своевременно усилия к выполнению первоначального распоряжения Ставки о сосредоточении войск в районе Луги. Ответ Барановского был раздражепным: «Издалека кажется хорошо и просто двинуть к Луге войска, но это неверно, когда распоряжается войсками не командный состав, а миллионы, организации и хочет распоряжаться каждый солдат. У нас в Пскове 19 комитетов, все хотят управлять и никто никого не желает слушать, а за этими комитетами вся солдатская масса. Я попросил бы вас приехать сюда и распорядиться и посмотрел бы, что из этого вышло...» Барановский не объяснил только, почему при такой «анархии» в действиях комитетов проявилась такая организованность и целеустремленность, которую ни штабу фронта, ни Ставке не суждено было сломить. Он продолжал: «Мы совершенно одиноки и за нашей спиной нет никого — ни штыков, ни силы. Мы можем опереться на части 3-й Финляндской и 35-й дивизий, но тогда мы не можем поручиться, что против этих частей не пойдут части с фронта, полностью находящиеся во власти большевиков. А с уходом частей с фронта начнется междоусобная война у нас на фронте и германцам будет свободный путь куда угодно. Главпокомандующий не может, конечно, допустить этого. А это, возможно, случится, пока страсти разгулялись до крайности... Действовать могут только сильные, они и действуют, разбирая пути, занимая аппараты и т. д. Вот это все, и вновь прошу вас доложить все это генералу Духонину»[30].

Барановский пользовался безусловным доверием Духонина, и его доводы, вероятно, подействовали па главковерха. Но выслушав Черемисова, он сделал еще одну попытку настоять па своих распоряжениях: «Я считаю чрезвычайно досадным ставить выполнение оперативных перевозок в зависимость от требований военно-революционных комитетов, которые ни в коем случае не должны впутываться в решение оперативпых вопросов. Мне думается, что если непосредственно севернее Пскова леса

[30] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 107—108. Телеграфные бланки.

и болота, то район станций Маслогостицы, Белый, Лапино [31] вполне благоприятен для расположения. 137-й полк, кажется, находится в Луге, может быть, его можно, как и другие части, прибывшие туда, оставить на короткое время на месте, дабы не мотать частей» [32]. На это Черемисов возразил: «С оперативной точки зрения резерв нужен не в районе Луги, а в районе Пскова, откуда его можно ввести через Валк, Гаинашу, где имеются признаки готовящейся неприятелем высадки, на ревельском направлении у нас уже есть сильный резерв, 49-й корпус, затем отрядный комиссар, получив указание Перекрестова, уже пошел по эшелонам сообщить об этом, и менять теперь район, то есть сосредоточивать дивизию в районе станции Молоди [33] прямо-таки невозможно, это приведет к открытому возмущению людей эшелонов. Ввиду этого, повторяю, дабы избежать самых гибельных последствий, я это подчеркиваю, необходимо немедленное ваше распоряжение на имя начдивов и комитетов о расположении 3-й Финляндской дивизии в районе между Псковом и Островом и о возвращении эшелонов 35-й дивизии к своей дивизии в район Невеля... Прошу безотлагательно прислать ваши категорические приказания, как указано выше, во избежание гибельных последствий для фронта в продовольственном и морально-политическом отношении, а следовательно и в оперативном».

Духонин согласился сейчас же прислать распоряжение о назначении 3-й Финляндской дивизии в резерв главковерха и сосредоточении ее в районе Псков — Остров, но хотел еще удержать части 35-й дивизии в Луге. «Что касается частей, находящихся в Луге,— пообещал он,— то их можно подтянуть потом». Черемисов решительно возразил. «Имейте также в виду,— сказал он,— что с эшелонами 35-й дивизии, проскочившими в Лугу, находится дивизионный комитет, который... зовет все эшелоны туда защищать Учредительное собрание... Поэтому надо безотлагательно вывезти штаб 35-й дивизии из Луги к своей дивизии, и для этого необходимо ваше распоряжение непосредственно начдиву через начвососева (начальника военных сообщений армий Северного фронта.— *В. П.*).

---

[31] Речь шла о районе 35—50 км севернее Пскова.
[32] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 150.
[33] В документе «станции Молодости».

Насколько я также заметил, 35-я дивизия совершенно сбита с толку комиссарами и комитетами, но она определенно заявила, то есть ее представители, бывшие у меня, что они гражданской войны не хотят, но хотят идти на отдых, так как уже три года воюют. Очень прошу послать надлежащую телеграмму начдиву-35». Эти сведения были, очевидно, последней гирей, потянувшей весы в сторону отмены Духониным его прежних распоряжений. Черемисов закончил разговор предупреждением: «События не ждут, дорога каждая минута». «Телеграмму пошлю сейчас» [34],— ответил Духонин. Черемисов получал теперь санкцию главковерха на те свои распоряжения, которые он до последнего времени отстаивал перед ним безуспешно.

Казалось бы, какая разница верховному главнокомандующему, расположить ли войска севернее и южнее Пскова или только южнее. Если исходить из стратегических интересов войны на внешнем фронте, то этот пустяк не имел ровно никакого значения, и главнокомандующего армиями фронта можно было бы оставить в покое и раньше, предоставив ему утрясти то ненормальное положение, в котором оказались войска, тем более что сама Ставка ничего сделать не могла. Но Духонин, хотя Черемисов объяснил ему невозможность такого расположения, продолжал и после этого настаивать на своем. Что это — каприз, упрямство или забота нового главковерха о собственном престиже?

Дело, оказывается, обстояло не так просто, как может представляться, если не знать подоплеки, которая не во всех разговорах, а тем более в официальной переписке, выяснялась. Но вот разговор другого порядка — между представителями «Всероссийского комитета спасения родины и революции», находившимися в Пскове, где размещался штаб армий Северного фронта, и членами того же комитета, приехавшими в Ставку. 4 ноября один из них доносил в Ставку: «Черемисов ведет себя крайне двусмысленно: соглашаясь будто бы на оперативные перевозки, он в то же время на совещании с представителями эшелона при участии комитета во всеуслышание заявляет, что ему никаких стратегических резервов не нужно

[34] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 149—153. Телеграфные бланки.

и что эшелонов он через Псков не пропустит... Средство для улучшения положения только одно: Духонин должен категорически потребовать от Черемисова срочного исполнения приказа о перевозках... Затем ему должно быть сделано указание, что Военно-революционный комитет еще отнюдь не является правительственным учреждением и не следует все свои шаги сообразовывать с его желаниями. Если в ближайшие дни Черемисову не будут даны нужные указания, мы окажемся бессильны, потому что моральное состояние частей уже таково, что передвигать их вопреки распоряжению [главкосева] только авторитетом Всероссийского комитета [спасения родины и революции], быть может, не удастся, да это и нежелательно, потому что в случае продовольственных осложнений вся ответственность будет на нас. Между тем время не терпит...» Член того же комитета, приехавший вместе с Черновым и Фейтом в Ставку из Пскова (очевидно, Шохерман), отвечает, что с Духониным они разговора еще не имели, но будут у него, наверно, завтра. Псковский собеседник подгоняет: «С Духониным нужно говорить сегодня, а не завтра. Каждая лишняя задержка является для нас сильным ударом... Поговорите с Черновым и Перекрестовым, с Бинасиком, покажите им ленту и произведите нажим сегодня, чтобы завтра же утром получили окончательный ответ, а Черемисов — окончательный приказ. Я, Тумаркин и Шаскольский (члены «Всероссийского комитета спасения»; можно предположить, что ведет разговор из Пскова Хараш.— *В. П.*) в случае неудачи этого считаем свое присутствие здесь совершенно бесполезным и уедем» [35].

Таким образом, из Пскова шел нажим на Ставку с двух сторон: Черемисов и Барановский добивались отмены распоряжений о движении войск в Лугу, члены «Комитета спасения» — продолжения этого движения во что бы то ни стало. Перекрестов же разъяснял находившемуся в Пскове комиссару отряда особого назначения Павлову [36], просившему назначить его начальником этого от-

---

[35] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1631, л. 32—33. Машинописная копия ленты переговоров из бумаг члена «Комитета спасения» П. Б. Шаскольского.

[36] Штабс-капитан П. А. Павлов, меньшевик, член Исполнительного комитета Юго-Западного фронта, был назначен комиссаром

ряда: «Главковерх считает, что он обязан быть вне политики, и [чтобы] его распоряжения о перевозке в Лугу считались оперативными и им самим и главкосевом. Если бы вас он назначил начальником отряда, это значило бы отказ от прежней нейтральной политики и ставило бы его в положение борющейся стороны. Он решил еще раз послать приказание главкосеву, с копиями начдивам, о продолжении перевозок к северу от Пскова. Он назвал станцию в 50 верстах севернее от Пскова»[37]. Станция, название которой не запомнил Перекрестов, была, очевидно, Лапино, то есть та, которую в числе других называл Духонин в разговоре 5 ноября с Черемисовым.

В другом разговоре Перекрестов повторил, что хотя Общеармейский комитет и ходатайствует о назначении Павлова начальником отряда, однако сомневается, чтобы Духонин, при его желании сохранить видимость нейтралитета, пошел на это. «Не можете ли вы,— спросил он у Павлова,— без такового распоряжения, опираясь на решение Общеармейского комитета, повести отряд на Лугу, преодолевая сопротивление, если таковое будет оказано? Я предполагаю, что тактика главкосева является единственным еще остающимся у большевиков опорным пунктом. Итак, если ответа от Духонина благоприятного не получим, можете ли действовать решительно?» — «Действовать решительно могу и без прямого на то приказания,— отвечал Павлов,— но при одном условии, что начдивы обязаны будут приказом Духонина исполнять все мои приказания... Поэтому единственное условие, которое я ставлю для начала решительных действий, это назначение меня начальником отряда».— «Уверены ли вы в настроении своего отряда,— опять спрашивал Перекрестов,— если бы пришлось действовать решительно?» — «Что касается настроения,— заверял Павлов,— то поскольку решительные действия будут не для вооруженной борьбы против Петрограда, а только для того, чтобы добиться

сводного отряда войск, посланного по распоряжению Ставки с Юго-Западного фронта на поддержку войск Керенского — Краснова (ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 3824, л. 26; д. 3825, л. 202; ф. 2178, оп. 2, д. 26, л. 143). В состав этого отряда входили 3-я Финляндская стрелковая, 35-я пехотная дивизии и другие части.

[37] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1631, л. 34. Машинописная копия ленты из бумаг П. Б. Шаскольского.

сосредоточения в Луге, вовсе не намереваясь каким бы то ни было образом продолжать гражданскую войну, думаю, возможно на них (т. е. на войска отряда.— *В. П.*) рассчитывать». И, как резюме всего разговора, этот кондотьер заявил: «Положение слишком остро, чтобы не следовало бы рискнуть на решительные действия» [38].

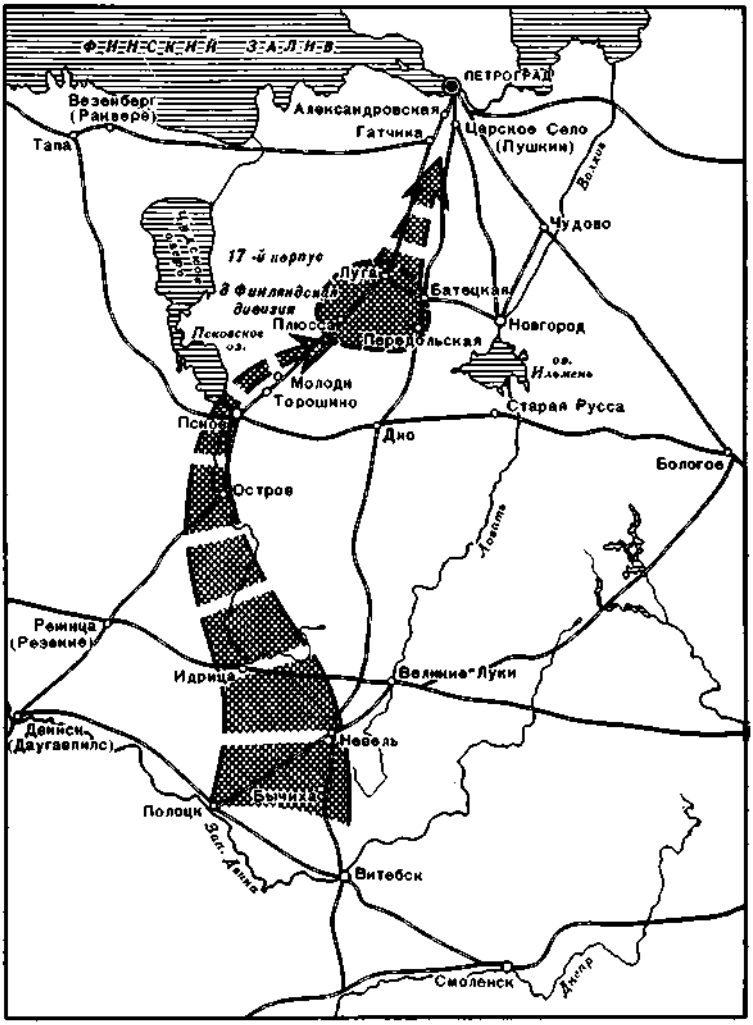
Из этих разговоров пока не видна та цель, ради которой войска должны были сосредоточиваться в Луге, тем более что Павлов вроде бы отрицает использование их для похода на Петроград и вообще для гражданской войны. Но отсюда уже ясно, что сосредоточение их в Луге было не капризом Духонина. Об этом заботились и «Комитет спасения» и Общеармейский комитет при Ставке, т. е. организации, меньше всего беспокоившиеся о стратегических задачах борьбы с внешним противником. Павлов же в разговоре с Духониным по телеграфу 4 ноября высказывался более определенно. Он опасался, что «сосредоточение 3-й Финляндской дивизии в Острове, вероятно, поведет к тому, что двинуть ее потом, если понадобится, по прежнему направлению будет гораздо труднее, чем теперь». Настроение 35-й дивизии представлялось ему «довольно удовлетворительным», хотя в ней и велась большевистская пропаганда. Однако, считал Павлов, уход ее к Невелю «совершенно выведет ее из числа тех, на которые можно будет опереться, так как такая двойная прогулка с севера на юг и с юга на север не сможет не подействовать на нее разрушающе». Когда Павлов предусматривает надобность в будущем двинуть дивизию «по прежнему направлению» и возвращение ее снова от Невеля («с юга на север»), то для выяснения этого направления не требуется ломать голову: отряд, в который входили обе дивизии и в котором Павлов комиссарствовал, имел совершенно определенное, «особое» назначение. Так что фразы штабс-капитана об отсутствии у командования намерений использовать дивизии в гражданской войне нужно понимать как рассчитанную на солдат мотивировку сосредоточения их в Луге. Павлов просил Духонина: «Если нельзя переменить расположение 3-й Финляндской у Острова... то во всяком случае было бы крайне желательным оставление 35-й где-нибудь поблизо-

[38] Там же, л. 39—40. Телеграфные бланки. Из бумаг П. Б. Шаскольского.

сти». Поэтому он считал, что распоряжения главкосева должны быть изменены немедленно, вопреки требованиям революционного комитета, и давал такое обоснование своему соображению: «Мне представляется крайне необходимым, чтобы в эти дни, когда происходят переговоры об уступках (имеются в виду переговоры в Петрограде об организации «однородно-социалистического» правительства.— *В. П.*), на нашей стороне была бы реальная сила, хотя может быть даже и только кажущаяся, а не одни только наши словесные пожелания»[39].

Возможность давления на ход переговоров между мелкобуржуазными партиями и большевиками нельзя, однако, признать той главной пружиной, которая заставляла и Ставку и «Комитет спасения» собирать войска в Луге. Это скорее импровизация Павлова, хотя не беспочвенная и не праздная, показывающая по крайней мере, что мысль штабс-капитана работала вовсе не в том направлении, чтобы создавать резерв для парирования ударов внешнего врага. Должна была существовать какая-то другая, более актуальная цель, подталкивавшая Ставку и «Комитет спасения» на такую ожесточенную борьбу за движение эшелонов к Луге. И она действительно существовала. Она обнажается, если заглянуть в другие документы, сохранившие тайны замыслов контрреволюции, которые не могли быть известны тогда ни революционным организациям, ни даже таким «малонадежным» генералам, как Черемисов. Перед нами лента разговора по прямому проводу, состоявшегося 5 ноября 1917 г. между прапорщиком П. М. Толстым (Петроград) и генерал-квартирмейстером штаба армий Северного фронта генерал-майором В. Л. Барановским (Псков). Прежде всего, кто такой петроградский собеседник Барановского? В предоктябрьское время прапорщик граф Толстой был помощником начальника Политического управления Военного министерства, а с выездом из Петрограда в октябрьские дни начальника управления (подпоручика В. В. Шера) занял его место. Начиная разговор, Толстой сказал, что он все время проводит в «Комитете спасения», и предложил Барановскому ориентировать его во всем, что там происходит. Тут же он попросил пригласить к аппарату находившихся в Пскове

[39] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 99—100.

«ЛУЖСКИЙ КУЛАК». ЗАМЫСЕЛ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЙСК ДЛЯ УДАРА ПО ПЕТРОГРАДУ

членов «Комитета спасения» Хараша и Скалова или Шаскольского и Тумаркина, а затем запросил у Барановского «точные сведения о составе Лужского отряда и движущихся эшелонов» [40]. Связь Толстого с названным комитетом станет понятной, если иметь в виду, что уже 28 октября он уведомил Вырубова об образовании при «Комитете спасения» военного отдела, составленного из Политического управления Военного министерства [41]. Отсюда — осведомленность Толстого в делах комитета и интерес именно к тем делам, которые входят в компетенцию военного отдела.

Сославшись на прибывшего из Пскова и Луги члена соглашательского армейского комитета 12-й армии, Толстой информировал Барановского о целях сосредоточения войск в Луге. «Есть все основания надеяться,— сказал он,— сосредоточить все части [Лужского] отряда под фирмой Комитета спасения, для чего там образуется филиальное отделение [Комитета], и кроме выехавших уже товарищей выезжают еще несколько. Решено вести там соответствующую противобольшевистскую агитацию и стягивать там кулак, угрожая оттуда Петрограду, но не двигаясь сейчас на Петроград, чтобы не распылять сил и выждать лучшей обстановки как в смысле подхода с юга подкреплений, так и внутреннего разложения большевизма...» [42]. На псковский филиал «Комитета спасения» ложилась едва ли не главная задача в организации нового похода на Петроград. Кроме перечисленных Толстым чле-

---

[40] «Красный архив», 1927, т. 5(24), с. 105.

[41] См. «Красный архив», 1925, т. 1(8), с. 156.

[42] «Красный архив», 1927, т. 5(24), с. 106.

Приехавшие в Лугу Б. Савинков и комиссар 17-го корпуса меньшевик К. М. Вендзягольский телеграфировали Духонину 5 ноября: «Полагаем совершенно необходимым сосредоточение верных Временному правительству войск в районе Луги для защиты законной власти» («Русские ведомости», 1917, 21 ноября). Одновременно они послали телеграмму Черемисову, в которой угрожали, что «при восстановлении законного Временного правительства» они доложат ему о противоречивых распоряжениях главкосева, в коих может быть усмотрено его нежелание «защищать законную власть в столь ответственную минуту». Они требовали от Черемисова «немедленно распорядиться о сосредоточении в районе Луги всех частей, двигающихся эшелонами, и немедленно отменить распоряжения об отправке по другим направлениям прибывших уже частей» (там же).

нов центрального «Комитета спасения», там находились также бывший министр земледелия В. Чернов и член ЦК партии эсеров А. Фейт. Они держали прямую связь с Духониным. Вызвав его к аппарату 1 ноября, они предупредили его о предстоящем сложении Керенским своих полномочий, о передаче обязанностей главковерха Духонину, потребовали удалить из Пскова Черемисова, выезд которого «необходим в самом экстренном порядке: он развяжет руки для совершенно необходимых действий в Пскове, времени терять нельзя». Они настаивали на скорейшей присылке для похода на Петроград «серьезных подкреплений с пехотными частями». «Повторяем еще раз,— теребили они Духонина: — больше всего необходима быстрота, нельзя терять ни минуты» [43].

В эти комбинации «Комитета спасения» был вовлечен и «кабинет» Духонина. Уже 29 октября Перекрестов информировал совет войсковых организаций при Военном министерстве, что позиция Общеармейского комитета сводится к «всемерной поддержке Всероссийского комитета спасения родины и революции». Он заявил: «Мы хотим, чтобы Комитет спасения располагал действительной силой и шлем ему войска» [44]. «Не препятствуйте движению войскам, идущим по нашему указанию,— телеграфировали Перекрестов и члены Общеармейского комитета Нехамкин и Никольский в ЦИК Железнодорожного союза (Викжель).— С радостью мы примем в наш руководящий орган вашего представителя для совместной деятельности по спасению родины...» [45]

Ставка, «Комитет спасения» и Общеармейский комитет сплелись в один клубок, объединяемые ненавистью к рабоче-крестьянской власти и желанием свергнуть ее вооруженным путем. Они прилагали усилия к тому, чтобы создать в районе Луги необходимый «кулак» из казавшихся пока надежными войск. Все это делает понятным, почему Духонин не хотел считаться с резонными возражениями Черемисова против нереальных перевозок и расположения войск. Черемисов не знал истинных замыслов

---

[43] «Красный архив», 1927, т. 5 (24), с. 97—98.

[44] *Вомпе П.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники (материалы к изучению революционного движения на железных дорогах). М., 1924, с. 44.

[45] Там же; *Лелевич Г.* Октябрь в Ставке, с. 31.

Ставки, а Духонин не находил возможным посвящать в них его.

Когда Духонин около полуночи на 6 ноября вел разговор с Черемисовым, он разделял те же самые соображения, которые высказывали ему и члены «Комитета спасения», и его «кабинет», и штабс-капитан Павлов. Задачей его было только одно: при выяснившейся невозможности создать в Луге «кулак», определить, какие из прежде намеченных Ставкой мер можно еще провести в жизнь. После разговора он сразу же отдал приказание главкосеву и начальникам двух дивизий, втянутых в перевозки. Части 3-й Финляндской дивизии, находившиеся на ст. Псков, надлежало расположить между Псковом и Островом; 137-й полк (35-й пехотной дивизии) и 9-й Финляндский — оставить в районе Луги (вне города) под общей командой начальника 35-й дивизии,— все они передавались в распоряжение главковерха и выводились тем самым из подчинения главкосеву, остальные же части 17-го корпуса, застрявшие на железной дороге, возвращались к своему корпусу в район Невеля [46]. Около двух часов ночи (уже 6 ноября) это приказание было передано в штабы Северного фронта и дивизий. Аннулируя идею «лужского кулака», оно закладывало основу для новой группировки сил контрреволюции на внутреннем фронте.

Приведенные факты показывают, что Г. Лелевич не был прав, когда, исходя из «миротворческого» приказа Духонина о вступлении в должность главковерха и его ответов на запросы Народного комиссариата по военным делам, высказывал предположение, что Духонин, травмированный крахом надежд на поход Керенского, «поспешил отойти в сторону от непонятной ему политической борьбы, заняв выжидательную позицию и предоставив своим «руководителям» из Общеармейского комитета «делать политику»» [47]. Другое дело, что активная контрреволюционная деятельность Духонина и Ставки была прикрыта маской «нейтральности».

---

[46] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 113. Подлинник.
[47] *Лелевич Г.* Октябрь в Ставке, с. 37—38.

«Именем правительства Российской республики»

Одновременно со всеми этими переговорами — Духонина с Черемисовым, Толстого с Барановским — шли переговоры и переписка с Духониным представителей Советского правительства. 4 ноября, уведомив главковерха о том, что единственной законной властью, перед которой он несет ответственность, является Совет Народных Комиссаров, Народный комиссариат по военным и морским делам предписал Духонину, «ограничившись вопросом по военной обороне, приостановить все продвижение войск внутрь страны, непосредственно не связанное со стратегическими соображениями», и не производить никаких переброс войск внутри страны без санкции на то народных комиссаров. Народные комиссары по военным и морским делам разъясняли Духонину: «Гражданская война внутри, вызванная контрреволюционерами, идущими против Советской власти, до крайности обостряя положение, с тем большей настоятельностью выдвигает на первый план интересы обороны страны для обеспечения внешней безопасности» [48]. На эту радиотелеграмму Духонин дал ответ во всеобщее сведение — «всем, всем, всем». Напомнив, что вступая в должность главковерха, он отдал приказ остановить дальнейшую отправку войск на Петроград, главковерх заявил, что в настоящее время «производятся только оперативные перевозки». Зная тайную кухню Ставки и «Комитета спасения», это заявление нельзя рассматривать иначе, как стремление легализовать передвижения войск в контрреволюционных целях. Как наставление по маскировке действительных целей для всех вовлеченных в антисоветскую борьбу должностных лиц и организаций выглядит заключительная фраза ответа: «О вышеизложенном объявляю для ориентировки всех начальствующих лиц, комитетов и комиссаров» [49]

Сведения о непрекращающихся перевозках, явно далеких от стратегических соображений, вытекающих из задач борьбы на внешнем фронте, доходили до Советского правительства и после обнародования Духониным этого

---

[48] Там же, приложение, с. 40.
[49] Там же, с. 40—41.

ответа. 5 ноября народный комиссар по военным делам Н. В. Крыленко в связи с поступавшими сведениями о передвижениях войск у Луги подтвердил главковерху по прямому проводу требование приостановить передвижения, не санкционированные народными комиссарами. При всей официальной вежливости переговоров Крыленко не оставил сомнений в категорическом характере своего требования. «Не могу не указать, — предупреждал он главковерха, — что непризнание вами органов создавшейся Советской власти и непринятие мер к остановке эшелонов возложит на вас ответственность за печальные возможные результаты». Вместо определенного и ясного ответа Духонин и в этом разговоре повторил становившуюся уже трафаретом фразу о том, что перевозки производятся только оперативные, никак не реагируя на предъявленное ему требование все перевозки внутрь страны производить лишь с санкции народных комиссаров. Желая отстоять свободу действий и независимость Ставки от Советского правительства и, очевидно, наэлектризованный возней вокруг конструирования в противовес Совнаркому контрреволюционного правительства, которую затеяли в Ставке Общеармейский комитет и съехавшиеся в Могилев лидеры буржуазных и правосоциалистических партий, Духонин не выдержал парламентского тона переговоров и вдруг заявил: «Ставка не может быть призываема к принятию участия в решении вопроса о законности верховной власти и, как высший оперативно-технический орган, считает необходимым признание за ней этих функций и соответствующего отношения». Крыленко вынужден был возвращать главковерха в русло начатых переговоров. «Виноват,— твердо ответил он,— но я не призывал Ставку высказывать мнений о законности и конструировании власти. Я указывал только на факт продвижения войск и одновременно на необходимость немедленной приостановки такового... Правительство народных комиссаров считает, однако, своей обязанностью указать, что попытки новых продвижений эшелонов не должны иметь места без своевременного извещения и санкции народных комиссаров, для избежания ненужных конфликтов».

Духонин должен был понять в конце концов, что новое правительство ни отступать от своих требований, ни предоставлять Ставке автономию не намерено. Но он не высказал и на этот раз никакой готовности выполнять

предъявленные требования и заявил, что будет сноситься только с управляющим Военным министерством генералом Маниковским по вопросам снабжения и продовольствия армии. Стремясь облегчить моральную позицию главковерха, Крыленко не стал настаивать на его контакте непосредственно с народными комиссарами, но дополнил круг его сношений с Маниковским самым актуальным в тот момент вопросом, как бы только уведомляя о само собой разумеющемся: «Прямые провода по вопросам снабжения, продовольствия *и оперативных распоряжений* (курсив мой.— *В. П.*) всегда будут к услугам генерала Маниковского» [50].

Ставка оказывалась, таким образом, в тупике: для реализации антисоветских замыслов ей нужно было произвести перегруппировку войск, а цели таковой приходилось скрывать не только от Советского правительства, но и от самих войск, даже от командовавших ими генералов, громогласно объяснять перевозки оперативно-стратегическими соображениями. Однако объяснения были шиты белыми нитками: эшелоны гнали совсем не в ту сторону, откуда угрожал кайзер Вильгельм. Даже не зная тайных генеральских ходов, революционные массы безошибочно распознавали контрреволюционную подоплеку действий духонинской Ставки и решительными мерами срывали перегруппировки.

Но и после поражений контрреволюция не оставляла попыток решить вопрос о власти в свою пользу вооруженным путем, проявляя и энергию и изобретательность. Как только стало ясно, что создать «лужский кулак» не удалось, появился на свет новый план. Раскрыть его позволяют имеющиеся в бумагах П. Б. Шаскольского записи телеграфных переговоров между Псковом и Ставкой в ноябре 1917 г., отчасти уже использовавшиеся в предыдущем изложении [51].

---

[50] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 256—259. Телеграфные бланки. В Бюллетене № 10 Ставки и Общеармейского комитета 6 ноября (см. *Лелевич Г.* Октябрь в Ставке. Приложение, с. 41—42) и в «Известиях ЦИК и Петроградского Совета р. и с.д.» (1917, 7 ноября) текст этих переговоров был опубликован неточно, с редакционной правкой, не совпадающей в обеих публикациях.

[51] Подборка этих документов предваряется объяснительной запиской: «Прилагаемые здесь ленты разговоров по прямому проводу

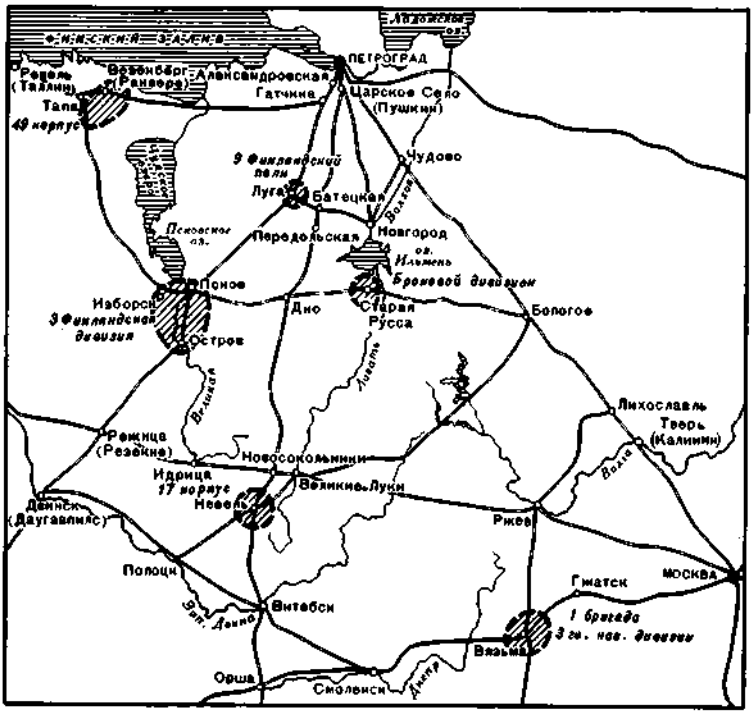
Мы уже косвенно знакомы с П. Б. Шаскольским: это его, в числе нескольких членов «Всероссийского комитета спасения родины и революции», просил к аппарату в Пскове граф П. М. Толстой. Одно только перечисление его титулов по партийно-комитетской иерархии позволяет считать его лицом довольно осведомленным в том, к чему прикладывал руку «Комитет спасения» (и не один только он). Воспроизведем разговор Шаскольского (Псков) с другим членом того же комитета — Шохерманом (Ставка).

«Прежде всего сообщите положение Пскова,— просит Шохерман.— Ответьте на вопрос: кто работает в комитете спасения? Имеете ли связь с Лугой, Везенбергом и Петроградом?.. Находятся ли под вашим наблюдением какие-нибудь части и где?» Шаскольский рассказывает: «...С Лугой поддерживаем все время связь. Обстоятельства после вчерашних распоряжений главковерха[52] окончательно приняли такой оборот. После совещания комиссар Павлов решил не настаивать не продвижении эшелонов в Лугу и подчиниться уводу их к Невелю, чтобы не производить полного расстройства частей. В Луге остается только 9-й Финляндский полк, не совсем здоровый, но в случае его расквартирования под Лугой в деревнях могущий сохранить устойчивость». Это — к вопросу о дальнейшей истории сосредоточения войск под Лугой. А дальше Шаскольский дает сведения, раскрывающие новый план контрреволюции. «Мы решили,— говорит он,— принять другой план. Считать Лужский кулак ликвидирован[ным], дер-

---

найдены мною в бумагах покойного Петра Борисовича Шаскольского. П. Б. Шаскольский, умерший 1 октября 1918 г., как председатель Северного областного комитета социалистов-революционеров, в дни Октябрьской революции был еще членом ЦК трудовой народно-социалистической партии. В первые же дни большевистского переворота он был делегирован Всероссийским комитетом спасения родины и революции во Псков, где он выставлялся тогда кандидатом в Учредительное собрание. Там он работал в Псковском комитете спасения родины и революции рука об руку с В. М. Черновым, Н. Д. Авксентьевым, Э. С. Войтинской, Харашом, Тумаркиным и др.» Подписана объяснительная записка Н. Брюлловым-Шаскольским (ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1631, л. 30).

[52] Речь идет о приказании Духонина, переданном 6 ноября главкосеву и начальникам 3-й Финляндской и 35-й пехотной дивизий после разговора с Черемисовым.

ПЛАН СОСРЕДОТОЧЕНИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЙСК, ПРИНЯТЫЙ 7 НОЯБРЯ 1917 г.

жать там на всякий случай Финляндский полк и в большей отдаленности от большевистских центров сосредоточить здоровые части, а именно: в Везенберге еще здоровый 49-й корпус, главным образом 82-ю дивизию, кроме 82-й артиллерийской бригады, вместо которой имеется Финляндская бригада, и 49-й артиллерийский дивизион. Далее: вторым пунктом должен быть Невель, куда возвращаются все части 17-го корпуса. Третьим пунктом должна быть Старая Русса с броневым дивизионом, и четвертым — Вязьма. С нашей стороны мы посылаем своих людей в Везенберг. Должны поддерживать Финляндский полк в Луге. Пошлем человека в Старую Руссу

и будем обслуживать части, стоящие в районе Пскова, в Острове, Изборске» [53].

Этот разговор состоялся 7 ноября. Мы знаем, что за два дня до того, 5 ноября, Толстой говорил с Барановским о создании «лужского кулака» как о плане, на котором сосредоточивалась деятельность «Комитета спасения». Вероятно, информация, переданная ему тогда Барановским [54], оказалась для него неожиданной, но распо-

---

[53] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1631, л. 35. Машинописная копия.

Из этого разговора не видно, на какие части рассчитывал «Комитет спасения» в Вязьме. Но имеющиеся в делах Ставки документы позволяют считать, что подразумевались части, двинутые Ставкой на поддержку контрреволюции в Москву. 30 октября Духонин извещал штаб МВО, что в Москву с Юго-Западного фронта «назначена гвардейская кавалерийская бригада с батареей — Гроднепский гусарский и Варшавский уланский полки» (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 277). Дитерихс в тот же день уведомлял штаб МВО, что эта бригада начала проходить через Жлобин, но движение ее по железным дорогам встречает «серьезные затруднения вследствие обстоятельств текущего времени» (там же, л. 188), так что к октябрьским боям в Москве она туда не поспела. 3 ноября командир 1-й бригады 3-й гвардейской кавалерийской дивизии донес Духонину из Вязьмы: «Гвардейская бригада с батареей в полном составе проходит Вязьму, двигается на Москву». Но теперь ее незачем было двигать в Москву, и Духонин 4 ноября наложил на телеграмме резолюцию: «Остановить в Гжатске» (там же, д. 186, л. 39). 4 ноября командир бригады докладывал в Ставку — полковнику Кусопскому, что уланский полк с батареей стоит в эшелонах на ст. Вязьма, гусарский — на ст. Гжатск. Кусопский передал ему приказание Духопина: бригаде расположиться в районе Гжатска, не занимая города, и остаться в распоряжении Ставки (там же, л. 54—57). Несомненно, что деятели «Комитета спасения», согласуя свои действия со Ставкой, рассчитывали на эту бригаду, расположившуюся в районе Гжатска, неподалеку от Вязьмы.

[54] Барановский сообщил ему: «В Лугу проскочило до 6 эшелонов, стало быть, около полка пехоты, ударный батальон и штаб сводной дивизии. Все остальные эшелоны задержаны, севернее Пскова не пойдут. Находящиеся в Луге будут возвращены к своим дивизиям. Наши армии поставили командному составу нечто вроде ультиматума, что если войска с других фронтов будут продвигаться к северу, то армии организуют отряды для посылки им в тыл уже как содействие большевикам... Командный состав абсолютно никакого значения не имеет, совершенно бессилен, не имея возможности проявить свою волю... На нашем фронте Комитеты спасения не имеют никакого значения и влияния, таковое всецело в руках Военно-революционных комитетов» («Красный архив», 1927, т. 5 (24), с. 106).

ряжения Духонина уже не оставляли сомнений, что этот план совершенно расстроился. Новый план, принятый «Комитетом спасения», неизбежно должен был исходить из группировки сил, фактически сложившейся в результате крушения замысла «лужского кулака». Но эта группировка не явилась случайной, она возникла не тогда, когда непредвиденная сила революции разметала от Луги приготовленные к сосредоточению войска. 49-й корпус оказался в Везенберге, а 17-й в Невеле не потому, что какие-то части были отброшены в ноябрьские дни от Луги. И не только поэтому стала выгружаться 3-я Финляндская стрелковая дивизия между Псковом и Островом вместо Луги.

Происхождение группировки коренится еще в предоктябрьских замыслах второй корниловщины. Все оказавшиеся здесь войска совсем недавно, в начале октября, принадлежали к составу Румынского и Юго-Западного фронтов и были переброшены в тыл Северного для намечавшегося Временным правительством разгрома революционных сил в Петрограде и Москве. Ставка намеревалась перебросить пять корпусов, но к моменту Октябрьской революции успела перевезти в район Тапа — Везенберг только 49-й армейский корпус и 29-ю пехотную дивизию, которые должны были занять подступы к Петрограду со стороны Прибалтики, и 17-й корпус в район Невель — Новосокольники — Великие Луки. Командование Юго-Западного фронта, понукаемое Ставкой, успело изыскать еще один считавшийся благонадежным корпус — 22-й, но приказ о его отправке под Петроград запоздал — был отдан лишь накануне Октябрьской революции, и она застала части на станциях погрузки и в пути. 1-я Финляндская дивизия, направлявшаяся со штабом корпуса в Гатчину, и 3-я, посланная в Лугу, полностью сосредоточиться в этих районах так и не смогли [55]. Внезапно разразившаяся революция потребовала ускорения ввода в действие приготовленных сил, и тогда из частей, уже сдвинутых с места, был сформирован тот самый «отряд особого назначения», о продвижении которого в Лугу

---

[55] См. *Журавлев Г. И.* К вопросу о втором контрреволюционном военном заговоре накануне Великой Октябрьской социалистической революции.— «Исторические записки», т. 56. М., 1956, с. 282—287.

заботилась Ставка. Упорство Духонина тем более должно быть понятно: он-то хорошо знал, что «лужский кулак» — вовсе не послеоктябрьская импровизация, а решающая часть заранее разработанного плана, которым Ставка занималась все время пребывания его, Духонина, в Могилеве, и неудача этого плана оборачивалась и его личной неудачей. Таким образом, после расстройства «лужского кулака» никакого нового плана «Комитету спасения» не нужно было изобретать — он существовал, начиная с сентября, из него только выпало одно звено — Луга. Но его предстояло теперь реализовать при изменившихся коренным образом условиях: до 25 октября это был план превентивного удара по революции, проводимый государственной властью, а после 25-го — план мятежа против новой государственной организации.

Знало ли обо всем этом Советское правительство? Тайные замыслы Ставки, по всему видно, известны ему не были, но заверения Духонина о стратегическом характере перевозок не могли ввести Совет Народных Комиссаров в заблуждение. Не нужно было знать детали переговоров по прямому проводу Ставки, «Комитета спасения» и Общеармейского комитета, чтобы установить контрреволюционные цели передвижений войск, тем более что эти передвижения находились в непосредственной связи с только что отбитым походом Керенского — Краснова на Петроград. Совнарком и Петроградский военно-революционный комитет имели слишком тесную связь с местными революционными органами и фронтовыми частями армии, в том числе и с передвигаемыми Ставкой частями, чтобы не располагать всей той информацией, которая проливала свет на действия командования. Ведь недаром же Крыленко в разговоре с Духониным 6 ноября пояснил, что запрашивать о выполнении приказа главковерха от 1 ноября приходится «ввиду вновь поступивших известий о движении от Луги 17-го корпуса и частей 49-го» [56], т. е. тех самых корпусов, о которых в тайне от народных комиссаров велись переговоры между Ставкой и «Комитетом спасения», а в конце разговора

[56] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 256. В тексте, опубликованном 6 ноября в Бюллетене № 10 Ставки и Общеармейского комитета, упоминание этих корпусов опущено (см. *Лелевич Г.* Октябрь в Ставке. Приложение, с. 41).

Крыленко предупредил Духонина, что ответ Ставки важен «для соответствующей информации постоянно прибывающих *делегаций войсковых частей, выполняющих эти перевозки*, и в свою очередь возбуждающих волнения в гарнизоне Петрограда (курсив мой.— *В. П.*)»[57].

О том, что Советское правительство не строило никаких иллюзий относительно политической позиции Духонина, говорит заявление, сделанное редакцией газеты «Известия», официального органа ЦИК и Петроградского Совета, 7 ноября. Поместив текст переговоров Крыленко с Духониным, редакция обратила внимание на противоречия в словах и делах Духонина: «Приостановка движения эшелонов на Петроград как будто имеет место, а в то же время эшелоны идут. Признания власти нет, а в то же время дается согласие на сношения с министерством и генералом Маниковским». Не зная того, что делал Духонин в тайне от Советской власти, газета расценивала его поведение как выражение колебаний, свойственных людям, «которые еще пока не знают, как держаться». Но в условиях ожесточенной борьбы и такое поведение лица, ответственного за многомиллионную армию, было нетерпимо, и «Известия» заявляли: «Правительство Народных Комиссаров не может оставить фронт без снабжения, но генерал Духонин, конечно, не может остаться на своем посту, раз в критический момент он колеблется безоговорочно признать власть Советов». На самом же деле у Духонина не было колебаний и он знал «как держаться»: он стоял на позиции убежденного, неколеблющегося врага советского строя. Если же он допускал неопределенные, двусмысленные или лживые высказывания и поступки, то лишь для того, чтобы ввести в заблуждение представителей противоположного лагеря и тем облегчить выполнение контрреволюционных замыслов. «Дипломатии» главковерха неизбежно должен был прийти конец, как только Советская власть потребовала от него ясных, недвусмысленных действий.

7 ноября Совет Народных Комиссаров предписал верховному главнокомандующему «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров». Совнарком обязал главковерха не-

[57] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 258. Телеграфный бланк.

прерывно докладывать по прямому проводу о ходе переговоров с представителями неприятельских армий, акт же перемирия подписать только с предварительного согласия правительства [58]. Одновременно Совет Народных Комиссаров обратился с предложением о перемирии ко всем находившимся в Петрограде полномочным представителям союзных стран. Приказ был передан Духонину в ночь на 8 ноября и получен в Ставке в 5 часов 5 минут утра. В течение дня из Могилева не поступало никакого ответа. Но это не значит, что там ничего не делалось.

Приказ Совнаркома не мог не вселить тревогу в головы генералов, подвизавшихся в Ставке их многочисленных единомышленников и представителей военных миссий союзных держав. От программных заявлений, от деклараций большевики делали шаг к открытию переговоров с неприятелем. В том, что они не ограничатся словами, можно было не сомневаться. Но удастся им это или нет, считали в штабе верховного главнокомандующего, зависит от того, как отнесется к предпринимаемым ими шагам хозяин фронта — Ставка. Судьба войны, коль скоро обстоятельства заставили большевиков обратиться к Духонину, оказывалась во власти Ставки. Но нет худа без добра: генералитет в лице Духонина получил, наконец, в руки документ, который полностью подтверждал в его глазах опасения за дальнейший ход войны с Германией и за судьбу взаимоотношений России с остальными державами Антанты; мало того, это была желанная для всей контрреволюции, теперь уже, казалось, неопровержимая, «улика», говорящая о связях большевиков с германским штабом, что уже давно и безнадежно пытались инкриминировать им корниловцы, кадеты и вообще все «государственно-мыслящие люди». Наступил наиболее благоприятный момент, когда нужно было давать большевикам решительный бой.

Весь день прошел в Ставке в размышлениях, а к вечеру родился сравнительно небольшой, но тщательно подготовленный ответный документ. Воспользовавшись тем, что радиотелеграмма Совета Народных Комиссаров была оформлена не по всем устоявшимся канцелярским правилам, Ставка делала как бы запрос генералу Маниковскому о гарантиях ее подлинности. Изложив суть полу-

[58] Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957, с. 53.

чтной радиотелеграммы и перечислив подписи под ней, Духонин заканчивал запрос словами: «Ввиду выдающегося государственного значения этой телеграммы при отсутствии на ней даты и номера я затрудняюсь принять решение по содержанию до подтверждения ее передачей шифром и в принятой форме, гарантирующей ее подлинность»[59]. Иначе говоря, Ставка не принимает радиотелеграмму как обязательную для исполнения и еще заставит-де пославших ее по меньшей мере соблюсти канцелярский этикет, а уж потом примет «решение по содержанию».

Но и за разрешением своих сомнений, если бы таковые в действительности были, Духонин не стал обращаться к не признаваемому им правительству и адресовался к управляющему Военным министерством. По существу же это был вовсе не запрос и потому посылался не только в «Довмин 67»[60] — одновременно телеграф разнес его всем фронтам, а радио — «всем, всем, всем». Стоявшие во главе фронтов генералы должны были довести его до сведения командного состава, комиссаров несуществующего Временного правительства, комитетов (о чем они потом и донесли в Ставку) и возбудить у них тревогу за дальнейшие судьбы войны и *их* России. Все они должны были понять позицию Ставки и не безучастно следить за завязывающимся ходом дел. Обращение по адресу «всем, всем, всем» служило таким же призывом ко всем сохранившим «национальную честь» группам населения и заключало в себе легальную, укрепляющую доверие к Ставке и возбуждающую против Совнаркома информацию правительствам союзных держав. Для этих последних в виде запроса Маниковскому был создан официальный документ Ставки, ставящий под сомнение правомочность са-

---

[59] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 225. Автограф Духонина на телеграфном бланке. Чтобы измыслить такой ход, Ставке не требовалось прилагать больших усилий, в ее распоряжении был совсем свежий прецедент: во время следствия по делу августовского мятежа корниловцы сделали попытку оправдать Корнилова за невыполнение приказа о смещении его с должности верховного главнокомандующего тем, что приказ не имел номера и ссылки на постановление Временного правительства, кроме того, подписан Керенским без обозначения его должности (*Керенский А. Ф.* Дело Корнилова. М., 1918, с. 136—138).

[60] Почтово-телеграфный адрес дома Военного министерства (Петроград, Набережная р. Мойки, д. 67).

мостоятельного выступления нового русского правительства с мирной инициативой и дающий основание вмешаться в русские дела для ограждения якобы интересов союзных держав. Пока будет идти затеянная волокита с установлением подлинности радиотелеграммы, все заинтересованные лица, организации, слои и группы окажутся ориентированными и подготовленными к следующему акту борьбы с Советом Народных Комиссаров. Промедление с ответом и в то же время формально как бы естественный, спокойный запрос должен был, видимо, по замыслу стратегов из Ставки, провоцировать большевиков на поспешные, опрометчивые действия. Придавая делу такой оборот, Ставка бросала вызов противнику, явно рассчитывая, что тем самым захватывает инициативу борьбы в свои руки.

В ночь на 9 ноября Совет Народных Комиссаров, не имея никаких известий из Могилева, поручил Ленину, Сталину и Крыленко запросить по прямому проводу Духонина о причинах промедления с докладом о его действиях. Для простого запроса достаточно было, по-видимому, дать поручение одному Крыленко, уже имевшему опыт переговоров с Духониным. Но сам состав уполномоченных правительства говорит о том, что Совнарком не считал предстоящие переговоры обычными. Ленин заявил потом: «Когда мы шли на переговоры с Духониным, мы знали, что мы идем на переговоры с врагом, а когда имеешь дело с врагом, то нельзя откладывать своих действий. Результатов переговоров мы не знали. Но у нас была решимость. Необходимо было принять решение тут же, у прямого провода. В отношении к неповинующемуся генералу меры должны были быть приняты немедленно... В войне не дожидаются исхода, а это была война против контрреволюционного генералитета...» [61]

Переговоры со Ставкой велись с двух до четырех с половиной часов утра 9 ноября. Сначала к аппарату подошел Дитерихс и на просьбу пригласить Духонина ответил, что исполняющий должность главковерха спит. А из ответа на вопрос, что же сделано Ставкой во исполнение предписания Совнаркома, стало известно, что только вечером, в 19 часов 50 минут, Духонин обратился к Маниковскому с запросом о гарантиях подлинности полученной

[61] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 87.

прошлым утром радиотелеграммы, ответ же пока не поступил. Одна уже такая беспечность должна была возмутить представителей Советской власти. Крыленко поставил Дитерихсу вопрос: «Почему одновременно не был послан этот запрос мне, как народному комиссару по военным делам, так как главковерху было известно из личного разговора со мной, что генерал Маниковский только лицо, на обязанности которого лежит преемственность технической работы снабжения и продовольствия, в то время как политическое руководство деятельностью военного министерства и ответственность за таковую лежит на мне?» [62] От генерал-квартирмейстера Ставки, правой руки Духонина и вообще второго лица в штабе верховного главнокомандующего, вместо объяснения поведения Ставки телеграф принес лишь несколько слов: «По этому поводу ничего не могу ответить».

Подошедший к аппарату Духонин, уже прочитав ленту разговора Дитерихса, казалось бы, должен был ответить на вопрос Крыленко. Но он тоже уклонился от объяснения своего поведения и стал задавать представителям Совнаркома встречные вопросы, имевшие целью дезавуировать данное ему предписание. Теперь он сам заявил, что убедился в подлинности радиотелеграммы (этот аргумент, уже давший необходимый на первых порах выигрыш времени, теперь можно было отбросить), но прежде чем «принять решение по существу телеграммы», ему нужно знать: «1) имеет ли Совет Народных Комиссаров какой-либо ответ на свое обращение к воюющим государствам с декретом о мире; 2) как предполагалось поступить с румынской армией, входящей в состав нашего фронта; 3) предполагается ли входить в переговоры о сепаратном перемирии и с кем, только ли с немцами или и с турками, или переговоры будут вестись нами за общее перемирие?» Духонину было отвечено, что текст посланной ему телеграммы совершенно точен и ясен: в нем говорится о немедленном начале переговоров со всеми воюющими странами, и это государственной важности дело не дано права замедлять какими бы то ни было предварительными вопросами. Совнарком снова потребовал немедленно послать парламентеров и каждый час извещать правительство о ходе переговоров. Духонин же, прово-

[62] Там же, с. 78; «Правда», 1917, 10 ноября.

цируя конфликт дальше, заявил, что без разрешения заданных им вопросов ведение переговоров невозможно. Когда же от него было ультимативно потребовано немедленно и безоговорочно приступить к переговорам, он ответил отказом подчиниться, отрицая за Советом Народных Комиссаров права центральной правительственной власти, поддержанной армией и страной, а потому и возможность для Совнаркома заключить мир. Тогда Ленин продиктовал юзистке приказ: «Именем правительства Российской республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко.

Ленин, Сталин, Крыленко» [63].

Такой оборот дела, вероятно, был неожиданным для Духонина. Его бескомпромиссность в переговорах с представителями Советского правительства базировалась на прочных, как ему казалось, основаниях, а на самом деле — на иллюзиях. Он исходил из не вызывавшей будто бы сомнений невозможности существования в России исключительно большевистского правительства. Так ему казалось, прежде всего, потому, что это правительство «совершенно не признают казаки, Украина, Кавказ; о том же,— добавлял он в разговоре с генералом Марушевским 9 ноября,— имеются сведения с Румынского фронта». Он уверовал в доставлявшиеся ему в высшей степени субъективные сведения «о полной изолированности большевиков в Петрограде» и о том, что «вопрос о перемирии был их последней картой, причем выяснилось, что они сами ничего сделать не могут, не пользуясь полным признанием страны и доверием со стороны держав». Его общее представление о большевиках отражало не столько реальное положение вещей, сколько непреодолимое желание всего контрреволюционного лагеря. «Как правительственная власть они, несомненно, бессильны и дела-

[63] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 78—80.

ют последние отчаянные попытки вернуть к себе доверие народных темных масс. Их стремление — привести к миру во что бы то ни стало, хотя бы явочным порядком»[64]... Он и переговоры с представителями Советского правительства воспринял в свете сложившегося у него такого представления, к которому прибавилось самообольщение своей ролью, утверждавшее его в мысли, что большевики не могут обойтись без него, и мешавшее трезво взвесить шансы сторон. «Из поставленных мною ребром вопросов и из полученных ответов,— говорил он в тот же день Маниковскому, а потом Марушевскому,— я совершенно ясно увидел, что народные комиссары на свой декрет о мире не получили абсолютно никаких ответов, их, очевидно, не признают. При этом условии они сделали другую попытку к открытию мирных переговоров через посредство верховного главнокомандующего... надеясь на то, что со мной, как законной военной властью, будут разговаривать и противники и союзники»[65].

Духонин был в плену иллюзий. Соотношение сил клонило чашу весов явно не в его пользу. Решающую роль приобрело отношение обеих сторон к делу мира. С лозунгом мира Советская власть одержала победу в октябрьские дни, с этим лозунгом она начала триумфальное шествие по стране. Но он выплыл на поверхность не стихийно, не по нечаянному стечению обстоятельств, в программе большевиков он занимал видное место задолго до их победы. В самый канун революции, изучая вероятное соотношение сил, Ленин определенно заявлял, что победа большевиков в вооруженном восстании обеспечена в немалой степени потому, что «*не пойдут войска* против правительства мира». Он пристально следил за политическим состоянием армии, за результатами работы большевиков среди солдат. «Целый ряд фактов показал,— обобщал он эти наблюдения,— что *даже* казацкие войска не пойдут против правительства мира... А вся армия разве не отрядит частей *за* нас?»[66] Предписание Совнаркома Духонину было очередным шагом последовательной мирной политики большевиков: в порядок дня ставилось практическое решение вопроса о мире.

---

[64] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 200.
[65] Там же, с. 198.
[66] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 282—283.

В написанной в конце 1918 — начале 1919 г. статье «Смерть старой армии» Н. В. Крыленко вспоминал: «Тов. Ленин самым настоятельным образом требовал немедленных шагов со стороны военного комиссариата и в особенности армии по предложению немцам установить перемирие и приступить к мирным переговорам. Медлить с этим вопросом было нельзя»[67]. Однако военно-политическая обстановка не позволяла сделать этих шагов в первые же дни Советской власти: революционной столице угрожали войска Керенского — Краснова, в Москве и ряде важных центров страны тоже шла вооруженная борьба; правительства стран Западной Европы не мыслили сколько-нибудь продолжительного существования в России рабоче-крестьянской власти, да и у зарубежного пролетариата не было уверенности, что она удержится. Но уже 7 ноября Совет Народных Комиссаров смог заявить: «Советская власть утвердилась во всех важнейших пунктах[68] страны». Это было заявлено в том самом предписании верховному главнокомандующему, которое саботировал Духонин. И как только стало возможным такое заявление, Совнарком сразу же решил «безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях», что в том же документе было возвещено на весь мир и официально объявлено Духонину[69]. Крыленко пишет, что «до подчинения Ставки нечего было думать о таком обращении от имени центрального правительства к Германии»[70].

Так что Совпарком и Духонин по-разному понимали значение Ставки в развернувшейся борьбе за мир: Совнарком для успеха мирных переговоров свое обращение к воюющим державам связывал с практическим шагом — приостановлением военных действий, что́ должно явиться непосредственной функцией Ставки, и потому Ставка либо, подчинившись правительству, безоговорочно выполня-

---

[67] ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 105, л. 14.

[68] Кроме обеих столиц, Советская власть утвердилась к тому времени в Минске, Смоленске, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Нижнем-Новгороде, Казани, Саратове, Царицыне, Екатеринбурге, Красноярске, Воронеже, Ташкенте и других пунктах страны.

[69] Декреты Советской власти. Т. 1, с. 53.

[70] *Крыленко Н.* Смерть старой армии. Рукопись.— ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 105, л. 14.

от его предначертание, либо подчинение ее должно быть достигнуто сменой верховного главнокомандующего; Духонин же считал обращение Совнаркома к нему признаком слабости нового правительства, результатом того, что оно не признается иностранными державами, не пользуется поддержкой армии и страны, в силу безвыходного положения вынуждено обратиться к Ставке как носителю законной военной власти и хотя бы «явочным порядком» выполнить свое обещание добиться мира, вернуть тем самым доверие к себе народных масс и укрепить свое положение. Но укреплять его не входило в расчеты Духонина.

Два взгляда — две враждебные позиции. Обе стороны понимали, что примирения, компромисса между ними быть не может, и 9 ноября борьба вступила в решающую фазу. Когда Ленин объявил Духонину об увольнении его с должности главковерха, тот оказался еще неспособным воспринять реальное значение этого акта. «Я считаю,— излагал он в разговоре с Марушевским свое отношение к происшедшему,— что во временное исполнение должности главковерха я вступил на основании закона («Положение о полевом управлении войск в военное время»), ввиду отсутствия главковерха. Могу сдать эту должность также в том случае, если от нее буду отстранен, новому лицу, на нее назначенному в законном порядке, то есть указом Сенату, распубликованным этим последним, являющимся высшим блюстителем законности в стране, досель [71] не упраздненным». И тут же получил поддержку. Марушевский ему ответил: «Мы считаем вас законным главковерхом, и сведения, которые вы нам сообщили, несомненно, со стороны личного состава Военного министерства вызовут, вероятно, и протест, и, во всяком случае, прения, с которыми мы обратимся к генералу Маниковскому, через генерала Маниковского к народным комиссарам» [72]. Поддержка, что и говорить, мощная: обещана начальником Генерального штаба. Но круг замкнулся: начальник Генерального штаба вынужден через посредство управляющего Военным министерством апеллировать в конечном счете к отстранившим Духонина от должности народным комиссарам — представителям единственной

[71] В подлиннике «дотоль».
[72] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 199.

власти в стране, как бы ни относился к ней не признающий себя отстраненным главковерх.

Приказом об увольнении Духонина Совнарком выбил инициативу борьбы из рук Ставки. Но в войне против контрреволюционного генералитета нельзя было останавливаться, и Совнарком сделал еще один шаг, означавший в той конкретной ситуации вершину политической стратегии диктатуры пролетариата. Не теряя времени, Ленин и Крыленко от имени правительства обратились по радио ко всем комитетам, солдатам и матросам армии и флота с воззванием, в котором извещали об отданном Духонину приказе приступить к переговорам о перемирии, о ходе переговоров с главковерхом и отказе его подчиниться, наконец, об увольнении Духонина с этого поста и назначении верховным главнокомандующим прапорщика Крыленко. В воззвании, кроме информации, было два призыва, придавших обращению Совнаркома значение крупнейшего исторического действия. «Солдаты!— говорилось в нем.— Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок». Призыв превращал отношение к делу мира в тот главный признак, по которому вся действующая армия безошибочно разделялась на два лагеря. Противники мира не только отбрасывались в лагерь контрреволюции, но и объявлялись государственными преступниками. Судьба же войны и мира вручалась самой солдатской массе. С этим был связан и второй призыв: «Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

Совет Народных Комиссаров дает вам права на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров» [73].

Хотя Духонин считал власть большевиков бессильной и до поры до времени не мог представить последствий этих призывов во всем их громадном объеме, но все же

[73] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 81—82.

различил опасность, грозящую войне из-за действий большевиков: он предвидел, что они «внесут полное расстройство в управление войсками». Действия Совнаркома преломлялись в его сознании таким образом, что служили для него новым подтверждением их неспособности нести бремя государственной власти. «Сегодня они распространили радиотелеграмму о том, чтобы полки на позициях сами заключали мир с противником, так как никакого другого способа у них нет,— отзывался он об этом шаге Совнаркома в разговоре с тем же Марушевским.— Этого рода действия исключают всякое понятие о государственности и обозначают совершенно определенно анархию и могут быть на руку не русскому народу, комиссарами которого именуют себя большевики, а, конечно, только Вильгельму» [74]. И тогда и позже в буржуазной и соглашательской печати этот шаг Совнаркома расценивался не серьезнее, чем воспринял его на первых порах Духонин. Бывший министр земледелия Временного правительства, в начале ноября пребывавший в Ставке и в грезах видевший себя уже премьером Российской республики, не без издевки писал вскоре о мире «по-взводно и по-ротно», предложенном народу большевиками [75]. Но все это не могло выглядеть иначе, как беспомощное покушение на иронию.

В том, что Совнарком предложил заключать перемирия самим полкам, а не армиям и не фронтам, была своя логика: в большинстве армейских и во фронтовых комитетах главенствовали пока противники мира — соглашатели, в полках же организация переговоров о перемирии оказывалась в руках самой солдатской массы и призыв большевиков встречал безусловную поддержку. Большевикам ни тогда, ни когда-нибудь потом не приходилось раскаиваться в их действиях 7—9 ноября 1917 г. «Это был безусловно правильный шаг,— оценивал его примерно год спустя Н. В. Крыленко,— рассчитанный не столько на непосредственные практические результаты от переговоров, сколько на установление полного и беспрекословного господства новой власти на фронте. С момен-

---

[74] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 200.

[75] См. *Чернов В.* Внешняя политика большевизма.— Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. Сборник статей. Пг.— М., 1918, с. 37.

та предоставления этого права полкам и дивизиям и приказа расправляться со всяким, кто посмеет воспрепятствовать переговорам, дело революции в армии было выиграно, а дело контрреволюции *безнадежно проиграно.* Солдаты — масса — призывались этим к самодеятельности в ведении внешней политики на фронте. И нечего было бояться, что создастся хаос на фронте. Этим *парализовалась война;* нечего было опасаться и немцев — они *должны были занять выжидательную позицию*, и они ее заняли. В то же время с контрреволюцией на фронте было покончено» [76].

И тут вступила в действие та самая международная солидарность капитала, которая связывала разные страны в «тройственные», «четверные» и иные союзы, которая не хотела выпускать из своего сообщества одного из партнеров и терять добрый десяток миллионов солдат да еще по такой причине, как образование в союзной стране власти, имеющей в своей программе враждебные всему буржуазному миру намерения. Поэтому Духонин быстро нашел опору в военных миссиях союзных держав, аккредитованных при Ставке, ту опору, которую и он и другие генералы тщетно искали в течение последних двух недель и никак не находили. «Другой раз чувствуешь свое бессилие что-либо сделать и жду как манны с неба известий из Ставки и образования какого-нибудь правительства, чтобы иметь хотя какую-либо почву под ногами, хотя колеблющуюся, а то никакой» [77],— эти слова Балуева в его письме Духонину, посланном 31 октября, были общей мольбой генералов, комиссаров Временного правительства и самого Духонина. «Власть продолжает быть захваченной большевиками,— говорил он генералу Щербачеву всего несколько дней назад...— Они опираются на народные солдатские массы, которым брошены неосуществимые, но весьма завлекательные для них лозунги. Послать в Петроград достаточные силы, чтобы сокрушить их, представляется задачею трудно достижимою, ибо большевистская агитация проникает быстро. Вполне прочных

---

[76] *Крыленко Н. В.* Смерть старой армии.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, с. 58.

[77] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 1—2. Автограф П. С. Балуева.

властей, на которые можно положиться, трудно найти»[78]. В атмосфере такого пессимизма и безнадежности голос союзников мог прозвучать действительно «манной с неба». И он прозвучал.

Нетерпеливо ожидая падения Советской власти, то ли «автоматического» — из-за «неспособности» большевиков к государственному творчеству, то ли под ударами верных Антанте внутренних сил, послы и посланники союзных держав на обращение о перемирии отвечать Советскому правительству не собирались. Но поскольку большевики явно перешли к практическим действиям, нужно было срочно принимать меры и прежде всего официально оформить отказ правительств Антанты от участия в переговорах. В Ставке они видели единственный «законный» орган, которому можно заявить свой протест, и имеющий, кроме того, возможности и право распоряжаться войсками на всем русско-германском театре войны. Они закрывали глаза на то, что новым правительством был назначен и новый верховный главнокомандующий. Не признавая правительства, они не признавали ни этого назначения, ни смещения прежнего, верного союзническим обязательствам и потому удобного для них главковерха. Через свои военные миссии при русской Ставке, обращаясь непосредственно к Духонину, как представляющему будто бы в своем лице некое «законное» правительство России, в обход реально существующего правительства, полномочные представители союзных держав решили воздействовать на армию и на страну. «Действуя на основании точных указаний, полученных от своих правительств через полномочных их представителей в Петрограде», начальники военных миссий заявляли в коллективной ноте «самый энергичный протест перед российским верховным командованием против всякого нарушения условий договора от 23 августа (5 сентября) 1914 г. ... держав Согласия, которым союзники, в том числе и Россия, торжественно обязались не заключать отдельно друг от друга ни перемирия, ни приостановки военных действий». Союзники угрожали далее, что «всякое нарушение

---

[78] Там же, л. 164. Телеграфная лента. Разговор Н. Н. Духонина с Д. Г. Щербачевым (главнокомандующий русскими войсками Румынского фронта) 5—6 ноября 1917 г.

договора со стороны России повлечет за собою самые тяжкие последствия»[79].

Нота военных миссий взволновала Ставку, в ней увидели залог успеха в борьбе против большевиков, ибо теперь была найдена «почва под ногами» вместо «никакой». Генералы не могли даже мысли допустить, чтобы ни те, кто делал попытки к прекращению военных действий, ни «развращаемая» ими солдатская масса, не содрогнулись перед ужасом предрекаемых союзниками последствий этого шага. Духонин получил ноту в 16 часов 10 ноября и, очевидно, приравнивая ее к крупной победе над большевиками, распорядился сразу же передать ее главнокомандующим фронтов «для оповещения войск», а сам не мог дождаться вестей, как воспримут ее народные комиссары, и вечером же стал допытываться у Марушевского, но тот еще сам не знал о ноте, узнав же — тоже пришел в возбуждение. За немногие часы, что прошли с момента ее получения, Духонин успел проникнуться оптимизмом: еще бы, уволенный большевиками, но как бы восстановленный теперь союзниками, он должен был почувствовать, что вроде бы обрел «государственное бытие». Действительно ли вся армия сочувствует идее немедленного перемирия и готова ко всем тяжелым последствиям, о которых предупреждают союзники, или, говоря иначе, «представляет ли из себя Ставка остров, отделенный от остальной массы армии?» — задал ему вопрос Марушевский. Духонин еще не имел донесений о каких-либо массовых выступлениях солдат, вызванных обраще-

---

[79] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 201—202.

Ю. Я. Соловьев, на собственном опыте хорошо познавший обычаи и механику русской и западноевропейской дипломатии в период 1893—1918 гг., в своих мемуарах сообщил, что эта нота была подготовлена и отправлена в Могилев объединенным главным командованием держав Антанты, находившимся в Париже. «Тот факт, что эта ультимативная телеграмма была послана не в Петроград, а в Могилев и не через дипломатические представительства, а через военных агентов при русском верховном командовании,— писал Соловьев,— свидетельствовал о том, что союзные державы не хотели официально признать Советское правительство, хотя и ставили ему косвенно ультимативные требования. Таким образом, нельзя было не убедиться, что уже в ноябре 1917 г. в Париже подготовлялась вооруженная интервенция, которая и началась весной 1918 г.» (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. 1893—1922. М., 1959, с. 312).

нием народных комиссаров, а после ноты союзных миссий вряд ли считал их вероятными, и он ответил Марушевскому: «Ставка еще не является изолированным островком личных мнений и впечатлений. Она отражает в себе пока,— думаю, что не ошибаюсь,— [настроение] большинства массы армии. Вот что дает мне утешение в трудные минуты теперешнего руководительства армии». Его собеседнику тоже показалось, что положение Совнаркома основательно пошатнулось. «Лично мне кажется,— сказал Марушевский,— что комиссары несколько поторопились в разговорах с вами предыдущей ночью и с новым назначением на пост главковерха» [80].

Этот разговор закончился в первом часу ночи, а в седьмом часу утра Духонина вызвал к прямому проводу командующий 5-й армией генерал Болдырев. Тот сообщил, что днем (11 ноября) в Двинск выезжает экстренным поездом из Петрограда Крыленко; поскольку «идея немедленного мира очень живуча и остра в сознании солдатской массы», то Болдырев предполагал, что приезд Крыленко будет встречен сочувственно, помешать же приезду — у него нет реальной силы. Выслушав его, Духонин спросил, дошла ли до него из штаба фронта нота военных миссий. Болдырев доложил, что он уже приказал не позже 10 часов утра разъяснить ее «во всех комитетах». Главковерх нашел нужным обратить его внимание на решающее значение угроз союзников для ближайшего будущего; уже одно только появление ноты было, в его глазах, возмездием большевикам за их «самочинные» действия. «Теперь, по получении этой ноты, разъяснившей обстановку даже и тем, кто не хотел ее понимать,— торжествовал Духонин,— прием [прибывающего Крыленко], о котором вы сообщаете, явился бы очевидной форменной изменой родине». Уведомив Болдырева, что ночью Марушевский должен был через Маниковского «довести эту ноту немедленно до сведения всех, кому это ведать надлежит, в том числе и прапорщику Крыленко», Духонин высказал убеждение, что большевики теперь поймут: «право и единственная возможность вступить в переговоры о перемирии принадлежит полномочному правительству в лице его центральной власти, облеченной доверием хотя бы большинства страны и армии и признанной союзни-

[80] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 203—205.

ками», и Крыленко, конечно, «не выедет на фронт, пока обстановка в Петрограде с союзниками не разъяснится» [81]. Этим открыто выраженным упованием на внешнюю силу в разрешении вопросов внутреннего положения мятежный главковерх не только допускал вмешательство иностранных держав во внутренние дела своей страны, но и хотел такого вмешательства и избирал его в качестве средства политической борьбы.

Для Духонина и его собеседников тех дней оказалась неожиданной реакция Совета Народных Комиссаров на ноту военных миссий. Она вовсе не вызвала у большевиков того смятения, какое предвкушали и на какое рассчитывали генералы. Не приостановила она и выезда Крыленко на фронт. Утром 11 ноября радио донесло до армии и страны обращение Советского правительства по поводу ноты. В нем не видно было никакой растерянности — Совнарком решительно отвергал вмешательство иностранных дипломатических представителей во внутренние дела государства путем их обращения с дипломатической нотой «к генералу, отставленному за неподчинение распоряжению правительства». Вместе с тем Советское правительство расценивало ноту как «попытку союзных представителей путем угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключенных царем и подтвержденных правительствами Милюкова — Керенского — Терещенко». Отметая эти угрозы, Совет Народных Комиссаров разъяснял народу, что он предлагает не сепаратное, а всеобщее перемирие и выражает тем самым подлинные интересы и стремления народных масс не только России, но и всех воюющих стран. «Солдаты! Рабочие! Крестьяне!— призывал СНК.— Ваша Советская власть не допустит, чтобы вас из-под палки иностранной буржуазии снова гнали на бойню. Не бойтесь угроз. Исстрадавшиеся народы Европы с нами...» Совнарком призывал солдат продолжать борьбу за немедленное перемирие, выбирать делегатов для переговоров и сообщал, что верховный главнокомандующий Крыленко выезжает на фронт, чтобы взять в свои руки дело борьбы за перемирие [82].

---

[81] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 208—209.
[82] Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959, с. 23—24.

Таким образом, угрозы содержавшиеся в ноте начальников военных миссий, дали Совету Народных Комиссаров свежий материал, помогавший раскрыть перед народными массами и солдатами корыстные цели буржуазии Антанты, во имя которых она добивалась раньше от царя, потом от Временного правительства, а теперь от духонинской Ставки держать на фронте русских солдат. Солдаты получили возможность сопоставить две позиции — Ставки, действующей в угоду западным империалистам, и Советского правительства, берущего солдат, рабочих и крестьян под защиту от отечественной и иностранной буржуазии.

Почувствовав, видимо, что обращение Совнаркома если не зачеркнуло, то во всяком случае сильно подорвало пропагандистский эффект распространенной Ставкой ноты военных миссий, представители союзников увидели необходимость любым способом нейтрализовать действие обращения Совнаркома. Нужно было прежде всего сгладить впечатление от угрозы, столь неосмотрительно употребленной в ноте. Указать русской армии на тяжкие последствия несоблюдения Россией союзного договора и даже разъяснить, в чем они могут состоять, необходимо, но тактичнее было бы это сделать русскому командованию: ведь даже простое упоминание в ноте о возможных последствиях выглядело как та самая «палка иностранной буржуазии», которая пригодилась Совету Народных Комиссаров, чтоб на свежем примере иллюстрировать позицию союзников.

На следующий же день, 11 ноября, военные миссии вручили Духонину повторную ноту. Они не стали теперь угрожать России тяжкими последствиями и, не исключая возможности широкой огласки и новой ноты, переводили аргументацию в другую плоскость: напомнили о существовании «действительного и братского союза между державами Согласия и Россией», о каких-то жертвах, принесенных якобы этими державами «для оказания содействия России в тот момент, когда она завоевала свою свободу»; в случае ослабления русского фронта речь велась о гибельных последствиях уже не только для России, но «и для общего дела союзников». Начальники союзных миссий рекомендовали Духонину обратиться ко всем политическим партиям и к армии и «всеми возможными способами» внушить им, что «честь и патрио-

тизм требуют от них приложить все свои усилия к сохранению и укреплению порядка и дисциплины на фронте»[83].

Чтобы помочь Духонину при составлении обращения к армии, в союзных миссиях в тот же день была изготовлена специальная шпаргалка, по всей видимости — памятная записка (без обращения, без подписи и без каких-либо делопроизводственных обозначений), в русском переводе названная «справкой»[84]. «Ввиду того, что масса армии и населения не имеет никакого представления о договорах и поэтому не может оценить значительности последствий несоблюдения Россией договора, которым союзные государства Согласия обязались не заключать ни сепаратного мира, ни перемирия», в «справке» фиксировалось требование «распространить в войсках с возможной ясностью и точностью краткое предупреждение о тех роковых последствиях для России, которые повлекло бы за собой нарушение договора, торжественно ею подписанного». От Духонина требовалось также разъяснить, что заключение Россией сепаратного перемирия означало бы разрыв ее с союзниками, вследствие которого она в одиночестве, без помощи «дружественных государств», «станет легкой добычей жестокого врага» и лишится приобретенной «драгоценной свободы», так что окажется затронутым не только вопрос «чести России, но даже самого ее существования».

Союзники подсказывали Духонину, что́ именно он должен вложить в свое «краткое предупреждение» (или заявление). Они нагнетали ужасы, ожидающие Россию в случае попытки заключить сепаратное перемирие, советовали напомнить об ответственности, которую взяли бы на

---

[83] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 212—213.

[84] В делах ЦГВИА СССР сохранился русский перевод «справки». О том, что она вышла из военных миссий союзников, говорит, прежде всего, ее содержание, поясняющее именно ту угрозу в коллективной ноте начальников военных миссий от 10 ноября 1917 г., которую в следующей ноте пришлось камуфлировать призывами к «чести» и «патриотизму» политических партий и армии, но которая тем не менее вовсе не снималась с повестки дня. Как можно заключить из текста, в памятной записке зафиксированы те моменты из состоявшейся, надо полагать, беседы представителей союзников с Духониным, которые начальники миссий считали необходимым включить в обращение Ставки к армии.

себя в таком случае армия и население, и о тех карах, которые они навлекли бы на себя сами. В «справке» имелась настоятельная рекомендация: «Чрезвычайно важно, чтобы заявление такого рода совершенно точно устанавливало, *что Россия покинула своих союзников по собственному желанию* и что такого рода действие, будучи невыгодным для союзников, для самой России является гибельным» [85]. Может показаться удивительным, что Духонин, в принципе показавший себя исполнительным в отношении рекомендаций союзников (он выпустил 12 ноября два обращения), в то же время в тексте своих обращений передал предписанные мысли более чем не аккуратно.

Демагогически объединив в своих обращениях интересы сохранения завоеваний революции с верностью союзническим договорам, он в полной мере использовал подсказку об угрозе, какую несет германский империализм «драгоценной свободе» русского народа. Но в его обращении нет даже попытки довести до сознания армии, что на нее падет ответственность, если дело примет гибельный для России оборот из-за того, что она «покинула своих союзников». Такое заявление Ставки признавалось в памятной записке *чрезвычайно важным,* а в самом ее начале обращалось внимание на *ясность* и *точность* в передаче армии преподанных в «справке» рекомендаций. Тем не менее из обращений Ставки выпало даже «чрезвычайно важное» заявление. Духонин, видимо, понял, что сделать такое заявление для Ставки, к которой союзники обращаются как к единственному представителю «законной» власти в России, означало бы выдать им расписку в том, что договор от 23 августа 1914 г. аннулируется по инициативе России. Он уловил, очевидно, и зловещий смысл в сделанном «между прочим» в конце «справки» напоминании о том, что «приблизительно год тому назад Германией были сделаны предложения мира трем великим державам Запада, выгодные для нее и невыгодные для России, почему эти предложения были с негодованием отвергнуты» [86]. Расписываясь теперь в добровольном желании России «покинуть» союзников, Духонин да-

---

[85] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 214. Подчеркнуто в документе.— *В. П.*

[86] Там же.

вал бы им в руки такой документ, который потом, когда установится «твердая власть», может сослужить дурную службу этой власти и роковым образом обернуться для самого Духонина. Он развязывал бы союзникам руки как в случае их сделки с державами германского блока за счет России, так и при успешном для Антанты исходе войны, если бы пришлось делить добычу. Во всех случаях, спровоцировав признание Ставки о разрыве договора Россией, державы Антанты могли бы относиться к ней как к державе неполноправной, металл же в голосе союзников уже был замечен Духониным («Их угроза в случае нашего сепаратного заключения перемирия звучит чрезвычайно грозно и решительно»[87],— говорил он Черемисову сразу же после составления обращения, в ночь на 13 ноября); больше того, он уже тогда не исключал вероятия, что одним из тяжелых последствий может оказаться «выступление союзников против нас, что не есть что-либо невыполнимое»[88].

В обращении к солдатам Духонин призывал их не поддаваться «обольщению» — не спешить с самочинным заключением мира, не нарушать договор с союзниками. Обращение превратилось в сплошной гимн союзникам. Духонин «разоблачал» безыменных противников, опровергая их утверждения, будто союзники не хотят мира, звал солдат к терпению: «Дайте время истинной русской демократии сформировать власть и правительство, и она даст вам немедленный мир совместно с союзниками, который обеспечит вам покой на многие годы». Стремясь вооружить солдат ненавистью к Советскому правительству и в то же время лишить союзников возможности считать, что договор 1914 г. разрывается «законной» властью России, Духонин заявлял, что «такового полномочного правительства сейчас в России и нет»[89]. Контрреволюционными заклинаниями было наполнено и обращение главковерха к политическим партиям, городским, земским и крестьянским союзам. Здесь уже не было словесных украшений вроде «революция», «свобода», зато в полной мере использовал-

---

[87] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 225—226.
[88] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 196, л. 41. Разговор Духонина с Марушевским в 23—24.00 12 ноября 1917 г. Телеграфный бланк.
[89] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 220.

ся словарь черносотенцев: «Землю нашу постигла смута, разорение от безвластия,.. ужас анархии» и т. д. Представителям «истинной русской демократии» Духонин адресовал мольбу: «Сплотитесь все вместе во имя спасения родины; воспряньте духом и дайте исстрадавшейся земле русской власть, власть всенародную, свободную в своих началах для всех граждан России... Не теряйте времени» [90]. Это очень показательно: к солдатам из Могилева идет призыв «Дайте время» (чтоб сорганизовать контрреволюционную власть), к буржуазным и соглашательским организациям — «Не теряйте времени».

Рассматривая Ставку как оплот контрреволюции в борьбе против Советской власти, союзники делали все необходимое для укрепления позиции Духонина. 11 ноября в Ставке было получено сообщение из Вашингтона: «Американское правительство заявило, что никаких отправлений военного снабжения и продовольствия в Россию произведено не будет, пока не выяснится положение этой страны». Прежде, чем разрешить вывоз американских продуктов, правительство США хотело знать, в чьи руки они попадут в России. Вывоз мог возобновиться лишь после того, как там образуется устойчивое правительство, которое может быть признано Соединенными Штатами. «Но если большевики останутся у власти и приведут в исполнение их программу заключения мира с Германией,— предупреждал Вашингтон,— нынешнее запрещение вывоза остается в силе» [91]. Ставка воспользовалась этим сообщением как пропагандистским материалом, немедленно, телеграфом, разослала его в войска [92] и 12 ноября опубликовала в Бюллетене [93].

Необычайную активность проявили французские военные миссии. Помимо участия в коллективных нотах от 10 и 11 ноября, начальник военной миссии при русской Ставке генерал Лавернь 12 ноября уведомил Духонина, что правительство Франции не признает власти Совета Народных Комиссаров и рассчитывает на твердое намерение Ставки «отклонить всякие преступные переговоры и

---

[90] Там же, с. 219.
[91] Там же, с. 210—211.
[92] ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 3826, л. 102—104, 107—108. Телеграфные бланки.
[93] См. *Лелевич Г.* Указ. соч., приложение, с. 57.

держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу» [94]. Заявление, составленное в тех же выражениях, начальник другой французской военной миссии — при штабе Румынского фронта — генерал Бертело вручил 12 ноября помощнику главнокомандующего армиями фронта генералу Щербачеву, на следующий день оно было опубликовано в Бюллетене Ставки [95].

Антанта ободряла терявших почву под ногами генералов, подбивала их на дальнейшую борьбу против Совета Народных Комиссаров. В то же время собравшимися в Ставке представителями партийного руководства эсеров и меньшевиков, направлявшими деятельность «Комитета спасения родины и революции», а также Общеармейского комитета, был поднят на всю Россию шум о создании «однородно-социалистического» правительства. Тут же расхаживал и держал речи облеченный доверием «демократии» недавний министр и без пяти минут премьер Виктор Чернов. Вполне понятно, что в такой атмосфере голос «демократии», созвучный вожделениям верхушки Ставки, принимался ею за голос всей армии и всей России, а это уже придавало генералам смелость и уверенность в борьбе против власти Советов.

Не следует, впрочем, преувеличивать глубину восприятия совершившегося переворота генералами николаевской выучки. Они по всему своему социальному опыту не могли признать правомерности такой власти. В их глазах революция выглядела не более как «бунт», «анархия», может быть только затянувшаяся и столь же ужасная, как известная им из учебников Иловайского пугачевщина (это сравнение было на устах генералов [96]). Но их ободряли прецеденты: па что уж сильные «бунты» разразились двенадцать лет назад, но были, слава богу, ликвидированы — Мин, Риман, Дубасов, Меллер-Закомельский, Реппенкампф были их сверстниками и живыми героями «содействия гражданским властям». Совсем свежо отдавались в сознании следы июльских дней в Петрограде,

---

[94] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 215.

[95] См. *Лелевич Г.* Указ. соч., приложение, с. 63.

[96] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1541, л. 203. Разговор по прямому проводу Духонина с Барановским 29 октября (датируется по содержанию). Упоминание «пугачевщины» принадлежит Барановскому. Телеграфная лента.

Нижнем Новгороде, недавних мужицких бунтов на Тамбовщине, только что задушена «анархия» в Виннице. Все это уже спрессовалось в умах генералов в традицию, указывающую перспективу и в нынешней тяжелой, пугающей «пугачевщиной», но «не безвыходной», как считал Духонин, обстановке. Беда состояла в том, что не оказалось полицейских сил, которые могли бы справиться с «бунтовщиками», но как только за дело возьмется по-настоящему армия, все решится: видеть в кучках «смутьянов» заслуживающего сколько-нибудь серьезной борьбы противника для воинских частей — просто срам.

Если же сопротивление таких «кучек» оказывалось упорным, искусным и его не удавалось сломить карательным частям, то для объяснения подобных казусов находилась привычная отмычка: действиями бунтовщиков руководили «агенты Вильгельма». На счет этих агентов списывалось все, что не в силах были понять генеральские мозги. И недаром и Духонин и Каледин всерьез рассчитывали в порядке экспедиции одного казачьего отряда ликвидировать «анархию» в Москве, завернув попутно с той же целью в Воронеж, а потом продолжить «работу» в Петрограде. Генерал-квартирмейстер штаба армий Западного фронта Б. С. Малявин тоже очень серьезно телеграфировал Духонину уже 13 ноября: «Считаю необходимым немедленно, во имя спасения родины, армии, командного и офицерского состава, двинуть на Минск две казачьих дивизии, окружить Минск, разоружить гарнизон, арестовать разные революционные организации, перерезать все пути к Минску со стороны фронта, и тогда, ручаюсь, что немедленно всюду, не только на фронте, но и в тылу, водворится нужный для нас порядок... Считаю, что даже одного извещения о начавшемся движении к Минску казачьего корпуса будет достаточно, чтобы революционный комитет начал разбегаться в паническом страхе» [97].

Если таков был уровень мышления опытных стратегов, то какие могут быть претензии к Борису Савинкову, который всей фортуной был до поры до времени обязан эсеровским идеям всесилия даже немногочисленной террористической организации в решении исторических задач? Предложив свои услуги реакции, этот бывший рево-

[97] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 232.

люционер тоже оставил для истории свой прожект, который в его письме Духонину формулировался так: «Я совершенно убежден, что если в Луге сосредоточить три пехотных дивизии (минимум две) с достаточной артиллерией и хотя бы небольшими конными частями, то поход на Петроград без особого труда увенчается успехом. Но успех этот возможен лишь при соблюдении двух непременных условий: 1) эшелоны должны двигаться безостановочно и планомерно... 2) должен быть назначен начальник сводного отряда, который двигается на Петроград» [98]. Дело, оказывается, было за малым — чтобы эшелоны двигались «безостановочно и планомерно»! Такие проекты рождались на разных этапах борьбы, проваливались и все же воспроизводились в других вариантах. Вспомним провал плана создания «Комитетом спасения» и Ставкой «лужского кулака», для реализации которого не хватило соблюдения все того же «малого» условия, затем план сосредоточения войск в Везенберге, Невеле, Вязьме, Старой Руссе и т. д. На всех этих замыслах лежит печать того патриархально-охранительного взгляда на революцию как на «смуту», согласно которому с ней следовало справляться по завету бригадира Фердыщенки: «вот бы теперь горошком — раз-раз-раз и се не бе!»

Два лагеря по одну сторону фронта

Отстраненный от должности верховный главнокомандующий еще оставался в Ставке, занимал не принадлежащее уже ему место и употреблял все силы, чтобы не допустить переговоров о перемирии, которые союзники официально нарекли «преступными». 11 ноября, несмотря на такую реакцию представителей «дружественных государств», новый верховный главнокомандующий, как и было объявлено Совнаркомом, выехал из Петрограда на фронт, чтобы взять дело мира в свои руки. Крыленко ехал туда не с войсками — в сопровождении отряда всего в 50 матросов и красногвардейцев. Имея точные данные об этом, Ставка и Обще-

[98] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 239—240. Автограф Б. В. Савинкова; «Русские ведомости», 1917, 21 ноября.

армейский комитет нисколько не сомневались, что во фронтовую полосу они его не пустят. Духонин и Перекрестов отдали приказ начальнику 1-й Финляндской стрелковой дивизии, стоявшей в Шклове, «вооруженной силой воспрепятствовать вооруженному конвою прапорщика Крыленко продолжать путь» дальше Орши, причем начдиву было указано, что в охране у Крыленко — 59 человек [99]. Дивизии против полуроты неполного состава могло быть, наверно, достаточно для выполнения такой задачи. Произошло, однако, нечто иное. Крыленко через год с удивлением вспоминал: как могло случиться, что ни один из генералов, командующих армиями, располагая военной силой и «во всяком случае определенным контингентом вооруженных лиц, чтоб раздавить наш поезд, ни один из них *не смел* активно противодействовать» [100].

Совершенно не опасаясь «вооруженной силы», которую генералы могли употребить против него, Крыленко из маршрута своего следования не делал никакого секрета. Он ехал в Двинск, где располагался штаб 5-й армии. Командарм Болдырев еще до выезда Крыленко из Петрограда знал, когда прибудет главковерх, и заблаговременно донес об этом Духонину. Путь лежал через Псков, и со станции Струги Крыленко телеграфировал Черемисову: «Еду специальным поездом № 401. Жду вас на вокзале» [101]. По прибытии в Псков главковерх пригласил его по телефону [102], а через два часа, не дождавшись, послал письменное приглашение прибыть для обсуждения вопросов, связанных с состоянием армий Северного фронта, и общеполитического положения страны [103]. Черемисов явиться отказался. Тогда Крыленко приказал поезду двигаться дальше, а назначенному комиссаром фронта большевику Б. П. Позерну вручил для передачи Черемисову предписание об отстранении его от должности главкосева и временном исполнении обязанностей под наблюдением комиссара до прибытия преемника.

Утром 12 ноября главковерх прибыл в Двинск. Командующий 5-й армией генерал Болдырев был по телефо-

---

[99] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 223.
[100] ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 105, л. 15. Рукопись *Крыленко Н. В.* «Смерть старой армии».
[101] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1545, л. 66. Телеграфный бланк.
[102] ЦГАОР СССР, ф. 336, оп. 1, д. 339, л. 132. Телефонограмма.
[103] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1545, л. 67. Подлинник.

ну приглашен к нему в вагон, «на что я,— докладывал Болдырев в тот же день в Ставку,— ничего не ответил и, конечно, никуда не поехал» [104]. Отказался явиться генерал и на заседание армейского комитета, где должен был выступить Крыленко. Присутствовавший на заседании штабной офицер штабс-капитан Красовский доложил потом Болдыреву о речи Крыленко. По словам Красовского, главковерх «заявил, что прибыл в Двинск, чтобы начать борьбу с тремя врагами». Первого врага — внешнего — он признал неопасным; назвав вторым голод, указал, что о предотвращении его заботится правительство; третьим же врагом был назван «контрреволюционный командный состав, возглавляемый корниловцем Духониным». Крыленко объявил, что «с сегодняшнего дня он начинает борьбу со Ставкой, куда стеклись все враждебные элементы, и что он начнет ведение мирных переговоров с противником». Болдырев хотел сам припугнуть Крыленко нотами союзников, поэтому еще накануне попросил армейский комитет сообщить советскому главковерху, что ждет его к себе, «чтобы передать ему некоторые крайне важные сведения». Духонину генерал докладывал, что под важными сведениями подразумевал ноты союзников. С первых же часов пребывания в действующей армии главковерх, конечно, не мог и не должен был допускать неповиновения подчиненных генералов, не мог, в частности, принимать приглашение от не явившегося по его вызову генерала.

Рассчитывая, как и Духонин, что ноты союзников должны произвести ошеломляющий эффект, Болдырев поручил Красовскому ознакомить с ними Крыленко. Но ошеломляющими оказались не ноты для Крыленко, а его суждения по поводу нот для генералов. К полной неожиданности и для Болдырева, а потом и для Духонина, которому об этом было доложено, Крыленко ответил, что ноты его «не смущают, так как это, по его мнению, типичная политика запугивания, которую союзники не в силах провести в жизнь» [105].

5-я армия, в полосе которой Крыленко решил начать переговоры с немецким командованием, была избрана для этой цели потому, что в ней прежде, чем в других (1-й и

[104] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 222.
[105] Там же, с. 222—223.

12-й) армиях фронта, взял в свои руки власть большевистский Военно-революционный комитет. О политической обстановке в армии Крыленко потом рассказывал: «Там, в Двинске, можно было уже на месте ознакомиться, что́ сделано в армии. Военно-революционные комитеты были повсюду, в каждом полку был выборный комиссар, генералы покорно стояли навытяжку, и через день новая власть (главковерх с сотрудниками.— *В. П.*) уже выехала в окопы для определения места, откуда всего удобнее можно было послать парламентеров». Хотя Болдырев не явился ни по вызову верховного главнокомандующего, ни на заседание армискома (как и Черемисов, он был отстранен от командования, а Военно-революционным комитетом арестован), «зато командиры корпусов все явились немедленно» [106].

С выездом Крыленко на фронт там образовалось, пишет он, два центра, по отношению к которым стала ускоренно раскалываться действующая армия: генералитет и старший командный состав, соглашательские комитеты и немногие части контрреволюционной окраски оставались послушными могилевскому центру; солдатская масса армии выходила из повиновения Ставки и своего командного состава и сплачивалась вокруг того подвижного центра, который олицетворял новый верховный главнокомандующий.

Как раз в то время, когда Крыленко, наперекор Ставке, совершал поездку по Северному фронту, важные события разыгрались в штабе Западного фронта, в тылу которого располагалась Ставка. Днем 12 ноября в кабинет главкозапа явились два члена ВРК фронта и задали генералу Балуеву вопрос, подчиняется ли он Военно-революционному комитету. Если подчиняется, то ему предлагалось приступить к переговорам о перемирии и отдать приказ о том же подчиненным начальникам, а в случае отказа Балуев должен был оставить должность главкозапа. Генерал ответил отказом. ВРК немедленно отстранил его от должности, арестовал и объявил, что он будет отправлен под конвоем в Петроград. Обязанности главнокомандующего армиями фронта ВРК временно возложил на

---

[106] ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 105, л. 15. Рукопись *Крыленко Н. В.* «Смерть старой армии».

большевика подполковника В. В. Каменщикова, командовавшего одним из полков.

Этот факт послужил чем-то вроде лакмусовой бумажки: он помог выявить действительное соотношение сил на Западном фронте и ту опору, на которую мог рассчитывать в войсках фронта могилевский центр действующей армии. Никакого вооруженного сопротивления Балуев оказать не посмел. Его начальник штаба генерал К. Ф. Вальтер, докладывая в Ставку, объяснил, что сопротивление было бы «бесполезно, так как в наших руках ничего нет» [107]. Духонин не одобрил сдачи Балуевым командования подполковнику Каменщикову и считал настоятельно необходимым, чтобы Балуев вернулся к исполнению своих обязанностей. Для ограждения же его от насилия Духонин находил достаточными имевшиеся в Минске части сибирских казаков, польских улан и располагавшейся поблизости Кавказской кавалерийской дивизии; в крайнем случае Балуеву рекомендовалось переменить место своего пребывания. Но ответ Вальтера полковнику Кусонскому для доклада Духонину был такой: «Если бы генерал Балуев не согласился на уход, то это вызвало бы неминуемое кровопролитие. Сегодня (12 ноября.— *В. П.*) к вечеру весь Минский гарнизон был поднят на ноги, дабы силой провести свое требование. Мы имели две ударные роты и три эскадрона польских улан; если бы этими частями мы могли на первое время сопротивляться, то с фронта были бы доставлены Военно-революционным комитетом такие силы, которые сломили бы сопротивление наших частей... При общем настроении войск фронта генералу Балуеву не на кого было опереться, ибо две роты и три польских эскадрона, конечно, недостаточны, дабы сопротивляться против всех тех сил, которые могли бы быть доставлены с фронта» [108].

Духонин же судил так, как будто от его мнения или его распоряжения продолжало и теперь зависеть назначение: он считал, что «никак нельзя назначать главкозапом подполковника Каменщикова» и если возврат Балуева, «хотя бы к номинальной власти», немыслим, то он «настоятельно просил» принять эту должность Вальтера или командира польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого.

---

[107] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 216.
[108] Там же, с. 217.

Вальтер ответил, что Довбор-Муспицкий тоже не в состоянии бороться с ВРК, «на стороне которого все войска фронта». Тогда Вальтеру была передана просьба временно, до прибытия в Минск старшего из командармов — генерала Данилова, взять обязанности главкозапа на себя. Но оказалось, что Данилов уже просил главкозапа освободить его от командования вообще и отпустить в резерв. Напомнив, что Балуев «не добровольно ушел с поста и не от усталости или слабости духа, а ушел под угрозой насилия», Вальтер сказал, что «то же самое произойдет, когда явится новый командующий армиями, я ли, Данилов или кто другой, каждому придется начать с того, что[бы] силой оружия обеспечить свое положение, а этого оружия у нас слишком мало...» [109] О каком сопротивлении могла идти речь, если членов Военно-революционного комитета с трудом удалось упросить не арестовывать главкозапа и не отправлять в Петроград, и ему пришлось укрыться в штабе польского корпуса? Фронт разваливался, вернее — вываливался из рук Ставки, превращаясь в ближайшую, неустранимую угрозу. А все то, что происходило одновременно на Северном фронте, показывало, что такая угроза надвигалась не только из Минска.

Став главковерхом и при отсутствии приемлемой для него высшей правительственной инстанции предоставленный самому себе, Духонин в трудных случаях, как правило, советовался с Марушевским и Щербачевым. В телеграфном общении с ними Духонин апробировал свои действия, у них получал моральную поддержку. Трех генералов объединяло полное единомыслие и взаимопонимание. В этом кругу положение обсуждалось откровенно.

Около полуночи под 13 ноября Духонин поделился с Марушевским мыслями в связи с пребыванием Крыленко в Двинске. «Выступление Крыленко,— считал Марушевский,— может создать непоправимые последствия в отношениях массы к командному составу». Духонин находил эти последствия еще более ужасными. «А по моему глубокому убеждению,— ответил он Марушевскому,— они безусловно катастрофические» [110]. Возможность установления перемирия его не пугала: он был убежден, что «германцы не станут вступать в серьезные переговоры

[109] Там же, с. 217—218.
[110] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 196, л. 41—42.

с Крыленко и не признают его за главковерха»[111] и попытка Крыленко не может кончиться ничем «кроме обычного братания,— может быть, только в более широких размерах»[112]. Главная опасность, в представлении Духонина, была в другом: до сих пор союзники выражали «готовность идти совместно с нами к миру, как о том можно судить из разговоров с представителями при Ставке. Но полагаю, что измена наша договору с ними может вынудить их совершенно переменить свою позицию». Здесь, в разговоре с Марушевским, он и высказал опасение, что союзники могут выступить «войной против нас»[113]. Может быть, именно вероятие их выступления еще более усиливало в сознании Духонина опасность самочинного смещения Крыленко командного состава, «что может породить полную анархию», как говорил Духонин Щербачеву[114], или — «подрыв власти командного состава, внесение анархии на фронт и постепенное его оставление войсками», как более развернуто рисовал он эту опасность Марушевскому[115].

Возмущение действиями Крыленко принимало у Духонина крайнее выражение: «Мы имеем дело с форменным безумием», «Моя душа, полная любви к России, переживает чудовищную тревогу»[116]. Тревога была настолько велика, что даже в разговоре с Черемисовым, с которым не был столь откровенным, Духонин, не стесняясь возможного с его стороны упрека в малодушии, оценивал обстановку как «очень близкую к катастрофе», признавал положение «всех», в том числе и свое, безмерно тяжелым[117]. При подобном взгляде на положение, да еще учитывая заявление Черемисова о том, что он не имеет средств «предотвратить полный развал фронта», может действительно показаться «форменным безумием» заверение Духонина, высказанное Щербачеву: «Ставка продолжает держаться взгляда, изложенного мною вам в те-

---

[111] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 230. Разговор Духонина с Щербачевым 13 ноября 1917 г.
[112] Там же, с. 226. Разговор Духонина с Черемисовым 13 ноября 1917 г.
[113] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 196, л. 41.
[114] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 230.
[115] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 196, л. 41.
[116] Там же, л. 42—43.
[117] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 224—225.

леграмме от 9 ноября. Буду бороться против насильников до образования правительственной власти, признанной всею страной». Но фундаментом такого заверения было свойственное реакционному генералитету представление о политическом положении в стране. Духонин оставался при глубоком, дремучем убеждении, сводившем суть происшедшего к тому, что власть захватила «кучка большевиков самого крайнего направления», «опираясь на чернь и на темную массу солдат и матросов». Хотя «смута» и затянулась («уже 20-й день в стране не может водвориться всеми признанное правительство» и «власть продолжает быть захвачена»), однако, дело это временное, скоропреходящее, затяжка же объясняется тем, что политические партии «никак не могут сговориться» [118]. Поэтому, поучал он Черемисова, надо удержать в своих руках командование, «хотя бы и номинальное» [119].

Фронт разваливался. И может быть лучшим признанием необратимости этого процесса было то, что не находилось генералов, которые согласились бы выполнить приказ Ставки — принять командование фронтом от не проявившего будто бы «должной твердости характера» [120] главнокомандующего. Командарм, получивший такое предложение, запросился в резерв; командир корпуса не нашел сил держать бразды правления в руках; начальник штаба, коему следовало замещать главнокомандующего по положению, «оказался также в немощном состоянии и представил свидетельство о невозможности, по болезни, вступить в должность» [121]; приказано, на худой конец, во временное исполнение обязанностей вступить начальнику снабжений фронта — и тот заявил о невозможности для него выполнить приказ. Генерал-квартирмейстер (Малявин, автор проекта окружения Минска двумя дивизиями казаков) отважно ринулся на вакансию, о которой прежде мог только мечтать, но «вынужден [был] прекратить свои служебные обязанности», потому что ВРК вовсе не имел в виду его кандидатуру и в волонтере не нуждался. Кстати, на юзограмме Малявина, закончившейся

---

[118] Там же, с. 229—231.
[119] Там же, с. 224.
[120] Так Духонин расценил в конце концов смещение Балуева («Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 230).
[121] Там же. Речь идет о Вальтере.

бодрым обещанием Духонину заставить ревком «разбераться в паническом страхе», сохранилась не оставлявшая сомнений в реальности этого обещания приписка минского телеграфиста: «Ну, слава богу, передал. Мы окружены войсками. Охраняют или бить собираются, трудно знать. Однако никого не выпускают» [122].

После того как Советская власть дала бой контрреволюционному генералитету в лице Духонина, подняв тем самым солдатскую массу против корниловско-калединских верхов армии, очередной задачей было — выбить из-под ног этих верхов ту опору, какую представляли собой соглашательские комитеты. В ночь на 11 ноября Совнарком обратился по радио к армейским организациям, военно-революционным комитетам и ко всем солдатам действующей армии. Правительство извещало, что оно в настоящее время целиком поглощено решением двух задач: обеспечением армии продовольствием и заключением немедленного перемирия. Решение первой задачи могло быть достигнуто изъятием скрытых запасов продовольствия у помещиков, кулаков и торговцев, беспощадной борьбой с помогающими им контрреволюционными чиновниками, спекулянтами и мародерами. К этому и призывал Совнарком матросов, солдат и красногвардейцев.

«Борьба за мир,— заявило правительство,— натолкнулась на сопротивление буржуазии и контрреволюционных генералов». В обращении перечислялись собравшиеся в Ставке соглашатели и агенты буржуазии, среди них Авксентьев, Чернов, Церетели, и указывалось, что они собираются образовать новое контрреволюционное правительство. Совет Народных Комиссаров напомнил, что все они уже были министрами и действовали заодно с буржуазией и Керенским, в интересах иностранных биржевиков: организовывали июньское наступление, затягивали войну, арестовывали крестьянские земельные комитеты, ввели смертную казнь для солдат. Они и теперь не хотят прекращения войны. Совнарком предписывал: «Те армейские комитеты, которые попытаются поддерживать этих врагов народа в их борьбе против Советской власти, должны быть немедленно распущены, а в случае сопротивления — арестованы». Требуя, чтобы это обращение было разъяснено всем солдатам, рабоче-крестьянское правительство

[122] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 232.

предупреждало: виновные в сокрытии его от солдат будут сурово караться как за непередачу военного приказа [123]. Пройдет только один месяц — и Ленин скажет о смещении и перевыборах старых верхушечных организаций, в том числе армейских комитетов, как об исполненном деле социалистической революции, скажет о смещенных комитетах в прошедшем времени, поскольку они «выражали пережитую, соглашательскую, полосу революции, ее буржуазный, а не пролетарский этап» и «неизбежно должны были поэтому сойти со сцены под напором более глубоких и более широких народных масс» [124]. Но так можно было сказать через месяц, а пока Совнаркому, партии коммунистов предстояло натиск масс организовать.

Немаловажное значение для усиления этого натиска имела поездка уполномоченного Совнаркомом верховного главнокомандующего на Северный фронт. Развивая борьбу против верхушечных армейских организаций, провозглашенную обращением Совнаркома, Крыленко послал 13 ноября из «второго центра» армии — Двинска в Могилев телеграмму с призывом ко всем организациям рабочих, солдат и крестьян поддержать начатую борьбу за мир. Вполне естественно, что из них наибольшее его внимание привлекали армейские комитеты. «Армейскомы,— указывалось в телеграмме главковерха,— должны взять всю власть в армиях в свои руки, принудить к подчинению себе командный состав, и предоставляю им право отстранения от должности и ареста». Главковерх объявлял о роспуске Общеармейского комитета «впредь до новых выборов». А поскольку Духонин злостно не исполнял приказ Совнаркома об отрешении его от должности, Крыленко обращался к могилевским организациям: «Все распоряжения Духонина ни передаче, ни исполнению не подлежат... Прошу Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов и губернский Совет крестьянских депутатов принять все меры к отстранению от должности Духонина без насилия». Принять от него дела временно поручалось генерал-квартирмейстеру Ставки Дитерихсу, по положению являвшемуся первым заместителем начальника штаба верховного главнокомандующего, а в сложившейся после бегства Керенского обстановке — и заместителем

[123] Декреты Советской власти. Т. 1, с. 69—70.
[124] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 163—164.

исполнявшего обязанности главковерха. Телеграмма заканчивалась предупреждением: «Командармов всех армий и фронтов прошу иметь в виду, что я не допущу никакого противодействия»[125].

Одновременно и как бы в подкрепление этой телеграммы верховный главнокомандующий издал приказ армии и флоту Российской республики, которым наглядно показал, что мер во исполнение предупреждения долго ждать не придется: за неподчинение отстранялись от должностей главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Черемисов, исполнявший обязанности комиссара фронта Шубин и командующий 5-й армией генерал Болдырев. Особый пункт был в приказе о Духонине: «Бывшего верховного главнокомандующего генерала Духонина за упорное противодействие исполнению приказа о смещении и преступные действия, ведущие к новому взрыву гражданской войны, объявляю врагом народа»[126]. Эти меры поднимали в армии авторитет Советского правительства и назначенного им верховного командования: миллионы солдат убеждались, что у новой власти слово не расходится с делом, что ей чужды колебания, проволочки, а то и прямой обман в выполнении своих обещаний, чем дискредитировали себя министры-социалисты свергнутого правительства.

Но не в смещении генералов, как бы важно это ни было в тот момент, состоял главный результат поездки («экспедиции», как позже назовет ее Крыленко) верховного главнокомандующего на Северный фронт. Главное состояло в том, что было практически приступлено к установлению перемирия и рушились надежды противников Советской власти, что большевиков постигнет неудача.

В 16 часов 13 ноября на участке 19-го корпуса три парламентера[127] с белым флагом и трубачом, как полагалось по международным обычаям, направились через линию фронта в сторону немецких окопов. Они имели на руках письменное полномочие от народного комиссара по

---

[125] *Лелевич Г.* Указ. соч., с. 55.

[126] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 1917, 15 ноября.

[127] Это были поручик Владимир Шнеур, член армейского комитета 5-й армии военный врач Михаил Сагалович и вольноопределяющийся Георгий Мерен.

военным и морским делам и верховного главнокомандующего армиями Российской республики обратиться к командованию германской армии с запросом, согласно ли оно прислать своих уполномоченных для открытия немедленных переговоров об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран, а затем начать мирные переговоры [128]. Парламентеров встретили немецкие офицеры и препроводили в батальонный штаб германской армии. Письменные полномочия у них приняли специально присланные германские офицеры генерального штаба. В штабе дивизии, как записано в протоколе переговоров, дивизионный генерал Гофмейстер, «в походной парадной форме, при высших германских орденах, звездах и ленте, окруженный чинами штаба» [129], объявил им, что их полномочия признаны действительными, предложения доложены высшему командованию и ответ его можно ожидать через сутки — к 20 часам 14 ноября. Об этом им разрешалось сообщить по радио своему верховному главнокомандующему в Двинск.

Не ожидая возвращения парламентеров и не зная еще, как им удастся выполнить свою миссию, Крыленко в 3 часа утра 14 ноября связался по прямому проводу со Ставкой. В Могилеве к аппарату подошел комиссар при верховном главнокомандующем В. Б. Станкевич. Крыленко сказал: независимо от того, кто из лиц Ставки, берущих на себя ответственность за общее направление ее деятельности, находится у аппарата, он ставит в известность, что ответ германского командования на посланное с парламентерами предложение ожидается к 20 часам. Главковерх приказал «через технический аппарат обратиться ко всем фронтам с предписанием: до указанного срока и возвращения парламентеров, усилив возможно больше бдительность по отношению к противнику, приостановить повсюду братание и перестрелку». Ответственность за срыв дела всеобщего мира он возлагал «всецело на Ставку ее нынешнего состава». Крыленко предупреждал, что от точ-

---

[128] «Исторический архив», 1957, № 5, с. 154—155. Удостоверение парламентерам русской армии на право вести мирные переговоры с представителями германской армии.

[129] Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов. 1. 1917—1918 гг. М., 1968, с. 7—9.

ности исполнения предписания зависит безопасность парламентеров в лагере противника. Станкевичу и это было нипочем. Он прочитал главковерху резолюцию «демократических» организаций Могилева, принятую ими по получении телеграммы Крыленко с требованием фактического отрешения Духонина от должности и роспуска Общеармейского комитета. В резолюции соглашательские могилевские Советы (рабочих и солдатских депутатов и губернский — крестьянских депутатов) объявляли, что власти Совета Народных Комиссаров, как и Крыленко верховным главнокомандующим, они не признают, распускать Общеармейский комитет не собираются. От себя же Станкевич заявил: «Решаясь на самочинные переговоры о мире, вы должны были считаться с тем фактом, что вашей власти армия не признает и что поэтому Ставка не вправе принимать от вас какие-либо распоряжения». Дальше шли обычные для противников Советской власти разглагольствования о том, что мир необходим, но переговоры о нем должны вестись «от имени всего народа», большевики же только отдаляют его и вносят в войска фронта развал и т. д.

Продолжать беседу было занятием бесполезным и, подтвердив свое распоряжение, Крыленко решил ее закончить. «Дело мира,— сказал он,— находится в руках Правительства Народных Комиссаров. Всякий, кто становится на дороге в борьбе за мир, покуда у меня в руках есть власть, будет мною арестован. Признавая всю важность момента, я предложил Ставке исполнить мое распоряжение. Больше нам не о чем говорить. Ответственность несу я и в ваших указаниях не нуждаюсь. Еще раз повторяю свое распоряжение». Но Станкевич не успокаивался. «Считаю долгом указать,— препирался он,— что из пятнадцати армий Совет Народных Комиссаров, а значит и вы, признаетесь, и то с оговорками, только тремя армиями. На каком же основании Ставка должна подчиниться вашим распоряжениям?.. За неисполнение ваших распоряжений ответственность беру на себя, так как не сочту себя в праве даже передавать их главковерху Духонину»[130]. А сам-таки «счел в праве», похвалившись при этом, что «достаточно изругал его (Крыленко.— *В. П.*) по аппарату».

---

[130] *Лелевич Г.* Указ. соч., с. 55—58.

Известие об ожидавшемся ответе германского командования Ставка восприняла с надеждой, что он, безусловно, будет отрицательный. «Мы не сомневаемся,— говорил начальник оперативного отдела Ставки полковник П. А. Кусонский полковнику Н. В. Сологубу (штаб Западного фронта),— что этот ответ дискредитирует Крыленко» [131]. С неменьшей ясностью и вожделением оценивал значение результатов начавшихся переговоров минский собеседник Кусонского. «Мы фактические моральные пленники,— характеризовал он положение реакционного командного состава в штабе Западного фронта после удаления оттуда Балуева...— Исход из этого положения может дать только время и немец, который откажется заключить перемирие» [132].

Два лагеря по одну сторону русско-германского фронта с нетерпением и тревогой ждали развязки первого акта начатой непосредственно на театре войны борьбы за мир. Надежды на близящееся в конце концов прекращение войны перемешивались у одних со страстным желанием успеха Советского правительства в начатой им битве за мир, от чего во многом зависел и успех его противоборства с силами старого мира вообще. В другом лагере со злорадством предвкушали провал этой первой попытки ненавистной им политики. За спиной у первых стояла рабоче-крестьянская Россия, вместе с ними ждали своей судьбы миллионы солдат на тысячеверстном фронте. И если Станкевич в поисках аргументов прибегал к арифметике, то помимо того, что брал общие цифры (три армии из пятнадцати), предоставленные ему соглашательскими армискомами, заблуждался и в другом: армии, в которых соглашатели еще кое-как удерживали преобладающее влияние, находились на тех участках фронта, которые не решали в то время судьбы революции.

Подсчет Станкевича опровергается беспристрастными данными о результатах выборов в Учредительное собрание, которые как раз тогда и проходили. Эти данные говорят, что большевики имели в армии вообще половину голосов, а на ближайших к столицам Северном и Западном фронтах «у большевиков был гигантский перевес»:

---

[131] Октябрьская революция и армия. Сборник документов. М., 1973, с. 120.

[132] Там же, с. 119.

свыше миллиона голосов против 420 тыс. у эсеров и 200 тыс. у всех остальных партий и групп [133]. В лагере, противостоявшем делу мира, была в отчаянии цеплявшаяся за жизнь Россия помещичье-буржуазная, а с нею правящие классы держав Антанты и Америки. И именно в том состояла для этой России опасность успехов Советской власти в борьбе за мир, что они влекли за собой переход на сторону большевиков всех обманутых солдат, которые еще колебались или даже без колебаний шли пока за эсерами и прочими оборонцами.

В обоих лагерях не было ни малейшей недооценки важности наступившего момента. Но ни запугиванием, ни задержкой экспедиции Крыленко Ставке и союзным империалистам не удалось предотвратить решительных действий Советского правительства; надежда оставалась у них только на германских империалистов, которые могут тоже не признать его и ответить отказом на предложение о переговорах. Независимо от исхода пребывания советских парламентеров у немцев и Духонин и иностранные миссии при Ставке были озабочены тем, чтобы не возникло трещины в их взаимоотношениях. После того как в Ставке стал известен разговор Станкевича с Крыленко, в союзных миссиях, по всем признакам, возникло опасение, как бы Духонин, чего доброго, не смалодушничал и не согласился дать приказ хотя бы о временной, до возвращения парламентеров, приостановке военных действий. В целях, очевидно, моральной поддержки Духонина и внушения ему большей твердости представитель армии США при русской Ставке подполковник М. Керт сделал ему официальное заявление о том, что правительство США «определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией» [134]. В свою очередь, уведомленный Станкевичем, что в случае согласия немцев на сделанное парламентерами предложение «переговоры, по словам Крыленко, должны будут прерваться и со стороны народных комиссаров последует обращение к союзным державам с запросом о согласии их на начало переговоров», Духонин забеспокоился о постоянстве союзников. Намерение Совнаркома он довел до сведения представителей военных

[133] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 9—10.
[134] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 233.

миссий через старшего из них — начальника миссии Великобритании при Ставке генерала Бартера. Духонин тут же заверил союзников, что до решения вопроса о перемирии и мире «полномочной центральной правительственной властью в согласии с союзными державами» он примет все доступные для него меры, «дабы не прекращать военных действий», но, закончив уже письмо, зачеркнул последние слова, заменив их всеобъемлющей формулой: «дабы не нарушить союзных обязательств» [135].

Парламентеры вернулись в свои окопы раньше, чем предполагалось,— около полудня 14 ноября. Ответ германского верховного командования на советские предложения был получен в штабе дивизии Гофмейстера еще вечером 13-го; оно соглашалось вести переговоры о перемирии на принципах, изложенных русским верховным главнокомандующим в выданном парламентерам письменном полномочии, и поручало генералу Гофмейстеру с участием парламентеров выработать порядок следующей встречи представителей воюющих сторон. После полуночи обе стороны подписали соглашение об условиях такой встречи, местом ее избиралась ставка главнокомандующего восточным фронтом германской армии, находившаяся на территории России, в Брест-Литовске. Встреча была назначена на 12 часов дня по среднеевропейскому времени 19 ноября 1917 г. Германское командование обязалось предоставить для русской делегации специальный поезд и прямой провод для связи со своим верховным командованием. Советским представителям было заявлено, что германский верховный главнокомандующий приказал войскам прекратить стрельбу, если она не будет вызываться действиями русской стороны.

Доставленные парламентерами известия рассеивали сомнения, укрепляли надежды. Стало, как никогда, ясно, что политика мира одержала громадный успех, претворяясь в жизнь без Ставки, помимо нее и вопреки ей. Из мечты в действительность ее превращал «второй центр» действующей армии, уполномоченный на то Советом Народных Комиссаров. Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко немедленно издал приказ по армии и флоту о прекращении перестрелки на всем фронте, бое-

---

[135] Там же, с. 234.

вые действия разрешались только ответные. Меры же против тех, «кто становится на дороге в борьбе за мир», советский главковерх предоставлял выбирать самим армейским низам: «Всякого, кто будет скрывать или противодействовать распространению этого приказа, предаю революционному суду местных полковых комитетов вне обычных формальностей» [136].

Оценивая впоследствии успех первых переговоров с неприятелем, Крыленко писал: «Парламентеры были приняты, переговоры начаты и пушки замолкли. Советская власть сдержала свое первое обещание — *война* на фронте *прекратилась*... Революционная власть возвращалась из Двинска с сознанием свершенного великого дела. Международный фронт империализма был прорван. Россия выходила из войны и в то же время выходила с армией, обретшей новую веру и спасенной этим» [137].

Совет Народных Комиссаров, добившись согласия германских властей на переговоры, сразу же выступил с обращением к народам воюющих стран. В обращении на весь мир было возвещено: «Военные действия на русском фронте по обоюдному согласию приостановлены»; «Решающий шаг сделан. Победоносная рабочая и крестьянская революция в России поставила вопрос о мире ребром. Период колебаний, оттяжек, канцелярских соглашений закончен. Сейчас все правительства, все классы, все партии всех воюющих стран призваны ответить категорически на вопрос: согласны ли они вместе с нами приступить 19 ноября (2 декабря) [138] к переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире. Да или нет!» СНК указывал, что представители правящих классов союзных стран ответили на его предложение отказом. Теперь, когда германская сторона согласилась вести мирные переговоры, оставшиеся до них пять дней специально предусматриваются, чтобы союзные правительства имели возможность окончательно определить свое отношение к переговорам. Если же они и после этого не пришлют своих представителей, Советское правительство вынуждено будет вести переговоры с немцами без союзников. «Мы хотим всеобщего

---

[136] «Исторический архив», 1957, № 5, с. 160.

[137] *Крыленко Н. В.* Смерть старой армии.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, с. 59.

[138] В документе: «1 декабря» (неточный перевод на новый стиль).

мира,— заявляло оно.— Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падет целиком на нее». Совнарком обращался к народам, к трудящимся классам обеих коалиций, призывая их не позволить реакционной дипломатии «упустить великую возможность мира, открытую русской революцией» [139].

Срыв переговоров о перемирии, дискредитация Советского правительства перед народом,— эту задачу буржуазия и помещики выдвинули теперь на первый план политической борьбы. Кадетские «Русские ведомости» откликнулись на последние известия о борьбе за мир передовой «Война с врагами и союзниками». Называя Совет Народных Комиссаров не более как «лицами, правящими Петроградом», орган московской буржуазии писал: «Спасение наше пока все в том, что лица эти вовсе не признаны за правителей всей Россией и что союзники готовы дать России время создать себе другую власть... В России найдутся силы, способные скоро передать правление страной в другие руки...» [140] Надо полагать, что «Русские ведомости» не голословно уведомляли свою аудиторию о готовности союзников предоставить России время «создать себе другую власть», успокаивая тем самым всякого, кто опасался бы «выступления союзников войной против нас». Центральный комитет кадетской партии одновременно с заявлением своего московского рупора официально направил союзным послам постановление, в котором говорилось: «Партия народной свободы объявляет, что никакие предложения и обращения к союзным и враждебным державам, исходящие от незаконной власти большевиков, совершенно не выражают воли русского народа и ни в каком отношении не могут считаться связывающими государство Российское». Может быть, получив такую прокламацию, союзные послы, отказывавшиеся признать Советское правительство, проявили последовательность и оставили без внимания призыв самочинного представительства «русского народа» и «государства Российского»? Напротив, к партии кадетов их отношение было иное: товарищ председателя ЦК этой партии М. М. Винавер получил от послов Франции и Сербии уведомления, что они

---

[139] Декреты Советской власти. Т. 1, с. 86—88.
[140] «Русские ведомости», 1917, 15 ноября.

передали кадетскую резолюцию своим правительствам, а сербский посол, расшаркиваясь, признал ее «новым доказательством, что партия народной свободы действительно представляет ум, сердце и душу русского народа» [141].

Кадеты позаботились и о том, чтобы создать для проектируемой ими власти видимость опоры на волю народа, не признающего якобы ни правительства большевиков, ни столь же «незаконного» сепаратного мира или перемирия. Самый что ни на есть «народ», чьи «ум, сердце и душу» представляли кадеты, тоже высказался на страницах их московского органа с «Протестом против сепаратного мира». Под этим заголовком писалось: «Признавая, что насильственный захват власти большевиками создал неплановерное состояние, нарушившее преемственность законного порядка, Всероссийский союз торговли и промышленности от имени обширнейшего производительного класса России заявляет, что обращения и предложения союзным и враждебным державам со стороны незаконной власти большевиков совершенно не выражают воли русского народа и ни в каком отношении не могут связывать государства Российского». Вторая половина этого заявления руководимой Рябушинским организации, как можно заметить, слово в слово совпадает с текстом постановления кадетов, отправленного союзным послам. Но это не случайное совпадение мыслей головки «обширнейшего производительного класса» и кадетского ЦК.

Вспомним, что еще в первые дни Февральской революции кадетская верхушка заботилась о том, чтобы закрепить документами «преемственность» и «законность» власти Временного правительства. Теперь за тезис о нарушении большевиками «преемственности законного порядка» ухватилась организация миллионера Рябушинского. В такой преемственности Всероссийского союза торговли и промышленности от кадетского ЦК нет ничего удивительного: ЦК кадетов опубликовал свое постановление еще раньше, до пересылки его союзным послам, присовокупив, что «партия народной свободы обращается с просьбой ко всем партиям, организациям, учреждениям и группам, разделяющим эту точку зрения, выразить свой взгляд в соответствующих декларациях» [142]. Торговцы и

[141] «Русские ведомости», 1917, 15 ноября.
[142] «Русские ведомости», 1917, 9 ноября.

промышленники решили, как видно, что лучше ЦК кадетов «обширнейший производительный класс» не сможет выразить свой взгляд. Они просто-напросто списали свою декларацию с кадетского постановления, но, не осведомленные в плутнях кадетов при оформлении «преемственности» власти, повторили вслед за ними казавшееся серьезным обвинение большевиков в нарушении «преемственности законного порядка», а затем из-за той же, видимо, неосведомленности, попали впросак: в кадетском постановлении речь шла о *неправомерном* состоянии, нарушающем преемственность власти в результате завладения ею большевиками, а торговцы и промышленники заявили о «непланомерном состоянии» и такой небрежностью чуть не обессмыслили кадетскую подсказку. Но этот мелкий казус нисколько не портил единодушия торгово-промышленной буржуазии («народа») с выразителями ее «ума, сердца и души». Единодушие подтверждалось и концовкой «протеста» союза капиталистов, в которой большевикам приписывалась попытка «войти в сепаратные мирные переговоры», а уже эта попытка объявлялась «актом преступного вероломства, к которому русский народ останется непричастным» [143].

Никакие «психические» атаки не могли заставить большевиков отказаться от решения важнейшего вопроса, поставленного историей в порядок дня. За два дня до начала переговоров Совет Народных Комиссаров напомнил о них дипломатическим представителям союзных держав, подтвердив, что он по-прежнему «считает необходимым единовременное ведение переговоров со всеми союзниками в целях достижения скорейшего перемирия на всех фронтах и обеспечения всеобщего демократического мира» [144]. Но, как и прежде, ответа от держав Антанты не последовало. Убеждаясь, что наряду с обструкцией советских предложений они не оставляют не совместимых с международно-правовыми нормами способов действий, Советское правительство выступило с заявлением. В нем констатировалось, что военные представители союзных стран (подполковник Керт и генерал Лавернь) «сочли возможным обратиться с официальными документами к бывшему

---

[143] «Русские ведомости», 1917, 16 ноября.

[144] Внешняя политика СССР. 1917—1944 гг. Сборник документов. Т. 1, М., 1944, с. 18.

верховному главнокомандующему генералу Духонину, смещенному Советом Народных Комиссаров за неподчинение Советской власти, причем военные представители союзных стран позволяют себе призывать генерала Духонина вести политику, прямо противоположную той, какую ведет Совет Народных Комиссаров». СНК указывал на нетерпимость таких действий в дальнейшем. «Советская власть, ответственная за судьбы страны,— говорилось в заявлении,— не может допустить, чтобы союзные дипломатические и военные агенты, во имя тех или других целей, вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны» [145].

Таким образом, объединение внутренней и внешней контрреволюции, складывавшееся в дооктябрьское время, на почве общих интересов окрепло в борьбе против диктатуры пролетариата. Особенно сплачивала эти две силы их совместная борьба против рабоче-крестьянской власти вокруг самого острого вопроса общественной жизни того времени — о прекращении империалистической войны и установлении демократического мира. Вмешиваясь дипломатическим путем во внутреннюю жизнь нашей страны на стороне свергнутых эксплуататорских классов, международный империализм уже тогда предвосхитил вмешательство в гражданскую войну в России своими вооруженными силами в 1918 г.

В ноябре 1917 г. для обосновавшихся в Ставке генералов и их единомышленников было удивительно, как легко обошелся Крыленко с угрожающими нотами союзников. Для придания большего эффекта Духонин в разговоре со Щербачевым усилил слова народного комиссара, переданные Болдыревым [146]. «На союзников,— сказал будто бы Крыленко,— не стоит обращать никакого внимания, все равно они фактически сделать ничего не могут и только запугивают зря» [147]. Ему, видимо, казалось, что такой передачей он доводит сказанное Крыленко до абсурда, и внушает Щербачеву, что «преступность подобной пропаганды» делает неизбежным «выступление союзников против нас», как он только что говорил Марушевскому. Но слова Крыленко содержали вполне серьезный

---

[145] Документы внешней политики СССР. Т. 1, с. 33.
[146] См. с. 188 настоящей книги.
[147] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 229.

смысл. В брошенном, как бы мимоходом, ответе была выражена твердая оценка положения, сложившаяся еще до октября 1917 г. Большевиками еще тогда был взвешен даже тот случай, когда ни одно воюющее государство не примет предложения мира или перемирия, сделанного Советским правительством. Буржуазия запугивала народ тем, что, мол, «английские и др. капиталисты, в случае разрыва нашего теперешнего, грабительского союза с ними, способны нанести серьезный вред русской революции». Ленин доказывал вздорность такого предположения. Ни вместе с немцами, ни одни союзники не могли двинуться против России, когда она предложит справедливый мир: война против нее была бы слишком непопулярна в массах; капиталистам помешали бы и противоречия между ними, наконец, нам это не так и страшно «уже в силу географического положения России» [148].

Так что Духонин, Болдырев и их окружение пользовались старыми приемами буржуазной пропаганды. У большевиков была продуманная и ясная позиция, вытекавшая из марксистского анализа международных условий развития социалистической революции в России. Действительность подтвердила их прогноз: в те дни, недели и месяцы, когда шла отчаянная борьба за мир, державы Антанты не пошли войной на Советскую Россию. Они объединились против нее с русской буржуазией и помещиками, но борьба двух враждующих империалистических коалиций отвлекла на время их силы от России, и Советская республика получила возможность сосредоточить внимание на подавлении внутренней контрреволюции. В качестве неотложной задачи вставала ликвидация организующего центра вооруженной борьбы против власти Советов — духонинской Ставки.

В тайне от войск

Мы уже знаем, что в идее «лужского кулака» и в сменившем ее плане сосредоточения войск в районах Везенберг, Невель, Старая Русса, Вязьма была одна общая основа: «стягивать там кулак,

[148] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 226, 233—234.

угрожая оттуда Петрограду, но не двигаясь сейчас на Петроград, чтобы не распылять сил и выждать лучшей обстановки как в смысле подхода с юга подкреплений, так и внутреннего разложения большевизма» [149]. Несколько иные сведения об этом плане дает М. И. Капустин. «Когда выяснилось,— пишет он,— что Советская власть не позволит создать в районе Луги ударный кулак контрреволюции для походов на Петроград, Ставка решила осуществить новую попытку использовать некоторую часть Северного фронта с целью разгрома Советской власти в Москве» [150]. Здесь надо обратить внимание на то, что после краха идеи «лужского кулака» Ставка, по утверждению М. И. Капустина, решает перенести свои главные усилия с Петрограда на Москву. В последующем изложении эта мысль развертывается и конкретизируется. М. И. Капустин пишет: «Вечером 5 ноября Духонин приказал подчинить 17-й корпус непосредственно Ставке и собрать его в районе Великие Луки — Невель. В дальнейшем в этот район и район Витебск — Орша Ставка стягивала части 3-го конного и 22-го армейского корпусов, а также казачьи части, находившиеся в армиях Северного фронта. Здесь замышлялось создание сильной ударной контрреволюционной группировки с первоочередной задачей — удушить Советскую власть в Москве. Позорно провалившись под Петроградом, контрреволюция повернула фронтом к Москве, где 2 ноября победила социалистическая революция». Автор не посвящает читателя в источники столь категорических утверждений. Пока был известен один источник сведений о замыслах контрреволюции,— разговор графа Толстого с Барановским, который состоялся 5 ноября (как раз в то время, к которому относится излагаемый М. И. Капустиным план), однако оснований для таких утверждений он не дает. Толстой говорил, конечно, о «лужском кулаке», а не о каком-нибудь новом плане. Но и для характеристики плана создания «лужского кулака» М. И. Капустин названный документ не привлекает, поскольку вообще не касается связи Ставки с «Комитетом спасения родины и революции».

---

[149] См. с. 152 настоящей книги.

[150] *Капустин М. И.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957, с. 264.

Заканчивая изложение замысла нового плана, М. И. Капустин упоминает документ, послуживший ему источником дополнительных сведений к плану. «Помощь в «крестовом походе» трех корпусов (имеются в виду перечисленные ранее 17-й, 3-й конный и 22-й армейский корпуса.— *В. П.*) на революционную Москву,— пишет он,— должны были оказать другие контрреволюционные части, собранные на Северном и Западном фронте. Директивной запиской от 14 ноября Ставка поставила перед штабом Северного фронта задачу: собрать все контрреволюционные части и, ослабляя и дезорганизуя фронт, двинуться с ними через Псков и Бологое на Москву. В задачу реакции входило объединение частей Северного и Западного фронтов. В районе Великих Лук сосредоточился 3-й конный корпус» [151]. Документ, названный здесь, опубликован в 1970 г. И. С. Лутовиновым. Это директивная записка Духонина от 14 ноября, переданная генералом для поручений Левицким замещавшему главкосева (после отъезда из Пскова Черемисова до прибытия вызванного им из Валка преемника — генерала Я. Д. Юзефовича) генералу С. Г. Лукирскому. Она гласит: «В том крайнем случае, если связь со Ставкой будет окончательно потеряна, между тем обстановка на фронте сложится так, что армии, потеряв свою устойчивость, откроют фронт, то пределом их движения в тыл должна служить Наровская позиция, озеро Чудское, Псково-Островские позиции и укрепленная линия, прикрывающая направление на Бологое — Москва. Обеспечение этого фронта должно заключаться в прочном удержании важнейших путей с целью нашего господства на путях, идущих с запада на восток на указанном фронте» [152].

Здесь не видно того замысла, о котором сообщил М. И. Капустин, указывая, будто этой директивой ставилась задача «собрать все контрреволюционные части и, ослабляя и дезорганизуя фронт, двинуться с ними через Псков и Бологое на Москву». В директиве, наоборот, речь идет о том, чтобы в случае, если армии фронта потеряют

---

[151] Там же, с. 264—265.

[152] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1614, л. 10. От Левицкого директивную записку припял в Пскове В. Л. Барановский. В работе И. С. Лутовинова в текст этой директивы вкрались некоторые неточности.

устойчивость и двинутся в тыл, преградить им путь на указываемом Ставкой рубеже, причем в рубеж входит и укрепленная линия, прикрывающая направление с запада на Бологое — Москву. Подразумевать скрытый в директиве иносказательный смысл вряд ли есть основание: это не агитационная листовка, рассчитанная на широкую огласку, а оперативный документ, доводившийся лишь до штаба фронта, и точность постановки в нем задачи не терпела какого-нибудь иного ее толкования. И. С. Лутовинов комментирует директиву следующим образом: «За туманными фразами этого документа выясняется намерение Ставки сосредоточить на участке от Нарвы до Великих Лук контрреволюционные войска, которые не должны были допустить удара со стороны революционных частей по флангу наступающей на Москву крупной ударной группировки, создаваемой в районе Великих Лук — Невеля — Витебска — Орши» [153]. Таким образом, И. С. Лутовинов также усматривает здесь признаки намечавшегося наступления «крупной ударной группировки» на революционную Москву.

Различить в директиве скрытый якобы «за туманными фразами» истинный смысл позволяет И. С. Лутовинову директивная записка Духонина от 15 ноября, принятая по телеграфу уже прибывшим генерал-лейтенантом Юзефовичем. Вот ее полный текст: «В дополнение директивы от 14 ноября 13 час. 30 мин., переданной через генерал-майора Левицкого, считаю необходимым сообщить: в том случае, если деморализация войсковых масс достигнет высшего предела и приведет к самочинному, срыву [с] занимаемых позиций войск Северного фронта и к началу гражданской войны, то при недостатке войск, верных долгу, для выполнения задачи, указанной вам 14 ноября в директивной записке, вам надлежит с верными национальной чести России войсками прикрывать направление Псков— Бологое, обеспечивая подступы к Москве с севера и северо-запада, имея в виду, что Россия будет продолжать борьбу до решения Учредительного собрания или правительственной властью, опирающейся на большинство страны. Левее вас в этой крайней обстановке, прикрывая пути с запада на Москву, в районе Невель —

[153] *Лутовинов И. С.* Установление Советской власти на северо-западе России. Воронеж, 1970, с. 254.

Витебск — Орша образуется группа 17-го и 22-го корпусов и 2-й Кубанской дивизии под общим начальством комкора-17, в задачу коей входит также присоединить к себе части верных войск Западного фронта, если бы этот фронт поддался также полной деморализации. Силой оружия людей, покидающих самовольно фронт, когда он сдвинется с места и хлынет в глубь страны, не допускайте в глубь России, если они будут уносить с собой оружие, или предварительно обезоруживайте их. В этой крайней обстановке мы должны спасти Москву и юг России от гражданской войны. 15 ноября 18 час. 30 мин. Духонин» [154].

И. С. Лутовинов считает, что директивой от 15 ноября «окончательно раскрывается» содержащееся в первой директивной записке «завуалированное» контрреволюционное намерение Ставки. Разделяя в истолковании ее замысла точку зрения М. И. Капустина, И. С. Лутовинов высказывает и собственную гипотезу. «Эти документы,— пишет он,— свидетельствуют о том, что после поражения корниловских войск под Петроградом контрреволюция стремилась повернуть фронт против Москвы. Замысел Ставки состоял в том, чтобы с помощью сильной ударной группировки, которая должна была объединить сотни тысяч отборных корниловских и других «надежных» войск, задушить только что победившую революцию в Москве и, отрезав с северо-запада и юга от людских и материальных ресурсов революционный Петроград, уничтожить Советскую власть» [155]. Этим предположением центр тяжести контрреволюционного плана возвращается все же к Петрограду, хотя и новый поворот дела никакими данными не обосновывается.

Для того чтобы истолкование директивных записок Духонина от 14 и 15 ноября было убедительным, необходимо иметь ответы на некоторые вопросы. Прежде всего: почему «позорно провалившись под Петроградом» (Капустин) или «после поражения корниловских войск под Петроградом» (Лутовинов) контрреволюция повернула свои силы от Петрограда на Москву, где также «2 ноября победила социалистическая революция» (Капустин)

---

[154] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 1, д. 533, л. 209—210. Текст этой записки воспроизведен И. С. Лутовиновым (с. 255 указ. соч.), как и в предыдущем случае, с некоторыми неточностями.

[155] *Лутовинов И. С.* Указ. соч., с. 255.

и где от них также требовалось «задушить только что победившую революцию» (Лутовинов)? Ведь если считать причиной поворота их от Петрограда поражение, понесенное ими там, та же причина должна бы сохранить свое действие и в отношении Москвы, т. е. раз они потерпели поражение и в Москве, то должны были повернуть куда-нибудь от Москвы так же, как повернули от Петрограда. Если же целью контрреволюции было «задушить только что победившую революцию в Москве», то почему бы могла отпасть та же цель в отношении Петрограда? Возникает и другой вопрос: какие есть основания считать, будто в директивной записке от 14 ноября «туманными фразами» завуалировано контрреволюционное намерение Ставки, а директивная записка от 15 ноября, дополняющая первую, наоборот, носит настолько откровенный характер, что даже позволяет раскрыть «завуалированное» в первой? Есть еще такая неясность: из второй записки видно, что Ставка задавалась целью «спасти Москву и юг России от гражданской войны»; если это принять за стремление контрреволюции «повернуть фронт против Москвы», то почему не усматривается такого же ее намерения против названного в том же самом смысле юга России? Если на это не было намека в первой записке, то ведь вторая как будто «развуалирует» первую и дает новые сведения? Ответы на эти вопросы не дают ни сами директивы, ни другие документы, во всяком случае ни М. И. Капустин, ни И. С. Лутовинов никаких данных, чтоб рассеять недоумения, не приводят, оставляя свой анализ неаргументированным.

Чтобы судить о планах Ставки, выраженных в директивных записках 14 и 15 ноября, важно знать, какую информацию она получила с фронтов накануне. Вспомним, что в разговоре с Черемисовым в ночь на 13 ноября Духонин оценивал сложившуюся обстановку как «очень близкую к катастрофе». Черемисов, прося отчислить его в резерв по болезни, ничем его утешить не мог. Он говорил: «...Завтра или послезавтра мне будет предложено заключить мир с противником на фронте, и, если я на это не соглашусь, то командование окончательно вывалится из моих рук... Никаких операций не предвидится, кроме разве поголовного бегства с фронта» [156].

[156] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 225.

Вечером же 13 ноября генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта Малявин, пытавшийся было заменить Балуева, телеграфировал Духонину: «...В армиях, конечно, полный развал, вся власть постепенно переходит в руки большевиков... Фронт в настоящее время совершенно небоеспособен...» [157] Рано утром 14 ноября Духонин мог ознакомиться с лентой разговора Кусонского с помощником генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта Н. В. Сологубом. «Положение в районах фронта ныне следующее,— докладывал тот.— Фактически вся власть в штабе фронта находится в руках партии большевиков... Вечером сегодня под угрозой насилия отстранен генерал Малявин». Сологуб сказал, что члены ВРК фронта, в том числе принявший командование фронтом подполковник Каменщиков, «решительно не признают главковерхом Духонина, считают таковым прапорщика Крыленко», а на фронтовом съезде, назначенном на 20 ноября, намечено произвести выборы главкозапа. В связи с этими обстоятельствами Сологуб обратил внимание Ставки на возможность для оставшихся «верными долгу» штабных офицеров «полной потери оперативной связи со Ставкой и армиями». Симптоматичен ответ ему Кусонского: «...Ваше положение, особенно теперь, совершенно ясно и в дальнейшем при отдаче распоряжений мы его будем учитывать» [158]. Заметим, что этот разговор шел в четвертом часу утра 14 ноября.

Предупреждение Сологуба о возможности полной потери связи надоумило Ставку. Там спохватились, что связь может быть потеряна и с Северным фронтом. Нужно было быстрее дать на этот случай указания, пока и там не появился какой-нибудь Каменщиков. Было не до обстоятельной директивы — на первый случай могла сойти и короткая записка об образе действий «в том крайнем случае, если связь со Ставкой будет окончательно потеряна». Она передавалась главкосеву через несколько часов после разговора Кусонского с Сологубом. На следующий день еще сохранялась возможность передать вторую записку, и директива была дополнена. Штабу же Западного фронта после красноречивой приписки минского

---

[157] Там же, с. 231.
[158] Октябрьская революция и армия, с. 116—120.

телеграфиста на телеграмме Малявина [159] передавать такую записку было не то что рискованно, а прямо-таки немыслимо: она неизбежно попала бы в руки большевиков и осведомила бы их о замыслах Ставки. Секретность оберегалась так, что оба документа не проходили даже через канцелярии и передавались по прямому проводу генералом для особых поручений из рук в руки надежным лицам. Отсутствие на первой записке номера и даты и наличие только даты на второй особенно бросится в глаза, если вспомним, как держался за подобные обозначения в другом случае, всего пять дней назад, тот же Духонин.

Выше уже выяснялся взгляд Духонина и его единомышленников на происходившие в стране революционные события. Только учитывая этот взгляд, можно разобраться в замысле Ставки, изложенном в директивных записках от 14 и 15 ноября.

За десять дней, прошедшие с тех пор, как пришлось отказаться от замысла «лужского кулака», обстановка изменилась далеко не в лучшую для них сторону. Уже нечего было думать о сосредоточении «здоровых» сил и в удаленных от большевистских центров районах — Везенберге, Невеле, Старой Руссе, Вязьме. Бесполезно надеяться на подход подкреплений с юга: кто их пропустит теперь, если и раньше Псков оказался непреодолимым для них порогом? Затягивалось «внутреннее разложение большевизма», отдаляя благоприятный момент для применения «здоровых» войск. Небывалое «разложение» постигло войска Северного и Западного фронтов. Вследствие этого оказался совершенно захлестнутым волной «разложения» Везенберг, отпадали Вязьма и Старая Русса. В Минске не удержался даже «номинально» ни Балуев, ни кто-либо другой из угодных Ставке его преемников. В Пскове нет теперь и Черемисова, который при всей его строптивости как-то умел все-таки ладить с комитетами, нет и бывших прежде «благомыслящих» комиссаров и с каждым днем в бо́льшую силу входит поставленный Крыленко Позерн. Во всех армиях хозяйничают военно-революционные ко-

---

[159] Она была передана в Могилев всего за два часа до разговора Кусонского с Сологубом, Сологуб же разговаривал уже не из штаба фронта, а, по его словам, «из совершенно нейтрального места» (Октябрьская революция и армия, с. 119).

митеты. Приезд Крыленко на Северный фронт стал дурным знаком для Ставки хотя бы уж потому, что не нашлось никаких способов, никаких сил задержать его, не допустить до фронта, пресечь его опасную для контрреволюции, а для «черни» желанную пропаганду.

В смысле «чисто оперативном» главная беда, неотвратимо усугублявшаяся на глазах, понятная лишь посвященным в свое время лицам, состояла в том, что совершенно расползалась основа «лужских» и иных «кулаков», подготовлявшаяся долгое время и впрок, которую большевики окрестили «второй корниловщиной». Сосредоточение войск и материальных средств по тому плану готовилось заблаговременно, в условиях, когда бразды правления держали в руках надежные генералы, штабы не были так дезорганизованы, а солдатам любое передвижение войск еще можно было объяснить оперативными соображениями, вытекающими из планов «защиты отечества» от немца. Тогда удалось кое-что успеть сделать — теперь все это рассыпáлось. Каждую минуту все избранные прежде районы сосредоточения могли быть захлестнуты бегущими с фронта солдатскими толпами. Теперь совсем исчезли условия для такой же кропотливой подготовки сколько-нибудь солидного предприятия. Нет власти, на которую можно было бы опереться. Она найдется: сговорятся политические партии, принесут свои партийные интересы в жертву «общенациональной» идее — и создадут правительство, которое первым долгом, конечно, положит конец «анархии», втянет страну в «нормальную» колею и обретет на этом пути поддержку и помощь союзников. Власть нужна по крайней мере для того, чтобы обеспечить наилучшие условия для созыва Учредительного собрания, а уж оно-то окончательно установит «твердый порядок». Тогда, разделавшись с большевиками, за зиму можно будет реорганизовать армию и весной, в единении с союзниками, возобновить военные действия. Нужно только дотянуть до момента, когда все это станет исполняться, удержаться хотя бы «номинально», не допустить — теперь уже не развала фронта, он развален,— не допустить, чтобы вооруженная, «развращенная» большевиками масса хлынула с фронта в глубь России и похоронила все эти надежды. Ведь именно на массу — на «вооруженный народ», а не на строго дисциплинированную армию, рассчитывают большевики, бросая в народ свои лозунги.

Не дать им «вооруженного народа»; разоружить его, если он, прослышав о перемирии, хлынет в тыл.

Та «смута», те «бунты» и «беспорядки», которые там возникали, — все подобное уже было — и в пятом году и много раз потом и совсем недавно,— но все это не раз и подавлялось, и будет ликвидировано снова. А вот если начнется гражданская война, то есть уже не стычки казаков с какими-нибудь «мастеровыми» да с «мужиками», а самые настоящие боевые действия между большими частями по всем правилам организованной армии, если такая война, начавшись на фронте, перенесется в тыл, с нею уже трудно будет совладать. Главная задача, одним словом,— оградить центральную Россию и юг от гражданской войны. Эта идея, легшая в основу двух директивных записок Духонина, была не нова и родилась не экспромтом. Теперь нужно было не упустить времени, чтобы довести ее до тех, кто должен приводить ее в исполнение, пока толпы солдат не двинулись в тыл и не потеряна связь.

Эта идея созревала еще тогда, когда Ставка была одержима замыслом парализовать так называемое «латышское движение». Речь шла в данном случае о латышских стрелках. «Важнейшая боевая единица [12-й] армии,— читаем в записках участника тех событий,— две бригады латышей были сплошь большевистскими и укомплектованы как самостоятельные боевые и политические единицы во главе с Исколастрелом — исполкомом латышских стрелков,— который всецело подчинялся директивам ЦК большевиков Латвии. Восемь полков по первому зову пролетариата всегда были готовы к бою» [160].

В дни, когда Ставка собирала с фронтов, в особенности с Северного, силы на подкрепление войскам Керенского — Краснова, двигавшимся на Петроград, Военно-революционный комитет района 12-й армии взял власть в свои руки, вызвал с фронта революционные латышские полки и приказал им занять города Венден, Вольмар и Валк, где располагались главные в этом районе центры контрреволюции (в Валке стоял штаб 12-й армии с армейским комитетом — Искосолом — под председательством меньшевика Тумаркина и образовавшимся там же в про-

[160] *Драудин Т.* Рижский фронт в октябре 1917 года. (Факты и документы). М., 1922, с. 24.

тивовес ВРК «Комитетом спасения родины и революции») и где производилась погрузка войск для отправки к Краснову. 1-й полк разместился тогда в Вендене (ныне — Цесис), где находился ВРК района 12-й армии, 5-й двинулся в Вольмар (ныне — Валмиера), 6-й — в Валк (ныне — Валга). И вот что сделали эти полки: «Расстояние Валка от Вендена — 80 верст — было пройдено шоссейной дорогой. По пути движения [6-й] полк занимал все железнодорожные станции и оставлял пикеты. Все эшелоны на железнодорожной линии были разгружены. Образцово была произведена разгрузка эшелонов в Вендене и Вольмаре. Незаметно вооруженные стрелки проникли в вокзалы, заняли все помещения, боевой цепью окружили вагоны эшелонов, наставили ружья и приказали казакам и кавалеристам оставить вагоны, что и было исполнено. Так вся линия от Вендена до Вольмара перешла в руки стрелков. Снять и двинуть какую-либо часть в Петроград штаб 12-й [армии] и Искосол были не в силах» [161]. Добавим, что в Вендене было разоружено и арестовано все контрреволюционное офицерство, во все роты, полки и дивизии назначены эмиссары ВРК, на телеграф, вокзалы и в другие учреждения поставлены комиссары с широчайшими полномочиями [162].

Известия о происходящем своевременно доходили до штаба Северного фронта и Ставки. 5 ноября Барановский докладывал Духонину: «...Несмотря на приказ армии латышским полкам вернуться па свои места они, руководимые Военно-революционным комитетом, этого не исполнили... Командарм-12 полагает, что латыши являются слепым орудием в немецких руках. Один офицер доложил командарму-12, что комполка 5-го Латышского полковник Вацетис, вступивший ныне по распоряжению Военно-революционного комитета в командование 2-й Латышской бригадой, лично сказал этому офицеру, что 6-й полк имеет задачей утвердиться в Валке, арестовать штаб, что Военно-революционный комитет преднаметил чистку штаба... Генерал Юзефович, сообщая обо всем изложенном, доносит, что бороться с организованным движением латышских полков для захвата власти и важных уз-

---

[161] Там же, с. 41—42.

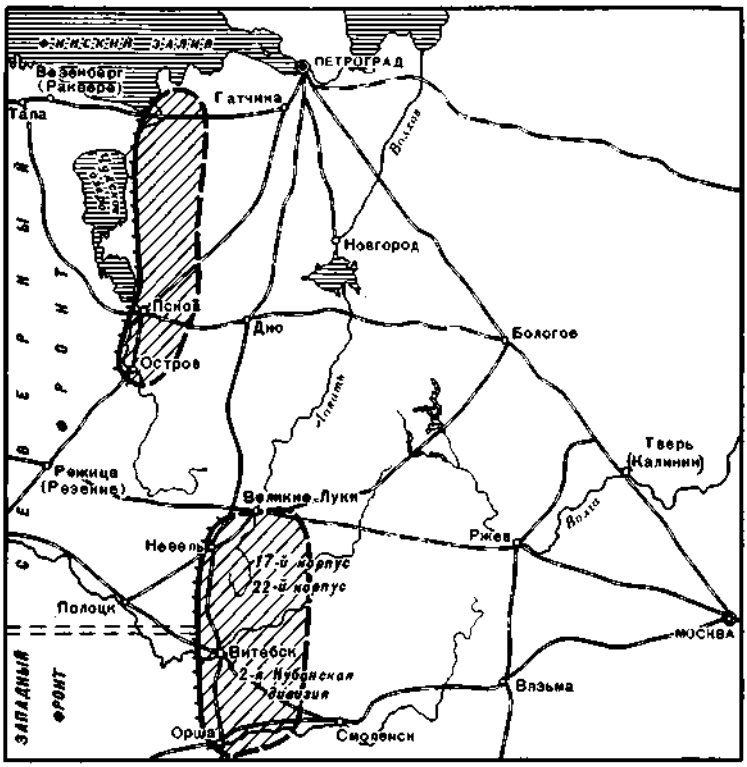
[162] Там же, с. 43. См. также: Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967, с. 302—311.

лов он бессилен, так как в его распоряжении нет ни сил, ни влиятельных организаций политических и общественных, на которые он мог бы опираться»[163]. Донесения об этом Духонин получал и раньше, и уже 3 ноября спрашивал Черемисова, как и чем он предполагает противодействовать «развивающемуся латышскому движению», учитывая, что в борьбе против него нельзя рассчитывать ни на войска Петроградского гарнизона, ни на 49-й корпус, который, «придя в соприкосновение с прибрежными гарнизонами, значительно утратит свою боеспособность», ни на совсем небоеспособный 3-й конный корпус. И Духонин рекомендовал Черемисову преподнести Псковскому ревкому для объяснения причин сосредоточения 17-го корпуса у Луги возникшую в связи с «латышским движением» необходимость «обеспечить оборонительную линию озер»[164]. А 5 ноября на бланке своего разговора с Барановским он наложил резолюцию: «Положение серьезное. Главкосеву надлежит сосредоточить главный кулак за 12-й армией»[165].

Когда в начале директивной записки от 14 ноября Духонин мотивировал отдаваемые распоряжения вероятностью утери связи Ставки с фронтами, он указывал, конечно, на обстоятельство производное и, к тому же, в большой мере предполагаемое. В основании же его опасения лежал фактор реальный и уже давший себя знать: стремительно усиливавшаяся большевизация армий Северного и Западного фронтов. Речь теперь уже шла о преграждении пути в тыл не «латышскому движению» и даже не 12-й армии, о чем распорядился главковерх 5 ноября. Движение приняло такой масштаб, что ограждать Россию нужно было от войск обоих фронтов в целом. Мало того, Духонин считал, что восток страны тоже не устоял перед «анархией» и один лишь юг остается «во власти фронта», то есть поддерживает «законную» фронтовую власть, что выражается по крайней мере в выполнении поставок продовольствия[166].

---

[163] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 127—130.
[164] «Красный архив», 1927, т. 5 (24), с. 101, 103.
[165] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 127. Передавая эту резолюцию главкосеву, Кусопский написал «грозный кулак» вместо «главный кулак» (там же, л. 125).
[166] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 224—225.

ПЛАН ПРИКРЫТИЯ ЦЕНТРА СТРАНЫ ОТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЙСК ПО ДИРЕКТИВАМ ДУХОНИНА ОТ 14 и 15 НОЯБРЯ 1917 Г.

В записке от 14 ноября, переданной, очевидно, в целях быстроты, излагалась лишь общая идея, вынашивавшаяся в Ставке, без выделения пока частной задачи Северного фронта, хотя только ему записка и передавалась. Идея состояла в преграждении движения в тыл снявшимся с позиций войсковым массам на линии от Нарвы на севере до Орши, которая являлась крайним южным пунктом названной в записке укрепленной линии. На этом фронте надлежало прочно удерживать в своих руках важнейшие пути, идущие с запада на восток. Таким указанием главкосеву давалась ориентировка в образе действий высшего командования (Ставки и главнокоман-

дующих армиями двух фронтов), определение же конкретных задач Северного фронта предоставлялось усмотрению главкосева.

Между тем связь с Псковом не была утрачена и 15 ноября. Это дало возможность разработать и поставить штабу Северного фронта частную задачу. Было учтено, что на так называемой укрепленной линии (Невель, Витебск, Орша) находились войска (17-й, 22-й армейские корпуса и 2-я Кубанская дивизия), уже выведенные из подчинения главкосеву и состоявшие в резерве Ставки. Поэтому на обязанности командования Северного фронта оставлялось прикрытие направления Псков — Бологое и обеспечение подступов к Москве с севера и северо-запада. Понятие «обеспечения подступов» уже было разъяснено в предыдущей записке (удержание в своих руках важнейших путей). Предел же «самочинного» движения войск с фронта на этом направлении подтверждался тот, который указывался 14 ноября («для выполнения задачи, указанной вам 14 ноября [в] директивной записке, вам надлежит...» и т. д.). Главкосеву, конечно, важно было знать, в каком положении окажется при выполнении этой задачи его левый фланг, и ему указывалось, что левее будет прикрывать пути с запада на Москву группа войск под общим командованием командира 17-го корпуса. Задача должна была выполняться силами войск, «верных долгу». Ясно, что командованию Западного фронта, где власть перешла в руки ВРК, подобная задача уже не ставилась. Присоединение «верных войск» этого фронта к остальным «здоровым» силам поручалось не вызывавшему никаких сомнений в «надежности» командиру 17-го корпуса генералу Шиллингу. Надо полагать, что и столь откровенно разъяснять задачи главкосеву Духонин счел возможным, учитывая, что Черемисова в Пскове уже нет.

Таким образом, поставленную задачу Ставка рассчитывала решить силами «верной долгу» части войск Северного и Западного фронтов и группы войск генерала Шиллинга. Так выглядит задача с точки зрения организационной. Но директивная записка от 15 ноября разъясняла и политический смысл задачи: загородить центр и юг России от революционных войск, не допустить их вмешательства в решение вопроса о власти, который у них за спиной намеревались по-своему решить помещики и буржуазия при помощи генералов. Помощь последних и дол-

жна была теперь состоять в том, чтобы «силой оружия» задержать «деморализованные» войска, «если они будут уносить с собой оружие», на дальних подступах к центру России, не пропустить их внутрь страны, в крайнем же случае предварительно обезоруживать.

Вопрос о значении центра и юга страны в планах военного ведомства имел свою историю. Он разрабатывался в верхах армии уже давно. Еще при царском правительстве Военное министерство начал волновать вопрос «о разгрузке Петрограда от некоторых фабрик и заводов и избытка населения», и тогда было обращено внимание на большое значение юга и центра для военной экономики: эти районы находились на известном удалении от театра военных действий, располагали угольно-металлургической базой, имели сравнительно развитую по тому времени транспортную сеть. Еще 7 августа 1915 г. на заседании правительственной комиссии по переводу в центральные губернии России промышленных предприятий представители военного ведомства предлагали эвакуировать заводы «в восточную часть Европейской России, приблизительно по линии: Тверская губерния — Москва — Севастополь» [167]. Специальная комиссия, созданная постановлением Особого совещания по обороне государства, разрабатывала меры по перемещению металлообрабатывающей промышленности Петрограда «в более центральные части России, в районы, обеспеченные дешевыми водными путями сообщения, какими являлись бы, например, местности по Волге и Оке, в которые доставка руды с Урала и нефти из Баку совершалась бы водными путями, а угля из Донецкого бассейна по железным дорогам, свободным от воинских грузов» [168]. Кроме того, Военное министерство развернуло здесь большое строительство новых предприятий, производящих вооружение и боеприпасы [169]. История перевода промышленности в эти районы с северо-запада в целом освещена А. Л. Сидо-

---

[167] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 73, ч. 1, д. 10, ч. 31, л. 2, 5 (Доклад статского советника И. Щербака управляющему Министерством внутренних дел В. А. Брюн-де-Сент-Ипполиту от 10 августа 1915 г. Подлинник).

[168] ЦГВИА СССР, ф. 369, оп. 1, д. 39, л. 28—29.

[169] См. *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, с. 133—146, 424—449.

ровым [170]. Коснемся лишь тех фактов, которые позволяют полнее раскрыть предысторию директив Ставки от 14 и 15 ноября 1917 г.

При Временном правительстве Особое совещание по обороне принимало практические шаги к сокращению военных заказов «в пределах Петроградского промышленного центра» и передаче их «на заводы, расположенные в более благоприятной обстановке в отношении снабжения топливом и сырьем». Накануне Октябрьской революции оно констатировало, что «до сих пор мера эта не могла проводиться в должном объеме», но «с усилением угрозы Петрограду» Совещание настаивало на решительных мерах к энергичному продолжению «эвакуации заказов», к «усилению производительности предприятий на юге и в центре России» и признавало, что «значение Петроградского промышленного района может быть в ближайшее время сокращено настолько, что участь его не окажет никакого существенного влияния на продолжение обороны страны» [171]. Представляя Временному правительству соображения Особого совещания, военный министр и начальник Генерального штаба направили их на отзыв в Ставку [172]. Изучив их, Духонин 21 октября поручил полковнику Кусонскому «заготовить ответ начальнику Генерального штаба, министру-председателю и председателю комиссии, что Ставка разделяет мнение, что необходимо теперь же усилить эвакуацию Петрограда, расположив заводы на юге с переносом туда центра» военного производства [173].

В деле Ставки имеется отзыв на соображения Особого совещания, помеченный на отпуске ноябрем 1917 г., но без конкретной даты, который начинался фразой: «Вполне разделяю мнение о необходимости интенсивно продолжать эвакуацию заказов из Петрограда и усилить производительность предприятий на юге и в центре России» [174]. Судя по тому, что из числа адресатов этой бумаги был уже вычеркнут исчезнувший министр-председатель, а пос-

---

[170] См. *Сидоров А. Л.* Указ. соч., с. 228—251.

[171] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 1, д. 533, л. 203. Доклад А. И. Верховского Временному правительству от 11 октября 1917 г. Подлинник.

[172] Там же, л. 202.

[173] Там же, л. 148.

[174] Там же, л. 241. Резолюция Духонина. Автограф.

ле подписи Духонина поставлена подпись «врид. генерал-квартирмейстера», можно считать, что отзыв написан после 8 ноября [175]. Так что вопрос о значении юга и центра страны снова встал перед Духониным как раз в момент, когда положение на фронте потребовало издания директив 14 и 15 ноября. Этот вопрос, как видно, не мог не повлиять на содержание директив: без Временного правительства вся ответственность за решение его ложилась на Ставку. Вполне понятно, что теперь центральному и южному районам России Духониным отводилась роль средоточия военно-промышленного потенциала не только для войны внешней, но и для гражданской войны.

Итак, мы видим, что от прежних планов создания разных «кулаков» для активных действий против революционного Петрограда Ставке пришлось отказаться. Теперь уже речь шла не о сосредоточении сил для удара по тому или иному центру страны, хотя бы и с условием выжидания благоприятного для него момента, а о прикрытии от революционных войск главных районов страны, где имелись еще и должны были выступить силы, способные продолжать борьбу на стороне эксплуататорских классов. Но это была пока лишь надежда, защита же районов, где только ожидалась ее реализация, при отсутствии точных данных о «верности долгу» войск, предназначенных для такой защиты, делала новый замысел Ставки более сомнительным, чем прежние. Очевидно, мы имеем дело с предвестником окончательного краха планов «второй корниловщины». Если «лужский кулак» был их прямым детищем, хотя и с запоздалым исполнением, если замысел сосредоточения войск в районах, удаленных от революционных центров, принятый после 6 ноября, опирался на части, вытребованные с Румынского и Юго-Западного фронтов все по тем же планам, то теперь остатки этих войск, собранные в Невеле, Витебске, Орше оказывались переориентированными на выполнение другой — уже оборонительной задачи. Но вскоре же выяснилось, что и они не надежны в борьбе против «деморализованных» войск, которым должны были преградить путь.

---

[175] В этот день Дитерихс приказом по управлению генерал-квартирмейстера сложил с себя обязанности генквартерверха и передал их генерал-майору В. Е. Скалону (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. I, д. 35, л. 33).

А это уже означало фактическое и окончательное крушение «второй корниловщины».

И все же план, изложенный в директивных записках Духонина 14 и 15 ноября, показывал, что контрреволюция не собирается складывать оружия, что она пока не исчерпала своих сил в борьбе против власти Советов и не отказалась от мысли испытать счастье в гражданской войне.

Еще совсем недавно Черемисов высказывал Духонину свои опасения относительно вовлечения войск в гражданскую войну. «Большевистская партия широко вела и ведет пропаганду, по-видимому, хорошо организованную,— говорил он,— остальные же партии, по-видимому, никакой пропаганды не ведут, а просто добиваются у строевых начальников, чтобы они силою оружия усмирили большевиков, то есть добиваются гражданской войны, чего мы, строевые начальники, здесь, на фронте, больше всего боимся, так как гражданская война неминуемо и немедленно приведет к оперативному развалу фронта». И Духонин, соглашаясь с ним, говорил: «Нам нужно принять все меры, чтобы удержать войска на позиции, не открыть фронта и вывести их из возможности гражданской войны» [176]. Но то было до последних событий, связанных с действиями Советского правительства по заключению перемирия. Теперь Духонин сам провоцировал гражданскую войну на фронте. Указывая 15 ноября главкосеву, что «деморализация» войсковых масс приведет к срыву их с занимаемых позиций и «к началу гражданской войны», он возлагал инициативу в развязывании ее на командование фронта с «верными долгу» войсками, ибо не что иное означало распоряжение «силой оружия» препятствовать уходу войск с позиций в тыл в случае установления перемирия.

Зная это совершенно секретное по тому времени распоряжение Ставки, можно в полной мере оценить предупреждение, сделанное Крыленко в приказе армии и флоту 13 ноября, о том, что преступные действия Духонина ведут к новому взрыву гражданской войны [177]. Они вели к этому не только по своим объективным последствиям, но и путем прямой организации гражданской войны между

[176] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 230—238.
[177] См. с. 196 настоящей книги.

войсками, рвущимися с фронта, и выставленным против них заслоном. Директивные записки выражали ту самую стратегию буржуазии, которую Ленин сформулировал в словах: «Сначала мы поборемся из-за коренного вопроса, есть ли вы (Совет Народных Комиссаров.— *В. П.*) вообще государственная власть или вам это только кажется, а этот вопрос решится, конечно, уже не декретами, а войной, насилием, и это, вероятно, будет война не только нас, капиталистов, изгнанных из России, а всех тех, которые в капиталистическом строе заинтересованы»[178]. Свои директивы Духонин отдал как раз в тот момент, к которому относилась характеристика стратегии эксплуататоров, сделанная Лениным.

Стремясь спасти Россию от «гражданской войны» и рассчитывая при этом на «верные национальной чести» войска, Духонин был далек, однако, от мысли, чтобы свои «благие» намерения согласовать с желаниями народа. Поэтому сокрытие замыслов Ставки представляло собой одно из условий предохранения их от всякого рода неожиданностей. Секретность отданных распоряжений — одна, но не решающая из предосторожностей. Надо было чем-то прикрыть тайные замыслы, например, заверением в нейтральности Ставки и доказательствами ее значения для защиты «общенациональных интересов». Вполне понятно, что не самому Духонину надлежало выступать с такой миссией. Это наилучшим образом могли сделать сторонние свидетели — «демократы» типа трудовика Станкевича.

В то самое время, когда Духонин писал и передавал главкосеву директивные записки, верховный комиссар при Ставке строчил другую бумагу, как бы приложение к директивным запискам, но предназначенное не только главкосеву. «В последнее время в газетах,— писал Станкевич,— распространяются самые превратные и клеветнические известия о Ставке». Дальше он ставил «всех» в известность, что проходившее в Могилеве совещание представителей «демократических партий» уже «прекратило свои работы и все участники его разъехались», закончил свое государственное творчество и Общеармейский комитет. «Таким образом,— заверял Станкевич,— в настоящее время не только Ставка, которая все время вела

[178] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 203.

чисто оперативную военно-техническую работу, но и все остальные организации в Могилеве не ведут какой-либо политической работы в общенародном масштабе». Заявляя о нейтралитете Ставки, Станкевич провозглашал необходимость защиты ее «от всякого вооруженного нападения» во имя высоких целей, которым она служит. «Здесь защищается последний клочок Российской республики,— писал он...— С захватом власти большевиками в Петрограде Россия фактически распалась на ряд самостоятельных независимых, ничем между собой не связанных областей — Украину, Финляндию, Литву, Юго-Восток, Кавказ и т. д. ...и единство Российской республики поддерживается лишь существованием органа верховного командования общероссийскими армиями. Таким единым органом является Ставка... Разгром Ставки влечет неминуемо полное расстройство фронта, развал его и неисчислимые бедствия и ужасы, губящие окончательно страну... Защита Ставки — это защита последнего оплота великой русской свободы, единства Российской республики, существования государства, возможности заключения мира». Станкевич передал это воззвание корреспондентам, и на следующий день оно появилось в газетах [179], а телеграф разнес его по фронтам и армиям [180]. Верховный комиссар несуществующего правительства, связывая воедино судьбы «отечества» и Ставки, единственного уцелевшего пока органа разгромленной буржуазной власти, одевал тайные замыслы генералов в псевдодемократические «общенациональные» одежды. Он звал народ, звал солдат вступиться за Ставку.

Последний заговор духонинской Ставки

Просто ликвидировать штаб главковерха означало бы оставить без какого-либо органа управления всю действующую армию. Перед Советской властью стояла более сложная задача: взять Ставку

---

[179] «Русские ведомости», 1917, 16 ноября.
[180] ЦГВИА СССР, ф. 2309, оп. 1, д. 364, л. 149; Революция 1917 года в исторических документах. Тифлис, 1931, с. 194—196.

в свои руки и использовать ее аппарат в интересах революции. Первым шагом в этом направлении было отстранение от должности верховного главнокомандующего Духонина и назначение вместо него Крыленко, вторым — занятие Ставки революционными войсками, после чего только и можно было пресечь ее антисоветскую деятельность и превратить в орган, способный управлять действующей армией.

В ответ на телеграмму Крыленко могилевским демократическим организациям об отстранении Духонина Общеармейский комитет и Станкевич заявили: «Общеармейский комитет, опираясь на постановления армейских и фронтовых комитетов (эти постановления переставших существовать соглашательских комитетов были уже анахронизмом.— *В. П.*), считает необходимым, впредь до создания общепризнанной власти, каковой Совет Народных Комиссаров ни в коем случае не является, охранять всеми мерами Ставку как центральный технический аппарат армий от всяких покушений»[181]. После этого стало ясно, что мирным путем взять Ставку в свои руки Советскому правительству не удастся. Началась энергичная подготовка к овладению ею с помощью вооруженной силы. 15 ноября в Полоцке в ВРК 3-й армии собрались на совещание уполномоченный верховного главнокомандующего представитель Петроградского ВРК прапорщик М. К. Тер-Арутюнянц, председатель ВРК 3-й армии подпоручик С. А. Анучин, председатель ВРК 2-й армии прапорщик Р. И. Берзин и члены ВРК 3-й армии прапорщик А. Ф. Боярский и рядовой В. А. Фейерабенд. На совещании были выделены части для наступления на Могилев и решено послать туда нескольких надежных агитаторов, которые держали бы связь с ВРК 3-й армии, ВРК Западного фронта и начальниками отрядов, предназначенных для овладения Ставкой. Тер-Арутюнянц и Берзин отправились в Минск в ВРК Западного фронта, где совместно с исполнявшим обязанности главнокомандующего армиями фронта В. В. Каменщиковым и председателем ВРК фронта Н. В. Рогозинским разработали план взятия Ставки.

Отданный 18 ноября Военно-революционным комитетом Западного фронта приказ предусматривал окружение

---

[181] *Лелевич Г.* Указ. соч., приложение, с. 74.

Могилева революционными войсками. Создавались два отряда — Северный и Южный, которые поручалось сформировать члену ВРК 2-й армии прапорщику Р. И. Берзину (Северный) и члену ВРК фронта солдату Е. И. Лысякову (Южный). Но они представляли собой не отряды в обычном понимании этого слова, а крупные соединения войск, занимавшие огромную территорию. Их нужно было привести в готовность к боевым действиям против сил, охраняющих Ставку. Начальники отрядов получили права командующих всеми войсками в назначенных районах и наделялись большой административной властью. В Северный отряд, охватывавший Могилев с севера и востока, входили гарнизоны Витебска, Смоленска, Орши, Рославля и все войска на территории, заключенной между этими городами. Южному отряду, запиравшему Могилев с юга, поручался район Бобруйск, Мозырь, Гомель, Климовичи; гарнизоны остальных городов, находившихся в пределах района, также включались в отряд. Районы отрядов были спланированы так, что не оставалось неперекрытой ни одной линии железных дорог, ведущей к Могилеву. Дополнительно для Северного отряда формировался особый отряд 35-го корпуса (3-я армия) и перебрасывался из Минска революционный полк, сформированный из солдат, которых прежние военные власти держали в тюрьме, готовя над ними расправу за антивоенные выступления; в Южный отряд направлялись из Минского гарнизона революционный 60-й Сибирский стрелковый полк, бронепоезд Западного фронта, выделялись для него и некоторые части из 10-й армии. Начальникам отрядов было приказано, вступив в командование, «окружить и парализовать действия всех контрреволюционных войск» в своем районе; вся железнодорожная сеть, почта, телеграф, радио, все военные склады и интендантские учреждения на территории районов переходили на время операции, впредь до особого распоряжения ВРК фронта, в полное подчинение начальников отрядов. Им было приказано: действовать «в полной согласованности» между собой; приняв командование войсками районов, «ждать особого приказа для дальнейших действий»,— их ход должен был определяться положением на главном направлении, по которому двигались революционные войска из Петрограда. «В случае заявленной со стороны Ставки сдачи,— предписывал ВРК фронта начальникам отрядов,— немедленно телегра-

фировать в ВРК Западного фронта и приступить к занятию ее»[182].

Имеющиеся об этом плане данные позволяют заключить, что в основе его лежал замысел, хорошо продуманный в военном и политическом отношении. Разрабатывая его, ВРК Западного фронта руководствовался указаниями главковерха, переданными его уполномоченным прапорщиком Тер-Арутюнянцем. Действия революционных сил фронта и прибывавших с севера согласовывались таким образом, что войскам, наступавшим из Петрограда под командованием главковерха Крыленко, отводилась роль ударной группировки; обеспечение успеха ее действий возлагалось на революционные войска фронта, объединенные в два отряда, каждый из которых базировался на обширный район со всеми его военными ресурсами. Плотным охватом Могилева силы контрреволюции лишались как возможности маневрирования, так и источников подкрепления извне.

Были приняты меры и к политическому обеспечению успеха операции путем организации агитационной работы в районе расположения сил противника: эмиссары военно-революционных комитетов и непосредственно из отрядов были посланы в войска, прикрывавшие ближайшие подступы к Могилеву и составлявшие его гарнизон, результатом чего явился либо нейтралитет отдельных частей, либо их переход на сторону революционных войск. Всей суммой мероприятий достигалась, кроме того, демонализация в лагере противника. Ставя перед ВРК Западного фронта задачу овладения Ставкой, верховный главнокомандующий в то же время требовал «не допускать нарушения правильной работы Ставки по снабжению и довольствию войск». Поэтому как наилучший исход предусматривалось овладение Ставкой без вооруженного столкновения, результатом которого неизбежно стал бы разгром ее. От того, как сложатся в этом отношении условия, зависели дальнейшие действия Северного и Южного отрядов.

К моменту, когда ВРК Западного фронта отдавал приказ, эшелоны революционных войск через Дно, Новосокольники, Витебск уже двигались из Петрограда по на-

[182] *Блюмфельд О. А.* Военно-революционный комитет при Ставке.— «История СССР», 1966, № 2, с. 134.

правлению к Могилеву. Они шли не торопясь, делая в крупных пунктах остановки, давая время, чтобы могла созреть та обстановка, которая позволила бы обойтись без кровопролития. О силах, которые двигались из Петрограда, Крыленко писал: «15 ноября вернулась экспедиция (из Двинска. — *В. П.*) в Петроград, а 19-го [183] новая экспедиция уже выехала в Могилев. На этот раз она была снабжена грознее. Большой сводный отряд моряков-балтийцев под командой т. [С. Д.] Павлова, два эшелона Литовского полка, отряд под командой [В. В.] Сахарова и передовой разведывательный отряд под командой [С. Д.] Кудинского выехали из Петрограда». Замысел операции, по его образной характеристике, состоял в следующем: «Могилев сразу брался в клещи с севера, запада и юга. Только на Смоленск и Брянск могли ускользнуть враги, но и там их должны были ждать революционные отряды, ибо и в эти пункты они могли проскользнуть только через Жлобин или Оршу, занятые революционными войсками» [184].

Интересен тот факт, что из похода революционных войск на Ставку никто не делал тайны. В Ставке уже 17 ноября знали, что «из Петрограда двигаются на юг по Виндавской дороге эшелоны матросов», что в направлении Могилева двигается «экспедиция» и что едет с «экспедицией» большевистский главковерх Крыленко [185]. При этом Ставка, по сведениям, которыми располагал советский главковерх, имела для своей охраны Георгиевский батальон, четыре полка 1-й Финляндской дивизии, расположенной от Витебска до Орши, два батальона ударников и «чуть ли не дивизию польских легионеров из корпуса ген. Довбор-Мусницкого, расставленную по деревням и польским поместьям по всему пространству Смоленской, Могилевской и части Минской губерний, с артиллерией и пулеметами. Наконец, сверх того, западнее железной дороги от Великих Лук были расположены ка-

---

[183] Здесь у Н. В. Крыленко неточность: вторая экспедиция выехала из Петрограда 17 ноября, о чем тогда же поступили сведения в Ставку («Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 234—239).

[184] *Крыленко Н. В.* Смерть старой армии.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, с. 59; ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 105, л. 16 (рукопись, подлинник).

[185] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 234—240.

зацкие части генерала Краснова, только что разбитые под Петроградом, и из Режицы с Северного фронта все время подтягивались свежие войска». Так что Ставка имела, казалось, полную возможность встретить революционные отряды и воспрепятствовать вступлению их в Могилев. Однако Крыленко рассказывает любопытные подробности соприкосновения петроградских войск с силами противной стороны: «Около Невеля или Новосокольников революционные эшелоны стояли бок о бок с эшелонами казаков, разделяемые только двумя шагами железнодорожного полотна, а около Великих Лук и с нашей стороны и со стороны казаков высылалась и разведка и выставлялось сторожевое охранение, подкрепленное выкаченными пулеметами. И все же нигде ни одного столкновения не произошло. Казаки нас боялись, больше чем мы их, и торжественно тут же на станции заверили, что они просят только об одном, чтоб их не трогали. По сведениям разведки польские легионеры торжественно заявили, что они соблюдают полный нейтралитет «во внутренних делах России», Финляндская дивизия прислала сообщить, что она не намерена драться вообще с кем-либо, Георгиевский батальон был ненадежен. Реальная сила у Духонина измерялась таким образом только двумя батальонами ударников» [186].

Правда, сведения Крыленко при проверке их по документам оказываются не совсем точны: Духонин имел еще некоторые силы, не учтенные тогда штабом революционных войск. В Могилеве был, например, в составе гарнизона 4-й Сибирский казачий полк, специально вытребованный Ставкой для ее охраны. Но оправданием ошибки Крыленко может служить свидетельство большевика-георгиевца Хохлова, проводившего тогда и позже большую работу в Могилеве. «Деятели Ставки с других расположений подтянули к Ставке более для них надежные части»,— писал он в воспоминаниях, и среди подтянутых частей называл и этот полк, но потом добавлял деталь, относящуюся ко времени, когда Ставка была еще в руках Духонина: «...после нашей агитации 4-й Сибирский каза-

---

[186] *Крыленко Н. В.* Смерть старой армии.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, с. 59—60; ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 105, л. 17—18 (рукопись).

чий полк сразу же стал на сторону большевиков»[187]. Но более существенной ошибкой Крыленко надо признать подсчет ударных батальонов, находившихся тогда в Могилеве. Нужно сказать, что их количество так и оставалось до последнего времени не выясненным в нашей литературе, хотя на основании неточных данных о них делаются подчас довольно серьезные заключения о соотношении сил в Могилеве в тот критический момент и о проистекавших отсюда последствиях.

Установить действительные силы ударников помогают свидетельства противной стороны. Командир 1-го ударного полка, вызванного Духониным на защиту Ставки с Юго-Западного фронта, подполковник Генерального штаба В. К. Манакин перечислял находившиеся в Могилеве ударные батальоны: один батальон 1-го ударного полка, ударный батальон 1-й Финляндской стрелковой дивизии, 4-й и 8-й ударные батальоны Западного фронта и 2-й Оренбургский ударный батальон, задержанный железнодорожниками в Жлобине[188]. Эти данные согласуются со сведениями, которые давали в воспоминаниях, написанных по свежей памяти, офицеры-ударники поручик А. П. Максимов[189] и подполковник М. Н. Гнилорыбов[190]. Согласно их свидетельствам, к 18 ноября 1917 г. четыре ударных батальона находились в Могилеве и пятый — в Жлобине. Расхождение между этими источниками — в общей численности ударников: Гнилорыбов считает, что их было около 2 тыс. при 30 пулеметах, Манакин — тоже до 2 тыс. при 50 пулеметах, Максимов — до 3 тыс. при 50 пулеметах. Что же касается количества батальонов, то эти сведения нужно признать точными.

Хотя, как видим, ударных батальонов — а они оказались действительно единственно надежными частями — в распоряжении Ставки было больше, чем считал Крыленко, все же их и не так много, чтобы надежно обеспечить защиту штаба верховного главнокомандующего от

---

[187] *Лелевич Г.* Указ. соч., с. 72.

[188] См. *Манакин В.* Последняя русская Ставка (воспоминания).— «Донская волна», 1918, 25 ноября, № 24, с. 11—13.

[189] *Максимов А.* Бой ударников под Белгородом.— «Вольный Дон», 1918, 1 января.

[190] *Гнилорыбов М.* С ударниками от большевиков. Последние часы Ставки генерала Духонина.— «Вольный Дон», 1917, 14, 21 и 22 декабря.

тех самых «деморализованных» войск, от которых Духонин думал защищать центральную Россию и юг. Может быть, сбитая с толку собственной фантазией, будто на ее стороне вся армия, Ставка проявила беспечность и не приняла мер по усилению Могилевского гарнизона? Или все дело в том, что она оказалась отрезанной от стянутых вокруг Могилева «здоровых» частей? Ни то, ни другое для объяснения слабости непосредственно охранявших ее сил не годится, потому что, не говоря уже о Георгиевском батальоне и 4-м Сибирском казачьем полке, мы видели уже, по рассказу Крыленко, каким «энтузиазмом» горели казаки под Великими Луками, на которых Духонину можно было бы надеяться, наверно, больше, чем на другие части.

К усилению охраны Ставки принимали меры и сами генералы и «Комитет спасения родины и революции». Но о том, что из этого получилось, красноречиво говорит протокол заседания бригадного комитета в 1-й Финляндской дивизии, состоявшегося 17 ноября. В нем записано: «Было прочитано предписание начальника дивизии за № 5594 и «Комитета спасения родины и революции» за № 6 о командировании одной из батарей в гор. Могилев для охраны Ставки и Общеармейского комитета. Был брошен жребий из числа четырех батарей, выразивших ранее желание поддерживать «Комитет спасения родины и революции». Жребий выпал 2-й батарее, но солдаты таковой категорически отказались выполнить означенное выше предписание, заявив, что на фронт пойдут все, когда угодно, но в гражданскую войну вмешиваться не желают. Ввиду выяснившегося неустойчивого отношения солдат к данному вопросу и в двух батарейных комитетах был поставлен на голосование вопрос, посылать ли батареи или нет на поддержку «Комитета спасения родины и революции», причем оказалось, что за то, чтобы не посылать, 6 голосов и 3 воздержавшихся, а потому комитет единогласно постановил отозвать обратно делегированного члена в «Комитет спасения родины и революции»». На том же заседании было принято еще одно постановление: «послать своих представителей для точного выяснения создавшейся обстановки в Ставку, к большевикам (Смольный институт) и на Съезд крестьянских депутатов, для чего командировать от каждой батареи, управлений дивизионов и бригады по одному депутату, выбранному об-

щим собранием батарей — управлений». Можно представить, какие «благоприятные» для Ставки вести привезли бы из Смольного, да и из самой Ставки, эти солдатские делегаты, успей они съездить до прихода в Могилев революционных войск. А закончилось заседание тем, что председатель бригадного комитета подполковник Лебедев и товарищ председателя капитан Сполатборг заявили о сложении с себя полномочий (кроме них в комитете было семь солдат) [191].

Когда в Ставке распространилось известие о движении на Могилев поезда Крыленко и матросских эшелонов, всех чинов охватило тревожное настроение. 17 и 18 ноября непрерывно шли сменявшиеся одно другим собрания и совещания. Сначала заседал Общеармейский комитет. По-прежнему не признавая власти Совета Народных Комиссаров, он все же, «в целях спасения страны и предупреждения гражданской войны», постановил «избегать столкновений, дабы дойти до Учредительного собрания». Считая армию единственной защитой страны, а Ставку — ее техническим аппаратом, который должен быть нейтральным и потому «не может перейти во власть прапорщика Крыленко», Общеармейский комитет заявлял, что будет бороться за Ставку «всеми доступными и возможными средствами, в крайнем случае, даже активным выступлением вооруженной силы» [192]. И хотя Станкевич объявил, что в Ставке закончены все опыты образования «законной власти», Общеармейский комитет еще созвал совещание представителей армейских комитетов специально по этому вопросу.

Однако совещанию пришлось переключиться на обсуждение положения, складывавшегося в связи с движением отрядов Крыленко на Могилев. После долгих прений было решено: сохранить Ставку, по возможности в старых руках, для чего принять меры к переводу ее в Киев; требовать удаления Крыленко с должности главковерха и назначения на его место лица совместным решением Общеармейского комитета, представителей армейских комитетов и ВЦИК; чтобы предотвратить борьбу, начать переговоры с СНК и для подкрепления своих доводов угрожать вооруженной силой, но ни в коем случае

---

[191] Октябрьская революция и армия, с. 139.
[192] *Лелевич Г.* Указ. соч., с. 76.

ее не применять. Эти решения были приняты незначительным большинством, многие участники совещания от голосования воздержались, а большевики, представлявшие армии Западного фронта, заявили против них протест и ушли с заседания. Один из большевиков, прапорщик С. И. Зобков, рассказывал потом, что он и приехавшие с ним товарищи из 3-й армии, покинув совещание, «направились в местный Совет рабочих депутатов, чтобы исполнить имеющиеся у нас директивы создать Военно-революционный комитет и вырвать контрреволюционные корни в Могилеве и в Ставке, чтобы приготовить город к принятию революционных войск без столкновений, без кровопролития» [193]. От себя Общеармейский комитет выслал в Витебск для переговоров с Крыленко трех представителей с предложением, во избежание кровопролития, приостановить движение эшелонов на Могилев.

«В течение дня,— сообщал корреспондент «Русских ведомостей»,— в Ставке происходил ряд заседаний различных демократических организаций по вопросу мирного разрешения конфликта». Видимо, под заседанием «демократических организаций» понималось и происходившее тогда общее собрание «чинов всех управлений, учреждений и частей Ставки», на которое были приглашены Духонин, Станкевич, представители Общеармейского комитета и ударников. «Духонин,— сообщалось дальше в этой корреспонденции,— в обстоятельной речи ознакомил собрание с позицией, занятой им с самого начала, заключавшейся в стремлении прежде всего охранить аппарат Ставки как оперативно-технический орган, а затем спасти честь России от умаления, коим грозило заключение мира и нарушение союзного договора». Но о мерах по «спасению» России, предписанных главкосеву три дня назад, генерал не обмолвился ни звуком. Выступление Станкевича, очень кратко изложенное в газетных репортажах, было, по-видимому, повторением того воззвания к народу и армии, которое он писал одновременно с выработкой в Ставке директивных записок от 14 и 15 ноября. Он призывал отстаивать Ставку «во что бы то ни стало».

---

[193] «Революционная Ставка», 1917, 15 декабря. (Доклад С. И. Зобкова на Общеармейском съезде в Могилеве 12 декабря 1917 г.); *Любимов И. Н.* Революция 1917 года. Хроника событий. Т. 6. М.— Л., 1930, с. 166—167.

Выступали на собрании офицеры ударных батальонов: командир 1-го ударного полка подполковник Генерального штаба В. К. Манакин, командир ударного батальона 1-й Финляндской дивизии полковник В. В. Бахтин. В репортерском отчете о собрании записано, что представители ударников «предложили Ставке свою помощь», заявив, что они «главную задачу момента видят в доведении России до Учредительного собрания... В этих целях они готовы защищать Ставку до последней капли крови» [194]. Манакин в своих воспоминаниях словно забыл об Учредительном собрании (видно, такое серьезное значение придавал этим словам, если их и произносил),— он пишет: «От имени всех ударников я заявил, что мы готовы умереть до последнего, защищая Ставку и верховного главнокомандующего, и просим отдать нам приказ» [195]. Представитель Общеармейского комитета, выступивший на том же собрании, «стоял на точке зрения необходимости окончательно отказаться от идеи вооруженного сопротивления и продолжать техническую работу до последней возможности». После долгих прений собрание присоединилось к этой точке зрения и тоже постановило послать к большевистским эшелонам своих делегатов (дополнительно к делегатам Общеармейского комитета).

В отходе Общеармейского комитета от воинственной позиции ничего удивительного нет. Когда он замышлял созвать общефронтовой съезд для решения вопроса о власти, то надеялся на полную поддержку со стороны всех армий. Когда же «съезд» собрался, на нем не оказалось ни одного делегата от Северного фронта, не прислал их и расположенный в Финляндии 42-й армейский корпус, а от Западного фронта приехали большевики. Вместо съезда пришлось проводить совещание — не общефронтовое, а только межармейское — и обсуждать на нем не тот вопрос, ради коего были вызваны делегаты в Могилев. Нисколько не заинтересованный в преувеличении влияния большевиков в армии белогвардеец Н. Шинкаренко, описавший вскоре последние дни духонинской Ставки,

---

[194] «Русские ведомости», 1917, 21 ноября; «Киевская мысль», 1917, 20 ноября (вечерний выпуск); «Известия Юга» (Харьков), 1917, 23 ноября.

[195] *Манакин В.* Последняя русская Ставка (воспоминания).— «Донская волна», 1918, № 24, с. 12—13.

должен был признать: «И съезд и представленные им комитеты определенно были против большевиков, но зато самые-то армии держались другого мнения, и это сознавали все участники съезда. Уверенности в возможности борьбы с большевиками ни у кого на съезде не было» [196].

Это признание отражало трезвую оценку обстановки. Нет нужды цитировать здесь многочисленные телеграммы, которые получал в те дни Общеармейский комитет от солдатских организаций Северного и Западного фронтов, требовавших роспуска его как органа определенно контрреволюционного [197]. Но и Исполнительный комитет Юго-Западного фронта, находившийся целиком в руках соглашателей, бил тревогу, сообщая Общеармейскому комитету, что лозунги большевиков «с всепобеждающей силой увлекают массы за ними» [198]. Не молчали и солдаты Румынского фронта. Там тоже выносились резолюции: «никакого доверия Общеармейскому комитету», «никакого формирования власти при Ставке мы не допустим», полное недоверие комитету Румынского фронта и комитету 9-й армии, «полное доверие Совету Народных Комиссаров» [199]. И сам Общеармейский комитет должен был уже 11 ноября объявить в Бюллетене Ставки, что «вследствие изменившегося соотношения сил в армейских комитетах» он вынужден воздержаться от активного участия в подготовке совещания политических партий и демократических организаций по вопросу об образовании новой власти [200].

Корреспондент же «Русских ведомостей» при Ставке Н. Каржанский считал, что Общеармейский комитет находился в это время в положении обреченного. «Комитет был в большей своей части оборонческий,— писал он,— тогда как армия за армией становились большевистскими; из обольшевиченных армий уже ехали большевики, и было ясно, что скоро волны большевизма смоют и Об-

---

[196] *Шинкаренко Н.* Ударники Манакина.— «Донская волна», 1918, № 17, с. 4—5.

[197] См.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 2. Минск, 1957, с. 161, 187, 201, 215—216, 218—219, 221, 223; Октябрьская революция и армия, с. 129, 130, 132.

[198] *Лелевич Г.* Указ. соч., приложение, с. 46.

[199] Октябрьская революция и армия, с. 147.

[200] *Лелевич Г.* Указ. соч., приложение, с. 51.

щеармейский комитет. Члены комитета говорили мне о каких-то двух корпусах, которые, якобы, должны были встать в защиту Ставки «как один человек». Но я-то хорошо знал цену этому «встанут грудью»»[201]. Он был скептиком поневоле, этот наблюдательный корреспондент, но не по доброй воле отказывалась от сопротивления и Ставка и ту же линию стал вести Общеармейский комитет. Замечательно свидетельство командира ударного полка подполковника Манакина: «Ген. Духонин отдал приказ начальнику 1-й Финляндской дивизии занять железную дорогу севернее Могилева, чтобы задержать эшелоны Крыленко, но дивизия объявила нейтралитет, а, по сведениям, две тяжелые батареи заняли позицию в сторону Могилева. Я просил разрешения сделать на грузовых автомобилях ночной набег на батареи, чтобы снять замки. Но две ночи подряд, когда, силой взятые из гаража, автомобили с моими шоферами и разведчиками выезжали, первый раз генерал Дитерихс по телефону запретил выезжать, второй раз из-за подсыпанного в гараже песка на автомобиле сгорели буксы»[202].

В ночь на 19 ноября Духонин собрал у себя высших чинов штаба главковерха, пригласил представителей Общеармейского комитета и управлений Ставки. На этом узком совещании было решено эвакуировать штаб в Киев. Туда же собирались выехать из Могилева и военные миссии союзников.

В связи с приближением эшелонов революционных войск неспокойно было и в Могилевском Совете. Там на экстренном заседании исполкома обсуждался вопрос о признании Советской власти. И когда соглашатели отказались ее признать, большевики, а вслед за ними и меньшевики-интернационалисты демонстративно покинули заседание, и оно было прервано на три часа.

В Могилеве в это время находилось уже несколько представителей революционных войск: прапорщик С. И. Зобков и солдат В. А. Фейерабенд, посланные ВРК 3-й армии; председатель Оршанского ВРК И. Г. Дмитриев (он теперь уже был и помощником начальника Северного отряда); из Минска приехал командированный Северо-Западным областным комитетом

---

[201] Пережитое (в год революции). Кн. 1, с. 153.
[202] «Донская волна», 1918, № 24, с. 12—13.

РСДРП(б) подпоручик И. Н. Полукаров. В течение дня 18 ноября они успели провести большую работу в гарнизоне. Вечером на фракционном заседании могилевских большевиков и интернационалистов они добились решения о создании ревкома, о переходе к нему всей полноты власти в городе и установлении контроля над Ставкой. Оставалось, чтобы такое решение принял Совет. Это было не очень просто, потому что могилевские большевики, положительно встретив предложение об образовании ревкома, слишком медленно освобождались от идеи коалиционного представительства в ревкоме меньшевиков и эсеров наряду с большевиками. На вечернем заседании Исполкома после долгих прений победила резолюция, предложенная С. И. Зобковым: ревком должен состоять только из тех представителей партий, которые стоят на платформе Октябрьской революции, и первой мерой ревкома должен стать арест Духонина и других контрреволюционеров в Ставке. Может быть, на успехе этого решения отозвался тот факт, что до компаты, в которой заседал Исполком, доносились из общего зала Совета бурные дебаты о политическом положении, с участием приехавших в Могилев представителей фронта и особенно И. Н. Полукарова, а там настроение митингующих, преимущественно солдат, определенно склонялось в сторону этих представителей и наступающих войск [203].

Заседание ярко описал Г. Лелевич: «Я хорошо помню этот решительный вечер. В то время, как в помещении Исполкома кипели ожесточенные споры, в общем зале Совдепа собрались представители гарнизона. Постепенно зал оказался битком набитым публикой. Собравшиеся с нетерпением ожидали решения Исполкома.

Наступила ночь, а заседание Исполкома все еще не кончилось. В общем зале слышалось несмолкаемое жужжание голосов.

Наконец, около полуночи вошли представители Исполкома. Воцарилось гробовое молчание. Представитель Исполкома медленно, торжественно отчеканил постановление о признании Советской власти и создании Военно-революционного комитета, огласил список намеченных в состав последнего товарищей.

---

[203] См. «История СССР», 1966, № 2, с. 135—137. (Изложение записок Р. И. Берзина, хранящихся в ЦГАСА).

Целая буря аплодисментов покрыла это сообщение. После коротких прений представители гарнизона утвердили состав Военно-революционного комитета. После этого представители нескольких армий... выступили с горячими боевыми речами, с теми речами, которые можно было произносить только в 1917 году. Огневыми пьянящими звуками «Марсельезы» закрылось это незабываемое собрание, сделавшее Могилев советским городом» [204].

Председателем ВРК стал председатель Исполкома левый эсер Усанов, в состав его вошли и два неожиданно полевевших правых эсера, но было ясно с самого начала, что тон в ВРК будет задавать его большевистское ядро: унтер-офицер Георгиевского батальона Н. Т. Хохлов и делегаты 3-й армии С. И. Зобков и В. А. Фейерабенд. Наутро ВРК объявил себя высшей властью в городе и окрестностях и взял на себя контроль над деятельностью Ставки. Другим приказом ВРК в тот же день объявил Духонина, Станкевича и Вырубова подлежащими домашнему аресту. В нем говорилось: «Во исполнение приказа Правительства Народных Комиссаров, Общеармейский комитет объявляется распущенным и содержащимся под домашним арестом. Временно функции Общеармейского комитета берет на себя Военно-революционный комитет и для принятия дел его посылает своего комиссара» [205].

Теперь у Общеармейского комитета не стало возможностей организовывать кампанию в собственную защиту, как это было после телеграммы Крыленко 13 ноября. Газета «Голос фронта», издававшаяся Искомитюзом, сообщала о постановлении продолжавшегося 19 ноября межфронтового совещания: Общеармейский комитет должен прекратить свое существование и члены его разъехаться вместе с участниками совещания. Но такое постановление появилось вовсе не потому, что соглашатели присоединились к позиции Могилевского ВРК. Та же газета писала: «Было выработано обращение к армии по поводу текущих событий, и совещание объявлено законченным» [206]. Под названным здесь обращением — не то некрологом, не то эпитафией Общеармейского комитета да и самого

---

[204] *Лелевич Г.* Указ. соч., с. 83—84.

[205] Кастрычнік на Беларусі. Зборнік артыкулаў і дакумэнтаў. Вып. 1. Менск, 1927, с. 384—385.

[206] *Любимов И. Н.* Указ. соч., с. 175.

совещания — 22 подписи: Перекрестова и делегатов от армий Румынского, Юго-Западного и Кавказского фронтов. (Эти подписи могут, кстати, служить списком участников совещания.) Но составлено обращение было в надежде на то, что кому-то удастся созвать общеармейский съезд, который принесет антибольшевистским силам реванш, а большевиков покарает. Чем бы ни тешились эти 22 тени, но им самим пришлось зафиксировать, что «усилия Общеармейского комитета помочь созданию власти, могущей объединить всю демократию, разбились». Объяснение этому дается, конечно, в типично соглашательском духе: большевики, мол, оказались неуступчивы, а остальные партии не пожелали иметь с ними дело. «Неуспех политического посредничества Общеармейского комитета побудил его сосредоточиться на одной цели и сохранить Ставку как технический оперативный аппарат, так как без этого аппарата фронт не может существовать ни одного дня», — читаем дальше в обращении межфронтового совещания. Но и такое «сосредоточение», по свидетельству тех же 22-х, оказалось не по плечу Общеармейскому комитету: «наткнулось на неодолимое препятствие». Препятствие состояло, прежде всего, в том, что «большевистское правительство стало навязывать Ставке чуждые ей задачи», а Общеармейский комитет «воспротивился стремлению втянуть Ставку» в решение этих задач; затем препятствие выразилось в отстранении Духонина и назначении главковерхом Крыленко, в распоряжении о роспуске и аресте Общеармейского комитета, «и в настоящий момент двигается вооруженная сила, имеющая целью захватить Ставку».

Что же оставалось делать межфронтовому совещанию? Оно постановило только то, на что оставалось единственно способным: «не оказывать вооруженного сопротивления» и признать, что «в создающейся обстановке Общеармейский комитет не может продолжать своей работы. Поэтому межфронтовое совещание выделило комиссию из трех лиц для срочного созыва общеармейского съезда, которому Общеармейский комитет даст отчет о своей деятельности... и который выделит из себя новый Общеармейский комитет» [207]. Здесь обо всем говорится в серьезном тоне, а в «Голосе фронта» не то с грустью, не то

[207] ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 3825, л. 250. Телеграфный бланк.

с легкой иронией сообщалось уже о финале: «Члены Общеармейского комитета лихорадочно ликвидировали свои дела и разъехались. Так неожиданно и быстро сошел с арены деятельности комитет, вызывавший столько разговоров и даже надежд...» [208] Этот финал означал нечто большее, чем конец Общеармейского комитета,— он явился наглядным, символическим выражением окончательного банкротства в армии соглашательства в целом. «Карлики революции»,— презрительно называл многочисленный слой мелкобуржуазных политиканов Крыленко еще в дооктябрьское время, когда они верховодили в армейских организациях [209]. Теперь они оправдали такое презрение полностью. Никакого нового общеармейского съезда они уже организовать не могли. Исчезли бесследно.

Ранним утром 19 ноября была предпринята попытка начать перевозку Ставки в Киев. Узнавшие о приготовлениях солдаты Георгиевского батальона пришли к месту погрузки [210], выбросили на мостовую погруженные на автомобили дела и чемоданы и заявили, что никуда Ставку не выпустят. Не выехал из Могилева и Духонин. Его апологеты, как например, А. Дикгоф-Деренталь, впоследствии писали, будто он сам не пожелал оставлять тонущий корабль по соображениям этическим. Но такие объяснения еще в 1922 г. опроверг Г. Лелевич, процитировавший сообщение «Могилевской жизни» от 20 ноября о том, что Духонин «по независящим от него обстоятельствам не мог выехать из Могилева» [211]. Это утверждение могилевской газеты подкрепляется сообщением корреспондента «Русских ведомостей», датированным 19 ноября: «Военно-революционный комитет, считая, что выезд Духонина из Ставки может создать возможность организации третьего центра власти, постановил принять меры к недопущению его выезда. Одновременно воспрещен вообще выезд из Могилева без разрешения Военно-революционного комитета...» [212] Это дает основание считать, что

---

[208] *Любимов И. Н.* Указ. соч., с. 175.

[209] См. *Крыленко Н.* Почему побежала русская революционная армия. Пг., 1917, с. 28.

[210] Станкевич писал, что «немедленно перед помещением Ставки появились возбужденные толпы солдат» (*Станкевич В. Б.* Воспоминания 1914—1919 г. Берлин, 1920, с. 295).

[211] *Лелевич Г.* Указ. соч., с. 80.

[212] «Русские ведомости», 1917, 21 ноября.

и недопущение солдатами-георгиевцами вывоза Ставки не произошло стихийно, а было мерой, принятой Могилевским ВРК.

Когда Крыленко писал о том, что реальной силой, которой могла располагать для своей защиты Ставка, были всего два ударных батальона, то источником этих сведений послужили, вероятно, разговоры с разными лицами в Могилеве уже по приезде туда советского главковерха. Но откуда все-таки могла пойти такая версия и в разговорах, если на самом деле, как уже выяснено, там находилось пять ударных батальонов (вместе со 2-м Оренбургским, остановившимся в Жлобине)? Дело, по-видимому, в том, что до 17 ноября их, действительно, было два (батальон 1-го ударного полка и 2-й Оренбургский), они-то прочно и засели в представлении тех, кто подсчитывал силы Ставки, когда там царило еще воинственное настроение. Остальные же три батальона прибыли в Могилев уже в самые последние дни, когда умонастроение в Ставке совершенно изменилось. О 4-м и 8-м ударных батальонах Ставка только 14 ноября получила известие, что эти батальоны, «крепкие духом, спаянные желанием принести пользу родине совместно с такими же частями», прошли через Молодечно и Минск на Оршу и Могилев. Приславший телеграмму генерал-майор Верман просил указаний, «куда направиться им, с кем соединиться». Дальше в телеграмме сообщалось, что офицеры нуждаются «материально и деньгами», ибо «потеряли все имущество, которое разграблено»[213]. Иначе говоря, батальоны уносили ноги от революционных солдат, с которыми, по всей видимости, у них произошла стычка[214].

15 ноября Духонин дал распоряжение начальнику 1-й Финляндской стрелковой дивизии генерал-майору Скобельцыну прибывшие в Оршу 4-й и 8-й ударные батальоны включить в состав дивизии[215] (и тем самым поста-

---

[213] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 4, д. 38, л. 27.

[214] Вспоминая о прибытии этих батальонов в Могилев, Манакин тоже писал, что они прорвались через Минск «с потерей командира, половины состава и всего обоза 4-го батальона» («Донская волна», 1918, № 24, с. 11—13). Поручик А. П. Максимов сообщал, что эти батальоны пробивались с фронта, так как не пожелали «быть разоруженными большевиками» («Вольный Дон», 1918, 1 января).

[215] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 196, л. 56, 57.

вить на довольствие), а на следующий день Скобельцын ответил из Шклова, что пока не имеет с ними связи, и просил Ставку распоряжение о направлении в нужный район дать им непосредственно [216]. Это по крайней мере говорит о том, что в Могилеве их пока не было. Но уже на 17 ноября Духонин вызывает в Ставку командира 2-й бригады 1-й Финляндской дивизии полковника Л. А. Янкевского для назначения начальником отряда ударных частей [217].

О том, как были стянуты ударные батальоны в Могилев, Манакин рассказывает: «Батальон (2-й Оренбургский.— *В. П.*) к 17 ноября довезли только до Жлобина. В 15 верстах от Могилева стояла 1-я Финляндская стрелковая дивизия, в которой я лично знал командира ударного батальона полковника Бахтина. Я послал Бахтину записку, приглашая его явочным порядком привести батальон в Могилев на защиту Ставки, сообщая, что приказа не последует, но если он придет, якобы по воле самих солдат, никто ему ничего не скажет. 16 ноября ударный батальон 1-й Финляндской стрелковой дивизии, на основании единогласного постановления общего собрания батальона, прибыл в Могилев [218]. В это же время в Могилев неожиданно, явочным порядком, прибыли эшелоны 4-го и 8-го ударных революционных батальонов Западного фронта, прорвавшиеся через Минск...» [219] Не будем вдаваться здесь в спор о том, «явочным» или не совсем «явочным» порядком пришли батальоны в Могилев,— то, что Духонин до их появления в городе определенно принимал меры к формированию отряда ударных частей полковника Янкевского, не служит подтверждени-

---

[216] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 196, л. 88.

[217] Там же, л. 65, 70—74; оп. 1, д. 694, л. 269.

[218] Поручик А. П. Максимов, вступивший в ударный отряд, упоминая этот батальон, писал, что он отделился от «зараженной большевизмом Финляндской дивизии» («Вольный Дон», 1918, 1 января). В протоколе № 17 заседания батальонного комитета зафиксировано решение «войти в соглашение с находящимся на охране Ставки 1-м ударным революционным полком», для чего туда посылалось два делегата, и «перенести квартирование его (батальона.— *В. П.*) в г. Могилев или ближе в его окрестности, донеся о сем командованию как о совершившемся факте» (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 208, л. 168—169. Заверенная копия).

[219] «Донская волна», 1918, № 24, с. 11—13.

ем в этой части воспоминаний Манакина (возможно, что о распоряжениях Духонина он и не был осведомлен). Но в отношении даты их прибытия есть свидетельство войскового старшины М. Н. Гнилорыбова, служившего до того в Витебске юрисконсультом главного начальника Двинского военного округа. Местный ВРК потребовал от него признать Советскую власть, но Гнилорыбов решил бежать. Вечером 15 ноября он выехал из Витебска и, проделав 180-верстный переход верхом на коне, 17 ноября добрался до Могилева, решил «задержаться в Ставке и принять самое живое участие в ожидавшихся боях с большевиками».

Гнилорыбов описывает, как 17 ноября «с развевающимся алым знаменем, на котором были начертаны слова «долой анархию», под звуки марша» в Могилев вступал ударный батальон 1-й Финляндской дивизии под командованием полковника Бахтина, после чего Духонин и приказал сформировать ударный отряд под командой полковника Янкевского в составе 1-го ударного полка (один батальон и полковые команды), 4, 8 и 2-го Оренбургского ударных батальонов и батальона Бахтина [220]. Характеризуя отряд в целом, Манакин писал, что это были «силы, совершенно достаточные для самостоятельных действий... уже испытанные на фронте части из лучших, отборных людей, с крепкой дисциплиной, полным доверием к своим начальникам, и совершенно исключалась возможность успеха большевистской пропаганды» [221]. Насчет достаточности таких сил «для самостоятельных действий» подполковнику Генерального штаба можно было бы рассуждать и трезвее, но, видимо, тут имели большее значение эмоции, чем расчет.

Едва успел сформироваться ударный отряд, как стремительно развивавшиеся события заставили генералов и их помощников отказаться от вооруженного сопротивления революционным войскам. Но ударники уже готовились занять позицию севернее Могилева. После всех совещаний, происходивших 18 ноября, они ночью собрали, как свидетельствует Гнилорыбов, «свой военный совет», на котором решили отправить к Духонину делегацию и добиться от него категорического ответа, требуется ли

[220] «Вольный Дон», 1917, 14 декабря.
[221] «Донская волна», 1918, № 24, с. 11—13.

Ставке помощь ударных частей. В 5 часов утра между этой делегацией и Духониным произошел диалог, который Гиляровский, как он уверяет, передал «почти текстуально»:

— Господин генерал, настроение ударного отряда не оставляет желать ничего лучшего. Мы ждем вашего приказания занять позиции севернее города и встретить большевиков.

— Я не хочу лишнего и ненужного кровопролития. Все потеряно и погибло,— возразил генерал Духонин.

— Еще не все погибло. У нас более 2000 штыков, генерал, мы умрем, но не сдадимся, наш пример может подействовать на других. Наконец, под нашим прикрытием Ставка может собраться и почетно с нами отступить, как это предполагалось.

— Нет, я решил окончательно сдаться,— произнес Духонин.

— Что же делать ударным частям? Значит, мы не нужны?

— Благодарю вас за готовность умереть, но этого не нужно [222].

В тот же день, 19 ноября, представители ударных батальонов собрались еще на одно совещание. «Принимая во внимание,— записано в протоколе,— что защита Ставки силой оружия генералом Духониным и Общеармейским комитетом признана нецелесообразной, что дальнейшее пребывание отряда в Могилеве ввиду скорого прибытия большевистского эшелона неминуемо вызовет гражданскую войну, совет отряда постановил: немедленно начать отправку эшелонов на юг и просить генерала Духонина сделать соответствующее распоряжение» [223]. Духонин сделал распоряжение, и ударники начали грузиться в эшелоны. Погрузка закончилась поздно ночью на 20 ноября, и тогда комиссар казачьих войск при Ставке В. Шапкин дал Каледину телеграмму: «Ставка капитулировала... На Дон направляются из Ставки пять ударных батальонов, не желающих признавать власти большевиков» [224], а в 6 часов утра их последний эшелон ушел из Могилева.

---

[222] «Вольный Дон», 1917, 14 декабря.

[223] ЦГВИА СССР, ф. 2134, оп. 1, д. 1310, л. 290. Заверенная выписка из протокола заседания бюро совета ударного отряда от 19 ноября 1917 г.

[224] ЦГАОР СССР, ф. 1255, оп. 1, д. 56, л. 105.

Прошло несколько дней — и необычные обстоятельства приковали внимание чуть ли не всей России к движению по железным дорогам шести, не то девяти эшелонов с северо-запада на юго-восток. Оно было окутано дымкой какой-то таинственности. Корреспонденты буржуазных газет, пользуясь загадочностью их появления под Сумами, а потом под Белгородом, рассказывали, что едут они туда, где еще могут пригодиться для борьбы с внешним врагом,— на Кавказский фронт, что именно туда и послал их Духонин перед вступлением большевиков в Могилев [225].

Особенно же ревностно пропагандировал версию «мирного» исхода ударных батальонов из Могилева войсковой старшина Гнилорыбов, ехавший в эшелоне с командиром ударного батальона 1-й Финляндской стрелковой дивизии. В воспоминаниях о походе ударников на юг он для доказательства этой версии воспроизводит, тоже будто бы «почти дословно», свою беседу с Бахтиным в пути. Уподобляясь корреспонденту, еще не осведомленному в сути дела, но желающему получить объективную информацию из первых рук, Гнилорыбов задал вроде бы вопрос: «Какие же ваши ближайшие цели и задачи?», на что получил ответ Бахтина: «Увести батальон из сферы влияния большевизма в такое место, где его (т. е. большевизм.— *В. П.*) не признают, и немедленно отправить делегацию в Учредительное собрание с заявлением, что только это высокое собрание ударники считают «хозяином земли русской» и готовы защищать его от большевиков до последнего человека». Продолжая инсценировку беседы, ничего не знавший еще, но едущий, однако, с ударниками, и вовсе не с корреспондентскими целями, Гнилорыбов задал будто бы еще вопрос: «Где вы думаете остановиться?» И тут только Бахтин посвятил его в тайну маршрута: «В районе Миллерова, но только при том условии, если генерал Каледин гарантирует нам неприкосновен-

---

[225] «Приазовский край», 1917, 28 ноября; «Русские ведомости», 1917, 26 ноября; «Курская жизнь», 1917, 28 ноября; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сборник документов и материалов. Курск, 1957, с. 126 (перепечатка из «Курской жизни»); Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 г.— март 1919 г. Сборник документов и материалов. Белгород, 1967, с. 264 (перепечатка из «Курской жизни»).

пость нейтралитета». Напирая на нейтралитет, Гнилорыбов хочет разъяснить его суть получше. «Что это значит?» — не отставал он якобы от Бахтина. «Это значит,— разъяснял тот,— что мы не склонны вмешиваться во внутренние дела Донской области и даже в столкновения с большевиками. В противном случае мы будем просить вашего атамана пропустить нас через область на Кавказский фронт». Войсковой старшина не удержался, чтобы не вложить в головы читающих мораль этой басни: «Я нарочно, почти дословно, привел этот разговор, чтобы... рассеять легенду о том, что ударный отряд стремился на Дон для совместной с казачеством борьбы против большевизма» [226].

Но все усилия Гнилорыбова идут как бы прахом от одного только показания Манакина. «Полковник Янкевский,— пишет он,— наконец, добился приказа о перевозке нашего ударного отряда на Кавказский фронт. Этот маршрут мы избрали, чтобы попасть на Дон, и послали вперед к генералу Каледину своего представителя для получения его согласия. Ничего определенного про Дон и Каледина мы не знали. Мы искали лишь уголок русской земли, где мы были бы не чужими и где могли остановиться, пополниться, организоваться и начать борьбу против тех, которые разрушали Россию» [227]. Вот вам и нейтралитет и забота о неприкосновенности нейтралитета, вложенная Гнилорыбовым, по его сценарию, в уста командира ударного батальона! Показание Манакина не расходится со свидетельством его сподвижника и историографа ударных батальонов — штабс-ротмистра Н. Шинкаренко. «Оборона Могилева уже теряла смысл,— писал он по тому же поводу,— и надо было пробиться куда-нибудь, где еще были шансы на успешную борьбу с большевизмом. Ударники решили сделать это, идти туда, куда поведут их вожди и, что бы ни случилось, не складывать оружия, которое они взяли для защиты родины и свободы» [228].

В то самое время, когда грузились и уезжали из Могилева ударники, в Быхове, небольшом уездном городке

---

[226] «Вольный Дон», 1917, 21 декабря.
[227] «Донская волна», 1918, № 24, с. 11—13.
[228] «Донская волна», 1918, № 17, с. 3—6.

Могилевской губернии, произошло еще одно событие, сразу же отозвавшееся в Могилеве и оставившее свои следы в истории гражданской войны в России: при обстоятельствах, которые не скоро стали известны, из женской гимназии, служившей местом заключения для главарей августовского контрреволюционного мятежа, бежали генералы Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, И. П. Романовский и С. Л. Марков. Как могло это случиться?

На протяжении всего времени содержания их под стражей ни Временное правительство, ни Чрезвычайная следственная комиссия, назначенная им, ни Ставка не заботились о строгой изоляции арестованных. Местом заключения был избран Быхов, где стояла польская дивизия с корниловским командным составом. Для охраны выделен Текинский полк — личная охрана Корнилова в бытность его верховным главнокомандующим. Режим содержания заключенных фактически определял не комендант города и не начальник караула, а главный преступник генерал Корнилов. Арестованные находились чуть ли не в санаторных условиях, позволявших им по восемь часов в сутки гулять в саду, вблизи гимназии [229]. Корнилов без помех сносился со Ставкой, Советом союза казачьих войск, Довбор-Мусницким и даже с Калединым [230], подавал им советы о мерах борьбы с революционным движением.

Никаких изменений в положении арестованных не произошло и после Октябрьской революции. Находившаяся в Петрограде Чрезвычайная следственная комиссия под председательством главного военно-морского прокурора И. С. Шабловского даже не рассматривала арестованных генералов как преступников.

Советское правительство в лице своего чрезвычайного органа — Петроградского ВРК сразу же после победы революции постановило доставить Корнилова и его сообщников в Петроград для заключения в Петропавловскую крепость и предания революционному суду [231]. Но Моги-

---

[229] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 11, д. 58, л. 18. Копия заявления георгиевской команды в следственную комиссию ВРК при Ставке.

[230] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 2. Париж, 1922, с. 95, 101, 137.

[231] Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т. 1. М., 1966, с. 142.

левский Совет и Общеармейский комитет при Ставке, находившиеся во власти меньшевиков и эсеров, не выполнили этого постановления. Корнилов продолжал собирать своих соучастников на совещания. О чем они совещались? «Обсуждали события»,— пишет в мемуарах Деникин и указывает, в частности: «Перед нами встал вопрос, не пора ли оставить гостеприимные стены быховской тюрьмы, тем более что вся совокупность обстановки указывала на возможность и необходимость большой работы»[232]. Вероятие бегства арестованных было настолько очевидно, что 1 ноября в «Известиях ЦИК и Петроградского Совета» появилось сообщение о побеге Корнилова, а 8 ноября подобное сообщение напечатала газета «Могилевская жизнь», но опровергла его на другой день. Слухи о бегстве Корнилова настолько волновали солдат на фронте, что 28 октября Общеармейский комитет дал успокоительную телеграмму во все армии о том, что арестованные «состоят налицо в месте заключения»[233].

В Ставке больше всего как раз о том и заботились, чтобы спасти, сохранить этих ярых контрреволюционеров для «большой работы». В том же видела свою задачу и Чрезвычайная следственная комиссия. Достаточно сказать, что в ее состав был включен прямой агент корниловцев — член руководства контрреволюционного «Республиканского центра» полковник Р. Р. Раупах, который накануне Октябрьской революции заготовил даже указ об их освобождении[234]. В накаленной атмосфере предоктябрьских дней пойти на такой шаг Временное правительство не могло. После его свержения и бегства Керенского «члены комиссии остались на местах,— признавался уже в эмиграции один из них, полковник Н. П. Украинцев,— чтобы выпустить своих арестантов, считая их свободными от наказания, коль скоро правительство, на которое они посягали, оказалось в нетях»[235]. В воспоми-

---

[232] *Деникин А. И.* Указ. соч., с. 142.

[233] ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 3, д. 31, л. 40; ф. 2031, оп. 3, д. 64, л. 6—7.

[234] «Последние новости», 1932, 1 июля. (Отчет о публичной лекции Б. А. Гуревича «Корнилов и Февральская революция», прочитанной 25 июня 1932 г. в Париже).

[235] *У[краинцев] Н.* Дело о корниловском восстании (воспоминания).— «Возрождение», 1932, 20 сентября.

наниях Украинцев подробно рассказал, как Чрезвычайная следственная комиссия во главе с Шабловским на протяжении всего времени ее существования целеустремленно работала не над раскрытием обстоятельств корниловского заговора, а над разрушением обвинения арестованных и недопущением суда над ними [236]. Видя, что дни контрреволюционной Ставки сочтены, Духонин и другие единомышленники Корнилова решили освободить арестованных, понимая, что после вступления в Могилев революционных войск Ставка уже не сможет спасти корниловцев от народного гнева. О том, что освобождение их было решено в Ставке заранее, свидетельствует такой факт. Штаб Юго-Западного фронта выслал в Ставку денежные аттестаты на Деникина и Маркова, и уже 18 ноября, за сутки до их бегства, из Ставки в штаб фронта сообщили, что Деникин и Марков из-под ареста освобождены и поэтому их денежные аттестаты возвращаются [237].

От справедливого революционного суда Корнилов и его сообщники по августовскому мятежу были спасены в результате последнего, на этот раз удавшегося, заговора духонинской Ставки против рабоче-крестьянской России. Находясь уже в эмиграции, некоторые из уцелевших «быховцев» довольно подробно и весьма живописно изобразили драматические переделки, в каких им довелось побывать в ноябре 1917 г. Но чего у них нельзя найти, так это действительных обстоятельств организации побега. Приоткрыть завесу над тем, о чем умалчивают мемуары белогвардейцев, помогают другие источники, и, в частности, материалы расследования, проведенного в те дни революционными органами Ставки.

Обстановку, в которой произошло бегство, один из солдат Георгиевского батальона, находившихся в карауле, ефрейтор Е. Н. Луговой, описывал в своих показаниях так: «К 18 ноября в гимназии под арестом находилось 8 человек заключенных: генералы Корнилов, Деникин, Марков, Лукомский, Романовский, подполковник Брагин, капитан Роженко и бывший член Государственной думы Аладьин. Охрана была разделена на внутреннюю и внешнюю. Внутреннюю охрану и поверку всякого рода про-

[236] «Возрождение», 1932, 16, 19, 20 сентября. Воспоминания Н. П. Украинцева датированы 28 декабря 1922 г.
[237] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 2, д. 832, л. 32.

пусков и документов производил караул от Текинского конного полка, а охрана наружная была поручена караулу от нас, георгиевцев. Для внешней охраны постоянно находилась в Быхове команда георгиевцев из 75 человек под начальством прапорщика Гришина. Команда эта ежедневно наряжала караул из пяти внешних постов часовых при караульном унтер-офицере (он же разводящий) с подчинением караульному офицеру от Текинского конного полка. Несение службы с самого начала было обставлено так, что нас, георгиевцев, ни во что не посвящали, арестованных мы не принимали, их не контролировали и не освобождали — все это было возложено на текинцев, которым мы не вполне доверяли и которые к нам относились враждебно. О ненадежности охраны георгиевцы заявляли в Могилевский исполнительный комитет и делегации Юго-Западного фронта [238] и просили передать всю охрану арестованных или только нам, георгиевцам, или же освободить нас от такой службы. На наши заявления мы ответа не получили, и дело охраны оставалось по-прежнему.

---

[238] Делегация Юго-Западного фронта (10 человек) конвоировала из Бердичева в Быхов арестованных Деникина и Маркова. Ознакомившись с условиями содержания и охраны корниловцев, делегаты фронта и георгиевцы направили своих представителей в военную секцию Могилевского Совета. Военная секция на общем собрании 30 сентября приняла резолюцию, в которой отмечалось: «1) Помещение, где содержатся арестованные, и их охрана совершенно не соответствуют Уставу гарнизонной службы. 2) Охрана состоит из 60 солдат Георгиевского батальона и 300 солдат Текинского полка. Принимая во внимание, что текинцы до настоящего времени остаются верными генералу Корнилову и совершенно чуждыми интересам революции, 60 солдат Георгиевского батальона не могут нести дальнейшую ответственность по окарауливанию генерала Корнилова и его сообщников...» Резолюция заканчивалась заявлением: «Если охрана текинцев снята не будет, то... караул георгиевцев необходимо отозвать из Быхова, дабы не прикрывать им в глазах армии и всего народа ту ненадежную охрану, которой является охрана Текинским полком». С этой резолюцией делегаты военной секции отправились в Петроград, к Керенскому. Тот наложил на ней резолюцию: «Наблюдение за охраной арестованных ведется ближайшим образом Чрезвычайной комиссией, составом своим вполне обеспечивающей разумность принимаемых ею мер... По соображению государственного спокойствия арестованные находятся там, где это признано нужным. Часть Георгиевского батальона будет усилена, о чем делается распоряжение» (ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 3, д. 53, л. 301).

18 ноября в 7 часов вечера были освобождены Аладьин, Брагин и Роженко. При их освобождении, как и раньше, когда освобождали других, присутствовал комендант Быхова подполковник Эргардт. Освобожденные с вещами отправились на вокзал, их провожал прапорщик Гришин, и они отъехали в поезде на Киев. Ничего подозрительного в освобождении этих арестованных заметить нельзя было: все делалось обычно, как освобождались раньше заключенные в гимназии» [239].

Тут мы прервем показания ефрейтора Лугового и обратимся к рассказу Деникина о том, чего Луговой не мог знать: «...Утром 19-го в тюрьму явился полковник Генерального штаба Кусонский и доложил Корнилову:

— Через четыре часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов.

Генерал Корнилов пригласил коменданта, подполковника Текинского полка Эргардта, и сказал ему:

— Немедленно освободите генералов. Текинцам изготовиться к выступлению к 12 часам ночи. Я иду с полком...» [240]

Ефрейтор Луговой дальше показал: «19 ноября утром, часов в 10, освободили Деникина, Маркова, Лукомского и Романовского. Прапорщик Гришин объяснил караулу, что генералы освобождены по бумагам Чрезвычайной следственной комиссии. Бумаг этих нам никто не предъявлял, так как при освобождении опять-таки присутствовал комендант, и мы не имели права требовать и проверять бумаги. Освобожденные направились на квартиру к коменданту. Куда направились от коменданта освобожденные, никто из нашей команды не видел и до сих пор не знает» [241]. Но об этом мы опять-таки можем узнать у Деникина. «На квартире коменданта,— вспоминал он,— мы переоделись и резко изменили свой внешний облик. Лукомский стал великолепным «немецким колонистом», Марков — типичным солдатом, неподражаемо имитировавшим «сознательного товарища». Только Романовский ог-

---

[239] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 11, д. 58, л. 14. Протокол дознания от 23 ноября 1917 г.

[240] *Деникин А. И.* Указ. соч., с. 144.

[241] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 11, д. 58, л. 14. Протокол дознания.

раничился одной переменой генеральских погон на прапорщичьи». Далее Деникин сообщал, что освобожденные из-под ареста генералы решили добираться до Новочеркасска разными путями и получили в штабе польской дивизии фальшивые документы. Он свидетельствовал, что начальник дивизии генерал Остапович имел распоряжение командира корпуса Довбор-Мусницкого оказать содействие беглецам и «препятствовать всяким насилиям советских войск». Деникин выехал из Быхова поездом в половине одиннадцатого вечера 19 ноября, когда Корнилов еще оставался в помещении гимназии.

Еще один момент, относящийся к утру 19 ноября, к тому самому утру, когда сподвижники Корнилова покидали быховскую «тюрьму». Это — из воспоминаний известного уже нам Резак-бека Хаджиева: «В последний день и в последний час стою я у письменного стола ген. Духонина и жду ответ на письмо Верховного, переданное мною в 6 час. утра. Ген. Духонин, сильно нервничая, пробегает ответ и, быстро запечатав, отдает его мне со словами:

— Передайте, Хан, Верховному мой искренний привет и пожелание ему счастливого пути. Торопитесь!» [242]

К свидетельствам Деникина и Хаджиева приходится обращаться не только для воссоздания фактической стороны происшедшего в Быхове 19 ноября, но также и потому, что печать того времени сохранила уверения в абсолютной непричастности Ставки и самого Духонина к быховскому происшествию. Скорбя через несколько дней о гибели Духонина и клеймя расправившихся с ним матросов, публицист и редактор «Известий Юга» меньшевик Л. Я. Любимов заявлял: «Но Духонин не виноват в бегстве Корнилова и вообще нельзя карать одного за преступление другого» [243]. В буржуазных газетах таких заклинаний было немало. Кадетская «Ростовская речь» поместила даже версию, будто офицер Генерального штаба привез коменданту Быхова приказ Шабловского о немедленном освобождении находившихся в заключении генералов. «Комендант хотел было проверить приказ по телефону, но телефон оказался испорченным,— сообща-

---

[242] *Хаджиев Х.* Великий Бояр. Белград, 1929, с. 168.
[243] «Известия Юга», 1917, 25 ноября.

лось в газете.— Гарнизон, узнавши о приказе, потребовал немедленного освобождения Корнилова. Комендант подчинился» [244].

«С освобождением всех заключенных, кроме Корнилова,— говорится в показаниях ефрейтора Лугового,— сама собой приходила мысль, что и Корнилов будет освобожден Чрезвычайной следственной комиссией. Действительно, ночью, в первом часу на 20 ноября в наше караульное помещение вошел прапорщик Гришин и сказал, что Корнилов освобождается по предписанию Чрезвычайной следственной комиссии, и приказал снять часовых. Корнилова освободил комендант, который вместе с караульным начальником и прапорщиком Гришиным провожали Корнилова из здания гимназии... Как выяснилось к утру, Корнилов у моста через Днепр сел на своего собственного коня и вместе с комендантом, прапорщиком Гришиным, всеми офицерами и текинцами уехал по Черниговскому шоссе на юг. Побег обнаружился спустя час или два, когда не вернулся прапорщик Гришин и наш патруль не нашел в городе никого текинцев... Все велось и делалось так тонко, что мы не могли подозревать побегов. Как устанавливается сейчас, что если бы мы догадались в последнюю минуту задержать их, то была спешена сотня текинцев, и она силой оружия все-таки освободила бы Корнилова...» [245].

В ту ночь старший унтер-офицер 3-й роты Георгиевского батальона П. В. Чистяков был караульным унтер-офицером и разводящим. Он показал: «Ночью, в первом часу на 20 ноября в караульное помещение вошел прапорщик Гришин и объявил караулу, что Корнилов освобождается. Я... спросил: кто разрешил освободить Корнилова? Гришин ответил, что по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии и что никаких сомнений в этом не может быть, так как Гришин сам просматривал бумаги и все они действительны и верны, за что он ручается головой, и приказал снять часовых. Часовые были сняты и вошли в караульное помещение. Генерал Корнилов спустился с верхнего этажа, одетый в обычную форму. Проходя возле нашего помещения, он сказал: «Про-

---

[244] «Ростовская речь», 1917, 23 ноября.
[245] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 11, д. 58, л. 14—15.

щайте, георгиевцы, я уезжаю». Корнилова сопровождали офицеры» [246].

В показаниях ефрейтора И. А. Бордынюка рассказывается, как прапорщик Гришин за несколько часов до побега Корнилова выяснял возможную реакцию караула на освобождение Корнилова и заодно подготавливал солдат к спокойному восприятию такого факта. Около 7 часов вечера 19 ноября Гришин спрашивал их, каково будет их отношение, если Чрезвычайная следственная комиссия освободит генерала Корнилова. Солдаты ответили, что надо хорошо проверять бумаги. Гришин сказал, что бумаги он всегда просматривает и за правильность их отвечает головой. «У нас,— показывал Бордынюк,— не возникало никаких сомнений, тем более, что главную охрану Корнилова несли текинцы и за правильность освобождения отвечал комендант. Только теперь мы поняли, что комендант, все офицеры Текинского полка, сами текинцы, наш прапорщик Гришин... держали сторону Корнилова и других содержавшихся с ним преступников» [247].

Из показаний же ветеринарного фельдшера 1-го эскадрона Текинского конного полка А. В. Храпова видно, что́ делалось в ту ночь в полку. «В час ночи с 19 на 20 ноября в 1-м эскадроне офицеры по тревоге подняли всадников и обоз и приказали немедленно строиться без указания, куда следовать. Все обозные русские отказались выходить и не хотели запрягать. Нас заставили запрягать и следовать под обнаженными шашками. Эскадрон собрался, и поручик Капков повел его по Банной улице к мосту... Через четверть часа у моста появился всадник около собственной лошади Корнилова, сел на нее, и тогда эскадроны начали вытягиваться через мост... Я ехал на коне в хвосте 1-го эскадрона. Настроение мое было тревожно. Я не сомневался, что Корнилов совершал побег. Отделиться от полка не было возможности. Пройдя не более четверти версты от моста, меня догнал член полкового комитета старший унтер-офицер Ходжинапес Джумиев. Я спросил его, по какому случаю произошла тревога и куда идем. Он мне сказал открыто по-туркменски, что бояр Корнилов убежал. Я решил в ближайшем лесу скрыться и дать знать о побеге Корнилова» [248].

[246] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 11, д. 58, л. 15.
[247] Там же, л. 15—16.
[248] Там же, л. 16—17.

Все эти свидетельства показывают, что бегство главарей корниловщины из Быхова было тайно и заранее подготовлено при прямом участии Духонина, пославшего к Корнилову полковника Кусонского с извещением о времени бегства и напутствовавшего Корнилова через его адъютанта. В заговор были втянуты офицеры Текинского полка, комендант Быхова подполковник Эргардт, а также командир 1-го польского корпуса генерал Довбор-Мусницкий, давший штабу польской дивизии указание о содействии бегству, чины этого штаба, оформлявшие фальшивые документы на проезд, и начальник караульной команды Георгиевского батальона прапорщик Гришин.

Но не одна только Ставка была заинтересована и приняла участие в организации бегства главарей корниловщины. Еще 12 сентября 1917 г. генерал Алексеев обратился к Милюкову с письмом, в котором просил развернуть кампанию за реабилитацию и освобождение Корнилова и его сообщников. Он просил также собрать для семей заключенных офицеров-корниловцев 300 тыс. рублей, считая,что на его призыв должны откликнуться Вышнеградский и Путилов, связанные с корниловщиной «общностью идеи и подготовки» заговора [249].

Отзвуки этой, казалось бы, не имеющей отношения к быховскому эпизоду кампании, через 15 лет появились в издававшихся Милюковым «Последних новостях». «Когда быховские узники обратились в столицы за денежной поддержкой для семейств арестованных офицеров,— писалось там,— им удалось собрать всего 40 тыс. руб., из коих 30 тыс. были истрачены для текинского конвоя, бежавшего на Дон с Корниловым» [250]. О том же упоминает и один из руководителей Совета общественных деятелей кадет М. М. Федоров в записке, сохранившейся в бумагах Деникина, которыми он пользовался во время работы над «Очерками русской смуты». Федоров писал: «Прибытие генерала Корнилова [на Дон] не могло, конечно, не отразиться на всей постановке дела в Добровольческой армии. Исход генерала Корнилова из Быхова и движение его на Юг, в Донскую область, для военного руководства

---

[249] *Владимирова В.* Революция 1917 года (Хроника событий). Т. 4. Л., 1924, с. 377—380.

[250] Корнилов и Февральская революция. Лекция Б. А. Гуревича.— «Последние новости», 1932, 1 июля.

добровольческим движением ожидалось московскими деятелями еще в бытность в Москве московских делегатов в Добровольческую армию. Известные суммы на осуществление передвижения генерала Корнилова из Быхова на Юг были отпущены московским центром полковнику Голицыну, приезжавшему в Москву для отыскания на это средств. И делегация, по прибытии в Новочеркасск, с нетерпением ждала приезда туда генерала Корнилова»[251].

Тайна, которой была окружена организация «исхода из Быхова», сослужила корниловцам двойную службу: сначала содействовала успеху бегства, а потом на протяжении многих лет позволяла обволакивать его романтическим туманом. Бегство самого Корнилова в изображении Деникина напоминает скорее торжественное отбытие высокого начальства: тут и прощание с выстроенным по такому случаю караулом, и великодушная благодарность, и награда «тюремщикам», и их громкие крики «ура» в честь освобождения высокопоставленного «узника»[252]. До последнего времени «Очерки русской смуты» оставались, пожалуй, единственным источником сведений об этом эпизоде, почему они цитировались и в серьезных работах[253]. Но Деникин не был очевидцем бегства Корнилова, ибо покинул место заключения раньше его, и «Очерки» дают сомнительный материал для освещения данного факта.

Без риска ошибиться можно указать тот источник, которым воспользовался сам Деникин. Редактор «Донской волны», а потом и «Вольного Дона» В. Краснушкин (псевдоним — В. Севский) в отношении фактов не отличался щепетильностью. В своей брошюре «Генерал Корнилов» он так разукрасил бегство своего героя: «19 ноября, т. е. на следующий день после отъезда из Быхова генерала Деникина и других, из Ставки Духонина прибыли офицеры с поручением начальника штаба ген. Дитерихса освободить генерала Корнилова. 19 ноября началась вторая сказка из жизни Корнилова: его поход с текинцами на Доп. В семь часов вечера комендант Быхова объявил текинцам, солдатам Георгиевского батальона и польской дивизии об освобождении Корнилова и о том, что он

---

[251] Автограф М. М. Федорова.
[252] См. *Деникин А. И.* Указ. соч., с. 151—152.
[253] См. История гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1942, с. 204.

едет па Дон. К солдатам вышел из тюрьмы сам Корнилов и обратился с речью, в которой рассказал историю своего пресловутого выступления и осветил в ней роль А. Ф. Керенского. Георгиевцы заявили, что они и сами убедились в невинности Л. Г. Корнилова.

— Ура генералу! Счастливого пути, господин генерал.

Текинцы подвели Корнилову тонконогого текинского жеребца вороной масти, генерал в серой шинели, с белым башлыком, заброшенным длинными концами на спину, вскочил на коня и во главе текинцев выехал из города»[254].

Деникина не смутило, что Виктор Севский по незнанию пишет глупости: ведь сам-то он знал, что уехал из Быхова не 18-го, как считает Севский, а именно 19 ноября; знал, что Дитерихс начальником штаба главковерха не был, и Кусонский передавал не его поручение, а Духонина; и знал, конечно, что как поход с текинцами на Дон, так и бегство Корнилова из австрийского плена были подрисованы под сказку борзописцами из «Русского слова» и «Нового времени». Исключив из описания Севского явные нелепости, он перенес в свои «Очерки» сказку об «исходе» Корнилова из Быхова — плод беллетристических усилий газетчика среднего пошиба. Между тем, сам В. Севский в конце своей книги назвал источники своих сведений: лубочные брошюры и заметки из «Донской волны» и газет 1917—1919 гг.— и ни одного сколько-нибудь серьезного, заслуживающего доверия материала[255]. Среди разных материалов и источников в архиве автора «Очерков русской смуты» хранится и наполненная мистификациями брошюра В. Севского «Генерал Корнилов».

---

[254] *Севский В.* Генерал Корнилов. Ростов-на-Дону, [1919], с. 63—65.

[255] Там же, с. 98.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОБЕДА ВОЕННЫМ ОБРАЗОМ ЗАКРЕПЛЕНА

Штаб главковерха — в руках ВРК

Вечером 19 ноября Крыленко, находившийся с революционными отрядами в Витебске, получил первые известия об аресте Могилевским ВРК Духонина и об отказе Ставки от сопротивления. «Поэтому первым моим намерением,— писал он несколько дней спустя,— было выехать в Могилев в сопровождении только личной моей охраны, моего поезда, оставив все эшелоны на ст. Витебск». Но тут в Витебск прибыла делегация Могилевского ВРК, она известила Крыленко «о неустойчивом настроении некоторых частей войск, равно как о возможности столкновения с ударными батальонами». В 21 час главковерх распорядился о немедленной отправке эшелонов в Могилев, при этом особо предупредил отправляющиеся отряды: «никаких обысков и арестов без моего распоряжения не производить» [1].

Начальник головного отряда революционных войск прапорщик В. В. Сахаров рассказывал по свежим впечатлениям о деталях похода: «Когда наш отряд проезжал между Оршей и Шкловом, ген. Скобельцын, начальник 1-й Финляндской стрелковой дивизии, приготовленной Ставкой, чтобы дать нам отпор, приказал команде саперов взорвать мост за двести сажен перед нашим шедшим

[1] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 1917, 1 декабря. (Из «Показания главковерха Крыленко по делу об убийстве ген. Духонина»).

полным ходом поездом. Эта попытка не удалась, потому что саперы отказались выполнить это приказание. Да и вообще вся 1-я Финляндская стрелковая дивизия не оправдала надежд своего командного состава: она не только не выступила против нас, но отдельные полки этой дивизии высылали к эшелонам делегации с приветствием верховному главнокомандующему тов. Крыленко»[2]. А ведь именно этими частями (22-го корпуса) Духонин всего пять дней назад рассчитывал загородить Центральную Россию от гражданской войны.

Отряд Петроградского ВРК под начальством прапорщика В. В. Сахарова, имевший в своем составе Финляндский гвардейский полк, артиллерию, пулеметную команду и специальные подразделения, вступил в Могилев первым. Вслед за ним — матросский отряд под начальством мичмана С. Д. Павлова и поезд верховного главнокомандующего. «Так как среди окружавших дворец (в котором помещалась Ставка.— *В. П.*) возбуждение против генерала Духонина росло с каждой минутой и оставаться во дворце ему было опасно,— рассказывает В. В. Сахаров,— я и мичман Павлов перевели его в только что прибывший поезд главковерха. Толпа, искавшая его во дворце, нашла его и здесь. Придя к поезду, они стали требовать выдачи Духонина. Получили отказ»[3]. Узнав, что Духонин приехал в сопровождении мичмана Павлова и уже находится в вагоне-столовой поезда, Крыленко вызвал к себе Павлова и спросил о причинах перевода Духонина из Ставки в поезд. «Мичман объяснил,— показывал Крыленко,— что во время расстановки караулов у Ставки ему пришлось слышать среди георгиевцев и матросов разговоры о необходимости расправы с Духониным, почему он счел необходимым перевести его в мой поезд. Отправившись в вагон-столовую, я застал там ген. Духонина и около часа вел с ним разговор об общем положении фронта, политическом положении страны, и, в частности, о распоряжениях Духонина, касавшихся ударных батальонов, направившихся на юг, которым грозило столкновение с моими войсками. Генерал Духонин был

[2] *Сахаров В.* К взятию Ставки.— «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 1917, 26 ноября.
[3] Там же.

крайне обеспокоен грозившим столкновением...»[4] И оно, действительно, произошло. Получив известие, что под Жлобином уже идет бой, Крыленко стал снаряжать матросов на помощь отряду, ведшему там бой с ударниками. Он как раз этим и был занят, когда в поезде появился Духонин. Закончив разговор с ним, Крыленко собрался ехать в Ставку, чтобы фактически вступить в должность и восстановить нормальную работу штаба главковерха, и предложил Духонину на выбор — поехать с ним или остаться в вагоне. Духонин решил остаться, так как чувствовал себя в вагоне в большей безопасности. Уезжая, главковерх отдал распоряжение усилить охрану и защищать вагон, ввиду угрожающего настроения толпы, вплоть до применения пулеметного огня.

Объясняя такое настроение, Крыленко вспоминал: «Как молния, в это время распространилась по революционным войскам весть, что генерал Корнилов бежал из Быхова... что накануне бежали на лошадях Станкевич, Перекрестов и другие члены Общеармейского комитета. А под Жлобином уже шел бой. Этим судьба Духонина была решена»[5]. Бывший с Крыленко в Ставке генерал С. И. Одинцов, приехавший с ним из Петрограда, в показаниях, данных им 22 ноября, рассказал: «Часа через два [пребывания в Ставке] главковерху донесли, что толпа матросов[6] собралась у вагона, в котором находился генерал Духонин, и требует его выдачи. Главковерх быстро выбежал из помещения, за ним последовал я, поручик Шнеур, еще один офицер... Главковерх приказал шоферу ехать как можно скорее, и мы понеслись на станцию полным ходом. По прибытии на станцию главковерх пробился сквозь толпу и, став на площадке вагона, обратился с горячей речью к толпе, убеждая ее не прибегать к самосуду, а выждать решения суда. При этом главковерх неоднократно повторил, что только через его труп могут

---

[4] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 1917, 1 декабря.

[5] *Крыленко Н. В.* Смерть старой армии.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, с. 60.

[6] Чиновник управления Западных железных дорог Е. Прокопец, очевидец этого происшествия, показывал, что «толпу составляли крестьяне, матросы, солдаты, все прибывавшие с воинской платформы» (*Лелевич Г.* Октябрь в Ставке. Гомель, 1922, с. 91).

перешагнуть для того, чтобы дотронуться до генерала Духонина [7]. В конце концов главковерху удалось овладеть толпой, которая, несмотря на агитацию отдельных лиц, согласилась на то, чтобы оставить генерала Духонина в покое, но требовала выдачи взамен генерала его погон» [8]. Крыленко лучше запомнил смысл этого требования. По его свидетельству, выступивший после него матрос и другие лица доказывали необходимость расправы тем, что «Керенский уже удрал, Корнилов удрал, Краснов также... всех выпускают, и что этот-то не должен уйти».

Крыленко все же удалось воздействовать на собравшихся и, как он пишет, их «ярость сменилась шутливым настроением». Они попросили хоть показать Духонина — Крыленко решительно отказал. Тогда стали требовать дать «хотя его погоны, по крайней мере, тому отряду, который был готов к отправлению на Жлобин для боя с ударниками», говоря при этом: «Может, они уже не вернутся, так должны знать, что Духонин в руках» [9]. Крыленко с Одинцовым вошли в купе и попросили у Духонина его погоны, как объяснил Одинцов, «для спасения жизни». В страшном волнении Духонин не мог их отцепить от кителя, Одинцов отвязал их и передал Крыленко. Получив погоны, толпа разошлась. Но через каких-нибудь полчаса к Крыленко обратилась делегация матросов, настаивая на выдаче Духонина. Главковерх вышел на площадку вагона и стал убеждать матросов в невозможности выполнить их требование. Его поразил совершенно спокойный тон разговора с ним делегатов, подававший надежду избежать эксцесса, «но в это время,— рассказывал Крыленко,— я улышал шум и крики позади меня и, обернувшись, увидел, что с противоположной стороны площадки врываются матросы [10]. Бросившись к этой стороне, я засло-

---

[7] По свидетельству Е. Прокопца, Крыленко «говорил медленно, отчеканивая каждое слово, и удивительно популярно, удивительно просто, понятно для каждого. Он говорил, что Духонина надо отвезти для суда в Петроград, что самосуд будет носить характер простого убийства, пятнающего честь Советской власти, что к Духонину они ворвутся только через его труп» (там же).

[8] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 1917, 1 декабря («Показание генерала Одинцова»).

[9] Там же («Показание главковерха Крыленко...»).

[10] Описывая этот момент, Е. Проконец зафиксировал речь матроса, взобравшегося на площадку вагона: «Товарищи, мы дали бе-

нил собой вход в вагон, крепко ухватившись руками за поручни вагона, рядом со мной стоял тов. Рошаль, также запиравший вход. Толпа напирала...»

В. В. Сахаров описывал происшедшее так: «Бушующая толпа пошла на штурм. Защелкали затворы. Полезли на вагон, под вагон, чтобы лезть в него с другой стороны, зачем-то на крышу вагона; смяли часовых. Схватили тов. Крыленко за плечи, за руки; сняли его с площадки вагона на путь... А другие прорвались внутрь вагона и вывели на площадку генерала Духонина. В несколько секунд все было кончено»[11]. Через год, оценивая происшедшее, Крыленко напишет: «Духонин был растерзан матросами. *Объективно* нельзя не сказать, что *матросы были правы.* Их отправляли на смерть, в бой, и в тылу они оставляли живым виновника их возможной смерти, объявленного еще в Двинске *врагом народа*[12]. Было бы правильнее, пожалуй, со стороны новой власти приказать тут же расстрелять Духонина. Post factum об этом говорить, конечно, поздно»[13]. Буржуазные газеты, конечно, воспользовались случившимся, чтобы поднять исступленный вопль против большевиков, обвиняя народных комиссаров и в особенности Крыленко в терроре, в преднамеренном якобы убийстве Духонина. Все свидетельства противоположного свойства, исходившие от самих большевиков, расценивались как самооправдательные, но вот голос свидетеля другого рода — генерала Одинцова. «Я товарищ по академии ге-

---

жать Корнилову, мы выпустили его из своих рук. Не выпустим, по крайней мере, Духонина» (*Лелевич Г.* Указ. соч., с. 91—92).

[11] «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 1917, 26 ноября.

[12] После этих слов в первоначальном тексте работы Крыленко было написано: «Духонина постигло только то, что он заслужил. Были отвратительны формы этого убийства, но другого приговора он не мог получить и по суду, тем более, что на другой же день выяснилось, что Корнилов был выпущен из Быхова *с его ведома*» (подчеркнуто всюду в подлиннике). А ведь ни матросы, ни солдаты не знали тогда, не узнали, по-видимому, и позже о тех тайных кознях, которые изобретал против них тот же Духонин, то собирая вместе с «Комитетом спасения» «лужский кулак», то сосредоточивая войска в районах, удаленных от главных революционных центров, то устраивая заслоны на пути отхода войск в глубину России. Из литературного наследства Крыленко не видно, чтобы и он знал в то время об этих замыслах Ставки, запрятанных в недрах архива.

[13] ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 105, л. 18.

нерала Духонина, сослуживец по Генеральному штабу и глубоко чтил его,— писал он под свежим впечатлением случившегося... — Должен по совести сказать, что со стороны главковерха и всех окружавших в этот страшный момент были приложены все нравственные и физические силы, чтобы спасти генерала Духонина от самосуда, но имевшие оружие были обезоружены или сброшены с дороги матросами» [14].

На II Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов 2 декабря 1917 г. В. И. Ленин сказал по этому поводу: «...Духонину было предложено приступить к переговорам о перемирии. Он отказался. Духонин заключил союз с Корниловым, Калединым и с другими врагами народа, и в величайшем возбуждении против своего врага народ убил его», ставшего «поперек дороги к миру, поперек желаниям 99/100 русской армии» [15].

Операция по окружению Ставки охватывала территорию, имевшую 200 верст в поперечнике. С овладением Ставкой первым делом советского верховного командования было восстановить на этой территории нормальное железнодорожное сообщение. Крыленко немедленно распорядился о возобновлении движения пассажирских поездов по всем линиям, где оно прерывалось ввиду перевозок революционных войск; все эшелоны, спешившие с различных сторон в Могилев, были приостановлены и возвращались в свои армии.

Вечером чины Ставки, находившиеся с предыдущего дня под домашним арестом, были освобождены и вернулись к исполнению своих обязанностей. «Начальники отделов Ставки и весь ее состав был представлен новому главковерху; они единодушно обещали работать на пользу армии»,— говорилось в официальном сообщении из Ставки, опубликованном в газетах [16]. В 20 часов Крыленко отдал приказ: «Сего числа я прибыл в Ставку и вступил в должность верховного главнокомандующего армиями и флотом Российской республики». Он призывал ко-

---

[14] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 1917, 1 декабря. («Показание генерала Одинцова», заверенное комендантом ст. Могилев-на-Днепре подполковником Мининым).

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 141—142.

[16] «Правда», 1917, 22 ноября; «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, 22 ноября.

мандный состав продолжать текущую работу, памятуя тяжелое положение страны и обязанности перед нею, и предупреждал, что «всякое непризнание со стороны командного состава вынудит к мерам, которые не хотел бы принимать» [17]. Начальником штаба верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко назначил генерала М. Д. Бонч-Бруевича, исполнявшего обязанности начальника Могилевского гарнизона.

В тот же день главковерх издал обращение к солдатам и матросам армии и флота. Извещая всех о вступлении революционных войск в Могилев и овладении Ставкой без боя, Крыленко расценивал эту победу как устранение последнего препятствия делу мира. «Не могу умолчать,— говорилось вместе с тем в обращении,— о печальном акте самосуда над бывшим главковерхом генералом Духониным,— народная ненависть слишком накипела; несмотря на все попытки спасти его, он был вырван из вагона на станции Могилев и убит. Причиной этому послужило, накануне падения Ставки, бегство генерала Корнилова... С самым строгим осуждением следует отнестись к подобным актам; будьте достойны завоеванной свободы, не пятнайте власти народа. Революционный народ грозен в борьбе, но должен быть мягок после победы» [18]. Это обращение, как и официальное сообщение из Ставки, также осуждавшее самосуд над Духониным как «прискорбное событие, омрачившее торжество победы», было опубликовано во всех советских газетах. В. И. Ленин, очевидно, имел в виду официальное сообщение из Ставки и обращение нового главковерха к солдатам и матросам, говоря 2 декабря на съезде Советов крестьянских депутатов: «...Когда был убит генерал Духонин, наши газеты первые вынесли осуждение самосудам» [19].

20 ноября перестал существовать самый опасный в то время центр всероссийской контрреволюции. Ставка верховного главнокомандующего, где он было обосновался, перешла в руки Советской власти, и, как отмечал Крыленко в обращении к солдатам и матросам, борьба за мир получила благодаря этому новую силу. Решение столь

---

[17] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2. Минск, 1957, с. 241.
[18] *Лелевич Г.* Указ. соч., с. 90.
[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 142.

важной задачи надо признать оптимальным: революционное командование овладело штабом верховного главнокомандующего без разрушения аппарата, необходимого для управления войсками действующей армии, без вооруженного столкновения и связанных с ним потерь. Много значило для такого исхода борьбы за Ставку образование в ночь на 19 ноября Могилевского ВРК. Он сделал решительный шаг к ликвидации контрреволюционного гнезда в Могилеве и облегчил вступление в город революционных войск, не допустив вооруженного сопротивления со стороны каких бы то ни было сил, приготовленных для защиты Ставки.

В литературе появилась в последнее время иная оценка деятельности Могилевского ВРК. В. Г. Ивашин в своей книге заявляет: «Контрреволюционной Ставке удалось осуществить свои коварные планы (речь идет об организации бегства главарей корниловщины из Быхова.— *В. П.*) благодаря соглашательской политике Могилевского Совета, а также ошибкам, допущенным Могилевским Военно-революционным комитетом» [20]. Правда, в дальнейшем изложении на счету Могилевского ВРК оставлена только одна ошибка: он выпустил из Могилева ударные батальоны, которые, «по сути дела, прикрывали бегство контрреволюционных генералов из Могилева и Быхова» [21]. Ошибка ВРК состояла в том, что он «проявил недопустимую медлительность, в своих действиях был нерешителен. Он не сумел использовать революционные войска гарнизона для разоружения «ударников», не установил контроля за действиями генералитета Ставки» [22]. Подобных упреков нельзя встретить в разного рода свидетельствах самих участников событий и руководителей революционных войск.

С. И. Зобков, ставший после занятия Ставки секретарем временного ВРК при ней, а в ночь на 19 ноября избранный членом Могилевского ВРК, на общеармейском съезде говорил, что он и приехавшие с ним товарищи (это были В. А. Фейерабенд и И. Г. Дмитриев) имели

---

[20] *Ивашин В. Г.* Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск, 1972, с. 224.

[21] Там же, с. 225.

[22] Там же.

задание, организовав ВРК, «приготовить город к принятию революционных войск без столкновений, без кровопролития». В том же докладе Зобков указал, что Могилевский ВРК обладал «исключительно моральной силой, потому что местный гарнизон состоял тогда из георгиевцев (неполный батальон), перешедших на нашу сторону, двух батальонов, прибывших для защиты контрреволюционной Ставки казаков, заявивших о своем нейтралитете. Ударники категорически заявили нам, что если при них придут в Могилев большевистские войска, то будет кровопролитие, и, конечно, для нас создавалась очень трудная задача — не допустить этого кровопролития... Ставка была в наших руках, и тогда мы заявили ударникам, что их миссия кончилась, и отправили из Могилева, приготовив таким образом приход революционных войск» [23].

В. Г. Ивашин, видимо, считает, что неполного Георгиевского батальона (мы знаем, что команда из этого батальона в 75 человек находилась в Быхове) в руках ВРК было достаточно для разоружения ударников, которых, по его сведениям, в Могилеве было два батальона. Даже при таком соотношении сил возможность разоружения была по крайней мере проблематична, но в Могилеве к моменту образования ВРК стало не два ударных батальона, а четыре (батальон 1-го ударного полка, ударный батальон 1-й Финляндской дивизии, 4-й и 8-й ударные батальоны), да еще на станции Жлобин стояло подкрепление в виде 2-го Оренбургского ударного батальона. Могилевский ВРК в ту же ночь, как только образовался, вызвал начальника гарнизона генерала Бонч-Бруевича. Тот признал власть ВРК и информировал членов его о положении в гарнизоне. В разговоре с Бонч-Бруевичем выяснялось, возможно ли разоружение хотя бы только 1-го ударного полка, от которого в городе стояли караулы. Такой возможности не оказалось: «Георгиевский батальон был для этого слишком малочислен», сообщает в своих записках Р. И. Берзин, к которому в Оршу за помощью для разоружения ударников был ночью же командирован В. А. Фейерабенд [24]. Если это «недопустимая медлительность», то, спрашивается, какие еще оставались

[23] «Революционная Ставка», 1917, 15 декабря.
[24] «История СССР», 1966, № 2, с. 137.

у ВРК неиспользованные резервы времени? Такого вопроса В. Г. Ивашин не ставит и, разумеется, не разъясняет. Когда же Фейерабенд (вечером 19 ноября) вернулся в Могилев с известием, что советские войска продвигаются к Могилеву, то ВРК уже успел договориться с ударниками об их удалении из города. «С советской стороны,— говорится в записках Р. И. Берзина,— были приняты меры, чтобы систематически задерживать ударников на каждой станции, пока об их маршруте не будет извещен Южный отряд Лысякова, находившийся на пути к Жлобину» [25].

Как же отнесся к этому факту руководивший всей операцией Крыленко? В статье, написанной примерно через год, он вспоминал: «Из Витебска по прямому проводу была сделана последняя попытка избегнуть столкновения. Одинцов выехал вперед на паровозе к Духонину склонить его к повиновению и безусловной сдаче» [26]. Получив по телеграфу из Могилева заверение Одинцова, что Духонин от сопротивления отказывается, и узнав об образовании и действиях в Могилеве ВРК, Крыленко решил было ехать туда только со своей личной охраной, но, предупрежденный делегацией могилевского гарнизона о возможном столкновении с ударниками, распорядился двинуть на Могилев все войска [27]. Так рассказывал он через несколько дней в показаниях по делу об убийстве Духонина. Но, по-видимому, уже отдав необходимые распоряжения, Крыленко получил сведения о том, что ударники покидают Могилев и что «чины Ставки арестованы собственными войсками». И он дает телеграмму военно-революционным комитетам действующей армии, в которой сообщает об «энергичных действиях» солдатской секции и левого крыла Могилевского Совета, об образовании в Могилеве ВРК и совершившемся там перевороте. А дальше в телеграмме говорилось: «Слабый численностью Георгиевский батальон принужден был согласиться на выход ударников с оружием на юг». Здесь нельзя заметить ни тени упрека за ударников ни Военно-революционному комитету, ни георгиевцам. В остальном тексте

---

[25] Там же, с. 138.
[26] «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, с. 59.
[27] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 1917, 1 декабря.

телеграммы чувствуется приподнятый тон: вступление революционных войск в Могилев обходится без эксцессов, без кровопролития. «Немедленно двинуты эшелоны революционных войск с юга и с севера к Могилеву,— извещает главковерх.— Настроение войск превосходное, отряды и полки, сгруппированные для занятия Могилева, наперебой рвутся вперед, чтобы войти первыми в разорепное гнездо контрреволюции. Выезжаю в Могилев и вступаю в должность» [28].

Едва сорганизовавшись, Могилевский ВРК сразу взял на себя функции революционного органа при Ставке, заявив, что устанавливает контроль над ее деятельностью. Мог ли быть этот контроль всеобъемлющим и мог ли быть налажен за один-два дня до перехода Ставки в руки революционной власти, если не забывать, что в состав ВРК входило всего восемь человек? Он успел арестовать Духонина и других руководящих чинов Ставки, которые могли бы организовать сопротивление новой власти, не допустил эвакуации Ставки из Могилева, распропагандировал и нейтрализовал неустойчивые части гарнизона, предотвратил, наконец, вооруженное столкновение при вступлении советских войск в Могилев. Все это сделано за день, но день такой энергичной деятельности должен быть поставлен Могилевскому ВРК в заслугу перед историей.

В освещении истории борьбы за Ставку можно встретить и другие погрешности. Одна из них приобрела даже полувековую традицию. В ряде изданий ход этой борьбы рисуется таким образом, что в ноябре было не две, а одна экспедиция, возглавленная Крыленко. Подобное освещение событий дал Г. Лелевич в 1922 г.[29], оно было повторено в историческом очерке С. А. Алексеева в 1929 г.[30], развито в 1942 г. в «Истории гражданской войны в СССР» [31] и «углублено» в 1968 г. М. С. Лазаревым в его статье о ликвидации контррево-

---

[28] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 224.

[29] См. *Лелевич Г.* Указ. соч., с. 55—58, 87—89.

[30] См. *Алексеев С. А.* Октябрьская революция. М.— Л., 1929, с. 250—257.

[31] См. История гражданской войны в СССР, т. 2. М., 1942, с. 291—295.

люции в Ставке [32]. Общим для этих работ является утверждение, будто 11 ноября из Петрограда для ликвидации Ставки «отбыл в направлении Могилева» сводный отряд из солдат Литовского полка и матросов Балтийского флота — три эшелона общей численностью свыше 3 тыс. человек; подкрепленный наступавшими на Могилев с разных сторон войсками Западного фронта, 20 ноября он вступил в Могилев [33]. Но отряд, сопровождавший Крыленко в первой экспедиции, состоял всего из 50 человек, в числе которых, кроме красногвардейцев и офицеров, было 20 матросов [34], и задачей экспедиции было не овладение Ставкой (для чего, конечно, потребовался бы отряд не в 50 человек), а организация переговоров с германским командованием об установлении перемирия. Это и было достигнуто, революционная власть возвращалась из Двинска в Петроград, по словам Крыленко, «с сознанием свершенного великого дела». Он писал, что экспедиция 14 ноября двинулась назад и 15-го вернулась в Петроград [35], новая же экспедиция 19 ноября (выше отмечалась неточность: на самом деле — 17 ноября) «уже выехала в Могилев», причем «была снабжена грознее».

---

[32] См. «Вопросы истории», 1968, № 3, с. 50—55.

[33] Здесь общий ход дела изложен по статье М. С. Лазарева; в ней есть мелкие расхождения с другими изданиями: во 2-м томе «Истории гражданской войны в СССР» датой выезда Крыленко из Петрограда считается (менее точно) 10 ноября; в работах Г. Лелевича и С. А. Алексеева выезд из Петрограда вообще не датируется; С. А. Алексеев указывает, что из Петрограда Крыленко выехал только с отрядом в 30 человек охраны, который потом, 20 ноября, и вступил в Могилев.

[34] См.: «Красный архив», 1927, т. 4 (23), с. 223; Октябрьская революция и армия, с. 110; *Лелевич Г.* Указ. соч., приложение, с. 62, 64. Эти сведения подтверждаются новыми документами, опубликованными в сборниках: Петроградский военно-революционный комитет, т. 2. М., 1966, с. 357, и Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 — декабрь 1918). Л., 1968, с. 32; однако в обоих сборниках к этим документам сделаны примечания, в которых отряд, сопровождавший Крыленко в его поездке в Двинск, назван сводным отрядом, вступившим 20 ноября в Могилев, а во втором сборнике даже перечислены Литовский полк и отряды Павлова и Кудинского как якобы входившие в состав первой экспедиции (см. с. 315, примечание № 19).

[35] В сообщении секретаря экспедиции Е. Ф. Розмирович из Двинска о результатах поездки указывалось, что в ночь на 15 ноября делегация выезжает в Петроград («Правда», 1917, 16 ноября).

Крыленко перечислял, как мы помним, части, которые отправились с ним для овладения Ставкой (отряды Павлова, Сахарова, Кудинского и Литовский полк) [36]. Для решения этой задачи создавались уже и другие отряды (Северный и Южный).

Только на почве смешения двух экспедиций в одну могло возникнуть такое резюме: «Отряд, отправленный из Петрограда 11 ноября, вступил в Могилев 20 ноября, то есть тогда, когда контрреволюционный генералитет сбежал из Могилева и Быхова. Отряд, наступавший из Минска, должен был вступить в Могилев 18 ноября, однако он не дошел даже до Быхова и лишь 21 ноября достиг Жлобина» [37]. Это смешение здесь усилено утверждением, что отряд, наступавший из Минска, должен был вступить в Могилев 18 ноября, причем под отрядом, как видно из предыдущего текста, понимается Южный отряд под начальством Е. И. Лысякова [38]. Не будем вдаваться в такую деталь, не имеющую значения для разбора существа дела, как произвольный перечень частей, входивших якобы в отряд, тогда как точный его состав был определен приказом ВРК Западного фронта. Важно другое: 18 ноября Военно-революционный комитет Западного фронта еще только отдал приказ о формировании и задачах отрядов. Ясно, что о вступлении Южного отряда в Могилев в тот же день не могло идти речи хотя бы потому, что обеспечение всеми видами довольствия и боеприпасами, погрузка и перевозка довольно крупного формирования требовали немалого времени. Но все же Южный отряд не «лишь 21 ноября достиг Жлобина», а в ночь на 20-е, как сообщил об этом ВРК фронта 20 ноября через Берзина для Крыленко [39]. В приказе отряду, конечно, и не ставилась задача «вступить в Могилев 18 ноября». Начальнику отряда было приказано сформировать отряд и, вступив в командование им, окружить и парализовать действия контрреволюционных сил в назначенном районе, овладеть станциями Жлобин и Довск и «ждать особого приказа

---

[36] «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, с. 59.
[37] «Вопросы истории», 1968, № 3, с. 55.
[38] Там же, с. 50.
[39] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 4, д. 38, л. 37. Телеграмма Р. И. Берзина от 20 ноября 1917 г. в Ставку — главковерху и в Могилевский ВРК.

для дальнейших действий». Только в случае, если бы Ставка заявила о сдаче, начальник отряда должен был «телеграфировать в ВРК Западного фронта и приступить к занятию Ставки» [40].

Все это показывает, что М. С. Лазарев не произвел проверки фактических данных, из которых вытекало его резюме. Тем не менее, исходя из них, он ставит вопрос: «В чем же причина того, что Ставка была взята лишь тогда, когда ее руководящий состав и корниловцы из Быховской тюрьмы успели сбежать на юг?» Дело, оказывается, прежде всего, в том, что Могилевский ВРК не разоружил ударников и дал им возможность уйти, а они-то, «по сути дела, прикрывали бегство чинов Ставки из Могилева и корниловцев из Быхова» [41]. Не будем снова останавливаться на разборе этого упрека, перешедшего из статьи М. С. Лазарева в книгу В. Г. Ивашина,— выше уже шла об этом речь. Но для ответа на вопрос, поставленный М. С. Лазаревым, подобное объяснение оказалось недостаточным, и он вводит в оборот нечто новое: в операции по взятию Ставки не обошлось, оказывается, без измены и предательства со стороны генерала Марушевского и исполнявшего обязанности начальника походного штаба при Крыленко поручика Шнеура. Благоприятной для такого домысла почвой послужило обстоятельство, что эти лица и без того имели одиозную репутацию. Марушевский, действительно, оставаясь некоторое время начальником Генерального штаба, как мы неоднократно уже видели, занимал антисоветскую позицию и был единомышленником Духонина. Но это не было, как видно, секретом для народных комиссаров по военным делам, в том числе для Крыленко, и они не посвящали его в планы и намерения Советской власти. Позже он перебежал к белым и в их рядах активно воевал против рабоче-крестьянской власти. У Шнеура прошлое было запятнано слухами о его темных связях с департаментом полиции, что стало широко известно после взятия Ставки. Характеристику этих лиц как изменников М. С. Лазарев распространил и на других (Одинцова, Маниковского), хотя для заключения

---

[40] «История СССР», 1966, № 2, с. 134. Приказ ВРК Западного фронта от 18 ноября 1917 г.

[41] «Вопросы истории», 1968, № 3, с. 54—55.

об их отрицательном влиянии на ход дел при взятии Ставки было еще меньше оснований.

Поисков причин, осложнявших будто бы выполнение операции по взятию Ставки, возможно, и не потребовалось бы, если бы автора статьи не сбила с толку большая продолжительность похода (с 11 по 20 ноября). Но именно данное обстоятельство повлекло за собой и еще один домысел для объяснения «задержки» борьбы за Ставку — о том, что В. И. Ленин 10 ноября 1917 г. послал большевикам Минска письмо, в котором якобы «поставил задачу: приложить все усилия для ликвидации духонинской Ставки к 14-му, самое позднее к 15 ноября». Это письмо Ленин передал будто бы через командира революционного полка имени Минского Совета А. И. Ремнева, но тот, приехав из Петрограда 12 ноября, более двух суток продержал письмо у себя. «Только 14 ноября,— пишет М. С. Лазарев, — когда его вызвали в Военно-революционный комитет Западной области и настойчиво потребовали письмо, он вынужден был отдать его. Таким образом, время было упущено. Но Военно-революционный комитет приложил максимум усилий, чтобы ускорить создание революционных отрядов, направляемых на Могилев. Сформировав отряды, Военно-революционный комитет принял решение: 1-му Минскому революционному полку, бронепоезду под командой Пролыгина быть в Жлобине 18 ноября. Контрреволюционными действиями Викжеля и предательством Шнеура эти сроки были сорваны»[42]. Здесь фигурирует несуществующее письмо В. И. Ленина, введены в оборот новые сроки взятия Ставки (14-е, самое позднее, 15 ноября), и уже от них исчисляется задержка. Тут и «большевики Минска» оказываются не выполнившими указания В. И. Ленина. И снова, настойчиво, без попытки документального обоснования, повторяется версия о решении ВРК Западного фронта «быть [революционным отрядам] в Жлобине 18 ноября».

Освещение борьбы за Ставку в работах М. С. Лазарева и В. Г. Ивашина построено на умозаключениях, не имеющих под собой фактической базы. Ошибка, допущенная в исходной посылке (смещение в одну двух экспедиций Крыленко), породила у этих авторов представление

[42] «Вопросы истории», 1968, № 3, с. 55—56.

о чрезмерной затяжке выполнения операции, а далее толкнула на выявление причин, затормозивших будто бы взятие Ставки. Выходом из положения оказалась гипотеза о злонамеренных действиях некоторых лиц с одиозной репутацией, которым, выходит, слепо доверились революционные органы [43]. Сосредоточив усилия на разработке этой гипотезы, вместо анализа действительных обстоятельств, раскрытия опыта революционных войск, воплотившего в себе действие главных политических факторов периода триумфального шествия революции, авторы пришли к выводу о зависимости хода операции и ее результатов от привходящих, в действительности не имевших места обстоятельств, и яркая победа оказалась омраченной искусственно созданной негативной пеленой.

Взятие Ставки революционными войсками по замыслу и выполнению надо признать классическим образцом организации победы в гражданской войне, достигнутой в предельно ограниченный срок маневром революционных сил в сочетании со средствами политической агитации. Оценивая политическое значение этой победы, «Правда» в передовой статье, озаглавленной «Последняя ставка», указывала, что буржуазия и ее агенты безуспешно пытались призвать себе на помощь армию в октябрьские дни, что и под Гатчиной Керенский смог собрать лишь ничтожное количество приверженцев и вынужден был позорно бежать. «Но у капиталистических агентов оставалась еще одна надежда: надежда на Ставку. Ставка всегда была оплотом мракобесия. Генералитет и его организованное в Ставке ядро было разбойничьим гнездом контрреволюции, которое уцелело в дни Февральского переворота, которое лелеялось правительствами империалистов. В Ставке зрели все планы буржуазной реакции... Немудрено, что когда октябрьские события показали величайшую мощь революционного народа в городах и селах, взоры буржуазных захватчиков устремились на Ставку». На ней сосредоточились надежды «комитетов спасения родины и революции»,

---

[43] Такая логика отчетливо видна в статье М. С. Лазарева. В. Г. Ивашин, заимствуя из нее истолкование причин «задержки» со взятием Ставки (исключая домысел о письме В. И. Ленина от 10 ноября), опускает исходную посылку своего предшественника и, таким образом, делает загадочным стимул такого истолкования (См. *Ивашин В. Г.* Указ. соч., с. 227—228).

союзные империалисты ухватились за нее как за якорь спасения. Ставка выступила против Советской власти — и была раздавлена. Падение Духонина, легкость, с какой была достигнута победа революционных войск над реакционным генералитетом, показывает, что буржуазия и ее агенты потеряли всякий кредит в солдатских массах. Это означало и «искоренение корниловщины в русской армии». «А русской буржуазии,— писала «Правда»,— это необходимое предостережение. Ее последняя ставка проиграна. Ее последняя карта бита» [44].

* * *

Ставка должна была теперь превратиться, наоборот, в центр революционного руководства действующей армией. В лице ее Советская власть приобретала мощный рычаг для решения многосложных задач внутри страны и на международной арене. Об этих задачах Крыленко писал: «Работа революционной Ставки на фронте должна была сразу направляться в трех направлениях: руководство внешней военной политикой армии как *послушного* военного аппарата в связи с общегосударственными задачами; устроение армии как организованного целого в смысле снабжения и в первую голову в смысле овладения ею целиком на всех пяти фронтах; наконец, борьба при помощи армии с внутренними врагами Советской республики, вооруженная борьба с отечественной контрреволюцией в тесном смысле этого слова. Одновременно жизнь выставляла еще и четвертую задачу — *создание новой боеспособной армии* взамен старой, полная непригодность которой если не всеми еще ясно и отчетливо сознавалась, то во всяком случае всеми *ощущалась*» [45].

Н. В. Крыленко дал подробную характеристику способов решения этих задач, первоочередной из которых было прекращение войны. Раньше, когда верховная военная власть находилась в руках контрреволюционного генералитета, призыв Советского правительства к ведению переговоров с противником самими солдатами имел целью вырвать армию из-под власти генералитета и покончить с контрреволюцией на фронте. Теперь требовалось сделать

[44] «Правда», 1917, 21 ноября.
[45] ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 105, л. 19 (*Крыленко Н.* Смерть старой армии. Рукопись).

следующий шаг: «Основное, на что рассчитывала новая власть, было то, чтобы, *пока* будут выработаны условия перемирия в Бресте, куда выехал уже из Петрограда первый состав делегации о перемирии, добиться действительного прекращения на всем фронте военных действий». Крыленко с полным основанием считает этот опыт непосредственного творчества масс неслыханным в истории войн. Самым своеобразным и поразительным в этом опыте, подчеркивает он, было то, что переговоры вопреки «крикам и воплям» противников Советской власти привели к желаемым результатам, и расчет революционной власти оправдался полностью. Когда все нити управления армией сосредоточились в руках новой, революционной Ставки, было сравнительно легко предотвратить тот хаос, который служил пугалом в арсенале контрреволюционной пропаганды: новой властью в качестве единственно приемлемых признавались условия, выработанные центром, а не отвечавшие им соглашения и договоры аннулировались; это облегчалось в свою очередь тем, что тексты соглашений в разных армиях и на фронтах в основном были одинаковые, совпадали с требованиями центра, и разноречия касались только второстепенных вопросов [46].

Однако в Ставке, перешедшей в руки Советской власти, оставался в основном тот же самый личный состав, что и при Духонине, и, конечно, он нуждался в бдительном контроле со стороны революционного командования. По занятии Ставки, в ночь на 21 ноября, в поезде начальника Северного отряда Берзина состоялось совещание, на котором присутствовали: Р. И. Берзин, председатель ВРК 3-й армии прапорщик А. Ф. Боярский, И. Н. Полукаров, исполняющий должность начальника военно-политического отделения штаба Западного фронта солдат И. А. Апетер, В. А. Фейерабенд, комиссар Литовского полка С. Д. Кудинский, М. К. Тер-Арутюнянц, С. И. Зобков, член ВРК Западного фронта А. Г. Сацукевич, член Центробалта матрос Н. А. Логинов и председатель ВРК 35-го корпуса солдат В. П. Аркадьев. Как рассказывает в своих записках Берзин, «на совещании было высказано мнение, что ввиду окружения товарища Крыленко непартийными офицерами... при Ставке как центре,

[46] См. «Военно-исторический журнал», 1964, № 12, с. 48.

управляющем всеми фронтами, должен быть политический и технический орган, который мог бы удовлетворять и защищать нужды и требования армий. Такой центральный орган и учреждение представлял бы из себя только общеармейский комитет с представительством от всех фронтовых, армейских и корпусных комитетов, но так как таковой комитет с полным представительством оказалось невозможным образовать, то совещание считало необходимым выделить из своей среды временный Военно-революционный комитет при Ставке как высшую армейскую организацию до созыва общеармейского съезда. Протокол этого совещания был немедленно вручен товарищу Крыленко, который принципиально ничего не возразил, а, напротив, приветствовал идею создания такого органа при Ставке» [47].

22 ноября временный ВРК отдал приказ, в котором объявлялось о первом заседании Военно-революционного комитета при Ставке и об избрании его председателем А. Ф. Боярского, товарищами председателя — С. Д. Кудинского, В. А. Фейерабенда и Н. А. Логинова, секретарем — С. И. Зобкова [48]. В главные отделы (управления) Ставки были назначены комиссары (к начальнику штаба верховного главнокомандующего — Р. И. Берзин, к генерал-квартирмейстеру — И. Н. Полукаров, к дежурному генералу — В. А. Фейерабенд, в управление помощника начальника штаба главковерха по политической части — И. А. Апетер, комиссаром по связи — Н. А. Логинов), без подписи которых все приказы и распоряжения объявлялись недействительными. Комиссарам ВРК предписывалось приступить к исполнению своих обязанностей на следующий день, 23 ноября. Одновременно аналогичный приказ был издан верховным главнокомандующим Крыленко [49] (в нем добавлен комиссар по снабжению — М. Т. Максимов).

«С 23 ноября,— рассказывает Берзин,— началась лихорадочная работа членов ревкома Ставки по пересозданию и чистке контрреволюционной Ставки. Механизм

[47] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155 л. 11 об.

[48] «Революционная Ставка», 1917, 26 ноября. В тексте этого приказа, опубликованном в сборнике документов «Триумфальное шествие Советской власти» (ч. 2. М., 1963, с. 38) и журнале «История СССР» (1966, № 2, с. 139), имеются неточности.

[49] «Революционная Ставка», 1917, 26 ноября.

Ставки, как вообще все механизмы старого режима, был слишком громоздкий и тяжелый, каждому ответственному комиссару отдела пришлось сперва познакомиться с его отделом, чтобы на пленарных заседаниях представить свои соображения о пересоздании данного ему отдела. Ставка уже фактически не работала ввиду окончания военных действий, и всем нам было ясно, что в Ставке нужна основательная чистка, чтобы она была приспособлена к новым планам Советской власти и чтобы снова не создалось контрреволюционное гнездо... Всем было ясно, что с теми старыми генералами и офицерами революционную работу не совершишь, так как они отнеслись очень злобно, хотя и вежливо, к новой власти» [50].

Прежде всего нужно было обезвредить военно-политический отдел Ставки (он входил в управление помощника начальника штаба верховного главнокомандующего по политической и гражданской части). 25 ноября ВРК дал предписание начальнику штаба Бонч-Бруевичу устранить от должностей начальника отдела подполковника Генерального штаба Новикова и трех подчиненных ему офицеров, а все дела отдела сдать комиссару ВРК при Ставке И. А. Апетеру [51]. Были приняты меры по пресечению использования аппарата Ставки в контрреволюционных целях. Начальнику команды связи телеграфа при управлении генерал-квартирмейстера ВРК дал приказ не передавать телеграмм без подписи комиссара ВРК при телеграфе, кроме телеграмм верховного главнокомандующего, ВРК и официальных агентов союзных держав [52].

Одновременно ВРК при Ставке разрабатывал проект «Положения о демократизации армии». 30 ноября оно было передано по радио всем комитетам и во все командные инстанции от главнокомандующих армиями фронтов до командиров полков [53]. «Положением» вся власть в армии вручалась солдатским комитетам, вводилась выборность командного состава, упразднялись офицерские и классные чины, звания, ордена и погоны [54].

---

[50] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155, л. 14.
[51] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 4, д. 29, л. 247.
[52] ЦГАОР СССР, ф. 375, оп. 1, д. 3, л. 159.
[53] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 335—337.
[54] Составители сборника «Декреты Советской власти» имели в виду, очевидно, это «Положение» как проект декретов СНК об

С первых же дней своего существования ВРК при Ставке стал заниматься и организацией вооруженной борьбы с контрреволюцией. 24 ноября он послал военно-революционным комитетам Орши, Витебска, Смоленска, Брянска, Гомеля, Мозыря и Бобруйска радиотелеграмму, в которой запрашивал сведения о составе гарнизонов и надежности частей для борьбы с контрреволюцией и в то же время предписывал «всем революционным комитетам приложить все усилия по борьбе с контрреволюцией» [55]. В тот же день он известил ревкомы и Советы о бегстве из Быхова Корнилова и потребовал, «чтобы все военно-революционные комитеты, все Советы приняли срочно меры для ареста Корнилова и передачи его революционному народному суду» [56]. ВРК при Ставке посылал на места своих эмиссаров для выполнения тех или иных заданий по борьбе с контрреволюцией.

Рассказывая о первых днях работы ВРК, Берзин пишет: «Надо было обращать самое серьезное внимание на окружающие контрреволюционные события, т. е. надо было... воевать с контрреволюционными бандами, которые усилились на юге. События молниеносно развертывались» [57]. Антисоветскую политику вела и украинская Центральная рада. Военно-революционный комитет направил на борьбу с Корниловым и ударниками те революционные отряды, которые участвовали во взятии Ставки, но их было недостаточно. Возникла необходимость в большой работе по организации новых сил и руководства их боевыми действиями. Ставка, хотя и взятая под контроль ВРК, не могла стать организационным и оперативным центром, тем более что в борьбе с контрреволюцией участвовали преимущественно рабочие красногвардейские отряды и революционные отряды солдат и матросов, не подчиненные Ставке. «Всему Военно-революционному комитету при Ставке стало ясно,— читаем в записках

уравнении военнослужащих в правах, а также о выборном начале и организации власти в армии, но ошибочно указали, что оно было выработано Общеармейским комитетом при Ставке (Декреты Советской власти. Т. 1, М., 1957, с. 243, 245).

[55] Триумфальное шествие Советской власти, ч. 2, с. 41.

[56] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 264; Триумфальное шествие Советской власти, ч. 2, с. 41—42.

[57] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155, л. 14.

Берзина,— что оперативные действия против ударников и корниловцев продолжатся и потому необходимо создать при ревкоме оперативный руководящий орган. Снова на очереди дня стал вопрос о создании полевого штаба при Ставке как высшего руководящего органа [58]. На заседании ревкомставки было решено выделить временно в составе ревкома Ставки нескольких товарищей как будущую основу полевого штаба Ставки. В первый состав полевого штаба влили: как начальника штаба — тов. Тер-Арутюняица, помощника — тов. Берзина, члены — Лысяков, Фейерабенд, Сацукевич, и вызван был тов. Рогозинский» [59]. Берзин не указывает здесь, когда состоялось заседание ВРК, выделившее «будущую основу полевого штаба». Но сохранившаяся запись переговоров Тер-Арутюняица с адъютантом главкозапа (Каменщикова) Г. В. Соловьевым и председателем ВРК Западного фронта Н. В. Рогозинским (переговоры начались в 15 часов 15 минут 26 ноября) позволяет утверждать, что оно происходило 26 ноября.

Тер-Арутюнянц передал Соловьеву, чтобы Рогозинский и член ВРК 2-й армии Ф. Клышейко немедленно экстренным поездом прибыли в Ставку для участия в заседании Центрального революционного полевого штаба [60]. Из дальнейшего хода дела видно, что Клышейко был послан в Могилев, а Рогозинский остался в Минске и в состав полевого штаба не вошел. В протоколе заседания Центрального (в дальнейшем слово «Центральный» в его названии не употреблялось) революционного полевого штаба по борьбе с контрреволюцией при Ставке, состоявшегося в 21 час 27 ноября 1917 г., записано: «Центральный революционный полевой штаб при Ставке подразделяется на: I. Оперативный отдел — Тер-Арутюнянц, Лысяков;

---

[58] Вопрос этот вставал еще в момент организации временного ВРК. В черновике приказа № 1 было написано: «Для осуществления борьбы с контрреволюцией образован Центральный революционный полевой штаб при Ставке по борьбе с контрреволюцией... Северный и Южный отряды с их штабами, ревком Западного фронта, действующие против Ставки, входят в распоряжение Центрального революционного полевого штаба при Ставке» (Триумфальное шествие Советской власти, ч. 2, с. 37). Однако это положение в окончательный текст изданного тогда приказа не вошло и в жизнь проведено не было.

[59] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155, л. 17 об.

[60] ЦГАОР СССР, ф. 375, оп. 1, д. 10, л. 85—87, 89, 93.

II. Разведывательно-агитационный отдел — Клышейко; III. Информационный отдел — Боярский; IV. Хозяйственно-финансовый отдел — Берзин. Начальником штаба выбран Тер-Арутюнянц. Члены штаба: тов. Берзин, тов. Лысяков, тов. Клышейко» [61].

Революционный полевой штаб при Ставке был первым специальным органом оперативного руководства еще только зарождавшимися военными силами Советского государства. Он формировал отряды и руководил ими в первые послеоктябрьские месяцы в борьбе против Каледина, Украинской рады, мятежного корпуса Довбор-Мусницкого.

Таким образом, из приведенных документов видно, что идея организации Революционного полевого штаба при Ставке начала проводиться в жизнь 26—27 ноября: 26-го ВРК выделил группу работников как основу будущего штаба, а 27-го состоялось заседание штаба, на котором были распределены обязанности между его членами. Но уже 28 ноября из пяти выделенных человек двое — Берзин и Лысяков — выбыли из Могилева, так как были направлены ВРК на юг для организации борьбы против калединщины [62]. Фактически обязанности по оперативному руководству борьбой с контрреволюцией легли на плечи председателя ВРК А. Ф. Боярского, начальника Революционного полевого штаба М. К. Тер-Арутюнянца и члена штаба Ф. Клышейко. Революционный полевой штаб как специальный орган в это время не смог выделиться из состава ВРК.

В снегах под Белгородом, в лесах под Унечей

Ударники уезжали из Могилева шестью эшелонами; последний из них покинул станцию рано утром 20 ноября, за несколько часов до вступления в город передовых частей революционных войск. К вечеру все эшелоны стянулись в Жлобин. Туда

[61] ЦГАОР СССР, ф. 375, оп. 1, д. 10, л. 79.
[62] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155, л. 18 об.; «История СССР», 1966, № 2, с. 141.

подходили уже и двигавшиеся из Минска части Южного революционного отряда, в авангарде шел бронепоезд под командованием В. И. Пролыгина. Эти части могли отрезать ударникам путь на Дон. Чтобы прикрыть собравшиеся на станции Жлобин эшелоны, навстречу бронепоезду выступил стоявший там 2-й Оренбургский ударный батальон. Между Жлобином и ст. Красный берег завязался бой, продолжавшийся несколько часов. Ударники разобрали путь, чтобы помешать бронепоезду двинуться дальше. Воспользовавшись этим, эшелоны во главе с Манакиным и Янкевским проскочили через Жлобин, а ночью вслед за ними отправился и 2-й Оренбургский батальон.

Кратчайший путь на Дон лежал через Гомель, Бахмач, Харьков. Получив сведения «о сосредоточении значительных сил большевиков» в Гомеле, отряд ударников намеревался обойти его, двинувшись через Калинковичи — Овруч на Сумы [63]. Однако, видимо, столкновение с революционными частями под Жлобином заставило их отказаться от обходного и более продолжительного пути; повернув от Калинкович на Гомель, они решили рискнуть прорваться через него, дабы пришедшие из Минска революционные части не отрезали им путь. По крайней мере, имеются определенные сведения о том, что в 3 часа дня 21 ноября первый эшелон ударников был уже на станции Речица, а вскоре туда же прибыли второй и третий эшелоны. Стоявшему здесь революционному 257-му пехотному запасному полку была поставлена задача задержать их. Представитель 257-го полка доносил в штаб Московского военного округа: «...Мы стали их расспрашивать, куда и зачем они едут. Они ответили — не ваше дело, а если будете спорить, то мы вас сметем вместе с городом... Наши солдаты вышли с винтовками на платформу и вступили с ними в переговоры. В это время из поезда были произведены два выстрела. Наши укрылись за станцией и приняли боевой порядок. Тогда явился к нам офицер ударников и убеждал, что выстрелы произведены случайно, что ударники не намерены производить беспорядка и отправляются на Дон. Около 4 часов дня комендант станции Речица вызвал члена нашего Совета и передал ему, что из Гомеля по телеграфу сообщают от

---

[63] «Донская волна», 1918, № 17, с. 3—6.

имени главнокомандующего Крыленко, чтобы движущиеся через Речицу части были пропущены. Ударников пропустили, а потом обнаружилось, что телеграмма была подложная»[64]. Проскочив вечером 21 ноября через Гомель, ударники не осмелились двигаться на Харьков и предпочли путь через Белгород.

Случилось так, что с другого направления — из Москвы, через Орел и Курск,— еще не зная о движении ударников, двигался на борьбу с южной контрреволюцией небольшой революционный отряд и тоже почти одновременно с ударниками приближался к Белгороду. Пройдем по пути этого отряда, который привел его в Белгород.

Еще 3 ноября «Правда» сообщила: «Отряды моряков, солдат и красногвардейцев отправились из Петрограда в Москву ускорить победу московского пролетариата и гарнизона». Отряды, о которых идет речь, по существу представляли собой один сводный отряд. Во главе его стояли командир 428-го Лодейнопольского пехотного полка полковник Н. Д. Потапов и комиссары К. С. Еремеев и И. С. Вегер. В их распоряжении был, кроме батальона этого полка и двух бронеплощадок, сооруженных путиловскими рабочими и ими же укомплектованных, матросский отряд, шедший головным эшелоном. Начальником его Петроградский ВРК назначил большевика Ф. Ф. Раскольникова, комиссаром — члена Центробалта матроса-большевика Н. А. Ховрина, начальником штаба — большевика-прапорщика А. Ф. Ильина-Женевского.

На станции Тосно в штабе отряда стало известно, что впереди, пересекая ему путь, идет от Новгорода к Чудову какой-то бронепоезд. Решено было перехватить его в Чудове, но когда головной эшелон пришел туда, бронепоезд успел уже повернуть с новгородской ветки на Николаевскую железную дорогу и двинулся на Москву. Штаб отряда дал телеграммы на станции Окуловку и Бологое с требованием задержать неизвестный бронепоезд. Окуловку он проскочил, но моряки узнали здесь, что команда его состоит из ударников. Не захватили моряки белогвардейский бронепоезд и в Бологом: удирая от погони, он свернул на полоцкую ветку и на восьмой версте взорвал

[64] ЦГВИА СССР, ф. 1606, оп. 1, д. 114, л. 49. («Бюллетень отдела бюро печати и информации штаба МВО». Вып. 165, 1917, 11 декабря).

за собой железнодорожный мост. Но солдаты гарнизона станции Куженкино разобрали путь и впереди бронепоезда, и он оказался в ловушке. Раскольников повернул свой отряд вслед за бронепоездом, твердо решив захватить его. Короткие переговоры с ударниками — и они складывают оружие. В руках у моряков оказался первоклассный бронепоезд с двумя орудиями и 16 пулеметами. Разрушенный мост был быстро починен, бронепоезд укомплектован моряками вместо отправленных в Петроград ударников и вместе со сводным отрядом пошел на Москву. Однако когда отряд прибыл в Москву, там уже победила Красная гвардия. Поэтому основные силы отряда, а с ними Потапов, Еремеев, Вегер и Раскольников вернулись в Петроград. Но Петроградский ВРК распорядился из числа моряков сформировать небольшой самостоятельный отряд, которому предписывалось отправиться на юг, в Харьков, для помощи местной Красной гвардии в борьбе за власть Советов. Комиссаром отряда, отправлявшегося на юг, был прислан член Петроградского ВРК И. П. Павлуповский. Начальником отряда матросы избрали Николая Ховрина, начальником штаба остался А. Ф. Ильин-Женевский. В качестве адъютанта, а фактически заместителя начальника отряда поехал балтийский матрос Анатолий Железняков.

Всего в отряде было 170 матросов с линейных кораблей «Республика» и «Гангут», крейсера «Аврора», эсминцев «Миклуха-Маклай» и «Белли» и из балтийских флотских экипажей [65]. По распоряжению штаба МВО в этот отряд были влиты также рота московской школы прапорщиков, во время Октябрьских боев перешедшая на сторону Советской власти, и небольшие группы красногвардейцев. С отрядом отправлялись и путиловские броневлощадки и захваченный у Бологого бронепоезд. Уже в пути в отряд была принята группа тульских красногвардейцев. Так что всего набралось около 300 матросов, солдат и красногвардейцев. Несмотря на то что в отряде были и балтийские матросы, и московские солдаты, и красногвар-

---

[65] Матрос с «Республики» И. Ф. Шпилевский заведовал в штабе отряда канцелярией. В книге своих воспоминаний «Братва (балтийские матросы в гражданской войне)», изданной в 1929 году в Ленинграде издательством «Прибой», он дал точные выкладки, с какого корабля сколько матросов было в отряде.

дейцы, он унаследовал от отряда, от которого отпочковался, название Петроградского сводного, или даже — громче и внушительней — «Отряда петроградских сводных войск». Как и полагается в *войсках*, был назначен начальник пехоты — из московской школы прапорщиков капитан Скавронский — и начальник артиллерии — комиссар для поручений при комвойсками МВО большевик-подпоручик Вадим Хрусцевич.

Из Москвы отряд вышел четырьмя эшелонами: в первом (десять классных вагонов с 30 пулеметами «максим» у окон) размещались штаб, матросские команды, санитарная команда (два врача-студента, четыре медсестры и санитар) и часть красногвардейцев; второй эшелон — с предметами снабжения и боеприпасами, двумя бронеавтомобилями и трехдюймовым орудием на платформах; третий эшелон — захваченный у ударников бронепоезд; четвертый — броневлощадки Путиловского завода. В Туле в эшелон снабжения были погружены десять тысяч винтовок и пулеметы для вооружения рабочих Харькова и Донбасса.

Делая остановки в пути, штаб отряда проводил митинги, на которые собирались местные жители; им рассказывали о событиях в Петрограде и Москве, о том, как победила Октябрьская революция. Во время таких остановок штаб узнавал от железнодорожных телеграфистов все новости, какие только проходили через их руки. Новость, полученная на станции Курск, оказалась очень важной — о движении ударных батальонов со стороны Сум на Белгород. Каких-либо сведений о цели их движения еще не было, и в сознании командования отряда эта новость преломилась своеобразно: ударники, видимо, идут специально для того, чтобы перерезать отряду путь на Харьков. «Было очевидно,— писал в своих воспоминаниях И. Ф. Шпилевский, — что тот, кто успеет запять Белгород раньше, тот и будет хозяином пути на Харьков».

Поэтому надо было спешить. Стоило только растолковать эту мысль командам, как матросы закричали:

— Даешь Белгород!

«Паровозы развили возможную скорость,— пишет Шпилевский,— и мы... понеслись на Белгород» [66]. Ни штаб

---

[66] *Шпилевский И. Ф.* Указ. соч., с. 69.

отряда, ни матросов, ни красногвардейцев, очевидно, не смущало сообщение телеграфистов, что ударников несколько эшелонов и у них хорошее вооружение. По этим данным трудно было судить о действительном соотношении сил: ведь в отряде тоже было *несколько эшелонов* и не такое уж плохое вооружение. Конечно, ни Ховрин, ни Павлуновский, ни кто-либо другой из отряда не могли еще предполагать, что неслись навстречу противнику, имеющему 10-кратное численное превосходство (300 бойцов отряда против 3000 ударников).

Итак, на Белгород одновременно идут эшелоны ударников, а с другой стороны — Петроградский сводный отряд. Белгород, уездный город Курской губернии, оказывался в центре надвигавшихся событий.

В Белгороде в 1917 г. была самая крупная на территории Курской губернии большевистская организация, опиравшаяся на рабочих железнодорожного депо. В городе квартировал польский запасный полк, входивший в корпус генерала Довбор-Мусницкого и насчитывавший временами до 16 тыс. человек. Находясь в глубоком тылу, на значительном удалении от штаба корпуса и штаба Московского военного округа, запасный полк жил своей жизнью. Солдаты — в основном польские пролетарии и крестьяне — жаждали окончания войны и возвращения к родным очагам. Белгородский комитет большевиков установил связи с наиболее политически развитыми польскими солдатами, развернул антивоенную агитацию и увлек за собой солдатскую массу. В полку образовался большевистский комитет. Солдаты, откликаясь на призывы большевиков, стали принимать активное участие в политической жизни города и уезда. В Белгороде уже действовал ревком под председательством местного адвоката Л. А. Меранвиля, который хотя и не был большевиком (меньшевик-интернационалист), но работал в тесном контакте с большевиками, зарекомендовал себя как хороший организатор и завоевал авторитет у трудового населения.

Прежде чем до Белгорода дошла весть о движении ударников, в казармы Польского запасного полка явились два неизвестных офицера. Разыскав полковой комитет, они заявили, что направляются в Белгородский ревком, но не знают, где он помещается, и потому просят дать сопровождающего. Один из членов полкового комитета

препроводил их в ревком. Из мандатов, предъявленных Меранвилю, было видно, что офицеры уполномочены закупить в Белгороде продовольствие и фураж для своих частей. Части эти, как они пояснили, прибудут в Белгород из Могилева через три дня шестнадцатью эшелонами и через Купянск — Ростов — Тифлис, согласно распоряжению Ставки верховного главнокомандующего, проследуют на Кавказский фронт. Меранвиль, посоветовавшись с членами ревкома, ответил, что в Белгороде и уезде остро ощущается недостаток продовольствия, и потому заготовку его ревком разрешить не может. Офицеры ушли, как бы вполне удовлетворенные ответом.

В Белгородском ревкоме, как рассказывает один из его тогдашних членов, Ф. Я. Славгородский, догадались, «что цель приезда в Белгород офицеров — не заготовка провианта, а какая-то другая. В пользу такого предположения говорило и то, что отказ ревкома в разрешении производить заготовку офицеры приняли хладнокровно, не пытались как-либо уговорить, добиться своего. Далее кто-то из товарищей высказал удивление по поводу самого маршрута: вместо того, чтобы следовать прямым путем через Харьков — Лозовую — Славянск, делается значительный крюк, да к тому же еще по однопутной линии. В процессе обсуждения пришли к выводу, что этот крюк устраивает их потому, что позволяет обойти города, в которых имеются более или менее значительные гарнизоны. Наконец, в этот самый день нам стало известно о бегстве генерала Корнилова и его сподвижников — царских генералов из Быховской тюрьмы. Все это в своей совокупности привело нас к убеждению, что уполномоченные по заготовке провианта офицеры — лазутчики, а воинские части, о которых говорили офицеры,— вооруженные силы контрреволюции, возглавляемые, возможно, самим Корниловым и следующие на Дон, где уже начали концентрироваться эти силы» [67].

Белгородский ревком немедленно телеграфировал Сумскому ревкому о полученных сведениях и своих предположениях, рекомендуя разобрать путь и не пропускать эшелоны до полного выяснения, куда и с какой целью они следуют. Одновременно обо всем было подробно со-

[67] Воспоминания Ф. Я. Славгородского. Рукопись. Рукописный фонд Белгородского краеведческого музея, № 2572, л. 81.

общено по телефону члену Харьковского ревкома Л. М. Рухимовичу.

Получив утром 22 ноября сведения о том, что головной эшелон «загадочных» войск проследовал через Бахмач, Сумский ревком распорядился срочно разобрать путь в двух местах между станциями Торопиловка и Сумы. Вечером для переговоров с командованием прибывшего в Торопиловку головного эшелона Сумский ревком отправил туда делегацию во главе с членом ревкома Коганом. В ночь на 23 ноября на станцию Торопиловка пришло еще несколько эшелонов войск, следовавших из Могилева. Когану ударники предъявили приказ Могилевского военно-революционного комитета о направлении ударных батальонов на Кавказский фронт по маршруту Могилев — Жлобин — Сумы — Белгород — Купянск — Ростов — Тифлис. Коган, однако, заметил, что приказ фальшивый. Не подавая об этом виду, он хотел вернуться в Сумы, но ударники не выпустили его вместе с делегацией из головного эшелона и, угрожая расстрелом, заставили дать благоприятные для них телеграммы, после чего ехавшие во втором эшелоне саперы восстановили разобранный путь, и ударники двинулись на Сумы. Коган все же сумел дать знать о происшедшем своему ревкому, который послал в Белгород и Харьков телеграммы: «Депешам с подписью члена ревкома Когана не верьте, ибо он все делает под угрозой, захваченный первым эшелоном» [68].

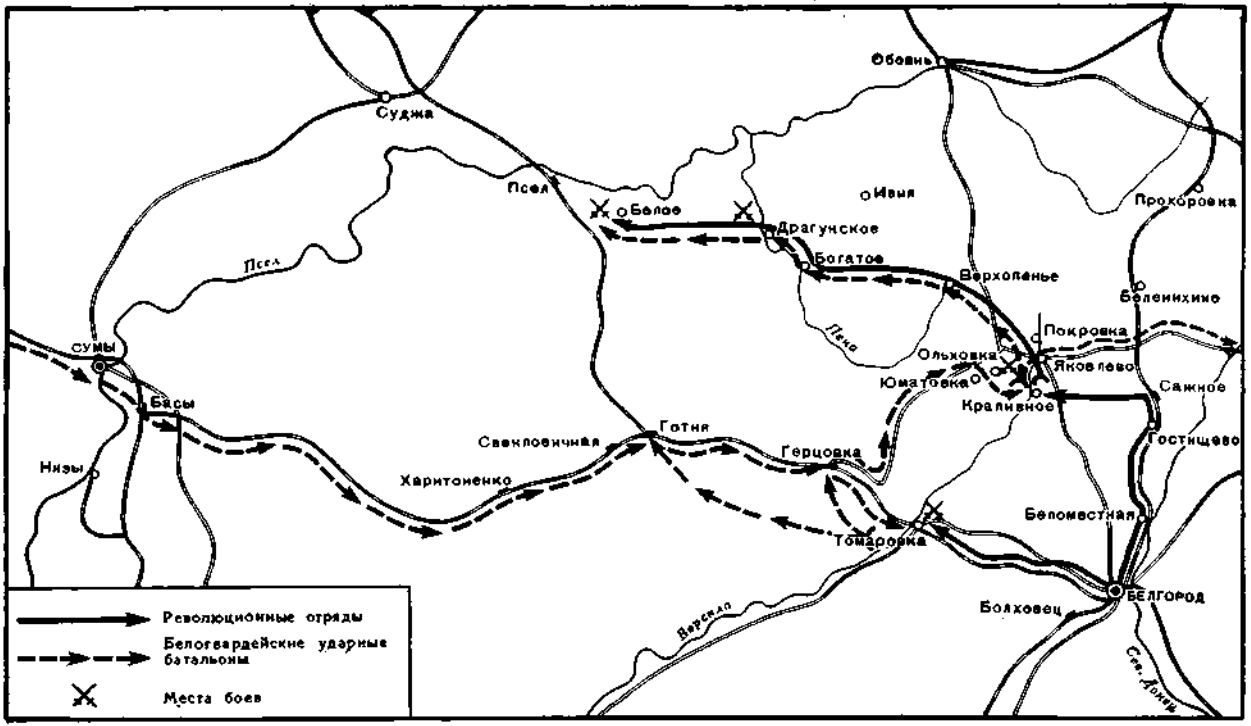
Рухимович запросил по телеграфу Могилевский ВРК, известно ли ему, что через Белгород на Ростов и Тифлис двигаются эшелоны ударников, нужно ли их задерживать и обезоруживать. «Почему они с оружием? — спрашивал Рухимович.— Или пропустить ударников на Дон? Ведь они могут присоединиться к Каледину». Эта телеграмма попала в руки Крыленко, и он распорядился: «Задержать обязательно» [69].

Прибыв 23 ноября на станцию Белгород, отряд Н. А. Ховрина занял вокзал. А на следующий день прибыл из Харькова батальон революционного 30-го пехотно-

---

[68] «Известия Юга», 1917, 25 ноября.

[69] ЦГАОР СССР, ф. 375, оп. 1, д. 10, л. 95. Телеграфный бланк с резолюцией Н. В. Крыленко.

Революционные отряды

Белогвардейские ударные батальоны

Места боев

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОД БЕЛГОРОДОМ 25 НОЯБРЯ — 6 ДЕКАБРЯ 1917 Г.

то полка — около 500 человек — под командованием Н. А. Руднева. Узнав от железнодорожных телеграфистов, что в Томаровку пришел головной эшелон ударников, штаб Петроградского отряда решил нагнать страху на белогвардейцев, а для этого послать навстречу им бронепоезд и обстрелять эшелоны артиллерийским и пулеметным огнем.

Появление у Томаровки бронепоезда было для ударников полной неожиданностью. Матрос Серебряков, комендор переднего орудия на бронепоезде, первым же снарядом угодил в неприятельский паровоз, а затем меткими выстрелами подбил еще несколько вагонов. Ударники стали выскакивать из вагонов и разбегаться; большой группой они с поднятыми кверху руками побежали навстречу бронепоезду, крича, что сдаются. Павлуновский, находившийся на бронепоезде, вступил с офицерами в переговоры о сдаче отряда. «Пока длились эти переговоры, ударники успели сорганизоваться и начали цепями обходить поезд со всех сторон. Часть их показалась даже в тылу с явным намерением испортить железнодорожное полотно. Только тогда, когда над головами наших товарищей засвистели пули, они поняли, что ударники их наглым образом обманули. Вне себя от негодования, матросы бросились в атаку против вдесятеро превосходящего их численностью противника, но, конечно, были с потерями отбиты... Отстреливаясь от наступающего на него неприятеля, бронепоезд дал задний ход и благополучно прорвался сквозь охватившие его со всех сторон цепи ударников» [10].

Смелый рейд бронепоезда под Томаровку сбил белогвардейцев с толку: решив, что в Белгороде сосредоточены крупные силы революционных войск, как уверяли буржуазные газеты, ударники не отважились прорываться по железной дороге. Назад, чтобы выбрать другой маршрут движения, им тоже не было пути: опасаясь преследования, они взрывали за собой полотно железной дороги, а потеря времени на починку теперь грозила опасностями. Ударники отошли от Томаровки к станциям Готня и Герцовка, выгрузились из эшелонов, намереваясь обойти Белгород по проселочным дорогам с севера.

---

[10] *Ильин-Женевский А. Ф.* От Февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 годе. Л., б. г., с. 177.

Но к такому походу батальоны не были подготовлены. Двое суток пришлось потратить на формирование обозов. Отбирая у крестьян окрестных сел лошадей, повозки, сани, продовольствие и фураж, белогвардейцы умножали число своих врагов. Жители сел и деревень убивали отставших солдат, по собственному почину отправлялись в Белгород и уведомляли революционный штаб о передвижении и действиях ударников.

Между тем из Харькова прибыли 30-й пехотный полк в полном составе и отряд красногвардейцев. Они выступили на станцию Готня и стали преследовать ударников. Отстреливаясь от наседавших революционных войск, белогвардейцы двигались в направлении станции Сажное, надеясь перейти железную дорогу Белгород — Обоянь и пробраться на Дон. Но обострение борьбы с Центральной радой заставило Харьковский ревком отозвать 30-й полк и красногвардейцев. Избавившись от преследования, ударники к вечеру 28 ноября достигли сел Крапивное (Козьмодемьяновка) и Ольховка и расположились на отдых. Казалось, путь на Дон им открыт: никто не преследует и нет никакого противника впереди.

Петроградский сводный отряд вряд ли мог состязаться в полевом бою с противником, в десять раз превосходившим его в силах. Но тут неожиданно пришло солидное подкрепление. «Сильную помощь оказал нам подоспевший с юга отряд черноморских матросов»,— писал потом начальник штаба Петроградского отряда А. Ф. Ильин-Женевский [71].

1-й Черноморский революционный отряд был сформирован в Севастополе для борьбы с калединщиной. Большую роль в его организации сыграла прибывшая в начале ноября в Севастополь делегация балтийских моряков во главе с комиссаром Петроградского ВРК солдатом Степановым. На заседании Севастопольского Совета, в котором в то время было засилье соглашателей, Степанов 17 ноября заявил, что контрреволюция стремится задушить Петроград и революционные войска Северного фронта костлявой рукой голода. От имени Петроградского Совета он призвал черноморцев помочь Советской власти ликвидировать калединщину, обеспечить центр

[71] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 768, л. 8 (Из автобиографии А. Ф. Ильина-Женевского).

пролетарской революции «хлебом и углем, который Каледин запер в Донецком бассейне и не выпускает никуда» [72]. К тому же призывали черноморцев входившие в состав делегации представители Гельсингфорса и Кронштадта. Против них выступила эсеро-меньшевистская верхушка Севастопольского Совета, требовавшая отклонить предложения балтийцев и ограничиться посылкой по южным губерниям мирной делегации с агитационными задачами.

С яркой обличительной речью выступил на заседании депутат Совета от Черноморского флотского экипажа, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде матрос А. В. Мокроусов. Обвинив севастопольских соглашателей в предательстве интересов революции, он предложил немедленно поддержать балтийцев, отдать Петрограду половину имеющихся в Севастополе продовольственных запасов, послать в Таврическую губернию специальную комиссию для розыска хлеба, а на Дон «послать агитаторов с пушками для морального и физического воздействия на Каледина», т. е. «послать немедленно вооруженный отряд в 5—6 тысяч человек» [73].

Предложение Мокроусова поддержала председатель большевистской фракции Совета Н. И. Островская. Она настояла на том, чтобы формирование добровольческого отряда для борьбы с Калединым рассматривалось как практическая задача. Под давлением массы присутствовавших на заседании моряков Советом была выделена комиссия по формированию отряда. Во главе ее стали представитель Петроградского Совета Степанов и депутат Севастопольского Совета Мокроусов.

20 ноября на очередном заседании исполкома Мокроусов уже докладывал о работе комиссии. Он заявил, что для посылки на Дон сформирован отряд в 2500 человек. Двумя эшелонами этот отряд 22 и 25 ноября выехал на Дон. Мокроусов был выбран начальником отряда, Степанов — комиссаром, начальниками эшелонов — прапорщик Толстов [74] и матрос Гудзеев-Горский.

---

[72] «Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов», 1917, 18 и 19 ноября.

[73] Там же, 1917, 21 ноября.

[74] Начальником первого эшелона Черноморского отряда был прапорщик Андрей Иванович Толстов. Имя его стало ошибочно (на основании воспоминаний бывшего бойца отряда А. Т. Бугро, хранящихся в Музее обороны Севастополя) обозначаться «Ни-

Первый эшелон, с которым отправился Степанов, проследовал через Симферополь, Джанкой, Мелитополь, Александровск (Запорожье) и на станции Синельниково повернул на восток — в Донбасс. На станции Раздоры Степанова догнала телеграмма. Из Севастополя сообщали, что с Западного фронта двигаются на Дон корниловские части, что их нельзя пропускать на Дон, куда они стремятся для соединения с Калединым. Эшелон немедленно двинулся назад, на Синельниково, а оттуда на Харьков, где получил указание Харьковского ревкома идти на Белгород [75].

Балтийцы с радостью встретили первый эшелон черноморцев во главе со Степановым и Толстовым. На совместном совещании решено было объединить балтийцев и черноморцев в один сводный отряд [76]. Начальником сводного отряда стал И. П. Павлуновский, начальником штаба — А. Ф. Ильин-Женевский. Выбор пал на них не

колай» или «Н». (см. *Волошинов Л.* Октябрь в Крыму и Северной Таврии. Симферополь, 1960, с. 72; *Поликарпов В.* Бурям навстречу. Симферополь, 1961, с. 54, 140; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. Сборник документов. Киев, 1963, с. 651).

[75] См. *Маштаков П.* Разгром корниловцев черноморцами.— «Красный флот», 1928, № 3—4, с. 79; *Федорченко.* В корниловские дни в Черноморском флоте.— «Красная летопись», 1923, № 6, с. 159.

[76] О численности революционных войск под Белгородом в литературе нет пока сколько-нибудь точных данных. Недостоверны и приводимые В. А. Антоновым-Овсеенко сведения (см. его «Записки о гражданской войне», т. 1. М., 1924, с. 28). Сохранившиеся документы позволяют внести ясность в этот вопрос. Комиссар штаба МВО Перлин, посланный в Харьков и выезжавший во время боев с ударниками в Белгород, докладывал 1 декабря 1917 г. в штаб МВО: «29-го в Белгород прибыли до двух с половиной тысяч черноморцев из Синельникова с артиллерией и аэропланами (на самом деле это были гидропланы.— *В. П.*), которые были нами двинуты на ст. Прохоровка и Ржава Южных железных дорог, чтобы перерезать движение корниловцев на ст. Прохоровка и Ржава — Обоянь». На просьбу адъютанта командующего войсками МВО уточнить численность войск противника и своих Перлин сообщил: «Численность наших войск: черноморцев — 2 тыс. 268 человек; отряд, вышедший из Москвы, человек 300, 400 человек 30-го запасного пехотного полка, 150 человек 232-го запасного пехотного полка, Красной гвардии около 600. Имеем резерв в лице польского легиона, который может выставить в нужную минуту до 8 тыс. чел.» (ЦГАСА, ф. 25883, оп. 1, д. 17, л. 295—298. Телеграфная лента).

случайно. Предстояло руководить отрядом в полевых боях, требовалась хоть минимальная военная подготовка. Прапорщики Павлуновский и Ильин-Женевский получили боевой опыт на фронте во время мировой войны и, кроме того, имели за плечами годы революционной работы в подполье.

Сводный отряд выступил с бронепоездом на ст. Сажное, оттуда матросы двинулись к селу Крапивному. У села ударники встретили их ружейным и пулеметным огнем. В течение 29 ноября с обеих сторон предпринимались атаки и контратаки, но ни матросы, ни ударники успеха не имели. Бой на какое-то время затих, а к вечеру разгорелся с новой силой. У белогвардейцев в тылу — деревня, они могли обогреваться в хатах, выпуская против атакующих смены со свежими силами. Матросы оставались в открытом поле, на морозе. «Положение наше не из отличных,— вспоминал потом черноморец П. Маштаков,— мы целый день мерзнем в снегу, голодные, переутомленные... Озлобленные, делаем последний натиск. Но стена свинца не пускает нас. Ночь. Решаем прекратить наступление и отойти от деревни»[77]. Белогвардейцы не решились преследовать отступивших матросов, и те вернулись на станцию Сажное. К утру 30 ноября к сводному отряду Павлуновского присоединился второй эшелон черноморцев, прибывший ночью в Белгород, и рота польского запасного полка (150 человек).

Живущий ныне в Москве бывший матрос Я. П. Резниченко командовал в Черноморском отряде взводом пулеметной команды. Еще в 1919 г. он написал воспоминания о боях под Белгородом, которые остались неопубликованными. В них картина боев запечатлена по свежей памяти: «За все время наших боев с корниловцами с нашей стороны потери были в общем довольно незначительны. Самый большой урон наш отряд понес в первом нашем бою — под Крапивным. Здесь порядком-таки нам попало на орехи благодаря главным образом нашей неопытности, горячности и связанной с ними неосторожности. Не произведя предварительной разведки и не ознакомившись с силами и расположением врага, мы беззаботно двигались прямо на него, не рассчитывая ни на какие возможные сюрпризы и неожиданности... Засевшие в

[77] «Красный флот», 1928, № 3—4, с. 82.

селе корниловцы установили на церковной колокольне несколько пулеметов, и, кроме того, завидя нас, они держали свои войска в цепях около деревни наготове, не выдавая однако своего присутствия ни одним выстрелом. А затем, подпустив нас на очень близкое к себе расстояние, они сразу открыли по нас губительный огонь изо всех пулеметов и — залп за залпом — из винтовок. Мы являлись прекрасной для стрельбы по нас мишенью: одеты мы были кто в шинель, кто в бушлат исключительно из материала черного цвета и резко выделялись на фоне поля боя зимнего времени. Но рассказанный мною сейчас первый случай дал хороший урок нам и был единственным. В дальнейшем мы стали уже старыми воробьями...»

«Неудача у дер. Крапивной,— писал в воспоминаниях А. Ф. Ильин-Женевский,— заставила нас переменить тактику нашего дальнейшего наступления на ударников» [78]. В черноморском отряде было три полевых пушки. Подтянув их к оврагу у села Крапивного, моряки прежде всего открыли огонь по пулеметным точкам на позициях ударников и на колокольне. Когда вражеские пулеметы замолчали, Ильин-Женевский повел матросские цепи и польских солдат в атаку. Одновременно часть сил отряда охватывала село с флангов. Противник от неожиданности оказался деморализованным и начал отступать, опасаясь окружения. Небольшие группы ударников стали сдаваться в плен.

В Крапивном белогвардейцам был нанесен непоправимый удар. Последовавшие за ним боевые действия превратились по существу в преследование отступавших в западном направлении ударников. «О спешности отступления противника свидетельствовали многие предметы, которые мы находили после них в занимаемых деревнях,— писал А. Ф. Ильин-Женевский.— Так, в одной деревне мы наткнулись на остатки не законченного ими обеда, а в другой — на целую кучу духовых инструментов. Это еще больше воодушевляло нас на дальнейшее наступление. Мы буквально не давали противнику ни отдыха, ни срока» [79]. Подобное описание боев давали и белогвардейцы. «Начались бои, длившиеся целую неделю,— писал

---

[78] *Ильин-Женевский А. Ф.* Указ. соч., с. 183.
[79] Там же, с. 184.

Н. Шинкаренко.— Благодаря огромному численному перевесу противника [80] все попытки волонтеров прорваться в желательном для них направлении неизменно кончались неудачей. В конце концов ударный отряд начал отходить на запад. Борьба отличалась крайним ожесточением... Отряд не имел ни минуты отдыха. Днем дрались, а ночью шли. Понемногу и физические и моральные силы отряда истощились, и более слабые духом люди начали спасаться бегством. Предчувствовался конец...» [81].

Последний крупный бой с ударниками произошел 6 декабря у деревни Драгунской. В донесении Павлуновского Совету Народных Комиссаров об этом бое сообщалось: «Наш отряд, состоящий из черноморцев, балтийцев и польского легиона, держал все время противника под ударами и у деревни Драгунской окончательно разгромил и рассеял организованное ядро корниловских войск. Бой у деревни Драгунской продолжался около шести часов. Выпущено было 300 снарядов. Дальнейшее преследование привело к захвату у него обозов, пулеметов и т. п. Наш отряд преследовал противника на протяжении 100 верст и уничтожил его как организованную боевую величину. Наши потери за все время: 19 убитых, 92 раненых» [82].

Для более полного представления об обстановке, в которой был достигнут этот успех, воспользуемся еще раз цитированной уже рукописью Я. П. Резниченко: «Самым главным, подлинным нашим преимуществом перед врагами, далеко оставлявшим за собой по своему значению для наших успехов наличие у нас артиллерии, была та разница, какая существовала в отношении населения к нам и к корниловцам. С глубоким радостным чувством вспоминаю я и теплым словом благодарности должен здесь отметить то любовное к нам отношение, какое проявляло местное крестьянство Белгородского уезда, ту неизменную помощь и полную поддержку, какую опо нам неизменно оказывало... Крестьяне обогревали нас, поили-кормили; они же снабжали нас лошадьми для подвозки людей, пулеметов и артиллерии, не жалея для этого свое-

---

[80] Н. Шинкаренко насчитал на стороне противника «4000 матросов черноморских, 6000 балтийских и неопределенное количество Красной гвардии».

[81] «Донская волна», 1918, № 17, с. 3—6.

[82] «Правда», 1917, 12 декабря.

го столь важного в крестьянстве достояния и не смущаясь возможностью его гибели от вражеских пуль, что случалось нередко, когда мы в пылу схватки забегали со своими пулеметами вперед. Кроме того, крестьяне стояли в караулах, были в дозорах, следя за передвижениями наших врагов. Из тех деревень, куда отступал Корнилов, они приезжали в наш отряд, чтобы сообщить нам о дальнейшем его отступлении. И все это они делали совершенно добровольно, по собственному почину, без всякой просьбы с нашей стороны... В отношении корниловских частей крестьяне, наоборот, были настроены очень враждебно, настолько даже, что нередко сами, еще до нашего прихода, в момент их отступления при удобном случае обезоруживали и уничтожали отставших... Благодаря им мы гораздо скорей уничтожили корниловские части и притом с наименьшими для нас потерями».

После боя у Драгунской положение ударников стало совершенно безнадежным. 4-й и 8-й ударные батальоны были уничтожены почти полностью, их командиры — поручик Дунин и штабс-капитан Степанов — убиты. Две роты ударного батальона 1-й Финляндской стрелковой дивизии сдались в плен еще в Крапивном, теперь его остатки во главе с полковниками Янкевским и Гофманом отбились от отряда и, как сообщал Шинкаренко, «ушли в пределы Полтавской губернии. Судьба их неизвестна». От ударного полка Манакина и 2-го Оренбургского ударного батальона оставалась, по выражению того же Шинкаренко, «кучка, численность которой не превышала 300 человек». В местечке Белое, в 12 км от станции Псел, революционными матросами были ликвидированы и эти жалкие остатки совсем еще недавно довольно внушительной силы белой гвардии.

После этого, пожалуй, самой значительной уцелевшей группой ударников еще некоторое время оставались остатки ударного батальона 1-й Финляндской стрелковой дивизии, ушедшие после первых боев с Янкевским и Гофманом. «Судьба их неизвестна»,— писал историограф ударных батальонов. Документ, хранящийся в архиве, проливает до некоторой степени свет на их судьбу. Месяц спустя после того как смолкли выстрелы северо-западнее Белгорода, 6 января 1918 г., нарком по борьбе с контрреволюцией на Юге В. А. Антонов-Овсеенко, находившийся со своим штабом в Харькове, получил телеграмму от командующего войсками Московского военного округа

Н. И. Муралова. В ней говорилось: «Суджанский военачальник доносит, что в его распоряжение передано свыше двухсот солдат ударных батальонов, уже разоруженных... Просит указаний, куда их направить и как поступить с брошенным конским составом и обозом, о чем доношу для непосредственного распоряжения» [83]. «...Только отдельным счастливцам, в том числе и подполковнику Манакину, удалось пробраться на Дон» [84],— печалился в «Донской волне» Шинкаренко.

О победе революционных войск под Белгородом «Правда» сообщила 13 декабря в экстренном выпуске. О том, какого непримиримого, упорного врага уничтожили балтийские и черноморские матросы вместе с красногвардейцами и польскими революционными солдатами, показывает описание последних часов ударников, сделанное Н. Шинкаренко. Рассказывая о совещании, проведенном Манакиным после боя у Драгунской, он сетовал: «Наступили последние тяжелые минуты. Знамена были сняты с древков, и знаменщикам было приказано сберечь их до того момента, когда соберется Учредительное собрание, и тогда передать их председателю собрания, рассказав о том, как погибли бойцы ударных батальонов... Последние ударники дали друг другу клятву снова собраться вместе при лучших условиях и возобновить борьбу с большевизмом...» Но лучших условий для них не наступило. По иронии судьбы ровно через месяц, в ночь на 6 января 1918 г., матрос Анатолий Железняков, участвовавший в разгроме ударников под Белгородом, разогнал то самое Учредительное собрание, на которое столько надежд возлагали ударники, и тем завершил дело, начатое им и его товарищами в снегах под Белгородом.

---

[83] ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 6, л. 236. Телеграфный бланк.

[84] Манакин добрался до Новочеркасска. 7 мая 1918 г. новый донской атаман генерал Краснов произвел его в полковники, а потом назначил военным губернатором и командующим войсками южных уездов Саратовской губернии. Занявшись там формированием добровольческой белой армии, он в своих воззваниях провозглашал: «Район действия [армии] — Саратовская губерния, в дальнейшем по обстановке, но с непременным стремлением к Москве», «срок службы добровольцев в добровольческих частях — до полного свержения советской власти». В этих же воззваниях он не забывал упомянуть, что был командиром 1-го ударного полка, «который погиб в декабре 1917 года в Курской губернии *в неравных боях*... с красногвардейцами и матросами».

* * *

В течение всего того времени, пока под Белгородом шла борьба, имя Корнилова не сходило со страниц газет. 24 ноября «Русское слово» сообщало, что с утра 23 ноября Харьков «взволнован сведениями о движении каких-то эшелонов, будто бы руководимых генералом Корниловым». Это известие подтверждалось в том же номере газеты сообщением из Сум от 23 ноября: «Эшелоны войск Корнилова прибыли в Ворожбу, направляясь на Дон». На следующий день, 25 ноября, «Русское слово» поместило сообщение из Харькова, датированное 24 ноября: «В Белгороде паника в связи с сообщением о приближении корниловских войск... Около кассы висит объявление: «Ввиду продвижения корниловских войск прекращается продажа билетов на Сумы». Как выяснилось, в состав эшелонов входят текинцы, инженерные войска, кавалерия и пехота». Затем 28 ноября в «Правде» была напечатана телеграмма комиссара Петроградского сводного революционного отряда, прибывшего в Белгород, И. П. Павлуновского: «С войсками Корнилова встретились под Белгородом. Отряд Корнилова, численностью 3000—4000 человек, с достаточным количеством пулеметов, занимает станцию Томаровка, в 28 верстах от Белгорода. 25 ноября мы дали первый бой войскам Корнилова у ст. Томаровка. Результаты боя: один корниловский эшелон разбит, другой тоже пострадал. Наши потери: 2 убитых, 3 раненых. Потери Корнилова неизвестны, но должно быть значительны...»

Однако проскальзывали сообщения и несколько иного свойства. «Кто ведет эшелоны, до сих пор представляется неразрешимой загадкой,— писала 1 декабря газета Екатеринославского комитета РСДРП(б) «Звезда».— Были указания, что во главе эшелонов находятся штабные офицеры, бежавшие из Ставки, и среди них главнокомандующий армией (?) генерал Деникин». О том, кто возглавляет белогвардейские эшелоны, не знали точно и в Белгороде. Так, 25 ноября (во время боя под Томаровкой), в разговоре по телеграфу с адъютантом командующего войсками Московского военного округа (и Белгород и Харьков входили в МВО) член Белгородского революционного штаба Черепенников говорил: «По непроверенным слухам, противник — Деникин». «А Корнилов?» — спрашивал адъютант. «Были вчера сведения, также не-

удостоверенные, о нахождении Корнилова в этом отряде» [85]. Уже после боя под Томаровкой, в котором участвовали подразделения 30-го запасного пехотного полка, представитель штаба этого полка докладывал в штаб МВО: «Из допроса перебежчиков выяснилось, что во главе ударников стоят полковники Монахов и Яковский, среди офицеров отряда постоянно говорят о Деникине...» [86] Командир полка Н. А. Руднев по возвращении из Белгорода в Харьков говорил в те же дни командующему войсками МВО П. И. Муралову: «По словам перебежчиков, там находится один из убежавших генералов, но кто — уяснить трудно» [87]. Вопрос этот так и остался тогда невыясненным.

Между тем след Корнилова отыскался. О его местопребывании после бегства из Быхова телеграфировал в Смольный клинцовский комиссар Сайковский. Он сообщал, что 24 ноября «Корнилов перешел [в] Попову Гору (северо-западнее Клинцов, ныне Красная Гора.— *В. П.*), переправившись через речку... Идет он с двумя отрядами по 300 человек. В первом отряде сам Корнилов. Перед первым отрядом идут дозоры верст 10—15 вперед... К последней стоянке пало 40 лошадей. Около половины всадников ведут лошадей в поводу. Фураж берется от крестьян силой, так как крестьяне не дают им ни фуража, ни хлеба. Обращение с населением зверское» [88]. Здесь и последние строчки — не из области предположений, рассчитанных, как может показаться, на агитационный эффект. Таковы же свидетельства и противной стороны. «Чем дальше мы ехали,— вспоминал Резак бек Хаджиев,— тем больше встречали недружелюбие со стороны жителей деревень, через которые приходилось проезжать. Все жители шарахались от нас, не желая давать ничего, даже за деньги. Как только мы выезжали из какой-нибудь деревни, так из нее сейчас же передавали в другие деревни о

---

[85] ЦГАСА, ф. 25883, оп. 1, д. 17, л. 9. Телеграфный бланк.
[86] Там же, л. 307. Телеграфный бланк.
[87] Там же, л. 310. Телеграфный бланк.
[88] ЦГАОР СССР, ф. 375, оп. 1, д. 10, л. 105. Телеграфный бланк. С некоторыми неточностями было опубликовано в газете «Революционная Ставка» 28 ноября 1917 г. Аналогичные сведения 24 ноября дал по телеграфу М. Д. Бонч-Бруевичу адъютант главнокомандующего армиями Западного фронта подпоручик Г. В. Соловьев (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 7, д. 1, л. 1).

том, что едет шайка Корнилова, которой не надо ничего давать, а всячески ей препятствовать во всем. При [нашем] въезде в деревню мужики безмолвно и злобно исподлобья смотрели на нас, толпясь по обеим сторонам улицы, и большинство из них даже не здоровалось с нами. На лицах я читал: «Поезжайте, такие-сякие! Все равно далеко не уедете. Вот на днях вас всех переловим, и эти жеребцы, которые сейчас так танцуют под вами, будут пахать нашу землю, а ваши ятаганы пойдут на серпы!» Молча и злобно смотрели мужики, тая ненависть к нам. Через два дня езды... мы остановились на дневку в новой деревне, жители которой при нашем появлении большей частью убежали» [89].

Но революционные органы питались не только сведениями, полученными от жителей,— они и сами организовывали разведку и оповещали жителей. Об этом хорошо рассказано в «Бюллетене Клинцовского Совета» тем же, по-видимому, комиссаром Сайковским, который посылал телеграмму в Смольный. Получив 22 ноября телеграмму Гомельского Совета о бегстве Корнилова в юго-восточном направлении, Клинцовский Совет оповестил об этом все волости, предложил им организовать разведку и о появлении корниловского отряда немедленно доносить. Получив точные сведения из Поповой Горы, «Клинцовский Совет депутатов в 5 час. 30 мин. вечера 23 ноября телеграфировал Гомельскому и Брянскому Советам депутатов о том, что слухи проверены и необходимы войска и поезда для свободной переброски войск в районе Новозыбков — Почеп». Клинцовский Совет забросил своего разведчика даже в расположение корниловского отряда и полученные сведения передавал революционным войскам, отправившимся на преследование Корнилова [90].

К 27 ноября Корнилов был уже южнее города Сураж, намереваясь идти на Мглин, но был встречен преследовавшим его по железной дороге революционным отрядом во главе с членом ВРК 2-й армии В. И. Пролыгиным. В результате боя в районе села Старая Гута и разъезда Песчаники (под Унечей) корниловский отряд был рассеян, а сам Корнилов оставил текинцев и скрылся. Об этих действиях

[89] *Хаджиев Х.* Великий Бояр. Белград, 1929, с. 182—183.
[90] *С[айковский].* К бегству Корнилова.— «Бюллетень Клинцовского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, декабрь, № 10.

В. И. Пролыгин доносил по телеграфу главковерху Н. В. Крыленко и в Революционный полевой штаб при Ставке [91]; начальник штаба М. К. Тер-Арутюнянц опубликовал его донесение в газетах [92]. Позже этот эпизод был освещен в воспоминаниях В. И. Пролыгина [93] и в литературе [94]. Имеется также донесение командира Текинского полка полковника Н. П. Кюгельгена дежурному генералу Ставки [95], опубликованное 6 декабря 1917 г.[96] Об исчезновении Корнилова и ликвидации его отряда Кюгельген доносил так: «Во время сильного обстрела в упор блиндированным поездом (который был в отряде Пролыгина.— *В. П.*) у Старой Гуты полк быстро отступил в разных направлениях в ближайшие леса и деревни. Под генералом Корниловым убита лошадь. Вместе с комендантом по охране, с многими без вести пропавшими офицерами и всадниками исчез и генерал Корнилов. Полк следует на Трубчевск для присоединения отставших и без вести пропавших. Много подбитых лошадей».

Куда же делись, в конце концов, текинцы? Член ВРК при Ставке Р. И. Берзин, приезжавший в Брянск в связи с назначением его начальником революционного отряда, посетил их в брянской тюрьме. Там находились 3 офицера и 264 всадника [97]. «Я лично в тюрьме опросил тех,—

---

[91] ЦГАОР СССР, ф. 375, оп. 1, д. 10, *л.* 106—112.

[92] «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 1917, 1 декабря.

[93] *Пролыгин В. И.* В решающий момент.— В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1957, с. 263—264. В воспоминаниях Пролыгина, в отличие от его донесения, имеются некоторые неточности: например, указывается, что Корнилов бежал из Быхова с «дикой дивизией» и будто бы с нею пришлось иметь дело революционным отрядам под Унечей; разъезд Песчаники назван «Песочная»; Попова Гора оказалась восточнее Клинцов.

[94] См., например, *Хохлов А.* Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 — март 1918 гг.). Минск, 1965, с. 94—98.

[95] ЦГВИА СССР, ф. 2134, оп. 1, д. 1310, л. 137—142; ф. 2003, оп. 11, д. 58, л. 30.

[96] «Революционная Ставка», «Армия и флот рабочей и крестьянской России», «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»; *Любимов И. Н.* Революция 1917 года. Хроника событий. Т. 6. Октябрь — декабрь. М.— Л., 1930, с. 216—217. (Фамилия командира полка в газетах искажена, в хронике не указана).

[97] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155, л. 30—31. Записки Р. И. Берзина.

доносил Берзин 30 ноября в Революционный полевой штаб при Ставке,— кто говорит по-русски, и выяснилось, что они были слепое оружие в руках 40 офицеров [98], которые были вместе с Корниловым и все время говорили им, что война окончена и теперь они могут отправиться домой. Шли пешком потому, что им говорили, что нельзя около Жлобина получить вагонов, и поэтому надо идти через Мглин и за Брянском получат вагоны» [99]. 2 декабря Берзин доносил о том же в Смольный и добавлял: «При встрече с революционными войсками текинцы не поняли, за что им снова приказывают бороться и стрелять. После первых выстрелов они сдались... Из Ставки получено распоряжение текинцев освободить, но так как солдаты на них очень озлоблены, чтобы не было самосуда солдат, Брянский Совет решил их под конвоем отправить в гор. Москву, [а оттуда] домой. Ежедневно отдельными группами приходят и сдаются остальные текинцы... По документам выяснилось, что план корниловцев был — отправить текинцев на Дон, к Каледину...» [100]

Куда же все-таки делся Корнилов, исчезнувший с поля боя у деревни Старая Гута и разъезда Песчаники?

---

[98] А. И. Деникин, описывая в «Очерках русской смуты» разгром корниловского отряда, пользовался записками штабс-ротмистра, командира 4-го эскадрона Текинского полка. Записки довольно обстоятельны, Деникин использовал их весьма ограниченно, и больше они не публиковались (сохранились в бумагах Деникина). В них указывается, что в полку было 24 офицера и около 400 всадников, кроме них в походе участвовали 2 офицера Георгиевского батальона.

[99] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155, л. 31.

[100] Там же, л. 31 об. Донесение Берзина опубликовано 6 декабря «Революционной Ставкой» под заглавием «Из стана корниловцев». Когда он говорит о документах, раскрывающих замысел корниловцев отправить текинцев на Дон, то, очевидно, имеет в виду место в донесении Кюгельгена: «Войсковое правительство Дона предъявило генералу Духонину требование отправить генерала Корнилова и других арестованных генералов на поруки. Генерал Духонин приказал отправить названных лиц на Дон поездом под охраной Текинского полка и команды Георгиевского батальона. Подвижной состав не был подан. Тогда Ставкой приказано было доставить арестованных двигаясь походом». В протоколе следственной комиссии ВРК при Ставке по поводу этого заявления Кюгельгена отмечено, что в бумагах квартирмейстерской части такого распоряжения нет и о нем никто из служащих не знает (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 11, д. 58, л. 33). Вполне вероятно, что в бумагах Ставки истинная цель похода из предосторожности не фиксировалась.

Резак бек Хаджиев в происшедшей суматохе потерял своего начальника из виду и больше не видел Корнилова до встречи с ним уже на Дону[101]. Зато в подробностях это рассказано в записках командира 4-го эскадрона Текинского полка. После того как основная часть полка сдалась в плен, остатки его в количестве 120—125 человек, потеряв Корнилова и командира полка, собрались в лесу, где оказался и Корнилов. «Пошли прямо в густую чащу леса,— пишет штабс-ротмистр, сам бывший там,— и до самой темноты бродили по лесу, меняя направление, чтобы скрыть следы. Шли по одному: впереди штабс-ротмистр Толстов с компасом, за ним генерал Корнилов, потом полковник Арон и т. д. Вскоре после того, как тронулись, меня вызвали вперед и штабс-ротмистр Толстов передал мне компас, говоря, что ему с его раненой рукой невозможно его держать. Когда совсем стемнело, остановились среди густой чащи; генерал Корнилов вызвал к себе офицеров и сказал, что нам есть два выхода: 1) или попытаться опять перейти железную дорогу около разъезда Песчаники, или [2)], пройдя без дороги по компасу, обогнуть ст. Унечу и перейти железную дорогу между ст. Унеча и ст. Рассуха; для этого нужно сделать около 20—25 верст по застывшему болоту, покрытому густым лесом; и что лучше будет сделать второе, так как около разъезда Песчаники скорее можно нарваться на большевиков». Изрядно проплутав в ночной темноте, текинцы перешли полотно железной дороги и около 7 часов утра 27 ноября «вышли из полосы болот и пошли, обходя селения, на юго-восток».

Дойдя до деревни Новоселки (в районе Стародуба), Корнилов «решил разделить полк на две части, с тем, чтобы, отобрав лучших лошадей, идти маленькой группой, менее привлекающей внимание, двигаясь большими переходами и останавливаясь вдали от больших деревень; остальная же часть полка, с командиром полка, должна идти [на восток] открыто, малыми переходами». Здесь-то Кюгельген и отправил телеграмму в Могилев, составленную, по свидетельству штабс-ротмистра, Корниловым. С Корниловым, переодетым в штатское, утром 28 ноября из Новоселок выступил отряд, состоявший из 11 офицеров и 32 всадников. Он прошел через деревни Кистер, Борще-

[101] *Хаджиев Х.* Указ. соч., с. 209.

во и 30 ноября вступил в поселок Погар. Хозяин дома, в котором остановился Корнилов с офицерами, «вызвался к утру достать экипаж с надежным возницей, который должен был доставить генерала Корнилова через гор. Трубчевск на ст. Холмечи...»

Штабс-ротмистр описал и самый момент бегства Корнилова от остатков полка: «Около 12 час. дня 1 декабря генерал Корнилов, два киргиза и штабс-ротмистр Толстов выехали верхом из Погара. Был базарный день, и на улицах было много народу, но так как везде бродили наши всадники, то никто не обратил внимания на то, что четыре всадника куда-то поехали. Верстах в пяти от Погара их уже ждали сани, и там генерал Корнилов переодел шубу и шапку и поехал далее, а Толстов и всадники вернулись». В крестьянском зипуне, с паспортом на имя Лариона Иванова, выдавая себя за беженца из Румынии, Корнилов поездами пробирался на Дон. 6 декабря, то есть в тот самый день, когда революционные отряды закончили разгром ударников под Белгородом, этот «беженец» с котомкой за плечами добрался до Новочеркасска [102]. А остатки полка две недели простояли в Погаре, затем перешли в Новгород-Северский и, с согласия властей Украинской рады, переехали по железной дороге в Киев, где пробыли до вступления в город советских войск (26 января 1918 г.) и рассеялись. Только 40 текинцев добрались до Новочеркасска, но и из них лишь 7 человек согласились вступить в Добровольческую армию, остальные же предпочли отправиться на родину [103].

«Поход нашего полка кончился катастрофой. Полк не смог выполнить свою задачу, хотя генерал Корнилов и прибыл благополучно на Дон». Признавая это, командир 4-го эскадрона считает, что «полк пришел бы на Дон, если бы полк не вели так, как вели». Штабс-ротмистр обвиняет командовавших полком (он пишет во множественном числе и не называет имен и должностей, но факт же, что полк находился в руках Корнилова) в том, что «предстояло пройти свыше тысячи верст, а мы не прошли и трехсот, как замотали и людей и лошадей», в отсутствии взаимной связи между эскадронами, которые часто шли

---

[102] «Донская волна», 1918, № 5, с. 9; «Приазовский край», 1917, 16 декабря (корреспонденция В. Севского).

[103] *Хаджиев Х.* Указ. соч., с. 255.

порознь; в том, что «в один день всадников два раза подводят под огонь, подводят зря» и те «заговаривают о сдаче», причем в скобках поясняет: «а ведь пасть духом им было от чего; ведь когда они говорили, что вся Россия против нас, они были правы». И вот эта-то оговорка сводит на нет все рассуждения о неумелом командовании полком как причине катастрофы похода. Революционные отряды не для того двинулись в погоню за полком, чтобы предоставлять ему возможность благополучно пробраться на Дон.

Таким образом, революционные отряды почти одновременно полностью уничтожили конный отряд Корнилова под Унечей и ударные батальоны под Белгородом, лишив тем самым Каледина, а вместе с ним и бежавших к нему главарей контрреволюции довольно значительного по тому времени подкрепления.

Между тем в нашей литературе эти два эпизода освещаются не всегда правильно. М. С. Лазарев, например, пишет, что под Томаровкой, в 28 верстах от Белгорода, первый бой корниловцам 25 ноября дал отряд В. И. Пролыгина, затем 26 ноября тот же отряд подошел будто бы к Унече и там нанес поражение Текинскому полку во главе с Корниловым. В подтверждение автор цитирует известное нам донесение полковника Кюгельгена. «Революционные отряды,— пишет далее М. С. Лазарев,— преследовали корниловские части до тех пор, пока не разгромили их», и в подтверждение приводит выдержку из донесения И. П. Павлуновского о разгроме ударных батальонов под Белгородом [104] (не указывая, впрочем, в обоих случаях авторов донесений). Но тогда получается, что текинцы метались от Томаровки, куда они неизвестно как попали, под Унечу (для чего должны были пройти за одни сутки 350 км по прямой линии, да еще ведя лошадей в поводу), а из-под Унечи — снова под Белгород. А ведь в то время как под Белгородом заканчивались бои с ударниками, основная часть текинцев уже неделю сидела в брянской тюрьме, беглец же с поля боя «Ларион Иванов» находился в странствии к Новочеркасску.

М. С. Лазарев не первым отождествил два разных эпизода борьбы с контрреволюцией. Он лишь повторил то, что

---

[104] *Лазарев М. С.* Ликвидация Ставки старой армии как очага контрреволюции.— «Вопросы истории», 1968, № 3, с. 56—57.

сделал до него в своих работах И. И. Саладков [105]. И уж совсем в последнее время такое же освещение этих эпизодов дал В. Г. Ивашин [106].

Вокруг Учредительного собрания

После разгрома контрреволюции под Петроградом и в Москве Ставка явилась узлом, в котором сплелись главные нити политической борьбы в общероссийском масштабе. Исход борьбы за Ставку должен был стать выражением того или иного решения судьбы революции в первые недели после Октября. Этим исходом, прежде всего, завершалась борьба за армию. Контрреволюция в лице штаба верховного главнокомандующего теряла свой центр в действующей армии, т. е. последний официально располагавший вооруженной силой орган старой власти. Без него не мыслил реализации своих планов «Комитет спасения». Ставка, кроме того, служила до последних дней убежищем для всех, кто еще не расстался с надеждами на создание хотя бы однородно-социалистического, в противовес большевистскому, правительства. Все они вынуждены были прекратить опыты конструирования такого правительства и бежать из Могилева, как только почувствовали, что Ставка не в состоянии обеспечить их замыслы вооруженной силой и почва под нею не столь уж прочна, как казалось издали. Вместе со Ставкой из рук реакции выпал и инструмент, которым можно было тормозить решение самого острого вопроса политической борьбы тех дней, каким являлось прекращение войны. В этом деле большевики уже имели несомненный успех, обеспечивавший им поддержку не только армии, но и тыла, а со взятием Ставки они получали новые возможности доведения своих намерений до конца.

Таким образом, надежды на армию как на силу, способную восстановить в стране «твердую власть»; попытки

---

[105] *Саладков И. И.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии.— «Исторические записки», т. 61, 1957, с. 183; *его же.* Ликвидация контрреволюционной Ставки верховного главнокомандующего в ноябре 1917 года.— «Труды Петрозаводского государственного университета», т. 7, 1957, с. 76.

[106] *Ивашин В. Г.* Указ. соч., с. 225—226.

сформировать в противовес Совнаркому «однородно-социалистическое» правительство; расчеты на неудачу большевиков в открытии переговоров с немцами и на их дискредитацию,— все это были уже битые карты. Контрреволюции требовались новые средства, новые лозунги, чтобы собрать под ними сколько-нибудь массовые силы. Но их не находилось, и на первый план теперь выплывает лозунг Учредительного собрания.

В «Тезисах об Учредительном собрании», напечатанных в «Правде» 13 декабря, В. И. Ленин раскрыл эволюцию этого лозунга и дал ему классовую оценку в условиях начавшейся гражданской войны: «Ход событий и развитие классовой борьбы в революции привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному собранию»... *стал на деле* лозунгом кадетов и калединцев и их пособников» [107]. Но и раньше, на заседании ВЦИК 1 декабря, он говорил по существу то же самое: «Кадеты кричат: «Вся власть Учредительному собранию», а на деле это у них значит: «Вся власть Каледину»» [108].

Оснований для таких заявлений было более чем достаточно. В первой половине ноября интенсивную агитационную деятельность против власти Советов развернула созданная еще при Временном правительстве «Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия». С падением Временного правительства она прекратила свою работу и, ожидая со дня на день падения «большевистского режима», в течение двух недель не подавала признаков жизни. Но вдруг спохватилась, как бы большевики не созвали Учредительное собрание без нее [109], и 7 ноября возобновила свои заседания. Стоявшие во главе комиссии видные кадеты Н. Н. Авинов (председатель) и В. Д. Набоков (товарищ председателя) стали использовать ее как легальную возможность борьбы с Советской властью. Циркулярные распоряжения окружным комиссиям, рассылавшиеся по всей стране, они превратили в контрреволюционные прокламации. В циркуляре от 7 ноября Набоков именовал Октябрьскую революцию «попыткою насильственного захвата власти», которая повлек-

---

[107] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 164—165.
[108] Там же, с. 137.
[109] *Набоков В.* Временное правительство.— «Архив русской революции», т. 1, изд. 2. Берлин, 1922, с. 91—92.

ла за собой «полную анархию», вследствие чего выборы будут проходить в «противогосударственных условиях», «в напряженной атмосфере гражданской войны и усобицы» и т. д. Послеоктябрьской «анархии» Набоков противопоставляет Учредительное собрание, «с которым вся страна связывает ныне свои надежды» [110]. Этот циркуляр публиковался тогда же во всеобщее сведение в буржуазных газетах [111].

Циркулярное распоряжение от 11 ноября за подписью Авинова имело заголовок «О ходе выборов». Но содержание его сводилось к требованию принять меры к недопущению какого бы то ни было участия большевиков в работе выборных комиссий. Власти Советов Авинов как бы не замечает, «выступления большевиков» квалифицирует как криминальные эпизоды, органы Советской власти объявляет «временными учреждениями, созданными большевиками» в тех местностях, где их выступления «достигли той или иной степени успеха». От окружных комиссий запрашивались донесения, не присылались ли в местные комиссии от «временных учреждений» большевистские комиссары, «не было ли попыток со стороны созданных большевиками учреждений взять в свои руки все производство дела выборов», и тут же разъяснялось, что их комиссары «никакого отношения к выборному производству не имеют и иметь не могут» [112].

Нужно иметь в виду, что Временное правительство по указке кадетов откладывало выборы в Учредительное собрание до тех пор, пока в стране не установится «твердая власть», как разъяснял это Набоков в «Речи» 1 августа, ограничивая, правда, задачу установлением «новых учреждений губернского и уездного земского самоуправления»,— иначе буржуазия не видела гарантии, что выборы дадут нужные ей результаты. Она надеялась, что осенью, в крайнем случае зимой, большевиков удастся разгромить совершенно, и тогда условия для выборов и для созыва Учредительного собрания будут самые благоприятные, настолько благоприятные, что без него можно будет и обойтись. Но добиться «твердой власти» не удавалось, а «печальные события» в Петрограде, Москве и дру-

[110] Всероссийское Учредительное собрание. М.— Л., 1930, с. 151.
[111] См. «Русские ведомости», 1917, 10 ноября.
[112] Всероссийское Учредительное собрание, с. 152.

гих городах уж совсем «неблагоприятным и тяжелым образом отразились на всем выборном производстве». Поэтому, разъяснял Набоков в циркуляре 7 ноября, выборы в назначенные сроки допустимы лишь там, где могло быть организовано «свободное голосование» и где исполнение «требований законного порядка выборов» [113] не вызывало сомнений. Главные центры и те районы страны, где установилась уже Советская власть (где, по понятиям Набокова, условия выборов оказывались «противогосударственными»), лишались, вследствие этого, права участвовать в выборах.

Несмотря на то что «твердая» власть в стране не установилась, контрреволюция теперь круто изменила свою тактику и стала добиваться скорейшего созыва Учредительного собрания, афишируя его как «хозяина» страны, правомочного перерешить вопрос о власти и перечеркнуть октябрьские декреты. «Вся власть Учредительному собранию!» становится боевым лозунгом в борьбе против Советской власти, средством сплочения всех сил для удушения социалистической революции. Лидером этой борьбы выступила партия кадетов. Полностью солидарная с нею газета «Русское слово» провозглашала, что Учредительное собрание «остается единственной клеткой, от которой может начаться возрождение разрушенной государственной ткани», что власть у большевиков «нужно взять силой, новой вспышкой гражданской войны» [114]. Член ЦК кадетской партии профессор А. А. Кизеветтер на страницах «Русских ведомостей» заявлял, что руководящим лозунгом выборов должно стать: «Против большевиков»; свою же партию он аттестовал как «с самого начала революции занимавшую истинно-непримиримую позицию по отношению к большевикам», отмеченную «твердой стойкостью, внутренней спаянностью и ясно выраженным *государственным* пониманием начал свободы» [115]. Другой член кадетского ЦК, Ф. Ф. Кокошкин, на предвыборном собрании партии в двухчасовом докладе призывал избирателей «бороться с большевизмом», уверял их, будто избирательный бюллетень в руках граждан России — «мо-

---

[113] Там же, с. 151.
[114] «Русское слово», 1917, 14 ноября.
[115] «Русские ведомости», 1917, 17 ноября.

гучее средство» для свержения большевистского режима [116].

Эти призывы подхватывали и усиливали другие органы буржуазной и «социалистической» печати. Меньшевистский «Грядущий день» заявлял: «Образовав орган власти, Учредительное собрание тем самым формально ликвидирует власть большевиков... В этой борьбе нет никаких половинчатых решений. Или Смольный или Таврический — так и только так ставит вопрос история» [117]. Орган тех же «социалистов» не оставлял сомнений в том, что контрреволюция не собирается достигнуть успеха формально-демократическими средствами и видит в использовании их лишь завязку борьбы, неизбежным развитием которой явится гражданская война. «Учредительное собрание,— писал в «Дне» меньшевик В. А. Канторович,— неминуемо должно занять место фокуса в гражданской войне... Борьба не допускает никаких компромиссов... Война без пощады, до победы... И если суждено в этой войне потерять такой важный стратегический пункт, как Учредительное собрание, то с этой перспективой надо уже считаться и готовиться, быть может, к долгой позиционной кампании». Но если меньшевистский публицист пользовался «стратегией» и «позиционной кампанией», может быть как принадлежностями риторики, то для его корниловских вдохновителей эти слова имели прямой смысл.

В своих декларациях и призывах партии и группы из лагеря контрреволюции не всегда могли спрятать тот факт, что лозунг Учредительного собрания они избрали не для выяснения парламентским путем истинной воли народов России, а для восстановления буржуазного строя любыми средствами, не только не останавливаясь перед вооруженной борьбой, но больше всего на нее как раз и рассчитывая. Большевики были свободны от каких бы то ни было иллюзий на этот счет. На заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 12 декабря М. С. Урицкий выразил существо текущего политического момента в словах: «Вопрос об Учредительном собрании сейчас решается там, где теперь идет гражданская война, там, где-то за Харьковом. Победит ли Каледин? Победим ли мы? — От этих обстоятельств зависит судьба и работа Учредитель-

---

[116] «Русские ведомости», 1917, 17 ноября.

[117] *Стеклов Ю.* Год борьбы за социальную революцию (25 октября 1917 г.—25 октября 1918 г.). Часть 1. М., 1919, с. 276—277.

ного собрания». Из такой оценки положения вытекал и вывод для практических действий. «В данный момент,— говорил далее М. С. Урицкий,— вопрос об Учредительном собрании является тем боевым пунктом, вокруг которого нам хотят дать генеральное сражение, и мы вокруг него хотим дать тоже сражение» [118].

Контрреволюционные партии и организации, действительно, не ограничивались агитацией. Они развернули практическую подготовку к вооруженной борьбе, позаботившись прежде всего о создании механизма, объединяющего их силы. Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание, находившаяся целиком в руках кадетов, была легальным центром, за спиной которого стоял настоящий руководитель антисоветской борьбы — ЦК кадетов. Но комиссия не имела в Петрограде вооруженной опоры — ее нужно было еще создавать. Казалось бы, эту задачу мог выполнить «Комитет спасения родины и революции», уже имевший опыт организации антисоветских мятежей. Но после их подавления у «Комитета спасения» не осталось никаких боевых сил, а 9 ноября Петроградский ВРК постановил распустить его и за контрреволюционную деятельность арестовать его членов [119]. Хотя «Комитет спасения» отказался подчиниться этому решению Советской власти и обратился к солдатам с призывом присоединиться к нему, чтобы «общими силами свергнуть большевиков» [120], все же ему пришлось перенести свою деятельность в подполье, но развернуть ее так и не удалось.

Эту потерю попытался возместить ЦК партии эсеров через созданную им военную комиссию. Один из ее активных членов, Г. Семенов, свидетельствовал: «Центром работы Военная комиссия считала подготовку почвы и организацию военных сил в Петрограде для вооруженной защиты Учредительного собрания и вооруженной ликвидации большевистской власти» [121]. Другой член, а после 4-го съезда партии эсеров [122] и председатель этой комис-

---

[118] Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 2, с. 328.
[119] Петроградский военно-революционный комитет, т. 2, с. 273, 276.
[120] *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. М.— Л., 1927, с. 86.
[121] *Семенов Г. (Васильев).* Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. М., 1922, с. 9.
[122] Проходил с 26 ноября по 4 декабря 1917 г.

сии, Б. Соколов, оставил более подробные воспоминания. «Задачей Военной комиссии,— писал он,— было выделить из петроградского гарнизона те части, которые были наиболее боеспособны и в то же время наиболее антибольшевистски настроены». Посещая воинские части, члены комиссии устраивали «небольшие собрания» для выяснения настроений солдат, но главным образом, по словам Соколова, «ограничивались беседами с комитетами и с группами солдат». Оказалось, что во многих частях положение, с точки зрения эсеров, было «совершенно безнадежное», и только в двух полках (Семеновском и Преображенском) и броневом дивизионе они «нашли то, что искали». Раскрывая дальнейшие шаги комиссии, Б. Соколов сообщал: «Мы решили именно эти три части избрать как центр боевого антибольшевизма. Через наши как эсеровские, так и родственные фронтовые организации, мы вызвали в экстренном порядке наиболее энергичный и боевой элемент. В продолжение декабря прибыло с фронта свыше 600 офицеров и солдат, которые были распределены между отдельными ротами Преображенского и Семеновского полков... Некоторых из вызванных нам удалось провести в члены как ротных, так и полковых комитетов. Несколько человек специалистов, по преимуществу бывших студентов, мы пристроили в броневой дивизион». Этими пополнениями, писал Соколов, «мы в значительной мере увеличили как боеспособность, так и антибольшевизм вышеупомянутых частей» [123]. В брошюре Г. Семенова есть, однако, деталь, характеризующая способы агитации эсеров в воинских частях, о которой Б. Соколов не счел уместным вспомнить. «В полковых комитетах и на общих полковых собраниях,— писал Семенов,— мы проводили общую идею защиты Учредительного собрания, не касаясь вопроса о вооруженном свержении большевиков; на более тесных закрытых собраниях говорилось о вооруженной борьбе с большевиками» [124]. Иначе говоря,

---

[123] *Соколов Б.* Защита Всероссийского Учредительного собрания.— «Архив русской революции», XIII. Берлин, 1924, с. 41—42.

[124] *Семенов Г.* (*Васильев*). Указ. соч., с. 9. Семенов писал воспоминания тогда, когда он уже порвал с партией эсеров и стал большевиком. Это дало повод некоторым эсерам-белоэмигрантам приписывать ему «предательство» и «неправдивость» в свидетельствах. Б. Соколов тоже называет его, в ряду других бывших эсеров, «небезызвестным провокатором», однако в части

эсеры полагались только на избранный, «тесный» круг единомышленников, от солдатской же массы свои истинные замыслы утаивали.

Эсеровская Военная комиссия делала попытки вербовать в свои боевые дружины рабочих, но «начинания в этом направлении были далеко не блестящи»: как вспоминает Соколов, даже сочувствовавшие эсерам рабочие «относились без особого энтузиазма к поступлению в боевые дружины». Здесь Соколов, по-видимому, смягчает оценку работы эсеров среди рабочих, потому что дальше, когда потребовалось сказать о ее результатах, он признает: «Итоги нашей деятельности в этом направлении свелись к тому, что на бумаге у нас числилось до двух тысяч рабочих дружинников. Но именно только на бумаге. Ибо большинство из них не было вооружено, весьма многие из них не являлись на явки и вообще были проникнуты духом безразличия и уныния. И при учете сил, которые бы могли защищать Учредительное собрание с оружием в руках, эти боевые дружины мы не принимали в счет»[125].

Кроме вербовки рабочих Военная комиссия эсеровского ЦК пробовала формировать боевые дружины из вызванных с фронта офицеров и солдат. Ей помогали находившиеся в руках эсеров войсковые комитеты, особенно комитеты Юго-Западного и Румынского фронтов. По свидетельству Б. Соколова, они начали в ноябре направлять в Петроград наиболее надежных фронтовиков «как бы в командировку по служебным делам». Часть приехавших фронтовиков Военная комиссия послала на «укрепление» Семеновского и Преображенского полков, из другой же части намеревалась сформировать летучие боевые отряды. Чтобы разместить их в Петрограде конспиративно, не возбуждая подозрений советских властей, в помещении курсов Лесгафта был организован солдатский университет. Получить разрешение на его открытие удалось благодаря тому, что его подлинные цели маскировала программа, «вполне невинная, общекультурно-просветительная, и среди руководителей и лекторов университета были указаны лица, заведомо лояльные по отношению к большевистско-

---

методов работы Военной комиссии подтверждает правильность его воспоминаний («Архив русской революции», XIII, с. 40).

[125] «Архив русской революции», XIII, с. 44.

му правительству»[126]. «Целью университета,— поясняет Г. Семенов,— было стянуть в Петроград к моменту нашего выступления некоторое количество вооруженных солдат, разделявших идею защиты Учредительного собрания. Университет был рассчитан на 1000—2000 чел.; предполагалось, что солдаты будут приезжать как делегаты сочувствующих нам полковых комитетов якобы для слушания лекций в университете»[127]. Руководители Военной комиссии рассчитывали, что ширма университета позволит держать курсантов-боевиков в общежитии вместе, чтобы в случае неожиданного ареста они могли оказать сопротивление и чтобы в момент вооруженного выступления их не приходилось собирать по городу.

К концу декабря (т. е. более чем через месяц), по словам Соколова, набралось лишь несколько десятков курсантов[128]. Семенов дает, по-видимому, более реалистическую оценку этому предприятию: «Расчеты на солдатский университет не оправдались. Приехало только человек 20—30 солдат-эсеров... Общая численность боевиков-дружинников реально была около 60—80 чел., причем далеко не все были вооружены. По учету... их было человек 300, но эта цифра не соответствовала действительности»[129]. Отсюда можно заключить, что вербовка солдат-фронтовиков принесла успех не бо́льший, чем рабочих.

Из всех мелкобуржуазных партий к организации борьбы под лозунгом Учредительного собрания эсеры приложили наибольшие усилия. Ослепленные результатами выборов, тем, что получили преобладающее количество голосов и депутатских мест, эсеры оказались в плену иллюзии, будто они стали хозяевами положения, и потому защиту Учредительного собрания рассматривали как миссию — в первую очередь и едва ли не исключительно — своей партии. Об этом в полный голос заявил их IV съезд. «Принимая во внимание,— говорилось в его резолюции,— что на фракцию ПСР в Учредительном собрании выпадает роль основного ядра, наиболее ответственного за судьбы Учредительного собрания и характер его работ...— 4-й съезд ПСР находит, что вся тяжесть борьбы за созыв Уч-

---

[126] «Архив русской революции», XIII, с. 44.
[127] *Семенов Г.* (*Васильев*). Указ. соч., с. 10.
[128] «Архив русской революции», XIII, с. 44.
[129] *Семенов Г.* (*Васильев*). Указ. соч., с. 11.

редительного собрания и за самую идею народоправства прежде всего ложится на фракцию и партию с.-р., как крупнейшую из всех социалистических партий»[130]. Но то обстоятельство, что партии, «крупнейшей из всех», не удалось собрать для защиты своего дела даже сотню рабочих и сотню солдат, уже не говорит о правильности оценки ею своего престижа и положения. У нее было больше 20 млн. голосов (из 44), свыше 300 депутатских мест (из 700), но за нею уже не стояли массы, не было сил, готовых за нее сражаться.

Видя, что одной партии эсеров защита Учредительного собрания не по плечу, Бюро ЦИК 1-го созыва, где также преобладали эсеры, предприняло попытку параллельно с работой эсеровской Военной комиссии сгруппировать для той же цели демократические организации, стоящие на соглашательской платформе. Оно решило заменить потерявший влияние «Комитет спасения родины и революции» «Союзом защиты Учредительного собрания». В протоколе заседания от 23 ноября записано: «Бюро Ц[И]К признало желательным создание Союза защиты Учредительного собрания,— объединенный комитет социалистических партий и демократических организаций,— в состав которого войдут и члены ЦИК 1-го созыва»[131]. На следующий же день в газетах появилось сообщение об организации бюро этого «Союза». Перечислялись организации, приславшие на «многолюдное собрание» своих представителей — в общей сложности 212 чел.[132] С вниманием к социальному и партийному составу «Союза» отнесся Борис Соколов. «Несомненно,— писал он,— этот Комитет (т. е. «Союз защиты Учредительного собрания».— *В. П.*) был преобладающе интеллигентский. Объединял он вокруг себя большую часть демократической интеллигенции и некоторые круги из либеральной буржуазии. Персонально в него входили эсеры (крайне правого толка), меньшевики-оборонцы, большую роль в нем играли народные социалисты во главе с Н. В. Чайковским, имели касательство кооператоры, союзы служащих и кое-кто из кадетов»[133].

---

[130] IV съезд партии социалистов-революционеров. 26 ноября — 4 декабря 1917 г. М., 1918, с. 29.
[131] «Красный архив», 1925, т. 3 (10), с. 112.
[132] «Русские ведомости», 1917, 24 ноября.
[133] «Архив русской революции», XIII, с. 36.

В виде «Союза защиты Учредительного собрания» контрреволюция воссоздала тот легальный орган, который было утратила с ликвидацией «Комитета спасения родины и революции». Свою деятельность «Союз» начал с выпуска листовок и обращений, разумеется, антисоветского толка. В одном из воззваний, по-видимому, первом (в нем еще только сообщалось об образовании самого Союза), он старался привлечь симпатии масс к Учредительному собранию, подстраиваясь под их настроения и обещая, что только этот «державный хозяин земли русской», а не Советское правительство, сможет разрешить назревшие народные чаяния. Воззвание заканчивалось призывами: «Товарищи рабочие, всей силой своей поддержите Учредительное собрание!», «Товарищи солдаты, не давайте превратить себя в орудие насилия над всенародной волей!», «Все на защиту Учредительного собрания!» [134].

Ответом на эти призывы может служить голос, раздавшийся 26 ноября с 4-го областного съезда армии, флота и рабочих Финляндии. Выступивший на нем П. П. Прошьян заявил: «Мы более чем уверены, что Учредительное собрание в большинстве своем будет кадетско-оборонческое, следовательно, оно не будет выражать воли трудового народа — крестьян и рабочих... Мы должны дать решительный бой всем врагам трудящихся и не должны останавливаться вплоть до его разгона. Если же мы этого не сделаем, то тем самым выпустим из рук власть Советов, а потому потеряем на долгое время все завоеванное нами и тем самым вынесем смертельный приговор революции». Другой делегат съезда, Понов, предостерег, что «буржуазия принимает все меры к противопоставлению в Учредительном собрании рабочим и крестьянам контрреволюционных сил... Если враги народа под маской Учредительного собрания будут строить баррикады на пути к социализму, то мы должны сорвать не только маски с их лиц, но повернуть их самих обратно из Учредительного собрания» [135].

Показательно, что и Прошьян и Понов — оба левые эсеры, представители того крыла партии эсеров во время выборов в Учредительное собрание, которое собрало немалую долю из 20 млн. голосов за список эсеровской пар-

[134] «Русское слово», 1917, 25 ноября.
[135] Октябрьская революция и армия. Сборник документов. М., 1973, с. 185.

тии. Теперь, после выделения левых эсеров в самостоятельную партию, поданные за них голоса были захвачены правыми эсерами. Это неопровержимо доказывает, что партийные списки, составленные в октябре, перестали соответствовать реальному разделению народа на партийные группировки, и потому возникло несоответствие между волей избирателей и составом избранных в Учредительное собрание[136]. От имени Абоского гарнизона большевик Глезаров на том же съезде заявил: «Если Учредительное собрание пойдет против воли трудового народа, то мы все пушки и пулеметы отдадим для борьбы с ним». Съезд принял резолюцию, предложенную фракциями большевиков и левых эсеров. В ней было записано: «Учредительное собрание должно подтвердить добытое кровью рабочих и солдат право на власть. В случае расхождения Учредительного собрания с Советами мы станем на сторону последних и всеми своими силами будем защищать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[137].

Призывы защитников Учредительного собрания не находили столь горячего отклика ни у рабочих, ни у солдат. Об этом говорят свидетельства лиц, которые участвовали в организации борьбы против власти Советов. Тот же Б. Соколов не входил в «Союз защиты Учредительного собрания», но возглавляемая им Военная комиссия при ЦК партии эсеров работала в тесном контакте с «Союзом», поэтому деятельность и приблизительный состав участников «Союза» был ему известен[138]. Б. Соколов свидетельствует, что «Союзу», несмотря на его энергию, «удалось очень мало проникнуть внутрь рабочих масс, и пропаганда его в этом направлении была ничтожна и, боюсь сказать, почти бесследна. Еще менее удалась работа в Петроградском гарнизоне».

Но в другой среде, по уверению Соколова, деятельность «Союза» имела значительный успех. Это среда обывательская, по его словам, наиболее близкая и родственная «Союзу». Поскольку раньше, характеризуя состав «Союза», Соколов говорил, что он объединял вокруг себя «большую часть демократической интеллигенции и неко-

---

[136] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 163.
[137] Октябрьская революция и армия, с. 186—187.
[138] «Архив русской революции», XIII, с. 36.

торые круги из либеральной буржуазии», можно заключить, что под обывательской средой автор понимает мелкую и среднюю буржуазию, и тогда понятен становится успех работы «защитников Учредительного собрания» именно в этой среде. «Союз защиты Учредительного собрания» являлся, таким образом, по признанию близких к нему лиц, органом и организатором буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции в борьбе против Советской власти.

Среди попыток защиты Учредительного собрания, заслуживающих быть отмеченными «по своей курьезности и неудачливой анекдотичности», Б. Соколов называет «предприятие по собиранию военных дружин национальных меньшинств», инициатором которого был П. Б. Шаскольский, прежде член «Комитета спасения родины и революции», а затем член бюро «Союза защиты Учредительного собрания». В качестве представителя от партии эсеров Соколов присутствовал на совещании вместе с «ответственными лидерами национальных партий». Шаскольский поставил перед ними вопрос: «Сколько вооруженных солдат может выставить каждая отдельная национальность для защиты Всероссийского Учредительного собрания?» Вопрос, как пишет Соколов, поставлен «конкретно, ребром». Но присутствующих — грузин, армян, эстонцев, литовцев — прежде всего интересовало: чего можно ждать от Учредительного собрания в смысле самоопределения народностей, в частности, стоит ли оно за федерацию или за полную независимость окраин? Пока не будут даны ответы на возникшие вопросы, считавшиеся участниками совещания «программными», ни один солдат, как заявил литовский представитель, «не поднимет штыка на защиту этого Учредительного собрания». Итог же дебатов был таков: «После долгих и бесплодных споров это совещание было закрыто» [139].

Почему организаторы защиты Учредительного собрания не могли ответить на интересовавшие буржуазных националистов вопросы? Потому, что тактической идеей борьбы за Учредительное собрание кадеты, направлявшие эту борьбу, избрали «непредрешенчество» — отказ от публичного разъяснения главных политических вопросов своей программы до решения Учредительного собрания о

[139] «Архив русской революции», XIII, с. 36—37.

создании «твердой власти». Тактика кадетов устраивала и верхи «социалистической» демократии, дорожившие блоком с ними и искавшие себе опору в массах, особенно верхи эсеров, сбитые с толку своим мнимым успехом на выборах и рассчитывавшие на первенство в руководстве политической жизнью страны. Это говорит о полном успехе тактической идеи кадетов: они заставили мелкобуржуазную демократию собирать своих единомышленников под знамя «державного хозяина» и в то же время связали их обетом молчания во всех вопросах, в которых конституционно-монархическая программа могла не устроить «демократов».

Обращение «Союза защиты Учредительного собрания» за помощью к буржуазным националистам могло показаться Б. Соколову курьезным, поскольку он-то, надо полагать, знал, что ни самые правые, ни идущие вслед за ними эсеры ни за какое самоопределение народностей не ратуют, видя в Учредительном собрании «державного хозяина» над всеми ими. Но неудача этого обращения нисколько не анекдотична, как счел Соколов. Вспомним ленинское обобщение данных о выборах в Учредительное собрание. Они «дают нам основной фон той картины, которую показывает в течение двух лет после этого развитие гражданской войны». Говоря, что основные силы, борющиеся в ней, с ясностью видны *уже* на выборах в Учредительное собрание, В. И. Ленин имел в виду роль «ударного кулака» пролетарской армии, роль колеблющегося крестьянства и роль буржуазии [140]. Но дальше Ленин особо указывал, на примере Украины, на роль правильного решения национального вопроса для хода гражданской войны. А в реакции буржуазных националистов на призыв «Союза защиты Учредительного собрания» уже можно видеть предвестник того, как решение национального вопроса той и другой стороной отразится на ходе гражданской войны. Генералы — военные диктаторы на те вопросы, которые интересовали буржуазных националистов, дали ответ ясный, без экивоков: «единая, неделимая». Но когда им потребовалась помощь от «четырнадцати держав», в счет которых входили буржуазные республики Прибалтики, Закавказья, Украина и Белоруссия, то план «похода 14-ти» оказался построенным на песке,

[140] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 18.

ибо ответ на вопросы, возникавшие у представителей этих «окраин» во время борьбы за Учредительное собрание, был дан практикой «Деникин» и «Колчакии» отрицательный; их больше устраивало то решение национального вопроса, какое проводила в жизнь Советская Россия.

Все действия контрреволюции показывали, что на самом деле она и не собирается ставить вопрос о власти на формально-демократическую почву и нисколько не полагается на волеизъявление народа. Защиту формально-демократических принципов она использовала только как агитационную ширму для решения вопроса путем вооруженной борьбы. Исход ее буржуазно-помещичья реакция предопределяла только в одном варианте: рабоче-крестьянская власть должна быть уничтожена, старый строй восстановлен.

Советское правительство, естественно, не могло безучастно относиться к развертывавшейся открытой и подпольной деятельности контрреволюционных организаций. «...Гражданская война,— писал Ленин,— начатая кадетско-калединским контрреволюционным восстанием против советских властей, против рабочего и крестьянского правительства, окончательно обострила классовую борьбу и отняла всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы, поставленные историей перед народами России и в первую голову перед ее рабочим классом и крестьянством». Советская власть ставила вопрос ясно и определенно: «Только полная победа рабочих и крестьян над буржуазным и помещичьим восстанием (нашедшим свое выражение в кадетски-калединском движении), только беспощадное военное подавление этого восстания рабовладельцев способно на деле обеспечить пролетарски-крестьянскую революцию» [141]. Советское правительство отчетливо представляло, какое значение имеет лозунг Учредительного собрания в сложившейся обстановке, и решило взять под контроль организацию его созыва.

6 ноября Совнарком поручил В. Д. Бонч-Бруевичу представить к вечеру точные данные о работе Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание и о мерах, которые ею принимаются для проведения выбо-

---

[141] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 164.

ров в назначенный срок [142]. В тот же день и ВЦИК, обсудив вопрос о выборах в Учредительное собрание, потребовал от Комиссии по выборам представить доклад [143]. Поручение СНК Бонч-Бруевичу и постановление ВЦИК совпали по времени с намерением комиссии возобновить свою работу. Бонч-Бруевич явился в канцелярию комиссии, помещавшуюся в Мариинском дворце, и потребовал показать ему делопроизводство и осведомить о деятельности комиссии; ему было предложено дождаться товарища председателя Набокова, замещавшего уехавшего в Москву Авинова, и объясниться с ним. Набоков же заявил Бонч-Бруевичу, что комиссия не признает Совета Народных Комиссаров законной властью, в официальные отношения с ним не вступит, и дать сведения о работе комиссии отказался [144]. Возобновление своей деятельности комиссия отметила выпуском 7 ноября антисоветского циркуляра за подписью Набокова. Совнарком проявил известное терпение, не поспешив принять ответные меры, несмотря на вызывающее поведение комиссии. 13 ноября СНК повторил свое требование к комиссии в письменной форме [145], но его предписание комиссия оставила без ответа.

Одновременно Советское правительство должно было противопоставить враждебным выпадам и провокационным действиям комиссии разъяснение для масс своего отношения к Учредительному собранию. Против же комиссии Совнаркому ничего не оставалось, как применить меры принудительного порядка. 20 ноября он поручил двум наркомам (Г. И. Петровскому и И. В. Сталину) вместе с представителями Петроградского ВРК «взять в свои руки комиссию по Учредительному собранию с целью завладеть всеми документами по Учредительному собранию для ориентировки в положении вещей» [146]. В то же время Совнарком и Петроградский ВРК предупредили все Советы и армейские организации о том, что «Всероссийская комиссия по выборам ведет свою работу не-

---

[142] Декреты Советской власти, т. 1, с. 76; Триумфальное шествие Советской власти, ч. 2, с. 302—303.
[143] Протоколы заседаний ВЦИК Советов р., с., кр. и каз. депутатов II созыва. М., 1918, с. 35.
[144] «Архив русской революции», 1, с. 92—93.
[145] Декреты Советской власти, т. 1, с. 76.
[146] Там же, с. 167—168.

добросовестно, искусственно затрудняя выборы наиболее демократическим слоям населения. Через посредство этой комиссии кадеты, партия заклятых врагов народа, стремятся подделать Учредительное собрание». Ввиду этого Советское правительство заявило, что оно немедленно примет меры к тому, «чтобы обезопасить народную волю от фальсификации» [147].

Рабоче-крестьянское правительство должно было в конце концов использовать средства государственной власти для приведения комиссии к повиновению или к устранению из нее своих открытых врагов. 23 ноября оно распорядилось об аресте кадетской и правоэсеровской части Всероссийской комиссии по выборам, и в тот же день назначило М. С. Урицкого комиссаром над нею с правом смещения и назначения новых членов комиссии и принятия необходимых мер, обеспечивающих правильность подготовительных работ по созыву Учредительного собрания [148]. Арестованные члены комиссии (Н. Н. Авинов, В. Д. Набоков, Л. М. Брамсон, Б. Э. Нольде, М. В. Вишняк и др.) были доставлены в Смольный. Во время допроса они подтвердили свой отказ подчиниться Советской власти; через четыре дня их по распоряжению В. И. Ленина [149] освободили, но на первом же заседании они отказались работать совместно с комиссаром, назначенным Советским правительством. Совнарком сместил их; впредь до назначения новых членов комиссии в управление ее делами вступил М. С. Урицкий [150].

Поднимая шум вокруг «посягательств» большевиков на право демократии решать вопросы государственного устройства через Учредительное собрание, сама контрреволюция нисколько не полагалась на этот путь политической борьбы. Она вела деятельную подготовку к свержению Советской власти вовсе не парламентским способом, а путем вооруженной борьбы. Выступление против Советов кадеты и их мелкобуржуазные союзники приурочивали к 28 ноября, дню, на который Временное правительство назначило открытие Учредительного собрания. Устанавливая сроки выборов и созыва Учредительного

---

[147] Триумфальное шествие Советской власти, ч. 2, с. 313.
[148] Декреты Советской власти, т. 1, с. 584.
[149] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 13.
[150] Декреты Советской власти, т. 1, с. 167.

собрания, Временное правительство исходило из возможностей образования к этим срокам местных органов буржуазной власти (городских самоуправлений и волостных земств), которые могли бы провести избирательную кампанию на местах [151]. После 25 октября совершенно изменились условия, не стало правительства, издавшего постановление, и отпала основа исчисления прежних сроков. Но контрреволюции нужен был предлог для мобилизации сил на определенный день, и она усиленно провоцировала борьбу за соблюдение все того же срока созыва Учредительного собрания, хотя ни постановлением от 9 августа, ни каким-либо другим законом не был предусмотрен даже кворум, при котором могло быть открыто и считаться правомочным собрание. Советское правительство исправило это упущение прежней власти, установив, что Учредительное собрание может начать заседания при наличии не менее четырехсот депутатов [152]. Ясно, что срок открытия его должен был зависеть от того, когда, во-первых, повсеместно пройдет голосование, и во-вторых, когда смогут собраться депутаты.

Если в столице новое вооруженное выступление только еще готовилось, то в отдаленных от нее районах гражданская война и не прекращалась. Особенную активность проявляло калединское Войсковое правительство. Оно не переставало посылать воинские части для разгрома Советов в углепромышленном районе. 14 ноября на заседание Войскового правительства были приглашены представители партии кадетов, городских самоуправлений, донского союза общественных деятелей и других близких к ним организаций. Излагая платформу антисоветских сил, Каледин заявил, что Войсковое правительство не признало Советской власти, не признаёт ее и сейчас. «Мы стоим на прежней позиции — восстановления коалиционного правительства... В обстоятельствах чрезвычайного времени, переживаемого нами, является необходимым предпринять определенные шаги...» Собравшиеся покрыли аплодисментами последние слова атамана: «Время не ждет. На местах надо объединить всех граждан русских, кому дорого еще спасение погибшей родины» [153].

---

[151] Всероссийское Учредительное собрание, с. 139—140.
[152] Декреты Советской власти, т. 1, с. 159.
[153] «Вольный Дон», 1917, 16 ноября.

В число «некоторых шагов», сделанных самим калединским правительством, вошло разоружение 20 ноября революционно настроенных 272-го и 273-го запасных полков, расположенных в Хотунке (пригород Новочеркасска) [154]. «Нельзя медлить»,— в заметке под таким заголовком публицист «Вольного Дона» ратовал за разоружение и остальных запасных полков: «В целях самообороны казачество вынуждено было обезвредить один из очагов большевистской заразы в области. В Новочеркасске разоружили, ну, а в Каменске, а в Ростове? Почему — только в Новочеркасске?» Другой корреспондент описывал, как проводилось разоружение: солдаты «с большим ропотом сносили винтовки под наведенными дулами броневиков и батарей, разбросанных по городскому косогору» [155]. Вслед за 272-м и 273-м полками 21 ноября был разоружен и 276-й пехотный запасный полк в станице Каменской [156], а на следующий день Каледин отдал приказ «немедленно приступить к увольнению на родину... всех солдат запасных полков, расположенных в Донской области» [157]. Одновременно, 22 ноября, «в целях принятия действительных мер против развивающихся нарушений порядка и личной безопасности граждан», Каледин объявил всю Донскую область на военном положении [158]. Причину этой меры он лучше объяснил в другом приказе, отданном несколько раньше, 18 ноября: «Ввиду угрожаемого положения области со стороны активных действий большевиков объявляю Донецкий округ на военном положении» [159]. Но дело было не в угрозе Донской области, и не в защите ее состояла конечная цель контрреволюции, окопавшейся на Дону. О ее истинных целях открыто говорили публицисты «Вольного Дона». «Казачество и большевизм,— писал один из них,— это два мира, не толь-

---

[154] «Вольный Дон», 1917, 21 ноября.
[155] «Вольный Дон», 1917, 24 ноября.
[156] «Вольный Дон», 1917, 26 ноября.
[157] «Вольный Дон», 1917, 24 ноября.
[158] Там же.
[159] «Вольный Дон», 1917, 5 декабря. Область войска Донского делилась на 10 округов: Хоперский (окружная станица — Урюпинская), Медведицкий (Усть-Медведицкая), Верхне-Донской (Вешенская), Второй Донской (Нижне-Чирская), Донецкий (Каменская), Первый Донской (Константиновская), Таганрогский (Таганрог), Сальский (Великокняжеская), Черкасский (Новочеркасск), Ростовский (Ростов).

ко противоположные друг другу, по совершенно исключающие друг друга. Либо казачество, либо большевизм. Ужиться вместе на территории Российской республики, хотя бы даже и Федеративной, они не могут»[160].

А в то же самое время, 25 ноября, Совет Союза казачьих войск направил к Ленину и в Петроградский ВРК делегацию, которая пыталась убедить большевиков, что «казачество стремится только к тому, чтобы утвердиться внутри Дона, распространять же свое влияние вообще на Россию не входит в круг их интересов», что «казачество не желает распространять свое влияние за пределы Дона»[161]. Столь же лживой была резолюция Совета Союза казачьих войск, врученная 25 ноября его представителями председателю Совнаркома и Петроградскому ВРК. «Казачество, направившее всю свою энергию в данное время на устроение краевых дел, не питает намерений вторгаться в область борьбы за государственную власть и никаких шагов вне своих областей в этом направлении не делает». В резолюции казачьи верхи выражали протест против посылки Совнаркомом «посторонних войск» в казачьи области[162]. Добиться отмены передвижения советских войск против мятежного Дона и было целью визита казачьей делегации в Совнарком и ВРК. По свидетельству В. А. Антонова-Овсеенко, Ленин и ВРК заявили этой делегации, что «Совнарком действительно посылает войска на юг, для защиты Донецкого бассейна от казачьих банд и ликвидации контрреволюционного заговора на Дону. Эта экспедиция не только ни в чем не умаляет прав трудового казачества, но прямо является поддержкой ему в его борьбе с контрреволюционным атаманством, втягивающим Дон в бунт против рабоче-крестьянской власти»[163].

Совет Союза казачьих войск дал свою информацию о беседе его делегации с Лениным и представителями Петроградского ВРК. Она была немедленно передана по телеграфу казачьим комиссарам в действующую армию и в

---

[160] «Вольный Дон», 1917, 24 ноября.

[161] Петроградский военно-революционный комитет. Т. 3. М., 1967, с. 350.

[162] *Ульянов И. И.* Казаки и Советская республика. М.— Л., 1929, с. 43.

[163] *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне, т. 1, М., 1924, с. 39.

Новочеркасск. Из ответа Ленина на вопросы делегатов в ней было взято только подтверждение, что Совнарком действительно посылает войска на юг для ликвидации контрреволюционного заговора, но ни слова не говорилось о поддержке Совнаркомом трудового казачества в борьбе с атаманством [164]. В «Вольном Доне» эта информация появилась под «обличительным» заголовком: «Карательная экспедиция подтверждается» [165]. Результаты посещения Совнаркома делегацией контрреволюция стала использовать для возбуждения казачьей массы против Советского правительства.

Этой агитации нужно было противопоставить правду о политическом положении в стране и истинной позиции Советского правительства. В тот же день Ленин на заседании Совнаркома доложил о посещении его делегацией от Совета Союза казачьих войск, была оглашена и резолюция, переданная Ленину делегацией. Совнарком решил обратиться с воззванием к трудовому казачеству и направить в казачьи области агитаторов [166].

Одновременно СНК издал и обращение «Ко всему населению». Советское правительство извещало народ, что буржуазия, помещики и казачьи генералы предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков проливать кровь за барыши русских и союзных империалистов. «Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Кадетская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей». В обращении сообщалось, что Каледин ввел на Дону военное положение; Дутов арестовал в Оренбурге Исполком Совета и ВРК, разоружил солдат и угрожает Челябинску. «Политическим штабом этого восстания,— указывал СНК,— является Центральный комитет кадетской партии. Буржуазия предоставляет десятки миллионов контрреволюцион-

---

[164] ЦГАОР СССР, ф. 1255, оп. 1, д. 56, л. 187. Телеграфный бланк.
[165] «Вольный Дон», 1917, 28 ноября.
[166] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 17 об. Протокол № 11 заседания СНК от 25 ноября 1917 г. (копия).

ным генералам на дело мятежа против народа и его власти». Кадеты «надеются изнутри Учредительного собрания прийти на помощь своим генералам — Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ». В обращении характеризовалась позиция Украинской рады, которая вела борьбу против Советов на Украине, помогала Каледину стягивать войска на Дон и в то же время мешала направлять через Украину советские войска для подавления калединского мятежа. Совнарком предупреждал трудящихся, что революция находится в опасности. «Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контрреволюционные заговорщики, казачьи генералы, их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа». Советское правительство сообщало, что оно распорядилось двинуть против врагов народа необходимые войска; объявляло на осадном положении все области на Урале, Дону и в других местах, где обнаружатся контрреволюционные отряды. От местных революционных гарнизонов правительство требовало действовать против врагов народа со всей решительностью, не ожидая указаний сверху; главари мятежа объявлялись вне закона и переговоры с ними или попытки посредничества категорически воспрещались [167].

В обращении к трудовым казакам Совнарком разъяснял классовую противоположность их интересов и интересов казачьих генералов и помещиков, растолковывал значение Октябрьской революции и ее завоеваний. Он указывал, что Советская власть готова помочь трудовым казакам освободиться от кабальных условий военной службы; призывал брать землю у казаков-помещиков и передавать ее в руки казаков-тружеников, казачьей бедноты. Совнарком напоминал о разорении и жертвах, понесенных трудовым казачеством за годы империалистической войны, и подтверждал провозглашенную II Всероссийским съездом Советов политику мира. В противовес агитации кадетов и эсеров, внушавших всем, что большевики не могут достигнуть мира, Совнарком обращал внимание казаков на первый результат его борьбы за мир: «*На русском фронте уже установлено перемирие.* Там уже не льется солдатская и казацкая кровь». Советская власть предлагала выбор: «Решайте сами: хотите ли вы дальше вести пагуб-

[167] Декреты Советской власти, т. 1, с. 154—155.

ную, бессмысленную, преступную бойню? Тогда поддержите кадетов — врагов народных, поддержите Чернова, Церетели, Скобелева... поддержите Корнилова... *А если хотите скорого и честного мира, тогда становитесь в ряды Советов и поддержите Совет Народных Комиссаров».* Разъясняя политические цели кадетски-калединского восстания против Советов, СНК во всеуслышание заявлял: «Наши революционные войска двинулись на Дон и на Урал, чтобы положить конец преступному восстанию против народа. Начальникам революционных войск отдан приказ: ни в какие переговоры с мятежными генералами не входить, действовать решительно и беспощадно». Совет Народных Комиссаров призывал казаков самим объединяться в Советы, брать в свои трудовые руки управление всеми делами казачества, бороться против помещиков и генералов-корниловцев [168]. Подобно тому как во время борьбы с контрреволюцией в Ставке Советское правительство через голову реакционного генералитета обращалось непосредственно к солдатам и матросам, так и теперь оно адресовалось к самым широким слоям трудового казачества, минуя контрреволюционные верхи казачьих областей.

Еще не успели газеты донести до широких масс обращения Совета Народных Комиссаров, как мятежная калединская верхушка дала новое наглядное подтверждение правильности ее оценки, высказанной Советской властью. В ночь на 26 ноября начальник ростовского гарнизона генерал Потоцкий дал приказ отряду юнкеров и казачьих офицеров арестовать Ростовский ВРК. Отряд напал на кинотеатр «Марс», где помещался Ростово-Нахичеванский Совет, и в тот день шло торжественное заседание Совета по случаю прибытия в Ростов, на поддержку Совету, Черноморской флотилии, но членов ВРК там не оказалось, так как заседание закончилось за два часа до нападения. Несмотря на сопротивление охранявших помещение нескольких красногвардейцев, офицеры и юнкера ворвались внутрь и убили члена Совета Л. Купду, члена штаба Красной гвардии Казберюка и двух красногвардейцев. В ту же ночь калединцы разгромили помещение Ростово-Нахичеванского комитета большевиков и редакцию большевистской газеты «Наше знамя».

---

[168] Декреты Советской власти, т. 1, с. 156—158.

Ростов уже давно беспокоил Каледина. Хотя начальником гарнизона он назначил генерала Потоцкого, власть в городе была в руках Совета, опиравшегося на Красную гвардию и солдат двух пехотных запасных полков. Эти два полка отказались подчиниться приказу Каледина о разоружении [169], и войсковой атаман оказался бессильным заставить полки выполнить его приказ. 26 ноября на заседании Войскового правительства обсуждались ростовские события. «Многие говорят,— сказал Каледин: — зачем нам Ростов? Но если отдать Ростов, у нас не может быть связи с Кубанью и Тереком. Придется вычеркнуть наш [Юго-Восточный] союз. Кроме того, в Ростове — продовольственный и промышленный центр. Отдать Ростов значит поэтому — погубить всю область. Нам нужно, чтобы в Ростове было правительство, с которым мы бы шли заодно. Вот причина происходящих событий» [170]. Это показывает, что нападение на Ростовский Совет было не случайным эпизодом, не актом «самодеятельности» Потоцкого и не могло остаться без серьезных последствий.

Разгром помещения Совета и зверское убийство члена Совета и красногвардейцев вызвало негодование черноморцев. «Комиссия пяти», стоявшая во главе севастопольской флотилии, выпустила 26 ноября воззвание к населению Донской области, в котором заявила, что «с этого момента она берет под свою защиту Совет рабочих и солдатских депутатов Ростова и Нахичевани-на-Дону и примет меры к тому, чтобы разбить контрреволюционеров, начавших свое гнусное дело с разгрома Совета» [171]. А. С. Бубнов, приезжавший тогда в Ростов в качестве уполномоченного ЦК РСДРП(б), в своих воспоминаниях писал о ряде событий, положивших 26—27 ноября начало вооруженной борьбе в Ростове: «Генеральско-юнкерское восстание в Ростове началось тройным нападением: в ночь на 27 ноября [172] банда юнкеров совершила разбойничий налет на Совет; одновременно юнкера и каде-

---

[169] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.). Сборник документов. М., 1957, с. 304.

[170] «Вольный Дон», 1917, 28 ноября.

[171] Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1957, с. 177—178.

[172] Здесь у Бубнова неточность,— должно быть: в ночь на 26 ноября.

ты напали на бараки, в которых помещался 252-й полк и, наконец, вечером того же 27-го генерал Потоцкий с юнкерами и казаками укрепился на станции Ростов»[173]. В своей радиотелеграмме он доносил Совнаркому из Ростова 28 ноября: «Нападение юнкеров на Совет, организованное генералом Потоцким в ночь на 26-е, явилось началом вооруженной борьбы в Ростове. Весь день 27-го идут ожесточенные схватки, утром прибыли юнкера из Новочеркасска, которые заняли станцию Нахичевань и повели наступление на бараки 252-го полка, но были отбиты и откинуты к станции, около которой по линии Кизитеринка — Нахичевань шел непрерывный бой. Потери с обеих сторон значительные. В настоящее время идет борьба за станцию Ростов, где засели юнкера с генералом Потоцким»[174].

Эти первые бои запечатлены в обращении Донского областного ВРК к населению Ростова, опубликованном в «Известиях Ростово-Нахичеванского Совета» 29 ноября: «Сражение, начавшееся в районе ст. Нахичевань в ночь на 26 ноября и продолжавшееся целый день, а затем перекинувшееся на ст. Ростов, закончилось сегодня утром полной победой революционных войск. Казаки на ст. Ростов сдались и выдали оружие. Генерал Потоцкий арестован. Он находится под надежной охраной»[175]. Моряки Черноморской флотилии оказали существенную помощь ростовской Красной гвардии. Их заслуга была оценена революционной Ставкой. Верховный комиссар при Ставке Э. М. Склянский 29 ноября телеграфировал главному комиссару Черноморского флота В. В. Роменцу: «От имени Военно-революционного комитета Ставки и всей революционной армии передайте привет товарищам черноморцам, первым вставшим на защиту завоеваний революции и власти рабочих и крестьян против покушения Каледина. Заслуги революционных черноморцев никогда не будут забыты революционной Россией»[176].

---

[173] *Бубнов А. С.* Ноябрь в Ростове (26 ноября — 2 декабря 1917 г.).— Октябрь 1917 г. Ростов-на-Дону, 1921, с. 15.

[174] Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг., с. 188—189.

[175] Пролетарская революция на Дону. Сб. 2. Ростов-на-Дону, 1922, с. 101.

[176] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917—1920 гг.). Сборник документов. Киев, 1963, с. 52.

Прошло всего три дня после выпуска Совнаркомом обращений ко всему населению и к трудовым казакам, но как изменилась обстановка! За эти три дня заговорило оружие под Унечей, под Белгородом, в Ростове. 28 ноября оно должно было заговорить и в Петрограде. Накануне, 27 ноября, ЦК кадетской партии собрался в доме графини С. В. Паниной, чтобы обсудить «порядок завтрашнего дня и возможность открытия Учредительного собрания», как записал в своем дневнике председательствовавший на заседании А. И. Шингарев [177]. Кадетский ЦК не хотел выпускать из своих рук политического руководства назревающими событиями даже при очевидном преобладании в составе Учредительного собрания правых эсеров и без согласования с ними брал на себя миссию решать судьбу самочинного сбора делегатов. «ЦК решил,— писал тот же автор,— так как число съехавшихся членов так мало, то открытие собрания, как Учредительного, правомочного,— недопустимо. Но недопустимо и подчинение указу Ленина. Решено предложить объявить совещание, избрать временного председателя, собираться каждый день, пока съедется достаточно народа и тогда, установив кворум, самостоятельно открыть собрание» [178].

В числе вопросов как бы процедурного порядка кадетские цекисты, по свидетельству Шингарева, «обсуждали, кто, где и когда прочтет в Учредительном собрании заявление Временного правительства, как оставшегося на свободе, так и сидящего в крепости». Нетрудно догадаться, о каком заявлении (а вернее — о каких заявлениях) заботились кадеты. «Оставшееся на свободе» Временное правительство — это экс-министры Прокопович, Малянтович, Никитин, Гвоздев и прочие, выпустившие 17 ноября воззвание «к гражданам армии и тыла», опубликованием которого закончилось существование ряда буржуазных и правосоциалистических газет. Оглашением его кадетский ЦК надеялся теперь повторить призыв к борьбе против власти Советов. Заявление же «сидящего в крепости» Временного правительства (за подписями А. Коновалова, Н. Кишкина, М. Терещенко, С. Смирнова, А. Карташева, М. Бернацкого и С. Третьякова) было изготовлено только

---

[177] Как это было. Дневник А. И. Шингарева, Петропавловская крепость, 27.XI.17—5.I.18. 2-е изд. М., 1918, с. 1.

[178] Там же, с. 2.

26 ноября и имело, видимо, целью символизировать коронацию антисоветского Учредительного собрания. Этим заявлением контрреволюция «оформляла» передачу ему власти Временным правительством.

Обращаясь к председателю собрания, бывшие министры объявляли несуществующее правительство «единственной законной властью в стране» и от его имени предлагали передать «свою власть» Учредительному собранию, а взамен просили дать им свободу, без которой они не могли отчитаться перед Учредительным собранием о своих действиях как членов Временного правительства [179]. У кадетского ЦК, размышлявшего об использовании этого заявления, не хватило, как видно, юмора оценить сочинение бывших властителей так, как оно того заслуживало. Но цекисты чувствовали и сами себя заговорщиками, которых могут тоже арестовать. Оставаясь после заседания почевать у Паниной, Шингарев счел, что уходить домой уже поздно, да отсюда и к Таврическому завтра идти будет ближе; не менее важно было и то соображение, что «у Паниной безопаснее» [180]. А оказалось не безопаснее. Бывшая при Временном правительстве товарищем министра народного просвещения, Панина отказалась подчиниться Советскому правительству и сдать ему министерские деньги (около 100 тыс. рублей). Петроградский ВРК решил арестовать ее и не выпускать, пока не сдаст деньги. Утром 28-го красногвардейцы пришли к ней с этой целью. Вместе с нею были арестованы и ночевавшие у нее другие члены ЦК кадетской партии: Шингарев, Кокошкин и приехавший утром Долгоруков, так что на подготовлявшуюся ими манифестацию они уже не попали.

Демонстрация 28 ноября не переросла в вооруженное выступление. Рабочие и солдаты послушались не «Союза защиты Учредительного собрания», призывавшего отстоять его «грудью своей», а Петроградского Совета и штаба военного округа, которые предупредили о контрреволюционном характере демонстрации и предложили солдатам и рабочим не участвовать в ней. Газеты поместили тогда сообщение, что демонстрантов набралось около

---

[179] *Любимов И. Н.* Революция 1917 г. Хроника событий, т. 6, с. 471.
[180] Как это было. Дневник А. И. Шингарева, с. 2.

10 тыс.[181], но Антонов-Овсеенко, лично выводивший к Таврическому дворцу для поддержания порядка латышских стрелков, утверждает, что их было не более 5 тыс.[182] Собралась типично буржуазная и соглашательская публика: городская дума с городским головой Шрейдером впереди, районные думы, чиновники-саботажники из различных учреждений, центральные комитеты партий кадетов, меньшевиков, народных социалистов, делегаты IV съезда правых эсеров, члены ЦИК 1-го созыва и разношерстные группы обывателей,— воистину «живые силы» страны. У Таврического дворца демонстранты выслушали речи лидера эсеров Чернова, члена ЦК кадетов Родичева, эсера Питирима Сорокина. Оттеснив караул, часть демонстрантов прорвалась во дворец, с толпой туда протиснулись члены Учредительного собрания, их набралось всего... 43. Но все шло по нотам, написанным кадетским ЦК: собравшиеся объявили себя частным совещанием, избрали временного председателя (Чернова) и даже товарищей председателя (кадет Новгородцев и эсер Аргунов), постановили собираться ежедневно.

На частном совещании учредиловцев была принята знаменательная резолюция, в которой отмечалось, что «целый ряд окружных избирательных комиссий, в силу обстоятельств, вызванных гражданской войной, не успел закончить свои работы и выдать надлежащие удостоверения избранным членам Учредительного собрания». Частное совещание признало необходимым «отложить первое заседание Учредительного собрания» до тех пор, пока собравшиеся депутаты «признáют себя в достаточном количестве», чтобы открыть его[183]. Тем самым фиксировался не просто провал всей кадетско-эсеровской затеи с открытием Учредительного собрания 28 ноября — фиксировался конфуз: надо же было столько обвинять большевиков в попрании демократии, в нежелании созвать собрание в назначенный старым правительством срок, чтобы теперь самим расписаться, что этот срок нереален, чтобы подтвердить свое банкротство и трезвую распорядительность большевиков. Но дело, конечно, не в том, что кадеты и

---

[181] См. *Любимов И. Н.* Революция 1917 г. Хроника событий, т. 6, с. 225.
[182] *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., т. 1, с. 19.
[183] Всероссийское Учредительное собрание, с. 203.

эсеры ошиблись в определении вероятного количества депутатов, которые могли явиться в Таврический дворец. Вряд ли это их по-настоящему интересовало: ведь подсчитать количество прибывших в Петроград депутатов не требовало особого труда, тем более, что они регистрировались и с середины ноября в отведенном для них общежитии на Болотной улице шли их «бесконечные заседания» [184]. Весь смысл 28 ноября состоял для кадетов и эсеров в организации вооруженного выступления сил, готовых «грудью своей» отстоять Учредительное собрание и решить в пользу буржуазии вопрос о власти. Но сколько-нибудь значительных контингентов собрать для защиты Учредительного собрания не удалось,— просчет был в этом.

Вечером 28 ноября Совет Народных Комиссаров обсудил политическое положение в стране. В обращении «Ко всем трудящимся и эксплуатируемым» он заявил, что к моменту созыва Учредительного собрания буржуазия, руководимая кадетской партией, подготовила все свои силы для контрреволюционного переворота. Указывая, что на Урале и на Дону они уже выступили против Советов, что боевые столкновения произошли и под Белгородом, Совнарком называл организатора и вдохновителя этих выступлений: «Прямая гражданская война открыта по инициативе и под руководством кадетской партии. Центральный комитет этой организации является сейчас политическим штабом всех контрреволюционных сил страны». Эти силы, говорилось в обращении, угрожая делу мира и всем завоеваниям революции, ведут свою работу под видом защиты Учредительного собрания. В тех же целях использовалась кадетами и центральная избирательная комиссия: она вела свою работу, «прячась от Советов и скрывая все данные о выборах, чтобы не дать возможности обнаружиться провалу кадетов прежде, чем заговор Милюкова, Каледина, Корнилова и Дутова увенчается успехом». Информируя о попытке самочинного открытия Учредительного собрания 28 ноября несколькими десятками депутатов, Совнарком разъяснял подоплеку этих действий: «Задача кадетской партии состояла в том, чтобы создать якобы «законное» прикрытие для кадет-

[184] *Соколов Б.* Указ. соч.— «Архив русской революции», XIII, с. 30.

ско-калединского контрреволюционного восстания. Голос нескольких десятков буржуазных депутатов они хотели представить как голос Учредительного собрания».

Правительство раскрыло народу всю глубину опасности, нависшей над Советской республикой: «Все завоевания народа, и в том числе — близкий мир, поставлены на карту... Малейшая нерешительность или слабость народа может закончиться крушением Советов, крушением дела мира, гибелью земельной реформы, новым всевластием помещиков и капиталистов». Совет Народных Комиссаров объявлял кадетскую партию, превратившуюся в организацию контрреволюционного мятежа, партией врагов народа и брал на себя обязательство не слагать оружия в борьбе против нее и калединских войск. Он рассчитывал в этой борьбе «на поддержку и несокрушимую верность революции со стороны всех революционных рабочих, крестьян, солдат, матросов, казаков, со стороны всех честных граждан» [185].

В тот же день, 28 ноября, В. И. Ленин пишет декрет об аресте членов руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, и предании их суду революционных трибуналов. Этим декретом на местные Советы возлагался особый надзор за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции [186].

Неудача 28 ноября не заставила контрреволюцию признать поражение и прекратить борьбу. С новым ожесточением она стала готовить вооруженное выступление, приурочивая теперь его уже к тому дню созыва Учредительного собрания, какой назначит Совнарком. Снова, с еще большей энергией, заработали «Союз защиты Учредительного собрания» и Военная комиссия при ЦК партии эсеров, обновленная на IV съезде этой партии. Съезд признал, что «на военную работу следует обратить особое внимание» [187], и в резолюции по текущему моменту записал: «Партия обязана приложить всю свою энергию к тому, чтобы, в случае надобности, принять бой...» [188]

---

[185] Декреты Советской власти, т. I, с. 165—166.
[186] Там же, с. 161—162.
[187] *Семенов Г. (Васильев)*. Указ. соч., с. 10.
[188] IV съезд партии социалистов-революционеров 26 ноября — 4 декабря 1917 г., с. 26.

ЦК партии эсеров предложил Военной комиссии совместно с Военным отделом «Союза защиты Учредительного собрания» организовать Боевой штаб, который должен «разработать конкретный план боевых действий выступления и практически руководить выступлением» [189]. В делах партии эсеров сохранилась запись, по-видимому, исходных установок для составления этого плана, сделанная депутатом Учредительного собрания эсером Л. Хрисанфовым. Предполагалось установить связь с Украинской радой, белорусскими националистами, Калединым, с националистической контрреволюцией на Кавказе, в Поволжье, Сибири, с Викжелем. На 1 и 2 января намечались «мощные манифестации», заканчивающиеся тем, что депутаты «на плечах толпы» «вносятся в Таврический», и там немедленно открывается Учредительное собрание. В случае же разгона депутатов они должны были тайно перебраться в Киев и продолжить «работу» под охраной Рады. Предусматривалось, что на сторону Учредительного собрания перейдут «части армии», его признают Украина, Дон, Белоруссия, Кавказ «и другие составляющие Россию части», так что Юг, Запад и Восток выступят против Севера и сокрушат Петроград [190].

Член Военной комиссии Г. Семенов, вошедший в Боевой штаб, сообщал потом интересную деталь. «Отмечаю,— писал он в своей брошюре,— что среди активных работников Отдела уже в ту пору существовала мысль о приемлемости помощи союзников в вооруженной борьбе с большевиками. На одном из заседаний Отдела, на котором я присутствовал, Тумаркин (с.-д.) и Опипко проводили идею «займа» у союзников на организацию военной работы; не отрицали они и интервенции. Единодушия не было, но сочувствие эта позиция встречала» [191]. Военная комиссия эсеров стакнулась в подпольной работе также с организацией бывшего присяжного поверенного монархиста Иванова. При первом же свидании с представителем Военной комиссии Иванов сообщил, что его организация держится германской ориентации, и изложил свой план: «достигнуть соглашения с немецким штабом, полу-

---

[189] *Семенов Г.* (*Васильев*). Указ. соч., с. 11.

[190] См. *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М., 1965, с. 443—444.

[191] *Семенов Г.* (*Васильев*). Указ. соч., с. 12.

чить от него несколько корпусов и двинуть их на Петроград; свергнуть Советскую власть и заменить ее буржуазным правительством. Переговоры ведутся с начальником германского штаба Людендорфом». В случае установления делового контакта Иванов предлагал финансировать Военную комиссию. Бюро ЦК партии эсеров, куда было передано это предложение, высказалось против соглашения с организацией Иванова, но «...признавая организацию реальной силой и учитывая возможность ее контакта с немецким штабом, предложило поддерживать связь, делая вид, что Военная комиссия идет на соглашение». Относительно денег член ЦК Д. Донской практично рассудил, что их нужно брать, так как «деньги не пахнут». Впоследствии эсеры отказались от связи с Ивановым «по соображениям политического и этического свойства», но к тому времени успели получить от него 50 тыс. рублей [192].

Большевистская стратегия

В то время как в столице контрреволюция развертывала подготовку к новому выступлению, на юге шли боевые действия. Калединское войсковое правительство не могло примириться с потерей для себя Ростова и начало организовывать нападение на город новыми силами. Было замечено, что казачьи части в боях 27 и 28 ноября не проявили стойкости. Каледин потом жаловался на заседании Войскового круга: «...В эти дни я, вместе с правительством, пережил чрезвычайно тяжелые минуты... казачьи войсковые части отказывались от исполнения приказов выборного Войскового правительства» [193]. На другом заседании круга он говорил: «Я должен поделиться с вами некоторыми своими сомнениями

---

[192] Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, вооруженных ограблениях и в изменнических сношениях с иностранными государствами. М., 1922, с. 11.

[193] Пролетарская революция на Дону, сб. 2, с. 105. О фактах такого порядка Каледину доносил командир одного из отрядов казачьих войск полковник Юдин (см. там же, с. 180).

и опасениями относительно наших казачьих частей, идущих с фронта. Насколько раньше мы эти части ждали, настолько теперь они вызывают у нас тревогу и беспокойство относительно того, что́ они с собою принесут. С этой стороны я переживаю глубокую тревогу». М. Богаевский на том же заседании возмущался поведением казаков: «Мимо Гниловской станицы 28 ноября проследовали две сотни 17-го Донского казачьего полка, которые были предупреждены, что Ростов в руках большевиков, и которым было предложено присоединиться к 51-му полку. Они отказались, проследовали в Ростов и там позорно разоружились». Прапорщик Примеров (из 6-го пешего казачьего батальона) рассказал, как к большевикам вместе с Потоцким попали в плен две с половиной сотни его батальона (самому Примерову удалось бежать) и как вели себя в тот момент те самые сотни 17-го полка, о которых говорил Богаевский. В то время как две с половиной сотни вели бой, неся большие потери, и вынуждены были сдать свое оружие, две сотни 17-го полка, по наблюдению Примерова, «находясь от нас в нескольких десятках шагов, не помогли нам, а позорно разоружились» [194].

Ненадежность казачьих частей заставила Каледина обратиться за помощью к Алексееву, чьи добровольцы оказали помощь при разоружении запасных полков в Хотунке. Алексеев изъявил готовность «отдать для общего дела» все, что у него есть. По сведениям Деникина, из офицеров и юнкеров «Алексеевской организации» составился отряд в 400—500 штыков, к которым присоединилась «донская молодежь — гимназисты, кадеты, позднее одумалось несколько казачьих частей» [195]. Эти факты дают возможность оценить, какое значение имел перехват революционными матросами под Белгородом двигавшихся из Могилева пяти ударных батальонов. Они могли бы прибыть в Новочеркасск как раз 26—27 ноября и составить главную ударную силу Каледина в борьбе против ростовских рабочих, заодно в несколько раз увеличили бы численность «Алексеевской организации».

---

[194] «Вольный Дон», 1917, 3 декабря.

[195] Начало гражданской войны (Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев). Сост. С. А. Алексеев. М.—Л., 1926, с. 8.

Яркую характеристику войск, посланных Калединым на Ростов, дал один из руководителей ВРК Юго-Восточной железной дороги большевик П. Безруких, наблюдавший отправку их в Новочеркасске. «Моим глазам,— вспоминал он в 1922 г.,— представилась довольно оригинальная картина. По перрону станции суетятся офицеры с с погонами в походном обмундировании, вооруженные винтовками, около них вертятся младенцы в черных мундирах с красными погонами и такими же лампасами и с огромными (сравнительно с их ростом) винтовками — это кадеты младших классов, реалисты, гимназисты и студенты Донского политехникума. Все холеные, чистенькие, розовенькие, как конфетки. Все караулы несут в качестве рядовых офицеры и юнкера. На третьем пути стоит готовый к отправлению эшелон, битком набитый учащейся молодежью, лихо распевавшей: «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон» и «Ревела буря». Возле вагонов порхали барышни. На рукавах и груди красные кресты. Со словами утешений раздавали юнцам шоколад, печенье, индивидуальные пакеты. Наконец, третий звонок, свисток, разноголосое «ура», ружейные залпы из вагонов отъезжающих, крики «разобьем сволочь», «сотрем в порошок большевиков». В последнем вагоне довольно стройно запели «боже царя храни»» [196].

Войска, собранные для наступления на Ростов, Каледин разбил на три колонны. Они были двинуты с трех разных сторон одновременно на Нахичевань, куда Военно-революционный комитет, узнав, что калединцы ожидают подкрепления из Новочеркасска, вывел свои отряды. Туда, в район Нахичевани, и переместился с 28 ноября центр борьбы за Ростов. На исходе этой борьбы сказалось серьезное упущение, сделанное ревкомом и штабом Красной гвардии. Они недооценили работу среди солдат пехотных запасных полков, предоставив тем самым открытое поле деятельности меньшевикам, которые, как пишет А. С. Бубнов, «шныряли по полкам гарнизона, где проводили свои гнусные резолюции». Меньшевики провели даже гарнизонное собрание президиумов полковых комитетов и командиров полков, которому навязали решение отозвать представителей гарнизона из большевистско-

[196] Пролетарская революция на Дону, сб. 4. Ростов-на-Дону, 1922, с. 55.

го ВРК «как организации, объединяющей лишь часть демократии», и предъявить ревкому требование вступить в мирные переговоры с калединскими властями. 1 декабря, в момент, когда рабочие и солдаты Ростова напрягали последние силы для отражения наступающего врага, меньшевики и эсеры собрали так называемое «демократическое совещание». Оно призвало «товарищей солдат, казаков, матросов и рабочих не принимать участия в братоубийственной войне», предложило ВРК, матросам и калединским отрядам «прекратить всякие военные действия», а всю ответственность «за пролитую кровь» возлагало на сторону, которая откажется «мирно ликвидировать конфликт». Глубина падения этих «демократов» в бездну контрреволюции лучше всего измеряется их требованием созыва съезда «всего населения Донской области», ибо только он «вправе разрешить спор о власти», а «до созыва съезда,— гласила их резолюция,— власть передается Войсковому правительству» [197].

Все это привело к тому, что из четырех пехотных полков в боях с калединцами участвовало на стороне Красной гвардии лишь две-три сотни солдат [198]. Один из руководителей ростовских большевиков, М. П. Жаков, так описывает завершение боев: «Утром 2 декабря под покровом густого тумана казаки подошли к нашей линии и напали на застигнутых врасплох рабочих, сестер и санитаров. Еще накануне они обеспечили себе нейтралитет солдат, которые по уговору с казачьими делегатами с ночи составили ружья в козлы и отказались от всякого участия в боях» [199]. Часть красногвардейцев Военно-революционному комитету удалось вывести к Тихорецкой, остальные были разоружены или расстреляны калединцами и алексеевскими добровольцами. В Ростове воцарился режим белого террора. По всему городу, преимущественно в рабочих районах, начались повальные обыски и аресты — на улицах, по квартирам и заводам, оцепляемым казаками и юнкерами. Предприниматели помогали вылавливать рабочих-большевиков и отдавали их на расправу белогвардейцам. Юнкера стреляли в рабочих на улицах

---

[197] *Бубнов А. С.* Указ. соч., с. 16—17.

[198] См. *Жаков М.* Начало гражданской войны (октябрь — декабрь 1917 года).— Октябрь 1917 г., с. 28.

[199] Там же, с. 30.

и в помещениях, например, если рабочие собирались и обсуждали положение. Тюрьмы были переполнены, арестованных подвергали издевательствам и истязаниям [200]. «Пролетарская революция в Ростове была задавлена,— писал А. С. Бубнов.— Ей не удалось закрепить свою первую победу» [201]. Но, как свидетельствуют участники борьбы, дух ростовских рабочих не был сломлен. По рукам ходила выпущенная ВРК и доставленная из Харькова листовка «Мы еще придем», проникала она и в калединские застенки. В подполье оживала большевистская организация, воссоздавался Военно-революционный комитет, тайно организовывавший рабочие отряды и склады оружия [202].

Другой руководитель ростовских большевиков, С. И. Сырцов, указывал на одну из причин такого исхода борьбы: «У Военно-революционного комитета не было военных, которые могли бы взять твердое руководство гарнизоном, систематической работы в гарнизоне мы вести не могли, тогда как наши враги не упускали случая поработать над разложением гарнизона» [203]. Дело ограничивается здесь констатацией факта, но причиной отсутствия у ВРК военных специалистов явилась недооценка большевиками Ростова работы среди колеблющихся офицеров для привлечения их на свою сторону — недооценка, в конечном счете, военно-технической стороны вооруженной борьбы. Сырцов признает серьезные последствия таких упущений: «Отсутствие командования, работа по разложению гарнизона со стороны меньшевиков и эсеров, белых офицеров, дали свой результат. Запасные полки, как опора восстания, перестали существовать. Рабочие были предоставлены собственным силам» [204].

Меньшевики и эсеры могли между тем торжествовать: здесь, в Ростове, им удался опыт установления в миниатюре того «демократического» режима, который они тщетно пытались ввести во всей России. Благоденствием веет от такой, например, картинки, описанной красно-

---

[200] См. воспоминания Ворониной Е., Жука П., Заржевского, Карасева в сб. 4 «Пролетарская революция на Дону» (с. 30—41).
[201] Октябрь 1917 г., с. 18.
[202] Пролетарская революция на Дону, сб. 4, с. 35, 113.
[203] Пролетарская революция на Дону. Сб. 1. Ростов-на-Дону, 1922, с. 49.
[204] Там же, с. 52—53.

гвардейцем Карасевым: «...Мы отправились на Садовую (2 декабря.— *В. П.*) посмотреть, что там творится... Дойдя до Казанского переулка, мы услышали крики «ура», и в это время появился легковой автомобиль, и на подножках его стояли офицеры с цветами. Это был автомобиль Каледина. Автомобиль шел очень тихо, а офицеры, стоявшие на подножках, махали все время цветами и принимали их от публики. Садовая была переполнена буржуазией, которая кричала: «Да здравствует Каледин, наш защитник»» [205]. Но триумфатору было мало цветов и приветственных кликов ростовской буржуазии. На другой день он порадовал победой заседавший в Новочеркасске Войсковой круг. «Нельзя остановиться и успокоиться,— сказал Каледин в связи с ростовскими событиями,— на ликвидации этих первых выступлений большевиков на Дону» [206]. Закончил же он доклад словами: «Мы начали борьбу с большевиками, и в ней нельзя ограничиться рамками только родного Дона. Для успешной борьбы мы должны привлечь все силы и широко открыть двери всем противникам большевизма. Только приютив и собрав вокруг себя эти силы, мы можем одержать верх в этой борьбе» [207]. Каледин пока не называет «Алексеевскую организацию», уже дважды оказавшую услугу Войсковому правительству — при разоружении полков в Хотунке и при взятии Ростова, но делает явный шаг к ее легализации.

На другом заседании круга Каледин потребовал для себя диктаторских полномочий: «Атамана надо поставить иначе, чем он был до сих пор. Сейчас исключительный момент. Чтобы справиться со страшно сложным положением, нужна власть сильная не только атамана, но и Войскового правительства». Предлагая привлечь к управлению областью и неказачье население («представительство окажет огромное влияние на позицию не только крестьян, но и рабочих и городов»; «но, конечно, мы не потерпим в нашем правительстве большевиков») и сорганизовать «объединенное» правительство, Каледин предлагал установить управление областью на таких основах: «Атамана надо поставить вне правительства для гарантии казачества. Поставить его как президента республики с

---

[205] Пролетарская революция на Дону, сб. 4, с. 40.
[206] Пролетарская революция на Дону, сб. 2, с. 105.
[207] «Вольный Дон», 1917, 5 декабря.

правом останавливать решения объединенного правительства, если они будут вредить интересам края». Под предлогом крупных реформ по военной части он испрашивал себе права командующего армией с полнотой власти «в отношении личного состава, реорганизации и расформирования частей, единоличного употребления и дислокации воинских частей». В помощь войсковому атаману предлагал учредить должность походного атамана и полевое управление. Каледин повторил те требования, которые уже не раз выдвигались генералитетом, в том числе и им самим, в отношении действующей армии при Временном правительстве: «поднять дисциплину», «усилить власть командного состава», «поднять его энергию. Неподходящих надо безжалостно удалить в сторону» и т. д. Он снова напомнил о единстве действий с общероссийской контрреволюцией, кадры которой нашли приют на Дону: «Нельзя в нашей борьбе с большевизмом отгораживаться от тех, кто к нам пришел, уходя от революционного движения. Эти силы мы должны использовать на благо России. С ними нас связывают самые крепкие узы — узы общей борьбы с общим врагом» [208].

Войсковой круг не заставил себя упрашивать. На заседании 9 декабря он удовлетворил притязания Каледина. Находя, что область «стала в положение, угрожаемое извне», круг постановил: «Предоставить войсковому атаману и Войсковому правительству все полномочия по принятию необходимых мер для защиты области включительно до мобилизации всех тех сил войска Донского, которые сочтут нужным мобилизовать войсковой атаман и Войсковое правительство» [209].

Бои в Ростове были не единственной вспышкой гражданской войны на юге в конце ноября — начале декабря. Одновременно шли бои между ударниками и матросами Балтийского и Черноморского флотов под Белгородом. В те же дни перешла к активным действиям против революционных войск Украинская рада. В ночь на 30 ноября гайдамаки по приказу Генерального секрета-

---

[208] Пролетарская революция на Дону, сб. 4, с. 186—188.

[209] «Вольный Дон», 1917, 10 декабря. Вскоре, 20 декабря, Войсковое правительство приняло решение об организации власти, которым предоставило войсковому атаману права президента республики («Вольный Дон», 1917, 21 декабря).

риата неожиданно совершили нападение на революционные части, активно участвовавшие в Октябрьском вооруженном восстании в Киеве. Солдаты этих частей были обезоружены, посажены в холодные вагоны и высланы в Россию. Разоружение революционных частей Центральная рада проводила и в ряде других мест: в Конотопе, Жмеринке, Белой Церкви, на ст. Казатин. Попытки разоружить Красную гвардию и революционные войска были предприняты в Одессе и Полтаве, но там они не удались [210]. Все эти факты давали основание «Правде» заявить: «...Гражданская война с оружием в руках перенесена сейчас на юг. Против солдат, матросов Балтийского и Черноморского флотов, против Красной гвардии пролетариата выступают отряды юнкеров, которые, после жестокого поражения в Москве, Петрограде и Киеве, бежали на Дон; наконец, часть обманутых Калединым казаков» [211].

Сразу же после того как Ставка перешла в руки Советской власти, Генеральный секретариат решил захватить в свои руки Юго-Западный и Румынский фронты, с этой целью 23 ноября объявил их объединенными в один, Украинский, фронт и назначил главнокомандующим ярого монархиста и контрреволюционера генерала Д. Г. Щербачева. Под предлогом невмешательства в вооруженную борьбу с донской контрреволюцией Генеральный секретариат запретил передвижения советских войск на Дон через Украину, и в то же время не препятствовал передвижениям на Дон казачьих войск.

Враждебные действия Рады не могли не обратить на себя внимание Советского правительства. 24 ноября Н. В. Крыленко запросил по прямому проводу Генеральный секретариат, пропустит ли он через Украину направляемые на Дон советские войска, и предложил задержать двигающиеся туда казачьи части. Генеральные секретари Н. Порш и С. Петлюра на запрос и требование главковерха ответили отказом [212]. Украинская рада связала

---

[210] См. *Короливский С. М., Рубач М. А., Супруненко Н. И.* Победа Советской власти на Украине. М., 1967, с. 332.

[211] «Правда», 1917, 2 декабря. (Передовая «Калединское царство»).

[212] Борьба за власть Советов на Киевщине (март 1917 г. — февраль 1918 г.). Сборник документов и материалов. Киев, 1957, с. 444—445.

себя теспыми узами с калединским Войсковым правительством и все антисоветские действия согласовывала с ним. Утром 27 ноября М. Богаевский по прямому проводу дал поручение есаулу Шапкину (бывшему комиссару казачьих войск при Ставке) и подъесаулу Черемшанскому (бывшему комиссару казачьих войск Юго-Западного фронта) вести переговоры с Генеральным секретариатом «относительно совместных действий в борьбе с большевиками», требуя начать их немедленно. Шапкин ответил, что переговоры уже начаты [213].

4 декабря Совет Народных Комиссаров обратился к украинскому народу с манифестом, составленным В. И. Лениным. Подтверждая за всеми ранее угнетавшимися нациями право на самоопределение вплоть до отделения от России, СНК без ограничений и безусловно признавал все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа. В то же время Советское правительство обвиняло Раду в двусмысленной буржуазной политике и в действиях, устраняющих всякую возможность соглашения между обоими правительствами. Без ведома Совнаркома она односторонними приказами отзывает украинские части с общероссийского фронта, тем самым разрушая его. Она приступила к разоружению советских войск и пропускает через свою территорию войска, идущие на помощь к Каледину, отказываясь пропускать войска против него. Совнарком заявил, что этих действий достаточно для того, чтобы объявить Раде войну, «даже если бы она была уже вполне формально признанным и бесспорным органом высшей государственной власти, независимой буржуазной республики Украины». Но Совет Народных Комиссаров предоставлял еще Раде возможность подумать и, перед лицом народов обеих республик, ответить на вопросы: обязуется ли она отказаться от попыток дезорганизации общего фронта; обязуется ли не пропускать без согласия верховного главнокомандующего войсковые части на Дон, на Урал или в другие места; обязуется ли содействовать революционным войскам в борьбе с контрреволюцией; наконец, обязуется ли она прекратить разоружение революционных войск на Украине и немедленно возвратить отнятое у них оружие. Совнарком заявлял: если в течение 48 часов Рада не даст

[213] «Вольный Дон», 1917, 29 ноября.

удовлетворительного ответа на поставленные вопросы, он будет считать ее в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине [214]. Манифест с этим ультиматумом был утвержден на вечернем заседании СНК 3 декабря и передан главковерху. 4 декабря Крыленко сообщил его по телефону в Киев [215].

В ответе, присланном 5 декабря, Рада отклоняла все пункты ультиматума и, становясь по существу в позицию непризнания Советской власти, предлагала сконструировать «однородно-социалистическое» правительство на основе «добровольного соглашения» народов Великороссии, Кавказа, Кубани, Дона, Крыма и др. областей. Ответ заканчивался демагогическим заявлением, что если «народные комиссары Великороссии... принудят Генеральный секретариат принять их вызов», то он «нисколько не сомневается, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ народным комиссарам» [216].

Совнарком в тот же день постановил: «Признать ответ Рады неудовлетворительным, считать Раду в состоянии войны с нами», и поручил специальной комиссии во главе с Лениным «принять соответствующие активные меры по сношению со Ставкой...» [217] В Ставку, главковерху Крыленко, по поручению В. И. Ленина на следующий день было сообщено: «Ответ Центральной Рады считаем недостойным. Война объявлена... Предлагаем двинуть дальше беспощадную борьбу с калединцами. Мешающих продвижению революционных войск против калединцев ломайте неуклонно. Не допускайте разоружения советских войск. Все свободные силы должны быть брошены на борьбу с контрреволюцией» [218].

В связи с осложнением обстановки на юге страны Крыленко в переговорах с В. И. Лениным и наркомами по военным делам Н. И. Подвойским и В. А. Антоновым-Овсеенко внес предложение организовать особое командо-

---

[214] Декреты Советской власти, т. 1, с. 178—179.
[215] *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., с. 48.
[216] *Любимов И. Н.* Революция 1917 г. Хроника событий, т. 6, с. 289—290.
[217] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 30 об. Протокол № 19 заседания СНК от 5 декабря 1917 г. (копия).
[218] *Клопов Э. В.* Ленин в Смольном. М., 1965, с. 164.

вание войсками «внутреннего фронта»[219]. Нужно было прежде всего избрать лицо, которое непосредственно руководило бы войсками, предназначенными для борьбы против объединенных сил Каледина и Украинской рады. В. И. Ленин возложил эти обязанности на наркома по военным делам (одновременно командовавшего войсками Петроградского военного округа) В. А. Антонова-Овсеенко.

Совнарком решил, что Антонов-Овсеенко поедет в Ставку «для точного выяснения организации и состава боевого центра, действующего против контрреволюции», и определения взаимоотношений между этим боевым центром и верховным главнокомандующим[220]. Познакомившись на месте с Революционным полевым штабом, Антонов-Овсеенко не увидел должной организованности в его работе. «Ревштаб, сформированный в Ставке, во главе с бывшим прапорщиком Тер-Арутюнянцем,— вспоминал он потом,— показался мне чрезвычайно слабым. Аппарат Ставки совершенно не был использован; специалисты почти не привлечены»[221]. Очевидно, результатом поездки Антонова-Овсеенко явилось включение в последующем в состав Революционного полевого штаба двух доказавших свою преданность революции офицеров — подполковника В. В. Камепщикова и полковника И. И. Вацетиса.

Решение о создании Революционного полевого штаба при Ставке как стабильного органа оперативного руководства вооруженной борьбой с контрреволюцией было узаконено приказом верховного главнокомандующего, объявленным по телеграфу 10 декабря 1917 г. В нем говорилось, что задачей штаба является «координация военных операций против Рады и операций против мятежа Каледина и Дутова», что он подчиняется «общему руководству народного комиссара, заведующего народной обороной против контрреволюции товарища Антонова». Всем штабам фронтов предписывалось «исполнять неукоснительно все распоряжения Полевого штаба, полученные через Ставку, по передвижению и переброске войск со всех

---

[219] Там же, с. 165.
[220] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1971, с. 14—15.
[221] *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., с. 46.

фронтов, не останавливаясь [перед снятием] таковых с позиций» [222].

В это время в Ставку на общеармейский съезд, созыв которого был назначен на 5 декабря приказами временного ВРК и главковерха, прибыли представители армий. На совещании с членами временного ВРК при Ставке делегаты армий постановили «сконструировать из явившихся делегатов Военно-революционный комитет, выделив из него целый ряд комиссариатов в разных отделах Ставки». Совещание решило также дополнить Революционный полевой штаб большевиками штабс-капитаном В. М. Турчаном и солдатом А. Г. Сацукевичем [223].

После овладения Ставкой борьба Советского правительства против контрреволюции на Юге приобретала значение первостепенной, очередной задачи. Окончательно выяснившаяся позиция Украинской рады как врага рабоче-крестьянской революции и пособницы Каледина делала решение этой задачи не терпящим отлагательства. Военно-политическое положение Республики требовало немедленных, целеустремленных действий.

Выработку плана борьбы с южнорусской контрреволюцией можно проследить по «Запискам о гражданской войне» Антонова-Овсеенко. По первоначальному замыслу, предполагалось действовать в двух направлениях: 1) революционными частями с Юго-Западного и Западного фронтов, «пробиваясь через Украину»; 2) из Петрограда и Москвы в общем направлении к Допецкому бассейну [224]. Затем этот замысел получает развитие и выглядит так: 1) с помощью черноморцев вооружить и организовать Красную гвардию в Донбассе; 2) двинуть на юг сборные отряды с севера и из Ставки, сосредоточив их в исходных пунктах: Гомель, Брянск, Харьков, Воронеж; 3) из Жмеринки—Бара двинуть в Донбасс 2-й гвардейский корпус [225].

25 ноября на заседании Петроградского ВРК Антонов сделал доклад о действиях контрреволюции и мерах борьбы с нею. Сохранился черновик протокола этого заседа-

[222] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 197, л. 193—195; Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 483.
[223] «Революционная Ставка», 1917, 10 декабря.
[224] *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., с. 22.
[225] Там же, с. 25.

ния, но в нем суть доклада и решения ВРК записаны не особенно ясно [226]. Лучше они изложены в письме Антонова верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко, посланному на следующий день. Письмо так и начиналось: «На вчерашнем заседании Центрального Военно-революционного комитета вынесены следующие пожелания...» Одним из пожеланий, как указывает он далее, была задача «создать концентрацию значительных революционных сил в районе Донецкого бассейна и Юга России в обеспечение связи этого района с Севером и армией»; действия в этом направлении предусматривались «в тесной связи с черноморскими матросами», причем Антонов называл уже находившегося там комиссара ВРК Степанова и указывал, что черноморцы «выделили значительной силы отряд» [227]. Представитель же 12-й армии Степанов входил в состав делегации Балтийского флота и Северного фронта, отправленной на юг 5 ноября и 15 ноября уже прибывшей в Севастополь [228].

16 ноября на заседании исполкома Севастопольского Совета представитель балтийцев призывал черноморцев «взять в свои руки южный край России, как балтийцы взяли северный» [229]. 17 ноября от имени Петроградского Совета выступил Степанов, настаивавший на том, чтобы черноморцы помогли «освободить Донецкий бассейн от Каледина», снабдить север и в первую очередь Петроград хлебом и углем [230]. На заседаниях в Совете, как мы знаем, развернулась борьба с севастопольскими соглашателями, тормозившими выполнение революционных задач. Но балтийцев поддержали большевики и шедшие с ними вместе беспартийные революционные матросы. В результате был создан тот самый Черноморский революционный отряд, который принял участие в ликвидации ударников под Белгородом.

Теперь, когда мы знаем общий план Советского правительства по борьбе с южнорусской контрреволюцией,

---

[226] См. Петроградский военно-революционный комитет, т. 3, с. 351—352.

[227] Борьба за власть Советов на Дону, с. 180.

[228] Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. Т. 1. Симферополь, 1957, с. 101, 108.

[229] «Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов», 1917, 18 ноября.

[230] «Известия Севастопольского Совета...», 1917, 19 ноября.

становится ясно, что движение Петроградского сводного отряда на юг, да и сама борьба, как бы неожиданно завязавшаяся под Белгородом,— все это произошло не по случайному стечению обстоятельств, было предопределено развитием классовой борьбы, стремлением борющихся сторон собрать силы для решающих боев в намеченных районах.

В том же письме главковерху Антонов указывает и на другие моменты из решения Петроградского ВРК[231], подтверждающие излагаемый им в записках план борьбы с контрреволюцией. Но это письмо не дает представления о плане в целом: Антонов затрагивал в нем только те вопросы, которые входили в компетенцию главковерха. В записках план раскрывается более полно. Антонов рассказывает в них и о том, как проводился в жизнь второй пункт плана, предусматривавший формирование и отправку на юг отрядов С. Д. Кудинского с севера и 1-го Минского революционного отряда под командованием Р. И. Берзина из района Ставки.

Для того чтобы двинуть в Донбасс 2-й гвардейский корпус, как намечалось 3-м пунктом плана, 28—29 ноября в Жмеринку были посланы член ВРК при Ставке В. А. Фейерабенд и член Революционного полевого штаба при Ставке Е. И. Лысяков. В. А. Фейерабенд назначался начальником «Западного сводного отряда, действующего против Каледина», и уполномачивался «распоряжаться всеми воинскими частями, расположенными в тылу Юго-Западного и Румынского фронтов»[232]. Миссию Фейерабенда и Лысякова постигла неудача: Украинская рада вместе с контрреволюционным командованием Юго-Западного фронта воспрепятствовала направлению сил против Каледина[233].

---

[231] Выше уже было сказано, что в черновике протокола, по-видимому, не зафиксировано сколько-нибудь полно обсуждение этого вопроса на заседании ВРК. Ценность данного документа в другом: он показывает, что по вопросам подобного рода решения выносились не единолично народным комиссаром, а при участии ВРК; в записках Антонова эта сторона дела не отражена.

[232] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155, л. 20; ЦГАОР СССР, ф. 375, оп. 1, д. 10, л. 125—126. Удостоверение, выданное В. А. Фейерабенду Революционным полевым штабом при Ставке 29 ноября 1917 г.

[233] См. *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., с. 130.

Возвратившись из Ставки и получив напутствие от В. И. Ленина (и «некоторый выговор за медлительность»), Антонов вместе с подполковником Муравьевым, которого взял начальником своего штаба, отправился в Харьков. По пути он заехал в штаб Московского военного округа, чтобы выяснить, какие силы на юг может послать округ. Здесь он внес уточнение в ранее намеченный план: «накапливание сил в Харькове, Купянске и Воронеже; из Харькова и Купянска руководство работой по организации сил в Донбассе, главный удар по магистрали Воронеж — Новочеркасск» [234]. Несколько позже, непосредственно вникнув в обстановку на юге, Антонов отклонит это уточнение, а еще позже скажет в записках: «Нецелесообразность задуманного в Москве плана — главный удар от Воронежа по магистрали — стала для меня вполне ясна. Главный удар мог исходить только со стороны Донбасса, так как лишь отсюда можно было его надлежащим образом подготовить. Южная железнодорожная магистраль должна была быть надежно занята нами, чтоб прервать сообщения Украины с Доном. Основной удар должен быть нанесен — в направлениях к Ростову и ст. Лихой» [235].

Овладение Южной железной дорогой (Харьков — Симферополь) ставило под контроль все пути, связывавшие Дон с Украинской радой, а также с фронтом, откуда калединское правительство могло получать подкрепления в виде казачьих частей [236]. Приступая к реализации плана, Антонов считал эту задачу одной из ближайших. В решении ее состоял смысл действий революционных войск,

---

[234] Там же, с. 52. В. А. Антонов-Овсеенко пишет, что этот план был намечен «по совету Муравьева». Бывший тогда командующим войсками Московского военного округа Н. И. Муралов рассказывал примерно через полгода: «У нас было продолжительное совещание, в котором участвовали Антонов, Муравьев и Муралов... Были разложены карты на полу, и мы лазали по полу целыми днями. Мы выработали планы действий против калединских войск, а также и против Центральной рады» (ЦГАОР СССР, ф. 1029, оп. 1, д. 17, л. 34). То, что лазали по полу «целыми днями»,— здесь явное преувеличение, так как Антонов с Муравьевым только 8 декабря приехали в Москву, а 11-го уже были в Харькове, да по пути останавливались в Орле и Курске.

[235] *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., т. 1, с. 98.

[236] Там же, с. 59.

нацеленных на занятие станций Лозовая, Павлоград, Синельниково; расположением на этой магистрали определялось значение Екатеринослава и Александровска, куда Антонов также направлял отряды на помощь местным революционным силам. Войдя клином между Доном и Украинской радой, посланные отряды образовали в то же время как бы заслон от Рады для других советских сил, действовавших в Донбассе.

На первых порах Антонов предусматривал и «расчистку пути в Донбасс», установление связи Харькова с Воронежем, Царицыном и Северным Кавказом. В дальнейшем эта связь сыграла большую роль в концентрическом наступлении советских войск на центры донской контрреволюции — Ростов и Новочеркасск.

Выполнение всех задач потребовало хорошо налаженного управления войсками, и Антонов организует в Харькове штаб, чаще всего называвшийся штабом (или ставкой) наркома по борьбе с контрреволюцией на Юге России, хотя в организационном документе — приказе от 24 декабря 1917 г., на который ссылается Антонов в записках, он был назван «полевым штабом Южного революционного фронта по борьбе с контрреволюцией»[237]. Прежде чем развернуть боевые действия, штабу пришлось заняться собиранием революционных сил, организацией их снабжения и многими другими вопросами, возникавшими в сложной обстановке того времени. При всех недостатках в его работе, при своеобразии войск, которыми он мог распоряжаться, при отсутствии сколько-нибудь подготовленных к штабной службе специалистов, харьковский штаб Антонова-Овсеенко был, очевидно, первым в истории гражданской войны опытом создания фронтового управления.

В своих записках Антонов подробно рассказывает, как план борьбы с южнорусской контрреволюцией претворялся в жизнь. Между прочим, злобствуя против большевиков, белогвардейцы вынуждены были все же положительно оценивать, с военной точки зрения, как стратегические замыслы Советского правительства, так и энергию,

---

[237] См. ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 5, л. 298. См. также: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 1. М., 1971, с. 28; *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., с. 93 (приказ датирован по новому стилю).

безупречность действий советского командования по проведению их в жизнь. Это признавал позднее, уже в эмиграции, один из руководителей донской казачьей верхушки — Н. М. Мельников. «Большевики,— писал он,— правильно учли значение казачества и генерала Каледина, и сейчас же после удавшегося переворота в центре повели борьбу с Доном, не давая ему возможности собраться с силами и окрепнуть» [238].

Но и во время развернувшейся борьбы представители контрреволюционного стана имели возможность на собственном опыте оценить достоинства советской стратегии. Военный обозреватель «Вольного Дона» — официального органа калединского правительства — уже 3 января 1918 г. ориентировал своих читателей на серьезное отношение к стратегии большевиков, которая грозит организаторам донской Вандеи большой опасностью. В статье «Большевики — стратеги» этот обозреватель [239] выяснял схему расположения большевистских войск у границ Донской области. «Всмотритесь в эту схему,— писал он,— и вы увидите, что Дон отрезан уже от Украины, а пройдет еще неделя-другая, он будет отрезан от Кубани и Терека и все выходы из области будут закрыты. Но, быть может, появление большевистских частей в этих пунктах — случайность? О нет! Большевики слишком хорошие стратеги. Вы посмотрите, какая удивительная последовательность. Решено идти на Дон. Идет сосредоточение в Харькове и Воронеже. Сосредоточились, заложили базы, образовали штабы армий и двинулись дальше, заходя правым флангом и вбивая клин между «мятежной» Украиной и «непокорным» Доном. Заняли Лозовую, Синельниково,

---

[238] «Донская летопись» (Белград), 1923, № 1, с. 37. То же самое повторено в книге Н. М. Мельникова «А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и донской атаман». Мадрид, 1968, с. 126—127.

[239] Обозначен инициалами С. Н. Р.; за ними, очевидно, стоит начальник разведывательного отделения штаба походного атамана подполковник Генерального штаба С. Н. Рясянский, бывший ранее членом Главного комитета Союза офицеров армии и флота. Позже он стал начальником разведывательного отделения у Деникина в штабе так называемых Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В 1919 г. деникинский штаб издал книгу полковника Рясянского «Советская Россия (краткий очерк)», в которой в том же духе, как и в «Вольном Доне», оценивалась советская стратегия по данным на 15 апреля 1919 г.

Александровск и выдвинули авангарды к Никитовке и Кантемировке. Подтянули силы и снова движение вперед... Развертывание северной армии готово... Пути из области на север и запад закрыты и связь с Украиной прервана. ...Екатеринодар, Тихорецкая — этапы на пути выдвижения и развертывания южной армии, правый фланг коей прочно обеспечен Царицыном, а авангард давно расположился у Торговой в виде знакомой нам 39-й пехотной дивизии. И вот тогда-то, развернув свои армии и подготовив все для наступления, большевики двинут свои полки на тихий и одинокий Дон. Покончив с ним, по частям разобьют и весь Юго-Восточный союз...» [240] Правда, обозреватель «Вольного Дона» часто сбивается с серьезного тона и фиглярничает, популяризируя распространенную в то время в стане белых побасенку о том, что советскими войсками руководят германские офицеры [241], но ему, военному разведчику, нельзя отказать в верном определении основных черт советского плана борьбы против южной контрреволюции.

В начале февраля тот же обозреватель писал: «План противника — окружения Донской области и полной ее изоляции — завершен. Все выходы из области в руках противника. Теперь идет развитие этого плана — окружение ростовско-новочеркасского района. Как и большой план, так и его деталь проводится с той же методичностью, делающей честь большевистским войскам». Анализируя распределение советских частей по разным направлениям, С. Н. Р[яснянский] делал вывод: «Как и учит нас стратегия, части эти были неодинаковы и по качеству и по количеству. Лучшие и бóльшие силы были направлены по важнейшему направлению и слабый заслон по второстепенному». Этот обзор был озаглавлен — «Железное кольцо». Заканчивая его, автор писал: «Такова боевая обстановка к 5 февраля. Теперь нужно ждать дальнейшего сжатия кольца на нашем юго-востоке, с целью

[240] «Вольный Дон», 1918, 3 января.

[241] Кубанское контрреволюционное «правительство» тогда же выпустило листовку, в которой утверждало, что наступлением 39-й пехотной дивизии с Кавказа на Дон руководит штаб, состоящий из австро-германских офицеров. Эта листовка сохранилась в делах штаба 39-й дивизии. На ней рукой секретаря ВРК дивизии солдата Беляева наложена резолюция: «Это мы-то германцы? Ну погодите!!!» (ЦГВИА СССР, ф. 2369, оп. 1, д. 20, л. 3).

отрезать Новочеркасск и Ростов от Задонской части» [242]. Подобного рода признания белых генштабистов скорее всего имели целью оправдание их неудач в глазах всего контрреволюционного лагеря.

Достойную оценку советской стратегии того времени дал выдающийся историк гражданской войны Н. Е. Какурин. «Заслуга советской стратегии этого периода,— писал он,— состоит в чутком уловлении биения революционного пульса, что позволяло ей своевременно оказать помощь выявлению этих сил наружу («местных движущих сил революции», как сказано перед этим.— *В. П.*). Их работа, в свою очередь, чрезвычайно облегчила задачи советской стратегии. Оценивая работу советской стратегии под чисто военным углом зрения, мы должны отметить: правильный выбор ею ближайших и главнейших для себя предметов для действий, удар по которым одновременно с главной задачей разрешал и целый ряд соподчиненных задач». Какурин отмечал, что удар по Дону уничтожал наиболее организованное ядро южной контрреволюции, а вместе с тем и весь «Юго-Восточный союз». К достоинствам советской стратегии Какурин относил также «гибкость ее решений в зависимости от обстановки, что выразилось в одновременном ведении операций против Дона и Украины, вопреки первоначальному плану, как только выяснилась полная внутренняя слабость контрреволюции на Украине, и, наконец, стремление сосредоточить возможно большее количество своих сил на направлениях, выбранных для нанесения главных ударов» [243].

Не является ли изложенный Антоновым план обобщением фактического хода событий, сделанным позже, с использованием может быть даже анализа военных действий, произведенного военными специалистами калединско-корниловского толка, тем более, что среди подготовительных материалов к запискам мы находим перепечатку «Железного кольца» из «Вольного Дона» и других обзоров? [244] Иначе говоря, не представляет ли собой изложенный план мысли «задним числом»? Такое предположение совершенно отпадает, ибо основные соображения

---

[242] «Вольный Дон», 1918, 6 февраля.

[243] *Какурин Н.* Стратегический очерк гражданской войны. М.— Л., 1926, с. 34—35.

[244] ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 9, л. 227—228.

по плану борьбы были написаны Антоновым еще в декабре 1917 — январе 1918 г. до того, как в нем разобрались белогвардейские обозреватели уже по фактическому его выполнению.

В первом докладе Совету Народных Комиссаров Антонов-Овсеенко сообщал 19 декабря из Харькова о положении дел, о наличных силах и мерах, которые он принял немедленно. Далее он писал: «План был таков. Оборонительная позиция со стороны Полтавы [245]; захват узловых станций Лозовая, Синельниково (связь с Екатеринославом), что обеспечивает от провоза враждебных эшелонов с запада и пути на Донецкий бассейн (из Лозовой — в обход ненадежного пути через Балаклею). Захват Купянска движением из Харькова и Белгорода (польский полк); немедленный приступ к вооружению рабочих бассейна, Донецкой области и т. д. После концентрации некоторых сил в Донецком бассейне — вытеснение казачьих банд, рыскавших верстах в 100 к югу от Никитовки, и движение несколькими путями на восток против Каледина, одновременно с наступлением на восток — головной удар из Воронежа (главные силы Каледина расположены вдоль железной дороги Воронеж — Ростов) [246], с востока — от Царицына (туда Минину [247] сообщено и туда послана наша 5-я Кавказская казачья дивизия) и с юга — с Кавказа...» [248]

В третьем докладе Совету Народных Комиссаров, посланном 11 января 1918 г., подробно освещая обстановку и отчитываясь в своих действиях, Антонов так мотивировал некоторые из них: «В направлении Южной дороги (к Севастополю) стояла задача захвата Александровска как последнего узлового пункта, связывающего Раду с Калединым, и закрепление Советской власти в Екатерино-

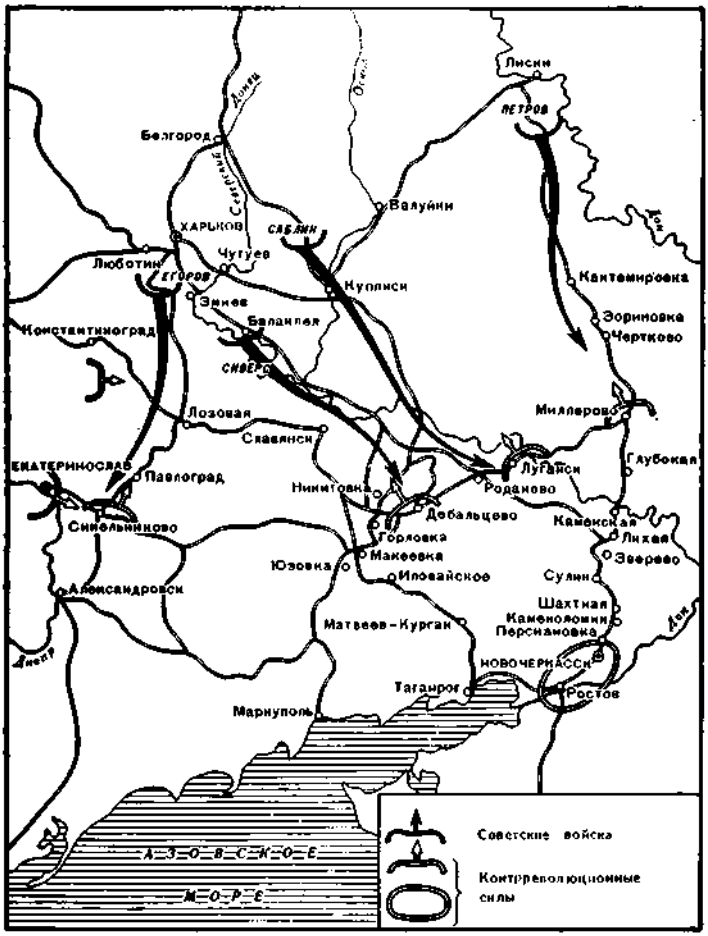
---

[245] Перед этим Антонов указывал в докладе, что он получил сведения «о движении в Полтаву войск Рады, блиндированного поезда, о выступлении к Харькову воинских эшелонов».

[246] Как видим, в этом докладе получило отражение отклоненное позже намерение наносить главный удар по центрам донской контрреволюции из Воронежа, а в скобках давалось обоснование такому намерению.

[247] С. К. Минин (1882—1962) — член большевистской партии с 1905 г., во время борьбы с калединщиной возглавлял Царицынский штаб обороны.

[248] ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 4, л. 68.

НАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА ДОНУ В ДЕКАБРЕ 1917 Г.

славе»[249]. Из конкретных распоряжений во исполнение этого плана приведем в выдержках довольно характерную телеграмму Антонова-Овсеенко начальнику отряда П. В. Егорову, посланную 29 декабря: «...Необходимо

[249] Там же, л. 75. Авторизованная копия доклада Совету Народных Комиссаров.

взять поскорее Александровск, у вас сил хватит. Немедленно это выполните... Помните, что, взяв Александровск, вы связываетесь с Севастополем и обрываете последнюю дорогу для калединских банд на Дон. Еще раз: вооружайте рабочих... Подготовьте и спешно выполните занятие Александровска и призовите моряков для сформирования отряда на Мариуполь — Таганрог — Ростов. Торопитесь — вас ждут в калединской земле» [250].

Насколько верно было предусмотрено овладение Александровском и вообще пресечение связи Дона с Украиной, показывает постановление заседания Войскового правительства от 20 декабря 1917 г. В протоколе записано: «Слушали: Просьбу представителя Киевской рады об оказании содействия украинским войскам по охране железнодорожного моста через Днепр у гор. Александровска, Екатеринославской губ., так как в случае, если бы мост этот был разрушен или занят большевистскими войсками, то будет утрачена связь между Доном и Украиной». «Постановили: Послать к голове Повитовой рады, начальнику гарнизона и комиссару г. Александровска, Екатеринославской губ., следующий приказ казачьим воинским частям: Войсковое правительство предписывает всем казачьим частям, идущим через Александровск, оказывать самую решительную помощь украинскому народу, его войскам и представителям в борьбе с большевиками и, если этого потребуют обстоятельства, сменять одна другую, оставаясь на некоторое время в городе, по указанию украинских властей» [251].

С точки зрения выполнения задачи, поставленной советским командованием, можно оценить такую телеграмму от 16 января 1918 г., посланную Антонову назначенным им в Александровск комиссаром Крыловым: «Вся линия от Александровска до Феодосии в наших руках. Симферополь, Бахчисарай, Джанкой очищены от мусульман [252]. Сивашский мост охраняется нами...» [253]

---

[250] ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 4, л. 103. Копия.

[251] ЦГАОР СССР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, л. 239 об. С некоторыми разночтениями это постановление 5 января 1918 г. цитировалось «Известиями ЦИК к., р. и с. д. и Петроградского Совета р. и с. д.» (со ссылкой на газету «Вечерний час»).

[252] Имеются в виду контрреволюционные националистические формирования, выступившие в Крыму против Советской власти.

[253] ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 24, л. 174. Телеграфный бланк.

Цитированные документы подтверждают сущность советского оперативного плана борьбы с контрреволюцией, проводившегося в жизнь в конце 1917 — начале 1918 г. Вполне понятно, что этот план не мог оставаться неизменным и впредь. Говоря о том, что военные действия по отношению к Украине до известного времени ограничивались созданием заслона и разрывом сообщений Украины с Донбассом и Доном [254], Антонов показывает, как политическая обстановка заставила отказаться от такого ограничения и вступить в борьбу против вооруженных сил Центральной рады [255]. Но и разгром войск Рады еще не позволил советскому командованию, как оно рассчитывало ранее, «повернуться всеми силами на контрреволюционные Дон — Кубань» [256]: пришлось еще выделять значительные силы для борьбы с румынскими оккупантами, а затем с приглашенными Украинской радой немецкими регулярными войсками [257]. Отрицательно сказался на темпе военных действий против Рады и Каледина также мятеж польского корпуса Довбор-Мусницкого [258]. И все же в основных чертах выработанный тогда план был выполнен.

Агония белого Дона

Поручив Антонову-Овсеенко руководство борьбой против южной контрреволюции, Совнарком заботился о сосредоточении сил в распоряжении Антонова и совершенствовании центральных органов, ведающих борьбой на внутреннем фронте.

С 11 по 16 декабря в Ставке проходил общеармейский съезд. В числе других вопросов он должен был решить вопрос об организации постоянного Военно-революционного комитета при Ставке и образовании Революционного полевого штаба. В первый день съезда Крыленко доложил по прямому проводу председателю Совнаркома В. И. Ленину о положении на фронте, о борьбе против

---

[254] *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., с. 128.
[255] Там же, с. 133, 134 и др.
[256] Там же, с. 158—159.
[257] Там же, с. 159—169.
[258] Там же, с. 149.

Центральной рады, об успехах советских войск в Харькове и просил разрешения выехать в Петроград для личного доклада правительству. В. И. Ленин ответил: «При отъезде передайте распоряжение наиболее энергичным людям для того, чтобы в Харькове возможно скорее оказалось больше вполне надежных войск и чтобы передвижение шло, не останавливаясь ни перед какими препятствиями и никакими другими соображениями» [259].

13 декабря состоялось заседание Революционного полевого штаба, в котором принял участие А. Ф. Мясников, замещавший уехавшего накануне в Петроград Крыленко. На этом заседании была выработана внутренняя организация штаба и распределены обязанности между его членами. Несколько позже, по возвращении в Могилев, Крыленко, без существенных изменений объявил протокол заседания как приказ верховного главнокомандующего [260]. Съезд утвердил состав Революционного полевого штаба: начальник штаба — М. К. Тер-Арутюнянц, члены — Д. П. Подгорецкий, С. Галушко, Я. Шибаров, Г. Манжора, А. Г. Сацукевич, М. Я. Кашкин, В. В. Каменщиков и В. М. Турчан [261].

22 декабря Крыленко подписал приказ № 1002. Революционный полевой штаб при Ставке разбивался на два отдела: укомплектования и оперативный. Об их задачах было сказано: «1) отдел укомплектования снабжает живою силою все внутренние фронты по требованию отдельных отрядов и народного комиссара по борьбе с контрреволюцией, действуя через Ставку, а в исключительных случаях — через фронты как в том, так и в другом случае от имени главковерха; 2) отдел оперативный ведет операции». Во главе первого отдела был поставлен подполковник Каменщиков, второго — полковник Вацетис. Революционный полевой штаб оставался в подчинении народного комиссара по борьбе с контрреволюцией [262].

---

[259] «Ленинский сборник», XXXVII, с. 61.

[260] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 213, л. 178, 204; оп. 1, д. 9, л. 137.

[261] «Революционная Ставка», 1917, 21 и 24 декабря; «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 1918, 12 (25) января.

[262] «Революционная Ставка», 1917, 24 декабря; «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 1917, 29 декабря. Приказ опубликован в газетах под ошибочным № 10021, в подлиннике он имеет № 1002 (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 1, д. 9, л. 137). 25 де-

Его особенностью в отличие от прежних военных штабов было то, что в нем все более или менее важные вопросы решались коллегиально, на систематически проводившихся заседаниях. Штабу были предоставлены большие права в отношении войск действующей армии, используемых для борьбы с контрреволюцией. 9 декабря дежурный член штаба В. М. Турчан сообщил по телеграфу адъютанту главнокомандующего армиями Западного фронта Г. В. Соловьеву, что «все передвижения воинских эшелонов с Западного фронта находятся в исключительном ведении Революционного полевого штаба Ставки, поэтому все наряды на подвижной состав для переброски войск находятся также в нашем ведении» [263]. 17 декабря врид главковерха А. Ф. Мясников издал приказ № 1003, в котором говорилось: «Вследствие усиленных передвижений воинских частей, в штабах и на железных дорогах подчас происходят недоразумения. Ввиду этого приказываю фронтам исполнять все требования Революционного полевого штаба, вызываемые борьбой на внутреннем фронте, по переброске, передвижению частей и их снабжению» [264].

Революционный полевой штаб разработал и согласовал с Антоновым-Овсеенко план сосредоточения сил для борьбы против Каледина. 30 ноября Тер-Арутюнянц сообщил Берзину, что на Дон направляется из Новгорода отряд в 10 тыс. человек пехоты и кавалерии, из Петрограда — отряд солдат и моряков в 6 тыс. человек, с юга и юго-запада движутся черноморцы, с запада предполагалось направить отряд Фейерабенда [265]. Одновременно Революционный полевой штаб разработал «диспозицию» для всех сил, направляемых на борьбу с Калединым [266].

Соответственно двум направлениям, по которым должен был двигаться Минский отряд, Берзин разбил его на две колонны и выделил резерв. Сбор и отправка колонн затруднялись отсутствием подвижного состава и саботажем железнодорожных служащих, противодействием местных

кабря Тер-Арутюнянц передал текст приказа по телеграфу в Наркомвоен с просьбой представить копию В. И. Ленину (ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 70, л. 33).

[263] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 7, д. 1, л. 29—30.

[264] Там же, оп. 1, д. 9, л. 138.

[265] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155, л. 33—34.

[266] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 213, л. 59—61.

Советов, где еще давало себя знать засилье соглашателей, нехваткой материальных средств (обуви, продовольствия, боеприпасов, денег). «Работать было очень тяжело,— читаем в записках Берзина,— но все мы сознавали, что медлить нельзя и что всякое промедление гибельно. Надо было и бороться с местными контрреволюционерами, и организовать поход против Каледина» [267]. Ежедневно связываясь по телеграфу с Революционным полевым штабом, начальник отряда информировал о возникавших затруднениях, получал указания. 5 декабря он, наконец, смог донести в штаб, что весь Минский отряд тронулся, за исключением резерва [268].

* * *

К тому времени как Антонов-Овсеенко прибыл в Харьков и начал организовывать борьбу против калединцев и их пособников, на Украине произошли важные события, существенно изменявшие политическую обстановку.

Е. Б. Бош, являвшаяся в то время одним из руководителей большевиков Украины, отмечала одно обстоятельство, которое чрезвычайно усложняло борьбу. «После ультиматума Совета Народных Комиссаров 5 декабря,— писала она несколько лет спустя,— и приказа Центральной рады готовиться к войне с Великороссией, в крестьянских массах, войсках, а отчасти и среди рабочих, особенно железнодорожников, национальный вопрос выдвигается как важнейший вопрос, требующий серьезного разрешения». Безудержная агитация Рады против Совнаркома, не желавшего якобы признать за украинским народом права на самоопределение и поэтому-де объявившего войну Украине, в первый момент толкнула многих к решению поддерживать Центральную раду «как национальную власть, хотя бы она и не была вполне своей». Заколебались даже рабочие, которые до того активно боролись за власть Советов, и стали склоняться к поддержке Рады, рассматривая ее «как украинское национальное правительство» [269].

---

[267] ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 155, л. 38.
[268] Там же, л. 39 об.
[269] *Бош Е. Б.* Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М.— Л., 1925, с. 109—110.

Но в первые же дни после издания Совнаркомом манифеста с ультиматумом, на созывавшемся в Киеве съезде Советов Украины произошел раскол между двумя центрами притяжения — Радой и Советами, обозначившими два противоположных классовых лагеря. В результате раскола представители и сторонники Рады остались в Киеве, а делегаты Советов, раздобыв текст манифеста Совнаркома, уехали в Харьков, под защиту рабочих, чтобы там провести Всеукраинский съезд Советов. Он открылся 11 декабря, в день прибытия Антонова-Овсеенко в Харьков. Съезд провозгласил на Украине Советскую власть и выделил из себя ЦИК Советов Украины, возложив на него задачу: «Устранить опасность столкновения революционной демократии России с частью украинской демократии, одурманенной шовинистической политикой Генерального секретариата, стремящегося подменить классовое сознание идеей «национального единения»» [270].

На первом же заседании ЦИК Советов Украины принял текст телеграммы Совнаркому, в которой заявил: «Общность интересов демократии всей России, особенно теперь, перед лицом надвигающегося с Дона общего врага всех трудящихся классов, не дает никаких оснований для столкновения между демократиями разных национальностей, и вновь образованная народная власть Советской Украинской Республики ставит своей непременной задачей не только устранить вызывавшееся прежней Радой столкновение, но обратить все силы на создание полного единения украинской и великороссийской демократии». ЦИК Советов Украины сообщал Совнаркому, что ответ Центральной рады на его ультиматум «дан ею не от имени украинского народа, а от имени лишь тех незначительных кругов украинской буржуазии, интересы которой она защищает». Заявление Центральной рады, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, выступят против Совета Народных Комиссаров, ЦИК Советов Украины называл сознательным обманом со стороны Рады, так как у крестьян, рабочих и солдат Украины нет никаких оснований для борьбы с правительством крестьян, рабочих и солдат, и они не допустят войны между братскими народами, затеваемой Радой. «Если тем не менее прольется на Украине

[270] Там же, с. 88.

братская кровь, то она прольется не в борьбе украинцев с великороссами, а в классовой борьбе украинских трудящихся масс с захватившей в свои руки власть Радой» [271].

Е. Б. Бош указывает, что с образованием Советской власти на Украине положение изменилось. Борьбе за национальное освобождение теперь сопутствовала внутренняя борьба между двумя национальными правительствами — ЦИК Советов Украины и Центральной радой. Массы начинали понимать, что под призывом Рады бороться с Великороссией за национальную независимость скрывается борьба с Советской Россией и желание буржуазии уничтожить завоевания трудящихся. Рабочие и крестьянские массы стали выдвигать требование: «если Центральная рада не защищает интересов рабочих и крестьян, то переизбрать ее». Усилившиеся на этой почве репрессии и вооруженные акции Рады против Советов еще больше отталкивали трудовой народ от нее. «И чем шире развивала свою погромную деятельность Центральная рада, тем быстрее шел обратный процесс, и тем решительнее выступали рабочие, солдатские и крестьянские массы против Центральной рады и ее Генерального секретариата» [272]. Но Рада не собиралась добровольно уступать власть Советам и продолжала в Киеве свою антинародную деятельность.

Харьковский ревком опирался на большевистски настроенный 30-й пехотный запасный полк и местную Красную гвардию, а наряду с ними в городе оставались еще два полка и бронедивизион из войск Украинской рады. Прибывшие отряд Р. Ф. Сиверса и Петроградский сводный отряд Н. А. Ховрина первым делом быстро разоружили враждебные Советам полки и бронедивизион, а затем Чугуевское юнкерское училище. Вскоре из Москвы подоспели отряды П. В. Егорова (600 красногвардейцев с 8 пулеметами) и Ю. В. Саблина (1900 солдат московских запасных полков с артиллерийской батареей и 8 пулеметами). С этими силами, рассчитывая на присоединение к ним красногвардейских отрядов в Донбассе, Антонов-Овсеенко решил начать наступление на мятежный Дон.

---

[271] *Бош Е. Б.* Указ. соч., с. 89—90.
[272] Там же, с. 109—113.

По Южной железной дороге в сторону Крыма для пресечения связи Украинской рады с Допом были направлены сборный отряд харьковских красногвардейцев и 30-й полк под общим командованием большевика прапорщика Н. А. Рудиева и бронепоезд Путиловского завода, участвовавший ранее в боях с ударными батальонами под Белгородом, затем московский отряд П. В. Егорова с прибывшей из Брянска артиллерийской батареей. Егоров вступил в командование всеми этими силами, насчитывавшими в общей сложности 1360 штыков, три орудия и бронепоезд. В течение 17—21 декабря сводный отряд Егорова освободил от войск Рады станции Лозовая, Павлоград и Синельниково, затем отправился в Екатеринослав на поддержку рабочим, восставшим под руководством большевистского ревкома против Центральной рады. Таким образом, был создан заслон от Рады для действий советских отрядов в Донбассе.

Московский отряд Ю. В. Саблина, вступив 21 декабря в Купянск, разоружил запасные части (общей численностью 3 тыс. штыков), которые Рада намеревалась двинуть на Харьков. Оставив в гарнизоне 200 солдат, Саблин, выполняя указание Антонова-Овсеенко, повел свой отряд в глубь Донбасса, и 24 декабря его передовые части заняли Луганск и станцию Родаково.

Отряду Сиверса ставилась задача овладеть районом Никитовка, Горловка, Дебальцево. Разоружив мешавшие продвижению части Украинской рады, отряд 22 декабря достиг района Никитовка, Дебальцево и там вступил в соприкосновение с казачьими частями Каледина. Сиверс получил приказ закрепить за собой этот район и «накоплять силы для совместного удара с Саблиным в направлении па Зверево, Лихая, Миллерово», где оба отряда должны были соединиться с наступавшим с севера отрядом Воронежского ревкома (3 тыс. штыков при 40 пулеметах и 12 орудиях) под командованием Г. К. Петрова [273]. В дальнейшем намечалось общее наступление всеми силами в направлении Зверево, Новочеркасск, Ростов. А с Кавказского фронта двигалась в направлении станций Тихорецкая и Торговая (ныне Сальск) революционно настроенная 39-я пехотная дивизия под командованием сотника А. И. Автономова с задачей перерезать связь

[273] См. *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., т. 1, с. 98.

Дона с Кавказом. Так началось концентрическое наступление советских войск на оплот контрреволюции на Дону.

В. И. Ленин пристально следил за сосредоточением сил для борьбы с контрреволюцией. Направляя Антонова-Овсеенко в Харьков, он обязал наркома ежедневно извещать Совнарком по прямому проводу «о том, *кого* именно назначает он, или другие военные власти, *ответственными* лицами по распоряжению отдельными операциями, особенно по передвижению и сбору войск и по командованию» [274]. По призыву Советского правительства во многих городах из красногвардейцев, революционных солдат и матросов формировались отряды, направляемые на борьбу с Калединым. Только за один день, 6 декабря, Ленин дал тридцать одно распоряжение комиссарам железных дорог о свободном пропуске эшелонов, отправляющихся на фронт против Каледина [275]. Он беседовал с командирами и комиссарами ряда частей, едущих на Юг. В разговоре по прямому проводу 11 декабря Ленин говорил Крыленко: «Мы крайне обеспокоены неэнергичным движением войск с фронта на Харьков», требовал сосредоточить там больше вполне надежных войск. «Примите все меры, вплоть до наиболее революционных,— указывал он,— для самого энергичного движения войск и притом в большом количестве на Харьков» [276].

Согласно боевому расписанию штаба походного атамана в распоряжении Каледина на 6 декабря 1917 г. было пять казачьих дивизий четырехполкового состава, три отдельных полка, четыре отдельные сотни, Новочеркасское юнкерское училище, бронеотряд, артиллерийский дивизион и добровольческий отряд Чернецова [277]. Пока оставались не прикрытыми пути на Дон с Украины и севера, туда еще прибывали казачьи эшелоны с фронта, и количество войск увеличивалось. Однако безусловно полагаться на все эти силы донскому атаману не приходилось. 8-я казачья дивизия, расположенная в районе Миллерово, Глубокая, оказалась ненадежной. С ее 35-м и 44-м

---

[274] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 18.
[275] См. *Клопов Э. В.* Указ. соч., с. 161.
[276] Там же, с. 171.
[277] Список этих частей со схемой их дислокации на 6 декабря был найден в спальне Каледина после взятия Новочеркасска советскими войсками (ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 4, л. 5—6).

полками вступила в соприкосновение колонна Минского отряда, посланная Берзиным. В результате переговоров между обеими сторонами казаки выразили недоверие Каледину и начали сами выбирать себе командиров. Каледин приказал за такой непорядок сместить начальника дивизии генерала Попова и заменить генералом Назаровым. На собраниях в станицах и волостях тоже нередко принимались наказы делегатам Войскового круга, звучавшие даже так: «Выразить недоверие и презрение атаману Каледину за преступный заговор и явное сопротивление народной власти» [278].

Уже 30 декабря Ленин так оценивал общее соотношение классовых сил на Дону: «Вокруг Каледина группируются собравшиеся со всех концов России контрреволюционные элементы из помещиков и буржуазии. Против Каледина стоит явно большинство крестьян и трудового казачества даже на Дону» [279]. В этих условиях все более серьезную опасность для калединского режима представлял пролетариат промышленных центров, особенно рудников. Рабочие бастовали, под руководством большевиков организовывались в красногвардейские отряды, давали вооруженный отпор калединским бандам. Делегации с заводов и рудников все чаще приезжали в штаб Антонова в Харьков, в Тулу, добирались до Москвы и просили оружия для борьбы с контрреволюцией. Для усмирения рабочих Каледин вынужден был распылять свои силы, держа казачьи сотни и команды на рудниках, в рабочих поселках.

Чтобы создать более надежные, чем казачьи части, приходившие с фронта, и более многочисленные формирования, Войсковое правительство приступило к мобилизации войскового ополчения из казаков старших возрастов. «Настала грозная минута,— печатал аршинными буквами «Вольный Дон»,— когда все казачество должно встать на защиту родных жилищ и семей». И тут же объявлялось: «Войсковым атаманом отдано распоряжение о сформировании из казаков войска Донского, состоящих по возрасту в войсковом ополчении, тринадцати (13) пеших дружин» [280]. Приходилось подчищать все сколько-

---

[278] Триумфальное шествие Советской власти, ч. 2, с. 177.
[279] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 211.
[280] «Вольный Дон», 1917, 30 ноября.

нибудь надежные резервы, прибегая к вербовке добровольцев, к формированию из них партизанских отрядов. Все тем же крупным шрифтом «Вольный Дон» печатал призыв есаула Чернецова записываться в его отряд, формировать который решило Войсковое правительство. «Ввиду важности назначения отряда,— объявлял Чернецов,— желательны охотники из воинских частей, юнкеров и лиц, умеющих владеть оружием». И в том же номере звал записываться в студенческую боевую дружину назначенный ее начальником штаба М. Гребенников, цель дружины определялась в самом ее названии — «для борьбы с анархо-большевизмом» [281].

Наиболее надежной силой контрреволюции на Дону в это время зарекомендовала себя «Алексеевская организация». Ко времени участия ее в нападении на Ростов она состояла из трех формирований: сводно-офицерской роты (до 200 чел.), юнкерского батальона (свыше 150 чел.) и сводной михайловско-константиновской (т. е. укомплектованной из бежавших на Дон офицеров и юнкеров Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ) батареи (до 250 чел.); формировалась еще георгиевская рота и уже насчитывала 50—60 человек. По компетентному свидетельству бывших волонтеров этих частей, «треть числа первых добровольцев составляли офицеры. Солдат-добровольцев были одиночки... Много, до 50%, в организации было юнкеров... Совсем юная молодежь, в кадетской форме или в форме учащихся светских и духовных школ, составляла 10%» [282]. По возвращении из Ростова в Новочеркасск добровольческие части пополнились, их численность несколько возросла. Примерно половина их была перевезена в Ростов «как для усиления его гарнизона, так и для пополнения там добровольцами» [283].

Ко времени прибытия в Новочеркасск Корнилова и остальных генералов — «быховцев» Каледин, по словам Деникина, «признал окончательно необходимость совместной борьбы и не возбуждал более вопроса об уводе с Дона добровольческой армии, считая ее теперь уже един-

---

[281] «Вольный Дон», 1917, 1 декабря.
[282] Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Кн. 1. Париж, 1962, с. 51—52.
[283] Там же, с. 56—57.

ственной опорой против большевизма»[284]. Возникли трения между двумя бывшими верховными главнокомандующими — Алексеевым и Корниловым, «вследствие взаимного предубеждения друг против друга». Приехали в Новочеркасск и представители московского Совета общественных деятелей: М. М. Федоров, А. С. Белевский, потом князь Г. Н. Трубецкой, П. Б. Струве и А. С. Хрипунов. Цель их приезда Федоров объяснил Алексееву так: «Служить связью добровольческой организации с Москвой и остальной общественной Россией, всемерно помогать генералу Алексееву... предоставить себя и тех лиц, которые могли быть для этого вызваны, в распоряжение генерала Алексеева для создания рабочего аппарата гражданского управления при армии... и отвезти те первые средства, которые были тогда собраны»[285].

18 декабря московские делегаты и генералы собрались на совещание, чтобы урегулировать взаимоотношения Корнилова и Алексеева. В описании Деникина, это совещание выглядело довольно своеобразно: «Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе управлять ею и заявив, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь; Алексееву, повидимому, трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие, нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей (в особенности страстно реагировал Федоров), которые говорили о самопожертвовании и о государственной необходимости соглашения»[286]. Но московские представители действовали не только моральными увещеваниями: они размахивали перед генералами и кнутиком финансовых ссуд. В конце концов решено было всю военную власть предоставить Корнилову. «На рождество был объявлен секретный приказ о вступлении генерала Корнилова в командование *армией*, которая с этого дня стала именоваться официально *добровольческой*»[287]. Деникин подчеркивает здесь слова официального наименования, не разъясняя, почему все же опытным генералам изменило понятие о масштабе формирования: ведь «армия» не име-

---

[284] Начало гражданской войны, с. 20.
[285] Там же, с. 21.
[286] Там же, с. 22.
[287] Там же.

ла еще численности, достаточной для самого обычного полка. Но этот казус спустя почти год объяснил услужливый Виктор Севский: «Добровольческую армию звали армией, когда в ней было и три тысячи бойцов (заметим: к упомянутому Деникиным рождеству в ней не было и тысячи человек.— *В. П.*)... Нельзя же было звать Корнилова и Алексеева командирами добровольческого полка, начальниками партизанского отряда» [288].

Вскоре совещание в том же составе разрешило и вопрос о форме верховной власти, управляющей «всем движением». Проект такой «конституции» внес Деникин, он и был принят. Власть распределялась между генералами таким образом: Алексееву — гражданское управление, внешние сношения и финансы; Корнилову — военная власть, Каледину — управление Донской областью. Все они вместе составляли триумвират, наделенный правами верховной власти. В этом тоже было нечто аналогичное опыту с переименованием «Алексеевской организации» в Добровольческую армию. Замысел триумвирата сам автор проекта объясняет так: «Так как территория, подведомственная триумвирату, не была установлена, а мыслилась в пределах стратегического влияния Добровольческой армии, то триумвират представлял из себя в скрытом виде *первое общерусское* противобольшевистское правительство» [289].

В своих записках Деникин едва ли не главную причину малочисленности Добровольческой армии, по крайней мере во время ее пребывания на положении «Алексеевской организации», усматривал в негласности ее существования. Он напирал на офицерскую психологию. Мол, офицеру нужен приказ, а Алексеев и Корнилов не могли в тех условиях отдать «властного» приказа о сборе на Дону всех офицеров русской армии. Поэтому получалось, что сотни офицеров кое-как пробирались на Дон, а десятки тысяч оставались на фронте, оседали в тылу, да еще «шли покорно на перепись к большевистским комиссарам», а то и на службу в Красную Армию [290]. С легализацией Добровольческой армии все должно было измениться.

---

[288] *Севский В.* Генерал Деникин.— «Донская волна», 1918, № 18, с. 1.
[289] Начало гражданской войны, с. 22.
[290] Там же, с. 28.

1 декабря «Вольный Дон» обнародовал декларацию штаба армии, в заголовке которой призывно звучали слова: «Пусть каждый знает, во имя чего создается Добровольческая армия». Ничего нового по сравнению с тем, что уже произносилось на Войсковом круге Калединым, Богаевским, печаталось «Вольным Доном», а еще раньше пропагандировалось всеми сторонниками Корнилова, в декларации не было. Составитель ее не поднялся даже выше того уровня примитивной агитации, при котором все противники буржуазии и помещиков объявлялись немецкими агентами: «Нужна организованная военная сила, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию». Это заклинание, вынесенное в начало декларации, варьировалось на всем ее протяжении. Провозглашалось единение с «доблестным казачеством» в защите южных и юго-восточных областей, являющихся «последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление свободной (!) великой России». Цель, названная в декларации «другой», ничего, в сущности, «другого» не содержала: «Армия эта должна быть той действительной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства свободной России». Подчеркивалось, что лишь при поддержке организованной воинской силы может быть выполнена задача, «уже начатая выступлением отдельных областей и объединением некоторых из них в могущественный Юго-Восточный Союз». Добровольческая армия объявлялась стражем гражданской свободы, в условиях которой народ «выявит через посредство свободно избранного Учредительного собрания державную волю свою». И дальше — совсем императивное пожелание: «Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения». Народной воле, «ей одной» обязывалась служить Добровольческая армия, «законной власти», поставленной Учредительным собранием, клялись служить ее организаторы.

В армию приглашались «все, кто исполнен мужественной решимости поднять меч в защиту отечества». В этом отношении провозглашалась полная демократия: «Добровольческое движение должно быть всеобщим... Вся Россия должна подняться всенародным ополчением...» Но поскольку ожидался «всеобщий» наплыв в армию добро-

вольцев, то они заранее предупреждались об устанавливаемых в ней строжайшей воинской дисциплине и беспрекословном подчинении «единой воле начальников» [291].

Надо полагать, теперь, с открытым призывом штаба Добровольческой армии, отпадало то обстоятельство, которое ограничивало приток в нее волонтеров вследствие «офицерской психологии». Действительно, отставной генерал Черепов вскоре навербовал в Ростове 300 офицеров, и Алексеев назначил его начальником составившегося таким образом отряда. Но когда Черепов представил список Корнилову, тот спросил: «Ну-да! Это все офицеры, а где же солдаты?» В записках Черепова сказано: «Я доложил, что солдаты не идут к нам, мы их только разоружаем. Генерал Корнилов, ударив рукой по списку, громким, с требовательной интонацией голосом, возразил: «Солдат мне дайте! Офицер хорош на своем месте. Солдат дайте мне!»» [292]. Деникин делал по этому поводу некое обобщение. На призыв штаба армии, по его впечатлениям, отозвались «офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень, очень мало прочих «городских и земских» русских людей. «Всенародного ополчения» не вышло. В силу создавшихся условий комплектования, армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретая характер *классовый*... Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противополагать ее цели народным интересам». Прирос к сердцу этот порок добровольчества и у П. Н. Милюкова, которому, по его признанию, с ноября 1917 до 10 февраля 1918 г., т. е. до самого ухода Добровольческой армии из Ростова, «пришлось быть близким свидетелем (да не только свидетелем.— *В. П.*) жизни армии». Через несколько лет в отзыве на вышедший том мемуаров Деникина он писал: «Изолированность кучки добровольцев от окружающего населения горько ощущалась уже и тогда, когда на все призывы войти в ее ряды откликалась лишь зеленая молодежь средней буржуазии» [293]. У Деникина вызывало

---

[291] «Вольный Дон», 1918, 1 января.
[292] Марковцы в боях и походах за Россию... Кн. 1, с. 64—65.
[293] «Последние новости», 1923, 28 января.

удивление, почему так получалось. Ведь, по его понятиям, «руководители ее (армии.— *В. П.*) вышли из народа... офицерство в массе своей было демократично... все движение было чуждо социальных элементов борьбы... официальный символ веры армии носил все признаки государственности, демократичпостп и доброжелательства к местным образованиям» [294]. Все как будто при ней, при армии, а «прочие» в нее не идут.

Эта глубина социального анализа так и просится под оценку, данную Лениным к аналогичному тексту из первого тома «Очерков русской смуты»: «Автор «подходит» к классовой борьбе, как слепой щенок» [295]. А между тем и «демократичпость» и «государственность» руководителей Добровольческой армии были вполне определенны, и символ веры прорывался в таких, например, эпизодах. На новогоднем празднике в юнкерской батарее генерал Марков первый тост выпил «за гибнущую родину, за *ее императора*, за Добровольческую армию, которая принесет всем освобождение». За глинтвейном «он высказал свою наболевшую мысль, что в этот черный период русской истории Россия недостойна еще иметь царя, но когда наступит мир, он не может себе представить родину республикой» [296]. А вот — из речи Корнилова в 1-м офицерском батальоне (первая половина января): «Вы скоро будете посланы в бой. В этих боях всем придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед богом и русским народом беру я на себя» [297].

В декларации штаба Добровольческой армии не было, конечно, обещаний о восстановлении в России императорского престола, но такая перспектива и не отрицалась: будущее вуалировалось решением Учредительного собрания, перед которым преклонятся все классы, партии и т. д. Генералы надеялись, что преклоняться им придется перед монархией, а условия для выявления такой «державной воли» народа через Учредительное собрание (если оно потребуется) обеспечит военная диктатура.

---

[294] Начало гражданской войны, с. 30—31.
[295] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. М., 1961, с. 236.
[296] Марковцы в походах и боях за Россию... Кн. 1, с. 74.
[297] Там же, с. 78.

* * *

Вопрос о программном значении декларации штаба Добровольческой армии получил известную разработку в зарубежной исторической литературе. Историк российской контрреволюции Головин оценивает эту декларацию таким образом: «Впервые политическая программа Добровольческой армии, или, применяя более общее выражение, программа белого движения, была выражена в воззвании, опубликованном 9 января 1918 г.[298] В этом воззвании были изложены цели, преследуемые Добровольческой армией» [299]. Вслед за Головиным английский историк Р. Лаккет также считает, что в этом заявлении (или манифесте) Корнилов и Алексеев совместно «сжато формулировали свою общую политику». Пространно цитируя декларацию, Лаккет утверждает: «Манифест обнаруживал твердую приверженность идее Учредительного собрания, продолжения войны против немцев, с которыми заодно классифицировались большевики, и независимости Донской области. Он представлялся основательной и либеральной программой, каковой и был во многих отношениях» [300]. Поскольку же Головин подчеркивал, что это воззвание «было составлено в тот период, когда политическое руководство находилось всецело в руках генерала М. В. Алексеева» [301], а Лаккет считает, что в нем Корнилов и Алексеев совместно формулировали «свою общую политику», небезынтересно знать, как они сами в действительности смотрели на изложенные в воззвании основные идеи. Объяснение этому можно найти в письме Алексеева Шульгину, посланном в июне 1918 г. «...Относительно нашего лозунга — Учредительное собрание,— писал Алексеев,— необходимо иметь в виду, что выставляли мы его лишь в силу необходимости. В первом же объявлении, которое нами будет сделано, о нем уже упоминаться не будет совершенно. Наши симпатии должны быть для вас ясны, но проя-

---

[298] Воззвание датировано 27 декабря 1917 г. Головин переводит эту дату на новый стиль — 9 января 1918 г.

[299] *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Часть 2, кн. 5. Ревель, 1937, с. 67.

[300] *Luckett Richard.* The White Generals. An Account of the White Movement and the Russian Civil War. London, 1971, p. 100.

[301] *Головин Н. Н.* Указ. соч., ч. 2, кн. 5, с. 68.

вить их здесь открыто было бы ошибкой, так как населением это было бы встречено враждебно. Для объявления же нового нужны соответствующие обстоятельства и прежде всего подвластная только нам территория. Это будет, как только мы перейдем к нашим активным планам...» [302] Алексеев, таким образом, сам признает, что истинные цели белого движения («наши симпатии») не могли быть тогда открыто декларированы, и их приходилось камуфлировать. Вот и «твердая приверженность идее Учредительного собрания»!

В белогвардейской и белоэмигрантской печати есть другой документ, носящий программный характер и так и именуемый: «Политическая программа генерала Корнилова». В «Архиве русской революции» был помещен в 1923 г. «Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г.», к которому приложены некоторые документы, в частности, названная выше программа. Фамилия автора отчета, возглавлявшего посланную в Сибирь штабом Добровольческой армии делегацию, в публикации скрыта за буквой N, но по воспоминаниям генерала А. С. Лукомского, бывшего тогда начальником штаба армии, этим лицом был генерал от инфантерии В. Е. Флуг [303]. В отчете он писал, что в январе 1918 г. ему «было предложено отправиться в Сибирь для выполнения определенной задачи» [304], Лукомский же расшифровывает ее: на Флуга «была возложена задача ознакомить сибирских политических деятелей с тем, что делается на юге России, постараться объединить офицеров и настоять на создании там противобольшевистского фронта» [305]. Флуг писал далее, что перед отъездом он получил от Корнилова «для руководства политическую программу общегосударственного характера за его личной подписью» [306]. По свидетельству состоявшего тогда при

---

[302] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том 3. Париж, 1922, с. 86.

[303] *Лукомский А. С.* Воспоминания. Т. 1, Берлин, 1922, с. 282. Это подтверждается анкетой Флуга, заполненной им в 1924 г. по требованию руководства РОВСа (Русский общевоинский союз) и сохранившейся в архиве РОВСа.

[304] «Архив русской революции», т. IX, Берлин, 1923, с. 243.

[305] *Лукомский А. С.* Воспоминания. Т. 1, с. 282.

[306] «Архив русской революции», т. IX, с. 245.

Корнилове журналиста Мечислава Лембича [307], Корнилов вызвал его 22 января в свой кабинет в особняке парамоновского дома в Ростове, где помещался штаб Добровольческой армии, и продиктовал ему основные мысли, которые надлежало оформить литературно. Политическим стержнем написанной программы явилась установка на создание в стране «временной сильной верховной власти из государственно-мыслящих людей» [308]. В ней имелись и такие пункты: «3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий. 4. Восстановление права собственности. 5. Восстановление русской армии на началах подлинной воинской дисциплины... без комитетов, комиссаров и выборных должностей» [309].

Провозгласив восстановление старых порядков, корниловская программа переходила к вопросу о способах их восстановления. «Сорванное большевиками Учредительное собрание должно быть созвано вновь» (п. 8), ему и передаст «всю полноту государственно-законодательной власти» правительство, «созданное по программе генерала Корнилова», оно «должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй» (п. 9); на разрешение Учредительного собрания представляется и аграрный вопрос, а до издания соответствующих законов «всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми» (п. 11). По-прежнему программа требовала полного исполнения всех принятых Россией обязательств по международным договорам и доведения войны до конца «в тесном единении с нашими союзниками» (п. 6).

В корниловской программе, так же как и в декларации штаба Добровольческой армии, непременным прикрытием реставрационных идей служит лозунг Учредительного собрания: оно призвано разрешить все острые социальные вопросы, до него никакие «социалистические

---

[307] *Лембич М. С.* — потомственный дворянин Витебской губернии, в 1917 г. — корреспондент «Русского слова», подвизавшийся при Корнилове сначала в штабе Юго-Западного фронта, а затем в Ставке, где находился и в дни корниловского мятежа (ЦГАОР СССР, ф. 9, оп. 1, д. 27, л. 11—13). В последующем — белоэмигрант, крупный газетный предприниматель.

[308] «Архив русской революции», т. IX, с. 285.

[309] Там же, с. 286.

опыты» недопустимы. Это была спекуляция, рассчитанная на политически несознательную, заражепную конституционными иллюзиями массу. В 1921 г., во время кронштадтского мятежа, в беседе с корреспондентом одной американской газеты В. И. Ленин говорил: «Поверьте мне, в России возможны только два правительства: царское или Советское. В Кронштадте некоторые безумцы и изменники говорили об Учредительном собрании. Но разве может человек со здравым умом допустить даже мысль об Учредительном собрании при том ненормальном состоянии, в котором находится Россия. Учредительное собрание в настоящее время было бы собранием медведей, водимых царскими генералами за кольца, продетые в нос» [310].

В справедливости этих суждений убеждают документы, не предназначавшиеся их авторами для огласки, в частности письмо генерала А. С. Лукомского А. И. Деникину, датированное 14 (27) мая 1918 г. В связи с опубликованием в белогвардейских газетах воззвания Деникина о целях Добровольческой армии [311] Лукомский обращал его внимание на трактовку вопроса «о будущем государственном устройстве России». «Как вы знаете,— писал он,— этот вопрос, даже в рядах армии, служит яблоком раздора. Мне, в качестве начальника штаба, приходилось часто разъяснять вопрошавшим, что генерал Корнилов не может предрешать никаких форм правления, а потому, как цель, Добровольческая армия ставит определенно *спасение России*, а что касается будущей формы правления, то единственно, что *надо* и *можно* указывать, это то, что будет в будущем созвано Учредительное собрание, которое и решит вопрос... В разговорах с Л. Г. Корниловым я несколько раз говорил, что созыв и в будущем Учредительного собрания вряд ли возможен на основах допущения *всех* к выборам (по дурацкой четыреххвостке), что прежде надо пройти через диктатуру. Л. Г. отвечал, что будущее, конечно, покажет, как поступить, но теперь ничего иного сказать нельзя». Лукомский советовал далее Деникину не допускать неясностей при изложении целей Добровольческой армии:

---

[310] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 129.

[311] Текст этого воззвания приведен в примечаниях к книге Г. Покровского «Деникинщина» (Харьков, 1926, с. 215).

определенно сказать, что к выборам «будут допущены лишь цензовые избиратели (т. е. будет отстранена чернь и темная масса)».

Лукомский решительно возражает против той формулировки воззвания Деникина, в которой вслед за посулами о праве «свободно жить и дышать в стране» стоит опрометчивый прогноз: «народоправство должно сменить власть черни». Вся недопустимость такой формулировки состоит, по заключению Лукомского, в том, что «это *уже предрешение* государственного строя», а ведь Корнилов, как уже разъяснялось в письме, не хотел предрешать. Это вовсе не придирка, не брюзгливый педантизм ортодокса-корниловца. Лукомского обеспокоило то, что такой формулировкой «нынешние руководители армии прямо указывают на *республиканский строй*», и это может вызвать «в самой армии и смущение и раскол. В стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука в руку». Обращая внимание Деникина на важность затрагиваемых в письме вопросов, Лукомский напоминает ему идеал белого движения: «Может быть до вас еще не дошел пульс биения страны, но должен вас уверить, что *поправение* произошло громадное, что все *партии*, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой правления — конституционную монархию. Большинство отрицает возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кои допускают — считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы. Это вопросы первостепенной важности, и вам необходимо высказаться более определенно и ясно. От этого будет зависеть успех дальнейшего пополнения армии офицерами и отношение к ней страны»[312] (курсивом во всех случаях выделены места, подчеркнутые Лукомским).

Лукомский как нельзя яснее раскрывает зловещий смысл того пункта программы Корнилова, в котором истинные замыслы монархистов завуалированы конститу-

---

[312] В «Очерках русской смуты» (т. 3, с. 131—132) Деникин цитирует ту небольшую часть этого письма, где говорится о «поправении» в стране, и заканчивает цитату словами Лукомского: «Вам необходимо высказаться более определенно и ясно», не датируя письма и внося в его текст некоторые исправления. В бумагах же Деникина сохранился автограф Лукомского, который здесь и цитируется.

ционной риторикой: «Правительство, созданное по программе генерала Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным собранием, коему оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное собрание, как единственный хозяин земли русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй»[313]. В эту алгебраическую формулу Лукомский помогает подставить истинные величины: «правительство, созданное по программе генерала Корнилова»,— просто-напросто диктатура, через которую «надо пройти» к Учредительному собранию; этот «единственный хозяин земли русской» — представительство исключительно цензовых элементов, без какой бы то ни было «черни» и «темной массы»; государственный строй, который позволено будет ему сконструировать,— конституционная монархия. Оставаясь правоверным корниловцем, Лукомский отстаивает чистоту белой идеи, заботясь о том, чтобы неосторожное формулирование ее Деникиным не оттолкнуло от белого движения социально наиболее активные, монархистские слои, в первую очередь офицеров. Напомнив Деникину, что указание на созыв в будущем Учредительного собрания допускалось Корниловым как предел открытого декларирования политической позиции, Лукомский с чувством собственного превосходства в знании ее и личной близости к Корнилову упрекнул Деникина: «В своем воззвании вы пошли дальше», т. е. Деникин допустил намек на возможность в России республиканского строя («народоправства»). Когда же Лукомский говорит о «поправении», то, конечно, имеет в виду не свое или лиц своего круга поправение,— им уж некуда было праветь,— а поясняет, что поправели все партии, кроме социалистических, и усматривает это поправение в признании ими конституционной монархии в качестве единственно приемлемой формы правления, в чем и видит «пульс биения страны». Но относительно этих партий резоннее было бы вести речь не о «поправении», а о степени обнажения их действительных политических идеалов.

Это особенно наглядно продемонстрировала партия кадетов. Вскоре после Февральской революции она замени-

---

[313] «Архив русской революции», т. IX, с. 286.

ла в своей программе монархию республикой. Но вот признание активиста этой партии С. В. Яблоновского (в протоколе заседания Парижской группы партии народной свободы 28 июня 1924 г.): «Если у нас и имеется постановление съезда о том, что мы республиканцы, то ведь время, когда такое постановление было принято, было необычное: кипела революция и признание республики в этот момент было лишь тактическим действием». На другом заседании той же группы — 20 марта 1924 г.— член ЦК партии Н. В. Тесленко напоминал: после Октябрьской революции «в центральных политических группах» возникло убеждение, что для борьбы с большевиками «нам нужен диктатор». «Еще раньше Ледяного похода (т. е. отступления Добровольческой армии из Ростова на Кубань в феврале 1918 г.— *В. П.*),— говорил он,— в Москве Центральный комитет кадетской партии на своих заседаниях разрабатывал вопрос о диктаторе. Кадеты тоже потеряли веру в свои силы и решили, что России нужен диктатор... Сначала считали таковым Корнилова, потом Алексеева, Деникина и пр.» Подтверждение этому дал один из основателей кадетской партии, а одно время и председатель ее ЦК, князь П. Д. Долгоруков в письме, посланном 19 апреля 1920 г. из Феодосии другому бывшему председателю ЦК И. И. Петрункевичу. Заявив, что «теперь мы стоим за единоличную власть», Долгоруков писал: «Да для ЦК этот термин не нов... Вопрос о диктаторе был поднят в ЦК в Москве в январе 18-го года, а в конце февраля уже обсуждался персонально и я впервые назвал генерала Алексеева». Лидеры кадетов нисколько не смущались признанием своего идейного и политического единства с белыми генералами. Упомянутый князь Долгоруков писал, что «после большевистского переворота партия с самого начала непрерывно руководствовалась теми же национальными лозунгами, во имя которых создалась и боролась Добровольческая армия... а именно — борьба с большевизмом для воссоздания государственности в единой России и верность союзникам» [314].

Остается добавить, что на Южно-русской конференции кадетской партии, проходившей 13—15 января 1918 г. в

[314] *Кн. Долгоруков П. Д.* Национальная политика и партия народной свободы. Ростов-на-Дону, 1919, с. 6.

Ростове, как напомнил на заседании Парижской группы партии 28 июня 1924 г. участник конференции Ю. Ф. Семенов, Милюков «возражал против свободного волеизъявления народа, говоря, что это опасный путь, путь, утверждающий, что в таком случае всякая другая власть, вышедшая не из свободного волеизъявления народа, будет незаконной». Уловив в таком рассуждении отрицание и конституционной монархии, член ЦК В. А. Степанов, по свидетельству Семенова, бросил Милюкову упрек: «Я больше монархист, Павел Николаевич, но такой монархии я не желаю». В январе же 1918 г. ЦК кадетской партии вынес постановление, в котором признал, что распущенное 6 января Учредительное собрание «не было в состоянии осуществить предлежащих ему функций и тем выполнить задачу восстановления в России порядка, и потому возобновление его деятельности должно быть сочтено нецелесообразным и ненужным». Считая, что «становится неотложно необходимым установление в той или иной форме сильной единоличной власти», кадетский ЦК в полном соответствии с корниловской программой постановлял: «По заключении всеобщего мира и установлении нормальных условий жизни власть эта созывает свободно избранное Учредительное собрание для установления нового государственного строя» [315]. В таком «совпадении» мыслей кадетов и белых генералов нет ничего удивительного: Лукомский сообщает, что декларация Добровольческой армии от 27 декабря принадлежит перу П. Н. Милюкова [316], а по свидетельству М. Лембича, без участия председателя кадетского ЦК не обошлась и выработка корниловской политической программы, по крайней мере пункт по земельному вопросу Корнилов изменил «приблизительно в духе кадетских требований» по настоянию Милюкова [317].

---

[315] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 717, л. 1; д. 1355, л. 1. Обе копии постановления не датированы, но В. Д. Набоков на совещании членов ЦК партии народной свободы, состоявшемся 30 мая 1921 г. в Париже, указал, что оно было принято кадетским ЦК в январе 1918 г.

[316] См. Начало гражданской войны, с. 64.

[317] Белый архив, т. 2—3. Париж, 1928, с. 179.

* * *

Любопытный момент: на том самом заседании политического совещания при генерале Алексееве, на котором обсуждалась декларация Добровольческой армии со словами о верности Учредительному собранию, и генералы, и кадеты (Струве, Милюков, Г. Трубецкой, Федоров), и даже эсер Савинков, сидевшие рядом, заживо похоронили Учредительное собрание. Решая вопрос о будущей форме правления в России, «все высказались единодушно, что об Учредительном собрании 1917 года не может быть и речи; что выборы в это собрание были произведены под давлением большевиков, и что состав этого собрания не может быть выразителем мнения России» [318]. А в столице обманутые их же фальшивым лозунгом и втайне преданные ими их единомышленники и пособники развивали энергичную подготовку к вооруженному выступлению в день открытия Учредительного собрания. «Последние дни, перед 5-м январем, проходили как в Военной комиссии, так и в Комитете защиты, в лихорадочной работе,— пишет Б. Соколов...— Между Военной комиссией и Комитетом защиты было установлено единство действия и разработан общий план выступления 5 января» [319]. Этим планом предусматривалось, что активные силы составят 8—10 тыс. человек, в основном рабочих и солдат. Семенов, предложивший Боевому штабу план, который и был принят, излагает его так: «Мы направляем ожидаемую массовую демонстрацию во главе с броневиками 5-го дивизиона и нашими боевыми дружинами, инсценируя народное восстание, к Семеновскому полку. Семеновский полк, соответственно его настроению, при виде этой картины присоединяется; вместе с Семеновским полком двигаемся к Преображенскому полку, втягивая, по возможности, дорогою колеблющиеся воинские части... После присоединения Преображенского полка все движется к Таврическому дворцу. Оттуда начинаются активные действия» [320]. Семенов считал, что выступление должно пройти удачно.

Но, как еще со времен Крымской войны говорилось в подобных случаях, «гладко было на бумаге». И, как

[318] Начало гражданской войны, с. 64.
[319] «Архив русской революции», XIII, с. 49.
[320] *Семенов Г. (Васильев)*. Указ. соч., с. 12.

совсем недавно, 28 ноября, затею кадетов и эсеров снова постигла роковая случайность. О ней рассказал потом организатор боевых рабочих дружин, назначенный ЦК партии эсеров, Паевский: «...Полковой комитет Семеновского полка наотрез отказался отдать приказ полку принять участие в шествии. Таким образом, мы пошли одни. По дороге к нам присоединилось несколько районов. Состав шествия был следующий: немногочисленное количество партийных, дружина (60 человек, вооруженных револьверами и гранатами.— *В. П.*), очень много учащихся, барышень, гимназистов, в особенности студентов, много чиновников всех ведомств, организации кадетов со своими зелеными и белыми флагами, Поалей Цион и т. д. при полном отсутствии рабочих и солдат. Со стороны из толпы рабочих раздавались насмешки над буржуазным составом шествия»[321]. Известно, чем закончилась 5 января 1918 г. история Учредительного собрания. Обратим внимание лишь на то, что его защитников и в Петрограде и на Дону, да и в стране вообще, поражал один общий недуг: «печать классового отбора», во выражению Деникина. Лозунг Учредительного собрания, противопоставленный Советам, никак не мог собрать под знамя контрреволюции сколько-нибудь широких масс. «Солдат дайте мне!» — а солдат не было, рабочих тем более.

Рабочие и солдаты находились по другую сторону фронта классовой борьбы. Так было в стране, так было и на Дону. Приближение советских отрядов окрыляло местных красногвардейцев, и они вступали в серьезные бои с калединцами. Как только отряд Сиверса достиг Никитовки, красногвардейцы рудников начали боевые действия против казаков в районе между Макеевкой, Юзовкой и Мушкетовом. На помощь им выступили красногвардейцы из Юзовки — казаки вынуждены были отступить и запросили перемирия. Сиверс по собственной инициативе выступил из Никитовки на Юзовку. Антонов послал ему подкрепление: два полка старой армии, 4-орудийную батарею из Орла и отряд брянских красногвардейцев. Однако Сиверс увлекся наступлением, не закрепившись в Никитовке и Дебальцеве, не установив связи с Саблиным. 7—17 января он занял Ясиноватую, Макеев-

[321] Обвинительное заключение по делу ЦК и отдельных членов иных организаций партии с.-р. ... М., 1922, с. 14.

ку и Иловайское, но тут дала себя знать дезорганизация в политически неустойчивых полках старой армии, которые пришлось отправить в Харьков и расформировать. В это время в тылу у Сиверса совершил налет на Дебальцево отряд Чернецова (до 600 штыков и сабель при двух орудиях), уничтоживший небольшой красногвардейский отряд. Сиверсу было приказано вернуться в Никитовку. Туда же для более оперативного руководства войсками переехал из Харькова Антонов-Овсеенко.

Саблин, заняв Луганск, встретил до четырех казачьих полков с четырьмя батареями. Антонов послал ему подкрепление и приказал вернуть Дебальцево. Переброшенный туда костромской отряд не застал уже Чернецова — тот увел свои эшелоны к станции Лихая. Навстречу Саблину со стороны станции Зверево выступили несколько казачьих эшелонов. В этой обстановке Антонов приказал Сиверсу и Саблину закрепиться в занимаемых районах и никуда не двигаться, «вести тщательную разведку и понемногу воспитывать в мелких стычках части для боя» [322].

Сосредоточивая силы в занятых районах, Антонов решил начать 23 января наступление на главные центры калединщины — Новочеркасск и Ростов. К этому времени произошло важное событие, намного облегчившее дальнейшую борьбу на Дону. Казачьи полки, которым Каледин приказал вступить в бой с революционными войсками, не пожелали воевать с ними, и 10 января в станице Каменской по инициативе дивизионного комитета 5-й казачьей дивизии, прибывшей с фронта, собрался съезд фронтового казачества «для обсуждения предательски изменнической политики атамана» [323]. На съезд приехали

---

[322] *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., с. 106. На 11 января силы Сиверса составляли 700 солдат-пехотинцев, 600 кавалеристов, 900 петроградских и до 4000 местных красногвардейцев, 18 орудий; ожидалось прибытие 300 красногвардейцев из Екатеринослава, 250 солдат-пехотинцев и бронепосада с 2 орудиями. У Саблина было 2100 пехотинцев, 300 кавалеристов, до 5000 местных красногвардейцев, 16 легких и 6 тяжелых орудий. У Петрова насчитывалось до 2500 человек пехоты и 12 орудий (по докладу В. А. Антонова-Овсеенко в Совнарком от 11 января 1918 года. ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 4, л. 78).

[323] *Кириенко Ю. К.* Каменский съезд фронтового казачества.— «История СССР», 1964, № 5, с. 131.

представители двадцати одного казачьего полка, пяти батарей и двух запасных полков, прибыли и большевики — представители горняков Дона, штаба Московского военного округа, Московского Совета и ВЦИКа. Съезд объявил войсковое правительство низложенным, избрал в противовес ему Донской казачий военно-революционный комитет во главе с унтер-офицером Ф. Г. Подтелковым и прапорщиком М. В. Кривошлыковым [324].

Каледин послал в Каменскую 10-й казачий полк, чтобы арестовать участников съезда, но и этот полк перешел на сторону казачьего ВРК. Однако посланный Калединым отряд Чернецова 15 января на станциях Зверево и Лихая напал на 8-й казачий полк и разоружил его. Чернецов предъявил казачьему ВРК ультиматум: сдать Каменскую и привести свои части в повиновение Войсковому правительству. В ответ ВРК призвал трудовое казачество на борьбу против калединщины и обратился за помощью к Антонову-Овсеенко. Чернецов между тем в результате ожесточенного боя 17 января захватил Каменскую и Глубокую, вынудив казачий ВРК переехать в Миллерово. Затем калединцы выбили революционных казаков из Лихой и Зверева. Но если здесь Каледин имел успех (правда, последний), то в другом краю области получил в тот же самый день чувствительный удар: восставшие рабочие Таганрога изгнали из города юнкеров, роты Добровольческой армии и установили Советскую власть. Через два дня забастовал пролетариат Ростова.

Учитывая обстановку, Антонов-Овсеенко решил немедленно перейти в наступление на двух основных направлениях: силами колонны Саблина поддержать казачий ВРК, наступая в сторону Лихой и Зверева, чтобы в последующем двигаться на Новочеркасск с севера; силами колонны Сиверса наступать через Иловайское на Таганрог. Первые попытки наступления на этих направлениях не принесли успеха: отряды Саблина заняли Лихую, подошли к станции Зверево, но в резуль-

---

[324] Донской областной ВРК (председатель — С. И. Сырцов), образованный в ноябре 1917 г. в Ростове, находился в это время в Воронеже и действовал параллельно с казачьим ВРК до 19 февраля 1918 г., когда оба они на совместном заседании решили образовать единый ВРК Донской области.

тате ожесточенных боев вынуждены были отступить и приводить себя в порядок; отряды Сиверса овладели станцией Матвеев Курган, но затем встретили сильное сопротивление частей Добровольческой армии под командованием полковника Кутепова, которые оттеснили их на целый переход.

Получив подкрепление, Сиверс снова перешел в наступление, вернул Матвеев Курган и, продвинувшись до станции Марцево, установил связь с Таганрогом. Произошел перелом и на северном направлении. 20 января в бою под Глубокой части Донревкома и отряд Г. К. Петрова наголову разбили наиболее стойкую калединскую силу — отряд Чернецова. Главарь отряда был убит. 21 января В. И. Ленин телеграфировал Антонову-Овсеенко: «По поводу побед над Калединым и К° шлю самые горячие приветы и пожелания и поздравления Вам! Ура и ура!» [325].

В это время калединские части, подкрепленные полками Добровольческой армии, сдерживали севернее станции Зверево войска Донревкома и красногвардейские отряды Саблина, наступавшие на юг, в сторону Новочеркасска. Надеясь разгромить здесь Красную гвардию, белогвардейцы опасались притока новых подкреплений революционным войскам с направления Синельниково, Никитовка, Дебальцево, Макеевка. Генерал Алексеев, спешно формировавший в Ростове новые белогвардейские части, 27 января послал с нарочным письмо главе французской военной миссии в Киев, умоляя французского генерала прикрыть это направление хотя бы одной дивизией чехословацкого корпуса, располагавшегося тогда в районе Киева и Полтавы [326]. Стараясь убедить своего адресата, насколько серьезно положение и как необходима помощь, Алексеев доверительно раскрывал в письме свои планы. «Донская область,— писал он,— была избрана мною для формирования добровольческих армий, как территория, достаточно обеспеченная хлебом и входящая в состав, казалось, очень сильного своими средствами и своими богатствами Юго-Восточного союза. Казалось, что эта мощная политическая организация защитит без труда свою самостоятельность от большевиков. Я предполагал, что

[325] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 35.
[326] Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг., с. 236—238.

при помощи казачества мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления в России порядка и для усиления фронта. Я рассматривал Дон как базу для действий против большевиков...»

Алексеев наперед считал, что сами казаки не пойдут «для выполнения широкой государственной задачи водворения порядка в России», но верил в то, что, защищая свою территорию, они обеспечат безопасность формирования белогвардейских частей. Теперь он должен был признать, что ошибся и в этом. «Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории», будучи «глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов, буржуазии и интеллигенции, а не против области...» В результате получилось так, что Добровольческая армия не успела развернуть формирование и наладить боевую подготовку, как на нее, еще слабую числом, легла вся тяжесть защиты Донской области. Ей нельзя уйти и на Кубань, потому что кубанские казаки тоже «нравственно разложились» и Кубань вообще не может служить выгодной базой для будущих действий; уход же туда Добровольческой армии надолго отсрочит «начало решительной борьбы с большевизмом для восстановления порядка на территории государства». А без помощи она тем не менее будет вынуждена покинуть, «к общему для России и союзников несчастью», важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона. Алексеев просил прикрыть самое опасное для Донской области направление — с запада, что позволило бы Добровольческой армии «нанести мощный удар большевизму в других направлениях и окончить местную борьбу в нашу пользу», а затем перейти к решению «широкой задачи». Упрашивая французского генерала как можно быстрее принять решение о переброске на Дон дивизии чехословацкого корпуса, Алексеев предугадывал катастрофические последствия отсрочки: «через несколько дней вопрос может решиться бесповоротно не в пользу Дона и русских интересов вообще» [327].

---

[327] Там же.

Письмо Алексеева не достигло адресата: курьер, который вез его в Киев, был перехвачен советскими войсками, и оно вскоре появилось в «Правде» и других газетах. Но не только по этой причине не мог начальник французской военной миссии получить письмо, а тем более выполнить просьбу Алексеева. На Украине повсеместно и уже продолжительное время развертывалась борьба против Центральной рады. В конце декабря Советская власть победила в Екатеринославе, вооружились, готовясь к решительным действиям, рабочие в Одессе, Николаеве, Конотопе. Рада неистовствовала, учиняла погромы, еще больше возбуждая против себя население. Когда гайдамаки напали на Совет и произвели массовые аресты в Полтаве, а Красная гвардия оказалась не в силах справиться с гайдамаками, полтавские большевики обратились за помощью в Харьков, в Народный Секретариат и в штаб Антонова-Овсеенко. 5 января революционные отряды выступили из Харькова, по пути к ним присоединялись местные отряды Красной гвардии. Все власти Рады бежали при одном только приближении революционных войск. Закрепив за собой Полтаву, советские войска двинулись на Киев. 15 января там началось вооруженное восстание, но оно было жестоко подавлено Радой прежде, чем успели подойти советские войска. Наступавшие на Киев отряды были сведены в три армии: 1-я — под командованием П. В. Егорова, 2-я — Р. И. Берзина, 3-я — С. Д. Кудинского. 26 января, после ряда тяжелых, но успешных боев советские войска полностью освободили столицу Украины. Центральная рада бежала в Житомир.

Посылая 27 января из Ростова курьера с письмом, Алексеев еще не знал, что именно через Синельниково — Никитовку — Дебальцево, по направлению, которое его больше всего беспокоило, уже проскочил Черноморский революционный отряд А. В. Мокроусова. И в тот же день, 27 января, Военно-революционный комитет в Севастополе принял телеграмму: «Зверево взято. С нашей стороны есть убитые и раненые. Продвигаемся и продвигаемся дальше... Мокроусов»[328]. В результате ожесточенного боя за станцию Зверево черноморцы захватили

[328] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917—1920 гг.), с. 87.

богатые трофеи — винтовки, тяжелую артиллерийскую батарею, обмундирование, продовольствие. Калединско-корниловские войска получили чувствительный удар в тыл. Сбылись наихудшие опасения Алексеева.

Отряды Саблина, усиленные красногвардейцами и черноморскими матросами, 28 января вступили в город Сулин (ныне Красный Сулин), где к ним присоединилось 500 рабочих-красногвардейцев. Заняв затем станцию Шахтная и прилегающий к ней город Александровск-Грушевский (ныне Шахты), Саблин получил в подкрепление шахтеров-красногвардейцев и отряд кронштадтских матросов. Не надеясь удержать город и станцию, генерал Абрамов (из Добровольческой армии) отвел своих добровольцев в поселок Каменоломни, расположенный на высоком месте за широкой лощиной, хорошо простреливаемой из Каменоломен.

Близилась катастрофа донской контрреволюции. 29 января, видя безнадежность положения, Каледин покончил жизнь самоубийством. Он оставил письмо, адресованное генералу Алексееву. В письме были такие строки: «Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него. Так случилось со мной, и случится с вами, если вы не сумеете одолеть врага; но мне дороги интересы казачества, и я вас прошу щадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России... Избавьте Тихий Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых казаков» [329]. Войсковым атаманом стал генерал А. М. Назаров. Отданный им 29 января приказ требовал от казаков новых жертв: «Приказываю всем способным носить оружие стать на защиту Дона. Объявляю всеобщую мобилизацию. Станицам и хуторам тот же час по объявлении сформировать пешие и конные дружины, которые направлять в г. Новочеркасск в мое распоряжение» [330].

3(16) февраля после пятичасового боя отряды Саблина заняли станцию Каменоломни. Получив известие об этом успехе, В. И. Ленин в телеграмме Донревкому

---

[329] Пролетарская революция на Дону, сб. 4, с. 230.
[330] Там же, с. 232.

(в Воронеж) приветствовал успехи советских войск [331]. Со взятием Каменоломен путь на Новочеркасск был открыт: до «столицы» донской контрреволюции оставалось двадцать пять верст.

16 февраля Антонов-Овсеенко доносил В. И. Ленину: «Мною назначен тов. Саблин командующим всеми революционными силами Северного участка Донского фронта, тов. Сиверс — то же для Южного участка. Тов. Петров подчинен Саблину. Общее командование оставил я за собою. Сейчас у Ростова идет бой. К войскам Назарова пришли подкрепления из богатых, живущих сдачей в аренду земли станиц Гниловской и др. Бой упорный. Армия Саблина в 25 верстах от Новочеркасска. Все успехи на этом участке одержаны этой армией, нанесшей фланговый удар калединцам, занимавшим Каменскую. Страшная распутица на юге и порча железных дорог мешает быстрому натиску на Ростов. Отступающие калединцы творят вопиющие зверства, истязают пленных. Население восторженно приветствует нас и лишь начиная со станицы Гниловской по направлению к Новочеркасску настроение контрреволюционное. Многие станицы отказались исполнить приказ атамана Назарова о мобилизации» [332]. 19 февраля Антонов сообщал В. И. Ленину о новых успехах революционных войск на обоих направлениях и о том, что части 39-й дивизии перешли в наступление на Ростов с юга, из Торговой и Тихорецкой, и заняли Батайск в 10 верстах к югу от Ростова [333]. Сам Антонов делал вывод: «Этим действием армии Автономова заканчивалось стратегическое окружение противника. Теперь надлежало суживать затянутую петлю и быстрым ударом по главному направлению доконать врага» [334].

21 февраля В. И. Ленин отдает Антонову-Овсеенко по телеграфу распоряжение: «Немедленно взять Ростов и Новочеркасск» [335]. Советские войска приготовились к завершающему удару по врагу. 23 февраля Антонов-Овсеенко получил телеграмму В. И. Ленина: «Сегодня же во

---

[331] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 43.
[332] ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 40757.
[333] См. *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч., с. 251.
[334] Там же.
[335] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 580.

что бы то ни стало взять Ростов»[336]. В тот же день вечером войска Южного участка Донского фронта вступили в предместья Ростова и к вечеру 24 февраля прочно заняли город. Войска Северного участка 25 февраля разгромили белогвардейские войска у станции Персиановка (под Новочеркасском), и в то же время казачий отряд Донревкома (10-й и 27-й полки), посланный Саблиным кружным путем, через донские степи, ворвался в Новочеркасск с восточной стороны, разогнал заседавший там Малый войсковой круг и арестовал его верхушку, в том числе атамана Назарова. Остатки белоказачьих войск во главе с походным атаманом генералом П. Х. Поповым бежали в Сальские степи. Добровольческую армию, покинувшую Ростов, Корнилов, Алексеев и Деникин увели на Кубань, надеясь там найти почву для борьбы против Советской власти.

Но надежды белых генералов были тщетны. Малочисленную Добровольческую армию Корнилов безуспешно бросал на штурм Екатеринодара, находившегося в руках Советов, пока снаряд одного из орудий красной батареи не нашел его на его же командном пункте. Изгнанные из Ростова, враждебно встреченные на Кубани, белые добровольцы, как и бежавшие из Новочеркасска белоказаки, метались по степям, пока не получили опору в хлынувших через Украину на Дон германских оккупационных войсках. Сдавшийся 4 марта в станице Денисовской советским властям Митрофан Богаевский в письме «Партизанам, действующим в Сальском округе», признал, что «борьба, которая сейчас ведется в Сальском округе, далее совершенно немыслима и ее необходимо во что бы то ни стало немедленно кончить», борьба с большевизмом проиграна «по той причине, что симпатии широких народных масс бесповоротно склонились к этому учению, отвечающему их чаяниям».

В. И. Ленин расценивал ликвидацию калединщины как первую победу над контрреволюцией в гражданской войне[337]. 4 июня 1918 г. он высказывал уверенность в том, что контрреволюция в борьбе против народа бессильна без

---

[336] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 46.
[337] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 168.

помощи империалистов извне: «И теперь, после ряда поражений буржуазии и ее сторонников, нам приходится слышать такие признания, как, например, Богаевского, имевшего на Дону лучшую в России почву для контрреволюции, который также признал, что большинство народа против них,— а потому никакие подкопы буржуазии без иностранных штыков им не помогут» [338].

Высоко оценивая подвиг Красной гвардии в борьбе против контрреволюции, в том числе против калединщины, Ленин указывал: «...Красногвардейцы делали благороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров» [339]. Пример успешной борьбы Красной гвардии против куда более организованных сил старого строя становился достоянием миллионов трудящихся, воспитывал их в готовности к вооруженной борьбе за власть Советов и открывал реальную возможность создания на добровольческих основах социалистической Красной Армии. Говоря об этом на III Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин уверенно заявлял: «И когда начатая нами работа будет окончена, Российская Советская республика будет непобедима» [340]. Борьбу против белых армий, пришедших на смену калединщине, и против многочисленных интервентов довела до конца созданная советским народом регулярная Красная Армия, под ударами которой всех врагов Советской республики постигла та же участь, что и Каледина с Богаевским.

---

[338] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 416.
[339] Там же, с. 177.
[340] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 270.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

День 25 октября стал историческим рубежом, перейдя который, классовая борьба приобрела новую и последнюю в истории человечества форму. До Октябрьской революции пролетариат во главе всех угнетенных выступал против державших в своих руках государственную власть эксплуататоров. После Октябрьской победы он впервые в истории вступил в борьбу как господствующий класс, уже сам организованный в государство, тогда как противостоявшие ему классы утратили экономическое и политическое господство. Потеряв власть, они лишились самого мощного орудия классовой борьбы. Их попытки создания политической организации в отдельных, хотя бы и крупных районах страны, в виде «Юго-Восточного союза», «деникий» и «колчакий», так и не увенчались восстановлением разбитой Октябрем их государственной организации и экономического господства. Переход власти в руки эксплуатируемых и утрата ее буржуазией и помещиками — это основное, что определило новую форму классовой борьбы в целом, и характер гражданской войны в частности, с первых же дней существования Советской власти, когда ей приходилось вести вооруженную борьбу с внутренней контрреволюцией, и на всех последующих этапах, когда в поддержку внутренней контрреволюции выступил со своими военными силами международный империализм.

Вооруженная борьба в первые послеоктябрьские месяцы — в период триумфального шествия Советской влас-

ти — явилась своеобразным прологом длительной, ожесточенной гражданской войны, особенно сильно потрясавшей республику Советов с лета 1918 до конца 1920 года. Здесь завязка борьбы, здесь подвергаются первой проверке наличные силы обеих сторон, здесь складываются и выявляются, чтобы получить затем дальнейшее развитие, основные черты, характеризующие гражданскую войну в послеоктябрьских условиях, когда коренным образом переменилось положение эксплуататоров и эксплуатируемых по отношению к государственной власти.

«...Главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции,— а следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России,— писал В. И. Ленин,— является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей» [1]. Созидательные задачи, вспомним слова Ленина, составляют сущность социалистического переворота, но они «были от нас отодвинуты: мы к ним не имели возможности приступить надлежащим образом», пока «на нас лежали задачи военные, задачи борьбы самой глубокой, самой живой с помещичьей и царской, генеральской реакцией» [2]. Ленин говорил это в апреле 1920 г., охватывая взором всю полосу гражданской войны, предшествовавшую второй после Октябрьской революции, весенней передышке того года. Эта большая полоса включает в себя и этап гражданской войны, за которым следовала первая (весной 1918 г.) передышка. Таким образом, первый этап гражданской войны со всеми последующими — до разгрома Врангеля включительно — объединяет общее для них условие: созидательная, преобразовательная деятельность Советского государства оттеснялась на второй план задачами вооруженной борьбы с контрреволюцией.

Отличие начального периода вооруженной борьбы с контрреволюцией в Советской России от последующих этапов гражданской войны усматривается иногда в том, что вооруженное сопротивление буржуазии и помещиков

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 327.

Советской власти приняло в этот период вид вспышек в локализованных очагах, преимущественно на окраинах бывшей империи, и для подавления их было достаточно карательных мер, применявшихся Советским государством. Факты показывают, что существовали всероссийские по своей роли центры контрреволюции, которые сразу же после победы Октября в столице начали вооруженную борьбу, имея целью перерешить вопрос о центральной государственной власти, и только после нанесенных им советскими войсками ударов, имевших стратегическое значение, вооруженное сопротивление эксплуататоров лишалось своих объединяющих центров, распадалось на блокированные советскими войсками «очаги», оттеснялось на окраины и затем окончательно подавлялось.

Реальный ход борьбы помогает выяснить действительное значение, какое Коммунистическая партия, Советское правительство придавали быстрому разгрому военных сил эксплуататоров, с какой непримиримостью относились большевики, Ленин к оппортунистическим попыткам ослабить эту функцию диктатуры пролетариата, игравшую на данном этапе решающую роль. Вряд ли состоятельным окажется и мнение, будто в период триумфального шествия Советской власти гражданская война играла подчиненную, второстепенную роль по сравнению с другими видами классовой борьбы. Не говоря об общих оценках в трудах Ленина роли вооруженной борьбы, которые составляют основу для характеристики рассматриваемого этапа гражданской войны, конкретное изучение деятельности Коммунистической партии в этот период показывает, что и для анализа явлений общеполитической ситуации (Учредительное собрание, «викжелянне» и т. д.) исходным моментом служило признание не только факта гражданской войны, но и его определяющего значения по отношению к другим линиям классовой борьбы. Оценивая важность боевой или военной задачи в условиях нашей революции в период с конца октября 1917 до февраля 1918 г., Ленин подметил закономерность: такая задача должна была естественно встать на первый план «для всякой политической партии, достигающей господства в обстановке острой и наиболее ожесточенной борьбы» [3].

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 127—128.

В условиях, когда решение созидательной задачи социалистической революции было отодвинуто в будущее задачами военными, от успешного решения которых зависела возможность ее положительной работы, подавление сопротивления эксплуататоров проявило себя как важнейшая сторона социалистического содержания революции. Последовательно вести непримиримую классовую борьбу против эксплуататоров могло только государство диктатуры пролетариата, не связанное никакими парламентаристскими, формально-демократическими и иными мелкобуржуазными предрассудками. Диктатура пролетариата выполнила ту задачу, которая определяла роль и значение власти организованных и вооруженных рабочих: «организованное насилие против контрреволюции, охрана завоеваний революции в интересах большинства, опираясь на большинство» [4]. При определении мер, направленных на беспощадное подавление эксплуататоров, Ленин учил видеть границу, отделяющую пролетарскую революционную политику от мелкобуржуазных колебаний, способных под предлогом укрощения «братоубийственной» войны привести к сдаче революционных позиций. Он разоблачал «комедиантство» врагов пролетарской революции, стращавших народ «ужасами» гражданской войны. Искусство различения этой границы не потеряло значения (если не сказать: приобрело еще большее значение) в практике современного коммунистического и рабочего движения.

Гражданская война в первые послеоктябрьские месяцы наглядно выявила ее прямую, непосредственную преемственность от Октябрьского политического переворота. Получив от II Всероссийского съезда Советов содержание своей деятельности, рабоче-крестьянское правительство не могло обеспечить выполнение Октябрьской программы переустройства общества на социалистических началах, не сломив сопротивления эксплуататоров, принявшего форму гражданской войны. Между Октябрьским политическим переворотом и гражданской войной не только генетическая связь — между ними глубокое принципиальное единство. Как Октябрьский переворот, в котором решался исход борьбы за государственную власть, так и последовавшая за ним гражданская война в принципе одно и то же — острейшая форма классовой борьбы. Изменились

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 243.

условия, стало в корне иным взаимное положение противостоящих классов, но и в гражданской войне решался по существу тот же самый вопрос — о власти: сможет ли пролетариат удержать ее, а буржуазия — отвоевать назад. И вместе с тем революция делала второй (после Октября) гигантский шаг вперед: устанавливала Советскую власть на территории всей страны. Вот почему правомерно считать период триумфального шествия Советской власти в целом Октябрьским периодом русской революции [5], а вооруженную борьбу с контрреволюцией, явившуюся важнейшей стороной его содержания, Октябрьским периодом гражданской войны [6].

Отсюда вытекает важное требование к методике изучения гражданской войны вообще и в данный период прежде всего: изучение ее станет плодотворным лишь в том случае, если военные события будут рассматриваться в неразрывной связи с политикой революции; иными словами: если они будут восприниматься как органическая часть революционного процесса. Вряд ли удастся верно определить соотношение сил сторон на театре военных действий, если производить подсчеты в отрыве от социально-политической обстановки, без выяснения политических мотивов, приведших людей в классово противоположные воинские формирования и определивших их боевую стойкость или, наоборот, неустойчивость. Так же невозможно оценить результат боевого столкновения, не взвесив как влияния его на одновременно происходившие политические события, так и воздействия этих последних на исход боев. Принципиально важное значение для изучения вооруженной борьбы в данный период имеют ленинские положения: «Политическое положение свелось теперь к военному», «Задача политики и военная задача» слились воедино: организация управления войсками и материального снабжения революционных войск [7]. Отчетливо проявившись в самом начале вооруженной борьбы с контрреволюцией, эта закономерность стала характерной для всей гражданской войны, в учете ее, по-видимому, и состоит ключ для раскрытия всей истории борьбы тру-

---

[5] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 94.
[6] См. Гражданская война 1918—1921. Том 3. М.—Л., 1930, с. 44.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 37—38.

дящихся масс во главе с пролетариатом в защиту завоеваний Октября.

Выступление эксплуататорских классов с оружием в руках против власти Советов нельзя расценивать только как их ответ на Октябрьскую революцию, лишившую их экономического и политического господства. В той же мере, в какой борьба пролетариата в гражданской войне была продолжением Октябрьской революции, точно так же и борьба его классового противника уходила корнями в контрреволюцию, самоопределение которой относится к гораздо более раннему времени. Экономические и политические интересы буржуазии и помещиков в дооктябрьское время толкали их на бешеное сопротивление развивавшейся революции. Они испытывали разные способы практического действия: провоцировали кризисы власти, развязывали гражданскую войну на фронте и в тылу, организовывали военный поход на Петроград, мобилизовали все «живые силы» контрреволюции при помощи своей печати и всероссийских сборищ, пытались обманом привлечь на свою сторону колеблющуюся мелкобуржуазную массу. Сконцентрировав весь этот опыт в замысле второй корниловщины, буржуазия поставила на очередь беспощадную гражданскую войну против пролетариата и руководимых им революционных масс. Каковы были шансы на успех этого нового похода контрреволюции, какова его почвенность — уже выяснено, но остается фактом, что этот поход лихорадочно готовился и в него вовлекались бо́льшие средства борьбы, чем в августе. Буржуазия не желала уступать своего господства, пока еще имела надежду на решение коренного вопроса своего существования средствами гражданской войны, тем более пока еще могла использовать для приведения этих средств в действие аппарат государственной власти. Вторая корниловщина висела в воздухе. Октябрьская революция разрушила этот замысел, переведя классовую борьбу в новую, менее перспективную для эксплуататоров форму. Но и теперь, при уменьшившихся шансах на успех, «имея хоть каплю надежды на решение коренного вопроса» [6], буржуазия не могла отказаться от попытки свалить Советскую власть наиболее сильно действующим средством. Во всем этом

---

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 203.

находит свое подтверждение ленинский вывод о неизбежности гражданской войны в России в 1917—1918 гг.[9]

Но ограничивать преемственную связь гражданской войны с революцией только октябрьскими или непосредственно предоктябрьскими днями значило бы упрощать глубинную сущность процесса. Победа революции в Октябре была невозможна без генеральной репетиции 1905 г.[10] Это общепризнанное ленинское положение лежит в основе исследования взаимной связи обеих русских революций. Не столь разработанным в исторической литературе остается тезис Ленина, утверждающий преемственность гражданской войны от опыта первой русской революции. Анализируя в декабре 1919 г. двухлетнюю к тому времени гражданскую войну как развитие пролетарской революции[11], Ленин пришел к выводу, что революция 1905 года «сыграла роль генеральной репетиции по отношению к великим событиям 1917—1919 годов»[12]. Наиболее простым и наглядным подтверждением этого тезиса может служить унаследованный от революции 1905 г. характер и само наименование борющихся вооруженных сил в первые же после 25 октября недели и даже дни гражданской войны. Решающая сила пролетарской революции — Красная гвардия — существовала уже в предоктябрьское время, с первого дня Февральской революции, и, как показывает исследование ее истории, свое наименование восприняла от Красной гвардии 1905 г.[13]

В предоктябрьское время создавала свою гвардию и контрреволюция, но термин «белая гвардия», перехваченный у монархистской реакции времен французской революции 18-го века, впервые в 1917 г. появляется в октябрьских боях в Москве[14], однако он также вел свою

---

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 187.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 9—10.

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 16, 20.

[12] Там же, с. 6.

[13] См. *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 — апрель 1918 г.). М.—Л., 1965, с. 103—105.

[14] О первом применении этого термина писал в своих воспоминаниях белоэмигрант полковник Трескин, сформировавший в помещении Александровского училища отряд из буржуазной молодежи. «Этот отряд решено было назвать «белой гвардией»,— писал Трескин и с претензией на приоритет в более широком смысле утверждал: — и он является родоначальником белой

родословную от 1905 года [15]. Знаменательно, что первоначально в 1917 г. (в октябрьские дни в Москве) так называли, в отличие от юнкеров и офицеров, отряды, составленные из гимназистов, студентов и прочей городской буржуазной публики. Ни части Добровольческой армии, ни партизанские отряды на Дону до своего разгрома в феврале 1918 г. еще не воспользовались этим названием и только позже название «белая гвардия», «белое движение» закрепилось за всеми контрреволюционными войсками (и не только за отборными, чем стиралась разница между гвардией и армией в точном значении этих понятий). Позже В. В. Шульгин в мемуарах «1920 год» с сожалением признавал, что деникинские и врангелевские добровольцы запачкали «белое знамя» бессмысленным террором, бесчинствами, грабежами, погромами, и этим в немалой мере объяснял поражение белых армий. Но и в таких деяниях, как и в наименовании контрреволюционных формирований, сказалась наследственность от белой гвардии 1905 года, составленной из отбросов городского населения, которых полиция подпаивала и подстрекала избивать «бунтовщиков» [16]. Если учесть эту преемственность, то не покажутся совсем произвольными упования реакционных генералов в 1917 г. на опыт расправ с «бунтовщиками» в 1905 г., о чем говорилось в этой книге.

В Октябрьский период революции международный империализм еще не пришел на помощь русской буржуазии

борьбы против красных» («Часовой», 1935, декабрь, № 106, с. 13—14). Наименование «белая гвардия» употреблялось обеими сторонами и встречается во многих документах октябрьских боев в Москве (Московский военно-революционный комитет. Октябрь — ноябрь 1917 г. М., 1968, с. 78, 81, 151, 153, 161, 182 и др.; *Игнатов Е.* Московский Совет рабочих депутатов в 1917 г. М., 1925, с. 399 и др.).

[15] Наименования «белая гвардия», «белогвардейцы» были в 1905—1906 гг. распространены в печати. Особенно много писалось о «подвигах» белой гвардии в Одессе (см. Народно-социалистическое обозрение. Сборник VIII. СПб., 1906, с. 68—69; сборник IX. СПб., 1906, с. 73). Под белой гвардией понимались тогда боевые дружины черносотенного «Союза русского народа», в которые для расправ с революционными рабочими полиция вербовала «озверелых полицейских, забитых до полоумия военных, одичалых попов, диких лавочников» и подпоенные отбросы капиталистического общества (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 56).

[16] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 76.

своими вооруженными силами. Но с первого же дня существования Советской власти он выступил против нее, поддерживая российскую контрреволюцию другими средствами насилия и вмешиваясь тем самым во внутренние дела России. Это означало не что иное как интервенцию. Уже в первые недели и месяцы после Октября иностранные империалисты применяли такие методы интервенции против Советского государства, как фактическое признание мятежных центров и организаций (духонинской Ставки, калединского Войскового правительства и т. д.); отказ в юридическом признании Советского правительства с целью вымогательства принципиальных уступок с его стороны в области политической, социальной и экономической, в частности, в целях принуждения его к участию в империалистической войне; игнорирование советского законодательства, как например, декретов II Всероссийского съезда Советов, Совнаркома и ВЦИК, касающихся внутреннего устройства республики и социальных преобразований; содействие контрреволюции в подрыве основ советской государственной организации; применение экономических санкций по прежним обязательствам в порядке ультиматумов об изменении состава правительства.

В условиях продолжавшейся империалистической войны и начавшейся гражданской войны внутри страны все эти методы интервенции неизбежно перерастали в военное вмешательство империалистов Антанты во внутреннюю жизнь Советской России, ибо они побуждали к выступлению против Советской власти в первую очередь мятежные военные верхи и находившиеся в распоряжении последних военные силы. Такое давление по военной линии еще не приобрело форму вмешательства империалистов в гражданскую войну в России непосредственно своими войсками на стороне мятежных сил. Но нельзя расценивать иначе продолжение войны со стороны германского империализма против Советской республики после решения II Всероссийского съезда Советов о смене государственной власти, отмене прежних договоров и прекращении участия России в империалистической войне. Война империалистическая и здесь переросла для России в войну гражданскую, и продолжение военных действий в этих условиях означало со стороны германского империализма участие в контрреволюционной войне против Советской республики.

Основным содержанием интервенции империалистов против Советской республики явилась классовая борьба, с их стороны имевшая целью уничтожение классово-враждебного им государственного строя. То, что именно таким будет их отношение к новой власти, стало ясно прежде, чем она утвердилась, ибо международный империализм вместе с российской буржуазией прилагал усилия к недопущению социалистической революции в России. «Правительства и буржуазия употребят все усилия, чтобы объединиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию» [17],— говорил Ленин 26 октября на II Всероссийском съезде Советов. Правительства стран Антанты своими действиями стократ оправдали этот ленинский прогноз.

«Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться,— формулировал В. И. Ленин одну из важнейших заповедей марксизма,— но не сразу революция научается защищаться» [18]. В первые месяцы после Октября пролетарская революция как раз и училась защищаться. Чтобы выбрать наиболее надежные средства и способы борьбы, нужно было бдительно следить за происками контрреволюции, по внешне подчас малозначительным фактам проникать в ее тайные замыслы и выяснять опасность, какую они могли представлять для Советской республики. Опыт борьбы с сильным противником, каким еще оставались свергнутые эксплуататорские классы и их оруженосцы, показывает, что ленинская партия и рабоче-крестьянское правительство своевременно раскрывали планы контрреволюции и пресекали самые попытки приступить к их практическому выполнению. Исследование этого опыта может быть успешным лишь на базе наиболее точного установления соотношения сил борющихся лагерей, поэтому необходимо, чтобы в исторической литературе получал более полное освещение и противостоящий революции лагерь. Такой подход к исследованию вооруженной борьбы обеспечивает также успех в критическом анализе того толкования истории гражданской войны, которое свойственно белоэмигрантской литературе и которое заимствуют у нее буржуазные историки за рубежом.

---

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 17. См. также с. 86.
[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 122—123.

Одним из важных успехов революции в послеоктябрьское время явилось завоевание на сторону диктатуры пролетариата громадных непролетарских слоев населения — трудящихся и эксплуатируемых, впервые получивших в виде Советской власти орудие массовой борьбы за свои интересы против буржуазии. Это решающим образом отразилось на соотношении сил сторон. Буржуазия и помещики на протяжении всего Октябрьского периода революции не смогли набрать сколько-нибудь значительных контингентов «комбатантов» и хоть приблизительно уравновесить свою боевую силу с силой противной стороны, которая неизменно возрастала. Такое положение определило слабость внутренней контрреволюции, ее неспособность воевать против Советской власти без помощи иностранного империализма. От окончательного, полного разгрома ее на время прикрыл германский империализм, выступивший в роли политически организованного, располагавшего военным аппаратом насилия отряда международной империалистической контрреволюции; впоследствии ту же роль играли и остальные империалистические державы. Но тогда уже в поддержку русской революции выступил международный пролетариат.

Соотношение сил внутри страны и международная обстановка определили на первом этапе гражданской войны важнейшее положение политической и военной стратегии Советского государства, сформулированное Лениным в декабре 1917 г.: «Сначала победить буржуазию в России, потом воевать с буржуазией внешней, заграничной, чужестранной» [19]. Ленин напоминал это положение в январе и феврале 1918 г. в ходе борьбы за Брестский мир [20] и исходил из него, требуя от Крыленко быстрее сосредоточить революционные войска в Харькове, а от Антонова-Овсеенко — добить южную контрреволюцию немедленным взятием Новочеркасска и Ростова.

Сравнительная легкость и быстрота, с какой отряды советских войск громили вооруженные выступления эксплуататоров, объясняется прежде всего тем, что во главе революционных масс выступала ленинская партия большевиков. Одним из мощных факторов воздействия на массы явилась большевистская агитация, благодаря которой,

---

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 189.
[20] См. там же, с. 244, 256, 341.

как говорил В. И. Ленин, «слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества», отпадали от эксплуататоров, пытавшихся вести эти массы против Советской власти [21]. Вследствие этого замыслы и действия антисоветских центров не достигали тех целей, которые ставили перед собой организаторы контрреволюции. На всех их «лужских кулаках» висит проклятье авантюризма, их замыслы рушились, не успев даже дозреть. Действие большевистской агитации сильнейшим образом давало себя знать и непосредственно на поле боя: она воодушевляла бойцов революции и разлагала лагерь противника, парализовала его силы. Недаром же во всех боевых операциях Октябрьского периода гражданской войны на стороне революционных войск оказывался и высокий моральный дух и численный перевес. Отметив действие этого фактора в первые месяцы Советской власти, Ленин не переставал указывать на огромное его значение на протяжении всей гражданской войны, и не только в борьбе с контрреволюцией внутри страны, но и на международной арене.

Картина гражданской войны в первые месяцы после Октября, взятая во всем ее многообразии, обнаруживает несостоятельность проскальзывающих иногда в литературе попыток вывести некий баланс классовой борьбы в данный период путем таких, например, подсчетов: «В Москве и еще некоторых местах велись ожесточенные бои, но в 73 крупных городах страны (из 91) власть перешла к Советам практически без вооруженного сопротивления», «только в 18 потребовалось для этого применение вооруженной силы, да и то кратковременно» [22]. Ни для определения «удельного веса» вооруженной борьбы в триумфальном шествии революции, ни для опровержения утверждений о «примате» или «приоритете» функции подавления эксплуататоров над другими формами борьбы такие подсчеты ничего дать не могут. В число крупных городов, где буржуазия не смогла оказать вооруженного сопротивления Советской власти, попадают при подобном подсчете и такие города, как Иркутск, Минск, Ростов-на-Дону, Орен-

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 95.

[22] История Советского государства и права. Кн. I. М., 1968, с. 10; Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922 гг. Сборник статей. М., 1974, с. 234.

бург, Полтава, Самарканд, Благовещенск, Коканд, Семипалатинск[23], в которых бои не умолкали и после установления Советской власти, и именно разгром контрреволюции в этих боях явился составной частью триумфального шествия революции. Но даже если тот или иной город и не стал ареной боев, это вовсе не значит, что он не был вовлечен в гражданскую войну: в Харькове, Севастополе, Костроме, Брянске, Гомеле, Воронеже, Орле, Владимире, Рязани, Ярославле и многих других городах не проходила линия фронта, но там формировались и снаряжались на борьбу с мятежными силами эксплуататоров революционные отряды; иные из таких центров превращались в базы для военных действий против контрреволюции. Естественно, что и население этих и других городов несло жертвы и испытывало все тяготы, связанные с гражданской войной. Борьбу за упрочение Октябрьской победы против посягательств кадетско-корниловско-калединской контрреволюции вела вся рабоче-крестьянская Россия. Волна гражданской войны, поистине, вздымалась по всей стране.

В районах, непосредственно охваченных антисоветскими мятежами, контрреволюции не удалось создать сколько-нибудь прочного государственного образования, но реакционные правительства Дона, Украины, Кубани, Закавказья, вступив в соглашение между собой для борьбы против власти Советов, контролировали огромную территорию — не меньшую, чем та, какую в июле 1919 г. занимали войска Деникина, и несравненно большие той, что была в 1920 г. под властью Врангеля. Из «баланса» классовой борьбы в период триумфального шествия Советской власти не должна также выпадать война против контрреволюционного генералитета в действующей армии, завершившаяся взятием Ставки революционными войсками. Все эти проявления борьбы контрреволюции против республики Советов, объединенные во всероссийском масштабе одной политической целью — свержения диктатуры пролетариата и восстановления эксплуататорского строя,— выдвигали в деятельности Коммунистической

[23] Эти данные обычно заимствуются из таблицы сроков установления Советской власти на местах, опубликованной в работах И. И. Минца «Победа социалистической революции на местах («История СССР», 1957, № 4, с. 96—97) и «История Великого Октября», т. 3 (М., 1973, с. 704—705).

партии и Советского правительства задачу военного подавления сопротивляющихся военными же способами помещиков и буржуазии на первый план, иначе нельзя было обеспечить решение главной, созидательной, задачи социалистической революции.

Победа Советской власти над буржуазно-помещичьей реакцией не явилась результатом случайного стечения обстоятельств, она была подготовлена длительной работой ленинской партии по укреплению союза рабочего класса и трудящегося крестьянства. В 1917 г. русская армия была по составу преимущественно крестьянской, но в ней была наиболее просвещенная, пережившая все ужасы войны часть крестьянства [24], а его наиболее политически действенная часть находилась в Советах рабочих и солдатских депутатов [25]. Именно эти солдаты в первую очередь претворяли в жизнь ленинскую идею союза рабочего класса и беднейшего крестьянства. На основе анализа данных о выборах в Учредительное собрание В. И. Ленин доказал, что передовым борцом за власть Советов был пролетариат, подавляющее большинство которого шло за большевиками. И если население страны в целом дало авангарду пролетариата 25 проц. голосов, то армия — почти половину. Все это давало основание Ленину рассматривать армию как «передового борца — наряду с рабочими — за свободу, за землю, за мир, за полное освобождение трудящихся от всякого гнета, от всякой эксплуатации» [26]. У революционных масс оказался руководитель, стоящий на высоте исторических задач,— ленинская партия большевиков, чье руководство в решающей степени определило триумфальное шествие Советской власти в самом начале ее существования.

---

[24] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 83, 105.
[25] См. *Ленин В. И.* Полн. соч. соч., т. 35, с. 163.
[26] Там же, с. 150.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамов Ф. Ф. 391
Авинов Н. Н. 309, 310, 323, 324
Авксентьев Н. Д. 158, 194
Автономов А. И. 367, 392
Аладьин А. Ф. 251, 253
Алексеев М. В. 5, 8, 25, 47, 60, 68, 90 —104, 107, 110, 122, 133, 257, 340, 371, 372, 374, 376, 377, 382, 384, 388—391, 393.
Алексеев С. А. 270, 271, 340
Аникеев В. В. 18
Анишев А. И. 12, 104
Антонов-Овсеенко В. А. 7, 16, 19, 21—24, 100, 109, 294, 298, 327, 335, 348—354, 357—361, 364—369, 385—388, 390, 392, 405
Анучин С. А. 227
Апотер И. А. 277—279
Аргунов А. А. 335
Аркадьев В. П. 277
Арон В. А. 305
Артемьев К. П. 77
Ахвердов И. В. 142

Багратуни Я. Г. 75
Балуев П. С. 131, 132, 138, 174, 189—191, 193, 199, 213, 214!
Бамматов Г. 67
Барановский В. Л. 78, 79, 118, 140, 141, 143, 144,147, 150, 155, 160, 184, 208, 209, 217, 218
Бардиж В. К. 67
Бартер Ч. 201
Бахтин В. В. 236, 245, 247, 248
Башмаков 64, 72
Безруких П. 341
Белевский (Белоруссов) А. С. 371
Белицкий С. М. 12, 15
Беллев 356
Березовский Е. П. 67
Берз Л. И. 94
Берзин Р. И. 24, 227, 228, 239, 268, 269, 272, 277, 278, 280—282, 303, 304, 352, 363, 364, 369, 390
Бернацкий М. В. 333
Бертело А. 184
Бинасик М. С. 147
Блюмфельд О. А. 24, 229
Богаевский М. П. 40, 62—64, 66—68, 73, 97, 103, 104, 116, 123, 340, 347, 373, 393, 394
Болдырев В. Г. 177, 187—189, 196, 206, 207
Бонч-Бруевич В. Д. 322, 323
Бонч-Бруевич М. Д. 24, 25, 121, 122, 266, 268, 279, 301
Бордынюк И. А. 256
Бородин Н. 69, 70
Бош Е. Б. 364, 366
Боярский А. Ф. 227, 277, 278, 282
Брагин А. П. 251, 253

Брамсон Л. М. 129, 324
Бройдо М. И. 130
Брусилов А. А. 102
Брюллов-Шаскольский П. 158
Брюн-де-Сент-Ипполит В. А. 221
Бубнов А. С. 13, 331, 332, 341—343
Бугро А. Т. 293
Будберг А. П. 127, 128

Вальтер В. Ф. 190, 191, 193
Васюков В. С. 94
Вацетис И. И. 217, 349
Вегер И. С. 284, 285
Веденяпин П. А. 91
Вендэягольский К. М. 152
Вейпшток Р. 110
Венцов С. И. 12, 15
Верман Ф. Ф. 243
Вертепов Г. А. 67
Верховский А. И. 102, 110, 222
Вильгельм II 157, 173
Випавер М. М. 203
Винер 88
Вишняк М. В. 324
Владимирова В. Ф. 109, 257, 313
Войтинская Э. С. 158
Войтинский В. С. 74—76, 79, 80, 82
Волошинов Л. И. 294
Вонпе П. А. 153
Воронина Е. 343
Врангель П. Н. 60, 396, 407
Вырубов В. В. 108, 111, 152
Вышеградский А. И. 257

Галушко С. 362
Гвоздев К. А. 333
Гиткес В. 110
Глезаров Л. М. 319
Гнилорыбов М. Н. 232, 245—248
Голицын В. В. 258
Головин Н. Н. 376
Городецкий Е. Н. 338
Гофман 298
Гофмейстер Э. 197, 201
Гоц А. Р. 85
Гребенников М. 370
Гришин 252, 253, 255—257
Гудзеев-Горский 293
Гуль Р. Б. 28
Гуревич Б. А. 250, 257
Гусаков А. Д. 124
Гучков А. И. 328

Дан Ф. И. 130
Данилевич В. О. 87
Данилов Н. А. 191
Демьянов А. А. 123—126
Деникин А. И. 11, 28, 60, 93, 94, 98, 107, 110, 113, 115, 121, 122, 134, 249—254, 258, 300, 301, 304, 340, 355, 370—372,374,379—382, 385, 393, 407
Денисов С. В. 28
Джумиев Х. 256
Дикгоф-Деренталь А. А. 111, 133, 134, 242
Дитерихс М. К. 87, 97—103, 107, 122, 160, 166, 167, 195, 223, 238, 258, 259
Дмитриев И. Г. 120, 138, 238, 267
Довбор-Мусницкий И. Р. 5, 190, 191, 230, 249, 254, 257, 282, 287, 361
Долгоруков П. Д. 334, 382
Допской Д. 339
Драудин Т. Я. 216
Дубасов Ф. В. 184
Дунин 298
Дутов А. И. 5, 65, 125, 328, 329, 336, 349
Духонин Н. Н. 64, 65, 73, 77, 78, 108—111, 114—121, 125, 131—139, 141—149, 152—156, 158, 160—188, 190—196, 198, 200, 201, 206—214, 216—220, 222—225, 227, 231, 233, 235, 238, 239, 241—247, 251, 253, 254, 257—266, 269, 270, 273, 276, 277, 304

Егоров П. В. 359, 366, 367, 390
Елпатьевский С. Я. 29, 30
Епифанов А. П. 66
Еремеев К. С. 284, 285
Ермоленко Н. С. 61
Есаулов Л. 69

Жаков М. П. 342
Железняков А. Г. 285, 299
Жук П. 343
Журавлев Г. И. 161

Заржевский 343
Зобков С. И. 235, 238—240, 267, 268, 277, 278

Иванов 338, 339
Иванов И. И. 67
Ивашин В. Г. 267—269, 273—275, 308
Игнатов Е. Н. 402
Иловайский Д. И. 184
Ильин-Женевский А. Ф. 284, 285, 291, 292, 294—296

Казберюк 330
Каит-Беков Р.-Б. 112
Каклюгин К. П. 61
Какурин Н. Е. 12, 357
Каледин А. М. 5, 8, 25, 60—62, 65, 67, 70—73, 92, 93, 95—97, 103, 104, 109, 115—120, 122, 125, 134, 185, 246—249, 265, 282, 289, 293, 294, 304, 307, 309, 312, 325, 326, 328, 329, 331, 332, 336, 338—341, 344—347, 349, 350—352, 355, 358, 361, 363, 364, 368—370, 372, 373, 386—388, 391, 394, 406
Каменев С. С. 13
Каменщиков В. В. 190, 213, 227, 281, 349, 362
Канторович В. А. 312
Капков 256
Капустин М. И. 208, 209, 211, 212
Карасев 343, 344
Караулов Н. А. 67
Каржанский Н. С. 133, 134, 237
Карташев А. В. 333
Кацев П. 67
Кашкин М. Я. 362
Керенский А. Ф. 11, 48, 60, 62, 63, 65, 73—76, 79—89, 106, 109—111, 116, 118, 124, 127, 133, 135, 138, 148, 153, 154, 162, 165, 170, 178, 194, 216, 252, 259, 275
Керт М. 200, 205
Кизеветтер А. А. 311
Кириенко Ю. К. 386
Кишкин Н. М. 333
Клопов Э. В. 348, 368
Клышейко Ф. 281, 282
Ковалевский 109
Коган 289
Кокошкин Ф. Ф. 311, 334
Колпашников А. 25
Колчак А. В. 60, 127
Коновалов А. И. 328, 333
Корнилов Л. Г. 5, 8, 11, 48, 60, 68, 75, 83, 85, 90, 91, 93, 102, 107, 111—115, 119—122, 131, 133, 134, 137, 249—259, 262—266, 280, 288, 298, 300—307, 328—330, 336, 370—382, 393
Короливский С. М. 346
Котляревский С. А. 104
Краснов П. Н. 28, 60, 74—82, 84—89, 106, 115—116, 118, 135, 138, 148, 162, 170, 216, 217, 231, 263, 299
Красовский 188
Кривошлыков М. В. 387
Крыленко Н. В. 21, 23, 24, 88, 156, 157, 162, 163, 166—168, 170, 172—174, 177, 178, 186—189, 191, 192, 195—198, 200—202, 206, 213—215, 224, 227, 229—235, 238, 241—243, 253, 260—266, 269—274, 276—278, 284, 289, 303, 346, 348, 351, 362, 405
Крылов 360
Кудинский С. Д. 230, 271, 272, 277, 278, 352, 390
Кунаков Е. Ф. 118
Кунда Л. 330
Кусовский П. А. 143, 144, 160, 190, 199, 213, 214, 218, 222, 253, 257, 259
Кутепов А. П. 388
Кюгельген Н. П. 303—305, 307

Лавернь 183, 205
Лазарев М. С. 270, 271, 273—275, 307
Лаккет Р. 376
Лебедев Д. А. 107
Лебедев 234
Левицкий Б. А. 74, 75, 78, 209 210
Лелевич Г. 26, 84, 106, 107, 109, 111, 134, 153, 154, 157, 162, 183, 198, 227, 232, 234, 237, 239, 240. 242, 264, 266, 270, 271
Лембич М. С. 378, 383
Ленин В. И. 5, 11, 19, 20, 22, 25—43, 45—57, 73, 74, 81, 85, 87, 88, 105—107, 127, 166, 168—172, 195, 200, 207,

225, 265, 266, 274, 275, 309, 319, 321, 322, 324, 327, 328, 333, 337, 347—349, 353, 361—363, 368, 369, 375, 379, 388, 391—394, 396—402, 404—408
Лисовой Я. М. 93, 95, 96
Логинов Н. А. 277, 278
Луговой Е. Н. 251, 253, 255
Лукирский С. Г. 77, 78, 138, 209
Лукомский А. С. 11, 107, 113, 249, 251, 253, 377, 379—381, 383
Лутовинов И. С. 88, 89, 119, 209—212
Лысяков Е. И. 228, 269, 272, 281, 282, 352
Любимов И. Н. 235, 240, 242, 303, 334, 335, 348
Любимов Л. Я. 254
Людендорф Э. 339

Мазуренко Ю. П. 75
Макаренко И. Л. 67
Максимов А. П. 232, 243, 244
Максимов М. Т. 278
Малявин Б. С. 185, 193, 213, 214
Малянтович П. Н. 61, 73, 126, 333
Манакин В. К. 232, 236, 238, 244, 245, 248, 283, 299, 301
Манжора Г. 362
Маниковский А. А. 157, 163—167, 169, 171, 177, 273
Манилов В. 15
Марков С. Л. 11, 249, 251—253, 375
Мартов Л. 43
Марушевский В. В. 168, 169, 171, 173, 176, 177, 182, 191, 192, 206, 273
Маштаков П. 294, 295
Меллер-Закомельский А. Н. 184
Мельников Н. М. 71, 72, 355
Меранвиль Л. А. 287, 288
Мерен Г. Я. 196
Милюков П. Н. 8, 25, 94, 178, 257, 328, 336, 374, 383, 384
Мин Г. А. 184
Минин 265
Минин С. К. 358
Минц И. И. 14, 407
Михеев А. А. 67
Мокроусов А. В. 293, 390
Муравьев М. А. 353
Муралов Н. И. 299, 301, 353
Мясников А. Ф. 362, 363

Набоков В. Д. 58, 59, 309—311, 323, 324, 383
Назаров А. М. 369, 391—393
Намитоков А. 67
Нехамкин Я. А. 153
Никитин А. М. 61, 124—126, 333
Николаев А. М. 120
Николай II 58
Никольский С. 153
Новгородцев П. И. 93, 335
Новиков И. М. 279
Новосильцев Л. Н. 110, 112
Нольде Б. Э. 58, 324

Одинцов С. И. 262—264, 273
Ольминский М. С. 106
Онипко Ф. М. 338
Остапович Г. В. 254
Островская Н. И. 293

Павлов В. Е. 90
Павлов П. А. 147—150, 154, 158
Павлов С. Д. 230, 261, 271, 272
Павлуновский И. П. 285, 287, 291, 294, 295, 297, 300, 307
Паевский 385
Панина С. В. 123, 333, 334
Парамонов Н. Е. 100
Парфенов 92
Перекрестов С. В. 109, 110, 145, 147, 148, 153, 187, 241, 262
Перлин В. П. 294
Петлюра С. В. 346
Петров Г.К. 359,367,386,388,392
Петровский Г. И. 323
Петрункевич И. И. 382
Пешехонов А. В. 30
Пионтковский С. А. 27, 28
Подвойский Н. И. 348
Подгорецкий Д. П. 362
Подтелков Ф. Г. 387
Позерн Б. П. 187, 214
Покровский Г. 379
Покровский М. Н. 26
Поликарпов В. Д. 294
Половцев Л. В. 28, 96
Полукаров И. Н. 239, 277, 278

Полянский И. А. 110
Попов К. Ф. 318
Попов П. Х. 369, 393
Порш Н. В. 346
Потапов Н. Д. 284, 285
Потоцкий Д. Н. 330—332, 340
Примеров 340
Прокопец Е. 262, 263
Прокопович С. Н. 123—126, 333
Прокофьев Л. К. 61
Пролыгин В. И. 274, 283, 303, 307
Прошьян П. П. 318
Пуришкевич В. М. 25, 91
Путилов А. И. 257

Раскольников Ф. Ф. 284, 285
Раупах Р. Р. 250
Резниченко Я. П. 295, 297
Ремнев А. И. 274
Реннекампф П. К. 184
Риман Н. К. 184
Рогозинский Н. В. 227, 281
Родзянко М. В. 328
Родичев Ф. И. 335
Розмирович Е. Ф. 271
Роженко В. Е. 251, 253
Романов М. А. 58, 59
Романовский И. П. 11, 107, 249, 251, 253
Роменец В. В. 332
Рошаль С. Г. 264
Рубач М. А. 346
Руднев Н. А. 291, 301, 367
Рухимович Л. М. 289
Рябинский К. 62
Рябушинский П. П. 204
Ряснянский С. Н. 355, 356

Саблин Ю. В. 359, 366, 367, 385—387, 391—393
Савинков Б. В. 68, 85, 133, 152, 185, 186, 384
Сагалович М. Д. 196
Сайковский 301, 302
Саладков И. И. 308
Сахаров В. В. 230, 260, 261, 264, 272
Сахаров И. Н. 123
Сацукевич А. Г. 277, 281, 350, 362
Севский В. (Краснушкин В.) 258, 259, 306, 372
Семенов (Васильев) Г. И. 82, 83, 85, 313, 314, 316, 337, 338, 384
Семенов Ю. Ф. 383
Серебряков В. 291
Сиверс Р. Ф. 359, 366, 367, 385, 386, 388, 392
Сидорин В. И. 107
Сидоров А. Л. 221, 222
Скавронский 286
Скалов Г. Б. 152
Скалон В. Е. 223
Скворцов А. М. 67
Склянский Э. М. 332
Скобелев М. И. 330
Скобельцын В. С. 243, 260
Славгородский Ф. Я. 288
Слащев Я. А. 27
Смирнов С. А. 333
Соколов Б. 314—317, 319—321, 336, 384
Соколов П. А. 122, 123, 125
Соловьев Г. В. 281, 301, 363
Соловьев О. Ф. 94, 103
Соловьев Ю. Я. 176
Сологуб Н. В. 199, 213, 214
Сопоцько Л. А. 61
Сорокин П. А. 335
Сполатборг 234
Сталин И. В. 166, 168, 323
Станкевич В. Б. 197—199, 225—227, 234, 235, 242, 262
Старцев В. И. 15, 401
Стеклов Ю. М. 312
Степанов В. А. 383
Степанов 292—294, 351
Степанов 298
Струве П. Б. 94, 371, 384
Супруненко Н. И. 346
Сырцов С. И. 343, 387

Тарасов 64, 72
Тер-Арутюнянц М. К. 24, 25, 227, 229, 277, 281, 282, 303, 349, 362, 363
Терещенко М. И. 178, 333
Тесленко Н. В. 382
Тодорский А. И. 122
Толстов А. И. 293, 294
Толстов 305, 306
Толстой П. М. 150, 152, 155, 158, 160, 208
Трескин 401
Третьяков С. П. 333
Триковский Н. С. 136

Трубецкой Г. Н. 371, 384
Трубецкой Е. Н. 94
Тумаркин Л. М. 147, 152, 158, 216, 338
Тундутов 67
Турчан В. М. 350, 362, 363
Тухачевский М. Н. 13

Украинцев Н. П. 250, 251
Ульянов И. И. 327
Урицкий М. С. 312, 313, 324
Усанов 240

Федоров М. М. 257, 258, 371, 384
Федоряченко 294
Фейерабенд В. А. 227, 238, 240, 267—269, 277, 278, 281, 352, 363
Фейт А. Ю. 85, 147, 153
Флеер М. Г. 125
Флуг В. Е. 377
Френсис Д. Р. 25
Фурманов Д. А. 14, 27, 28

Хаджиев Р. 11, 112, 254, 301, 302, 305, 306
Хараш Я. А. 147, 152, 158
Харламов В. А. 66
Хмелевский К. А. 94
Ховрин Н. А. 284, 285, 287, 289, 366
Хордикайнен 89
Хохлов А. Г. 303
Хохлов Н. Т. 231, 240
Храпов А. В. 256
Хрипунов А. С. 371
Хрисаненков Л. А. 338
Хрусцевич В. 286

Церетели И. Г. 128, 194, 330
Цыпкин Г. А. 16

Чайковский Н. В. 317
Черемисов В. А. 75, 77—80, 136—148, 150, 152—155, 158, 187, 189, 192, 193, 196, 209, 212, 214, 218, 220, 224
Черемшанский 347
Черепенников А. С. 300
Черепов А. Н. 374
Чермоев Т. 67
Чернецов В. М. 368, 370, 386—388
Чернов В. М. 147, 153, 158, 173, 184, 194, 330, 335
Чистяков П. В. 255

Шабловский И. С. 249, 251
Шапкин В. В. 118, 246, 347
Шапрон-дю-Ларрэ А. Г. 93
Шаскольский П. Б. 147—149, 152, 157, 158, 320
Шер В. В. 110, 150
Шибаров Я. 362
Шиллинг Н. Н. 220
Шингарев А. И. 333, 334
Шинкаренко Н. В. 236, 237, 248, 297—299
Шнеур В. К. 196, 262, 273, 274
Шохерман Д. С. 147, 158
Шпилевский И. Ф. 285, 286
Шрейдер Г. И. 335
Шубин В. 196
Шульгин В. В. 58, 69, 376, 402

Щепкин Д. М. 123
Щербак И. 221
Щербачев Д. Г. 174, 175, 184, 191, 192, 206, 346

Эйдеман Р. П. 13
Эргардт 253, 257

Юдин Д. И. 339
Юзефович Я. Д. 209, 210, 217

Яблоновский С. В. 382
Янкевский Л. А. 244, 245, 248, 283, 298, 301

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Контрреволюция вынуждает к военным мерам борьбы

«...Приобрела преимущество гражданская война» 32
Плацдарм контрреволюции на юге 54
Авантюра экс-премьера 73
Затевают «кровопускание» 90
Версаль в Могилеве 106

ГЛАВА ВТОРАЯ

Война против контрреволюционного генералитета

«Лужский кулак» 131
«Именем правительства Российской республики» 155
Два лагеря по одну сторону фронта 186
В тайне от войск 207
Последний заговор духонинской Ставки 226

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Победа военным образом закреплена

Штаб главковерха — в руках ВРК 260
В снегах под Белгородом, в лесах под Унечей 282
Вокруг Учредительного собрания 308
Большевистская стратегия 339
Агония белого Дона 361

Заключение 395

Именной указатель 409

Василий Дмитриевич Поликарпов

Пролог гражданской войны в России
(октябрь 1917 — февраль 1918)

Утверждено к печати
Институтом истории СССР,
Научным советом по комплексной проблеме
«История Великой Октябрьской
социалистической революции» АН СССР

Редактор издательства *В. М. Черемных*
Художник *И. А. Седельников*
Художественный редактор *В. Н. Тикунов*
Технические редакторы *Т. Д. Панасюк, Е. Н. Евтянова*
Корректоры *Л. Д. Вуль, Л. И. Харитонова*

Сдано в набор 6/V 1976 г.
Подписано к печати 19/VII 1976 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 21,8. Уч.-изд. л. 22,9
Тираж 9000 экз. Т-12069, Тип. зак. 656. Цена 1 р. 62 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ГЛАВНАЯ ОТКРЫТАЯ

Гр 23

ПРОЛОГ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ